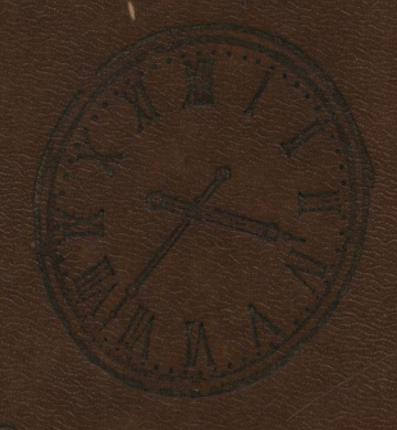
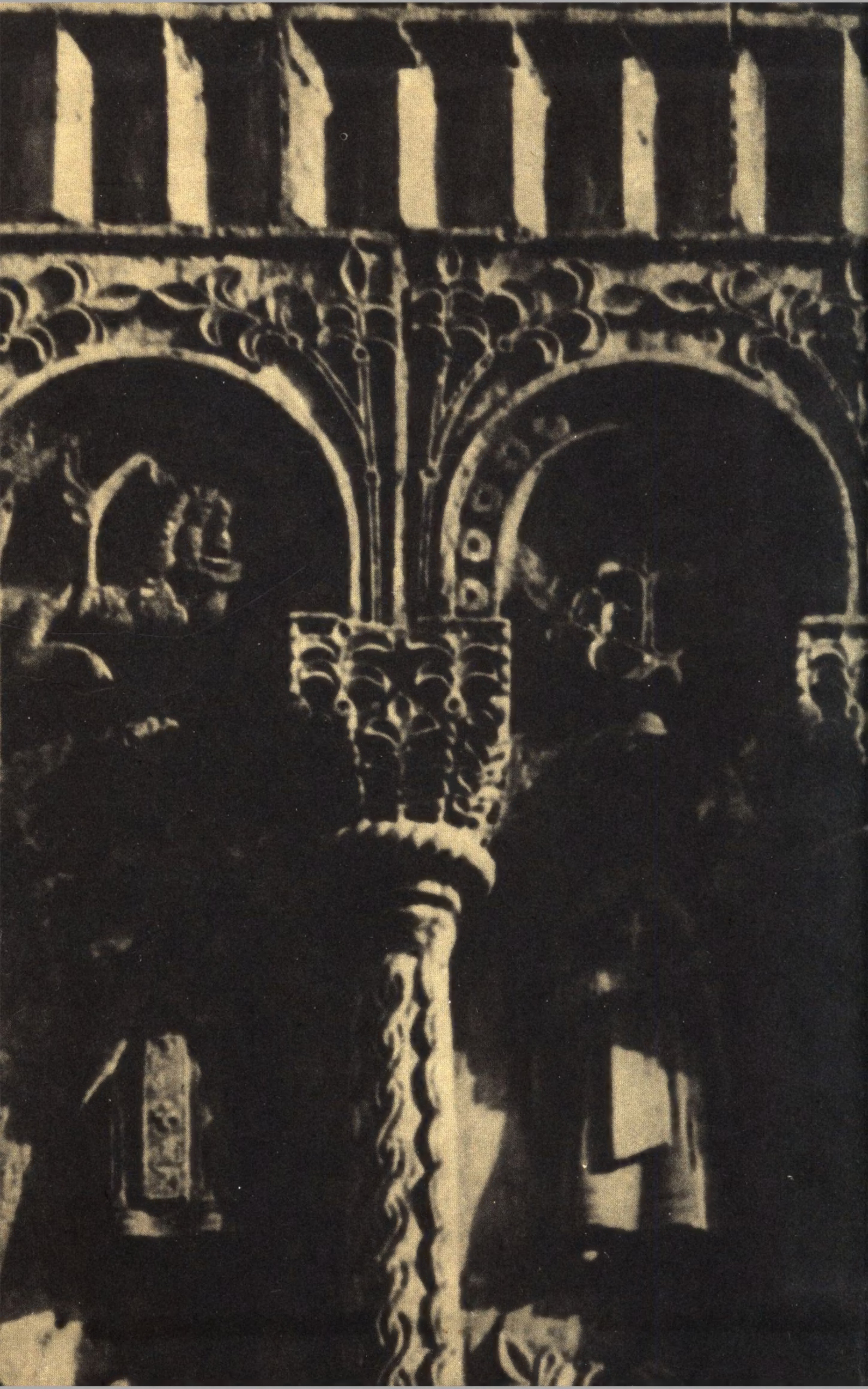
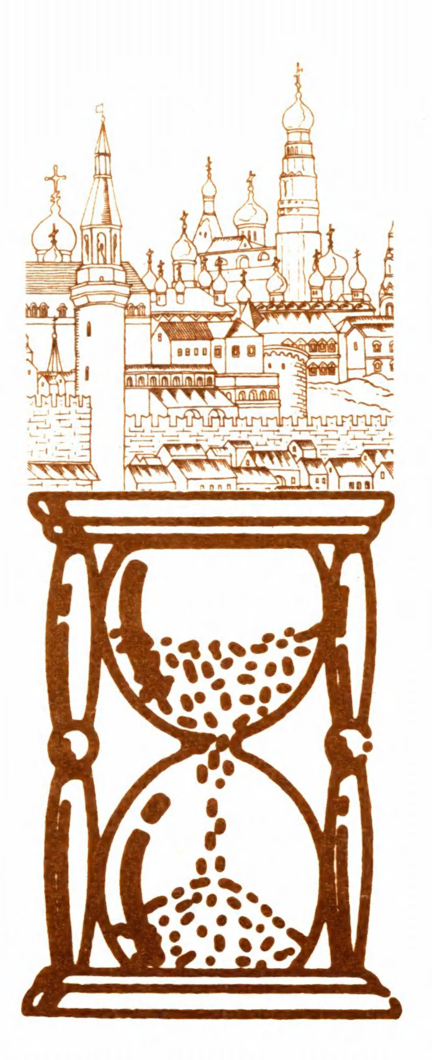
История Отечества: люди, идеи, решения

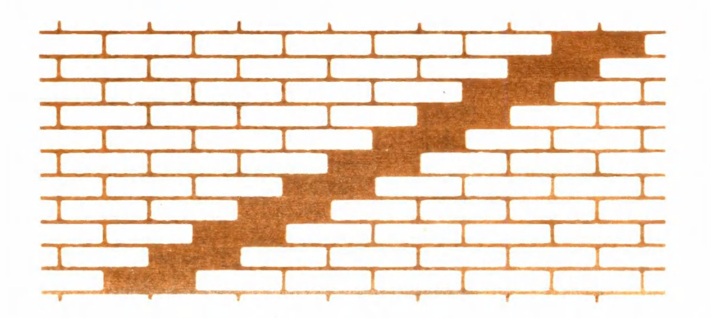


Очерки истории России IX – начала XX в.





ИСТОРИЯ



ОТЕЧЕСТВА:

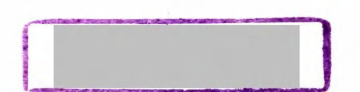
люди, идеи, решения

Очерки истории России IX–начала XX в.

МОСКВА
Издательство политической литературы
1991

ББК 63.3(2)
И90

Составитель
кандидат исторических наук
С. В. Мироненко



История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. / Сост.: С. В. Мироненко.— М.: Политиздат, 1991.— 367 с.
И90
ISBN 5 — 250 — 01800 — 9

Книга представляет собой серию очерков, охватывающих историю нашего государства от возникновения в IX в. до 1917 г. Каждый очерк посвящен одному из тех ключевых периодов отечественной истории, когда возникали возможности альтернативного развития, и содержит авторскую концепцию, с которой необязательно согласны другие историки. Период с 1917 г. до наших дней будет освещен в книге «История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства», выходящей вслед за этой.

Для широкого круга читателей.

И $\frac{0503020000 — 191}{079(02) — 91}$ 96 — 92 ББК 63.3(2)

ISBN 5 — 250 — 01800 — 9

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

История всегда вызывала широкий общественный интерес. Однако тот взрыв всеобщего внимания к отечественному прошлому, свидетелями которого мы являемся,— событие небывалое. Обостренный интерес к тем явлениям и процессам, которые прежде либо замалчивались, либо представали перед читателями сияющими лакировочным глянцем, стремление знать правду о прошлом, как сравнительно недавнем, так и отдаленном от нас десятками и сотнями лет, сделали общественной потребностью серьезный, правдивый, откровенный рассказ о прошлом нашей Родины.

В течение десятилетий историческая наука вместо того, чтобы удовлетворять эту естественную потребность, представляла нашу историю в искаженном виде. Но и сегодня, в обновляющихся общественных условиях, потребность в достоверных исторических знаниях далеко еще не удовлетворена. В попытках восполнить их дефицит в издательствах страны одно за другим предпринимаются издания общих курсов русской истории замечательных историков XIX — начала XX вв.— Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского. Дефицит правды, столь явно ощущаемый во многих современных работах, сформировал очевидное недоверие к ним читателей и вызвал массовый поворот к трудам дореволюционных и зарубежных авторов.

Конечно, издание Карамзина, Соловьева, Ключевского — дело благое. Настораживает другое. Неутоленный интерес к познанию самых разнообразных сторон отечественной истории привел к широкой популярности бульварных сочинений, авторы которых спекулируют на запретности в былые времена многих тем и сюжетов и, угождая обывательским представлениям об истории и ее деятелях, изображают историю России как смесь бессмысленной жестокости и не менее бессмысленных, но столь же желанных для мещанского вкуса «запретных тем».

Поэтому так велика потребность в новых книгах, рассказывающих об истории страны на всем ее протяжении без прикрас и искажения. Предлагаемая книга не претендует на систематическое и сколько-нибудь подробное изложение событий отечественной истории. Многое важное и интересное осталось за ее пределами. Она состоит из научно-популярных очерков, каждый из которых посвящен тому или иному решающему моменту, когда ход общественного развития приводил к кардинальным поворотам в политике (или попыткам таких поворотов), когда завязывались новые противоречия и принимались решения, на годы, десятилетия и даже столетия определявшие движение общества. Одним словом, книга посвящена «критическим точкам» истории, в которых с наибольшей полнотой проявилась диалектика общественного развития. И закономерно, что именно они вызывали и вызывают дискуссии.

На целый ряд принципиальных проблем истории России авторы книги имеют разные, подчас весьма несхожие взгляды. Но их объединяло общее стремление рассмотреть те периоды русской истории, когда возникали возможности альтернативного развития, показать читателю разнообразие реальных путей развития, сделать попытку понять, почему история выбрала именно тот путь, которым пошла, а все иные остались нереализованной потенцией. Назревание противоречий, их разрешение и наметившиеся новые рубежи — вот ткань и стержень книги, авторы которой, не претендуя на окончательность своих суждений, попытались взглянуть на историю страны под новым углом зрения.

Нет сомнения, что понять историю вне противоборства людей и идей, столкновения политических позиций, жесткой, а большей частью жестокой борьбы попросту невозможно. Поэтому в книге особое внимание уделено историческим личностям. Авторы стремились представить читателям отечественную историю во всем многообразии человеческих судеб: самодержцев и революционеров, мыслителей и бюрократов, и вместе с тем — в неизбежных столкновениях различных социальных групп.

Насколько все это удалось, судить читателю.

С. В. Мироненко

С. В. ДУМИН, А. А. ТУРИЛОВ

«ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ?»

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пошлем к варягам:
Пускай придут княжить.

Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет...»
И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,
Глядят — земля богата,
Порядка ж вовсе нет».

А. К. Толстой.
История государства Российского
от Гостомысла до Тимашева

Алексей Константинович Толстой уместил рассказ о призвании варягов (знакомый в те времена каждому мало-мальски образованному россиянину) в несколько строф. Но современному читателю, пожалуй, не помешает напомнить те самые строки «Повести временных лет», из-за которых вот уже третий век ломают копья отечественные историки.

«В год 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А Хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке с дыма...

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси («идоша за море к варягом, к руси»). Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы («сице бо тии звахуся варязи русь...»),— вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка («наряда») в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус,— на Белоозере, а третий, Трувор,— в Изборске. И от тех варягов прозвалась

Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне («преже бо беша словени»). Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью («прия власть») Рюрик, и стал раздавать («раздая») мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население («перьвии насельници») в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал («обладаше») Рюрик...»

Согласно «Повести временных лет», Рюрик княжил в Новгороде. Тем временем власть в Киеве, в земле полян, где, согласно легенде, когда-то правили братья Кий, Щек и Хорив, была захвачена другими варягами — Аскольдом и Диром. Отпросившись у Рюрика в Царьград со своим родом и плывя по Днепру, они увидели на горе «градок»; узнав от местных жителей, что те платят дань хазарам, Аскольд и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов, ходили в походы на Константинополь. После смерти Рюрика (если верить той же летописи, в 6387 (879) г.) на страницах русской истории появляется имя Олега, возможно, родственника Рюрика («от рода ему суща»); согласно той же летописи, Рюрик отдал ему на попечение своего малолетнего сына Игоря. Под 6390 (882) г. летопись описывает поход Олега с варягами, чудью, мерей, кривичами на Смоленск, Любеч и Киев (где были обманом захвачены и убиты Аскольд и Дир). Олег вокняжился в Киеве, покорил древлян, подчинил северян и радимичей, прежде плативших дань хазарам, воевал с уличами и тиверцами, в 6415 (907) г. возглавил успешный поход на Царьград («и повеси щит свой в вратех, показуа победу»). Летопись сохранила и список мирного договора 912 г. «Олга, великого князя русского... и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр» (согласно летописи, в то время не только в Киеве, но и в Чернигове, Переяславле, Полоцке, Ростове, Любече и прочих городах «седяху велиции князи, под Олгом сущи») с императорами Леоном и Александром. Из него мы узнаем и первые имена отечественных дипломатов «от рода рускаго». Их звали Карлы, Инегельд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост и Стемид; насколько нам известно, практически никто из историков не сомневался, что эти лица, как и сам Олег,

были варягами (хотя в походе Олега участвовали, кроме варягов, словене, чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, поляне, северяне, вятичи, хорваты, дулебы, тиверцы).

История вещего Олега и его предсказанной волхвами смерти «от коня своего» воспета Пушкиным. Но в летописном рассказе — довольно отрывочном, словно сшитом из нескольких кусков — есть неясности, темные места. Преемственность княжеской власти от новгородского князя Рюрика к его родственнику Олегу, подчинившему другие города и земли и сделавшему своей столицей Киев, а затем вокняжение в Киеве Игоря (датируемое 912 г.) — сына Рюрика, воспитанного Олегом, по-видимому, не вызывали сомнений у древнерусских летописцев; однако в новейшее время споры о генеалогии династии Рюриковичей — потомков Игоря Старого и княгини Ольги — приобрели необычайную остроту; к этому вопросу мы вернемся ниже.

Итак, летописцы, повествуя о древнейших, почти легендарных для них самих временах, о начале Русского государства, отмечали варяжское происхождение правящей династии и возводили имя своей державы к названию варяжского племени, не видя в том ничего для себя обидного. Известие о Рюрике и его братьях кочевало из летописи в летопись, постепенно обрастая новыми деталями (это происходило со многими летописными сюжетами) и обогащаясь подробностями, ранее никому не известными.

В новгородском летописании в конце XV в. появляется новая версия призвания варягов, согласно которой варяжский князь Рюрик был призван в Новгород по совету тамошнего старейшины Гостомысла (Гостомысл предстает в этой легенде предшественником выборных правителей Новгорода — посадников), как позже, в республиканские времена, новгородцы призывали князей-военачальников. По-видимому, в это время новгородцы пытаются по-своему истолковать исторические события, чтобы использовать их в борьбе против московских князей, угрожавших самобытности купеческой торговой республики. Тогда же, по-видимому, появляется в летописи и фигура Вадима, якобы возглавившего заговор новгородцев против князя и казненного Рюриком (трудно сказать, почему у этого легендарного отечественного тираноборца персидское имя). Со временем генеалогия Рюрика в этой версии обогатится новыми данными: он окажется внуком Гостомысла, сыном его дочери Умилы.

В то время, когда для новгородцев предание о Рюрике станет поводом для того, чтобы показать древность республиканских институтов, в усилившейся Москве и соперничающей с ней Твери правящие там Рюриковичи примут новую, еще более блистательную версию своего происхождения.

На рубеже XV — XVI вв. тверской инок Спиридон, «рекомый Савва», по прозвищу Сатана (согласно летописи, прозванный так «за резвость») закончил знаменитое «Сказание о великих князьях Владимирских». В этом памятнике Рюрик становится потомком кесаря Августа, приглашенным на княжение из Пруссии. Легенда о призвании варягов перестает быть самостоятельным памятником и становится лишь эпизодом (хотя и остается довольно важным звеном в цепи иерархической преемственности). Для Спиридона-Саввы важна не роль варягов в образовании государства, а происхождение династии, доказывающее священное право на монархическую власть потомков легендарного Пруса, «сродника Августа-кесаря» (об этом впоследствии с гордостью поминал на переговорах с польскими послами царь Иван Грозный).

Чрезвычайно любопытная трансформация происходит с легендарной частью русской истории в некоторых летописных памятниках XVII в. Еще древнерусские летописцы включали в свое повествование известия из библейской истории, вписывая события прошлого своей страны в христианскую историческую традицию. Но в XVII в. предпринимается попытка прямо связать начало русской истории с Библией. Непосредственные предки славян оказываются ближайшими потомками легендарного Ноя (его правнука Скифа и старших сыновей последнего — Словена и Руса). Славянские князья воюют с Александром Македонским и получают от него златописаную грамоту с печатью, которая была повешена «в божнице... по правую страну идола Велеса». Рассказ о Гостомысле — новгородском старейшине (перед смертью заповедавшем новгородцам идти в Варяжскую землю, чтобы просить «тамо живущих самодержцов, иже есть роди кесаря Августа, да идут к вам княжити, несть сраму вам таковым покориться») выглядит на этом фоне чуть ли не эпизодом новейшей истории, а имя державы восходит к временам древнейшим, библейским.

Эта легенда, возникшая, по всей вероятности, в Новгороде (об этом свидетельствует хорошее знакомство

с топонимикой города и ряд других деталей), к середине XVII в. стала почти канонической и отразилась во многих летописных сводах этого времени. Тезис о древностях Руси соответствовал интересам молодой династии Романовых, претендовавшей на роль вершителей судеб славянства. Свежа была память о всенародном избрании Михаила Феодоровича, и, хотя новая династия не могла похвастаться прямым происхождением от Рюрика, версия родословцев о выезде предка Романовых «из Прусской земли», несомненно, явилась отголоском той же «августианской» легенды. Никого уже не смущали ни фигура Гостомысла, ни то, что легенда возникла в некогда республиканском Новгороде.

В Москве «библейская» версия начала русской истории была канонизирована, но провинциальные летописцы продолжали обогащать ее новыми деталями. Так родился последний, наиболее колоритный, пожалуй, вариант варяжской легенды, дошедший до нас в изложении первого русского историка Василия Никитича Татищева (к сожалению, использованная им так называемая Иоакимовская летопись, датируемая последней четвертью XVII в., до нас не дошла).

Рассказ Иоакимовской летописи, быть может, знаком нашим читателям по небезызвестному роману-эссе Чивилихина «Память». Согласно ему, Рюрик оказывается выходцем из западнославянских земель, внуком Гостомысла, сыном его любимой средней дочери Умилы. Есть в легенде и вещий сон (Гостомысл видит, что из чрева его дочери Умилы выросло большое плодоносящее дерево, покрывшее большой город; волхвы из Семигалии, т. е. из латышских земель, прибыв к нему, объясняют этот сон: наследником будет сын Умилы). Обогащается деталями и родословная Гостомысла: в легенде появляются его отец князь Буривой и другие предки.

Эта наиболее цветистая версия привлекает не только литераторов, но и некоторых историков. Многие полагают, что наши предки знали о древнем прошлом нашей страны больше, чем мы. Но нельзя забывать, что летописи — памятник очень сложный. Как памятник, летопись живет не более полутора веков (это доказывает вся история нашего летописания). После этого она либо превращается в новый памятник, сильно редактируется, либо «выпадает из обращения». Поэтому если то или иное известие встречается только в поздних памятниках,— это верный признак того, что мы имеем здесь дело не с ис-

торией, а с литературой. Мы отнюдь не намерены обвинять летописцев XVII в. и их предшественников в том, что они сознательно придумывали те или иные детали и подробности. Они могли заимствоваться из местных преданий, проистекать из какой-то обработки, собственного понимания, попытки «расшифровать» более ранние известия. Летописец брал за основу ту версию, которая казалась ему более убедительной, более близкой, привлекательной.

Так, на заключительном этапе русского летописания, на пороге петровской эпохи была сформулирована каноническая версия начала русской истории, в которой мало что осталось от первоначального состава летописи.

Уже упоминавшийся Василий Никитич Татищев, автор «Истории Российской с самых древнейших времен», весьма скептически отнесся к легендарным наслоениям предшествующих веков и вернулся к «Повести временных лет», т. е. первоначальному известию о призвании на княжение в Новгород Рюрика (кстати, его родоначальника), хотя привел и рассказ-легенду о Гостомысле. Рюрика он считал варягом, и сообщения Иоакимовской летописи, приведенные в примечаниях, не принимал всерьез. Но труд Татищева при его жизни так и не увидел света. Тем временем вопрос о том, как и кем было создано Русское государство, при преемниках Петра приобрел — пожалуй, впервые — подлинную политическую остроту.

За год до смерти, в 1724 г., Петр Великий подписал указ о создании в Петербурге Академии наук, выписав в нее из Германии ученых. Два дотошных немца, трудившиеся в 30—60-е годы XVIII в., Иоганн Готфрид Байер и Герард Фридрих Миллер, покопавшись в летописях, выявляют то самое известие о призвании варягов в его первоначальной версии и в своих ученых диссертациях излагают ее в качестве наиболее правдоподобной. Их, впрочем, заинтересовала не столько фигура Рюрика (хотя именно Байер показал, что летописная версия, по-видимому, искажена, т. е. имена братьев Рюрика — в действительности скандинавские слова, обозначающие, что он пришел в землю словен со своей верной дружиной — «тру-вор» и своим домом — «сине-хус»), сколько происхождение слова «русь». В соответствии с летописью и привлекая дополнительные доказательства, академики заявили, что имя Российской империи — скандинавского происхождения.

Несмотря на большой вклад этих ученых, в частности Г. Ф. Миллера, в изучение источников по истории России, обобщающего труда по русской истории не существовало, и тогда, как язвительно заметил их соотечественник и коллега историк Август Людвиг Шлецер, «императрица Елизавета Петровна приказала написать оную химии адъюнкту Ломоносову».

Вот тут-то и ударили первые пушки в великой войне, с перерывами продолжающейся до наших дней.

Для Ломоносова отрицание варяжского происхождения слова «русь» стало краеугольным камнем в аргументации, призванной опровергнуть версию об организующей роли «немцев» в истории России.

Миллер и Байер, опираясь на документы, доказывали «нерусское» происхождение «Руси». В финском «руотси» — шведы (кстати, такое же обозначение скандинавов существует в других финно-угорских языках: эстонское roots, водское rôtsi, ливское rv̌ot's, карельское rŏtši). Византийский император Константин Багрянородный, описывая в середине X в. днепровские пороги, приводит их славянские и «русские» названия, причем последние — явно скандинавского происхождения. Подобных доводов было собрано очень много (в том числе и свидетельства франкских и византийских документов, где «русами», послами народа русского, именуются варяги). Но, придя к выводу о скандинавском корне в названии Русского государства, почтенные профессора, однако, на этом не успокоились и пошли дальше. Они заявили, что и само это государство было создано выходцами с запада. Ломоносов, возмущенный их утверждениями об организующей роли скандинавского (германского) элемента славянской стихии (довольно забавный тезис у представителей тогдашней Германии — страны, карта которой напоминала лоскутное одеяло), естественно, заявил, что немцы Русского государства не создавали, а поскольку государство наше исконно русское, то и название у него местное, а не чужеземное.

Нетрудно заметить, что этот спор (в нем, несомненно, слышны отголоски политической борьбы первой половины XVIII в., отражена память о ненавистной «бироновщине») велся не совсем корректно. В аргументации обеих сторон присутствовала некоторая логическая несообразность, ложный силлогизм, связывались два элемента, которые в действительности не взаимообусловлены (название государства и его происхождение). Доказывая, что

само слово «русь» гораздо древнее призвания варягов, Ломоносов связал его с сарматами-роксоланами («росаланами»), рекой Рось на юге. Он обращается к поздним летописям, более подходящим для обоснования его концепции. Отрицать существование Рюрика в стране, где к нему восходила генеалогия множества знатных родов и сама императорская династия в той или иной степени претендовала на наследственную преемственность своей власти, было бы несколько неосторожно. И тогда Ломоносов попытался отрицать скандинавское происхождение Рюрика, опираясь на уже упоминавшееся «Сказание о князьях Владимирских»: Рюрик был из Пруссии, а Пруссия — это «По-руссия», руссы — славяне, следовательно, и пруссы — славяне также.

Острый спор угас в царствование Екатерины II, когда рассуждения о том, хорошо или плохо приглашать иностранцев на русский престол, были явно не к месту. Но нужно сразу же отметить, что проблема, волновавшая Ломоносова, для других русских историков XVIII — начала XIX в. практически не существовала. Без особых возражений принимали известие о призвании варягов М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, который с некоторым сомнением упоминает Гостомысла и скептически отзывается о Вадиме, отмечая, что эти лица отсутствуют в древнейших летописях. Сюжеты, связанные с этими событиями, начинают проникать в литературу. Естественно, писателей привлекают наиболее колоритные версии, и появление во второй половине XVIII в. драмы Я. Княжнина «Вадим Новгородский», как и позднейшие рылеевские стихи, было одним из проявлений оппозиционности по отношению к абсолютизму. И в XIX, и в начале XX в. традиционная версия не вызывала возражений у крупных историков; ее принимали М. П. Погодин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, М. Н. Покровский. Но и линия Ломоносова не умерла, и некоторые авторы время от времени все же подвергали сомнению то норманнское происхождение Рюрика, то сам факт призвания варягов; впрочем, подобные работы не вызывали особого резонанса в исторической науке. Как ни странно, проблема эта практически не волновала и отечественных историков послеоктябрьского периода вплоть до 30-х годов XX в. Известный знаток Киевской Руси В. В. Мавродин, анализируя документы, связанные с Игорем, прямо говорил о скандинавском происхождении династии.

То, что сейчас представляется нам вечной и чрезвы-

чайно острой проблемой нашей исторической науки, приобрело действительную остроту лишь в 30-е годы нашего столетия, и диктовалось это не научными, а политическими причинами. В какой-то степени это явилось ответом на активизацию германской историографии в связи с созданием третьего рейха. Политические теории, еще в XIX в. провозглашаемые идеологами пангерманизма, были восприняты как практическое руководство к действию пришедшими к власти в Германии нацистами. Пытаясь доказать неполноценность славян, их неспособность к самостоятельному развитию, германские историки выдвигают тезис об организующей роли германского начала в Польше, Чехии, на Руси, используется и рассказ летописи о призвании варягов, которые и объявляются создателями Русского государства.

В этих условиях (а также в атмосфере насаждаемого в стране страха перед иностранным окружением) в советской историографии неожиданно происходит очередная «переоценка ценностей». Вся предшествующая, не очень мощная критическая литература, подвергавшая сомнению варяжскую теорию, вдруг неожиданно становится генеральной линией советской исторической науки. Историки отрицают роль варягов в образовании Русского государства, а заодно и факт их призвания и княжения, существование самого Рюрика и, разумеется, возможность скандинавского происхождения названия Руси. Такая позиция представляется теперь патриотической, а следовательно, единственно допустимой и верной; она попадает в школьные и университетские учебники (а, как сказала английская писательница Джозефина Тэй, «миллионы школьных учебников не могут ошибаться») и проникает в общественное сознание.

Воинствующий антинорманнизм становится одним из священных знамен советской исторической науки, а его представители занимают почетные места в научной иерархии. Дополнительным стимулом к утверждению нового направления стала «борьба с космополитизмом» в начале 50-х годов. После этого господствующая научная школа, окопавшись и возведя мощные укрепления, довольно успешно подавляет слабые попытки подвергнуть сомнению те или иные элементы новой теории.

Историки этого лагеря (надо отдать им должное, много сделавшие для показа реальных внутренних предпосылок создания на Руси собственного государства), подобно своим предшественникам в XVIII в., не избежа-

ли искушения продлить исторические корни Руси в незапамятные времена.

События, предшествовавшие призванию варягов, дошли до нас в двух легендарных версиях, связанных по сюжету, но несколько различающихся по содержанию. Одна из этих версий принадлежит перу неизвестных летописцев, окончательное оформление другой — заслуга академика Б. А. Рыбакова, признанного главы отечественных антинорманнистов и автора многих солидных монографий по истории Древней Руси, славянскому язычеству и другим вопросам.

Версия первая, связанная с Гостомыслом и возникшая в Новгороде, цитировалась выше. История Гостомысла, увы, маловероятна, и вовсе невероятны дипломатические отношения древних руссов с Александром Македонским. Но, как известно, кроме истории о варягах и их призвании в Новгород, начальная русская летопись сохранила и другую, более древнюю легенду, относящуюся к основанию Киева.

«И были три брата: один по имени Кий, другой Щек и третий Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне взвод Боричев, а Щек сидел на горе, что ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего брата и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доныне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай и облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И по смерти братьев этих потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане».

Увы, братья Кий, Щек и Хорив и сестра их Лыбедь — личности, во времени практически не локализуемые. Их имена — очевидно, попытка жителей «матери городов русских» объяснить местную топонимику, в том числе само название города (точно так же в Кракове — старой столице Польши — была записана древняя легенда о князе Краке, а Рим — «Рома» — назван в честь легендарного основателя Ромула). Во всяком случае, ничем не аргументирована попытка Б. А. Рыбакова отнести время Кия к VI в., эпохе Юстиниана, лишь на том основании, что в то время славяне нападали на Византию, а Кий, согласно легенде, «ходил... к Царьграду». И откровенной натяжкой кажется нам попытка отождествить легендарного Кия с византийским полководцем Хильвудием, антом по происхождению, которого упоминает современник Юстиниана историограф Прокопий Кесарийский. Существование Кия, впрочем, вполне правдоподобно. Киев — град Кия, как Ярославль — град Ярослава. Но уже во времена первых русских летописцев никто не помнил даже имени императора, который якобы воздал Кию «великие почести», а некоторые всерьез считали легендарного основателя города простым перевозчиком через Днепр. И уж во всяком случае древние летописи не дают никаких оснований для того, чтобы, подобно Б. А. Рыбакову, считать Аскольда, Дира и Игоря Старого представителями «династии Киевичей», т. е. полянами. С таким же успехом этих лиц можно было бы считать мадьярами, хазарами, византийцами, болгарами, эфиопами, но в летописи они названы варягами. Никакими другими данными об их происхождении мы не располагаем.

Сведения о князьях Руси как исторических лицах появляются достаточно «кучно» в отечественных, западноевропейских и восточных источниках, и относятся они к середине IX в. Но эти князья связаны в первую очередь с иным регионом — русским Севером, о чем подробнее будет сказано ниже.

Торжество воинствующего антинорманнизма в нашей историографии, по всей вероятности, дело прошлое. Любая попытка критически осмыслить сообщения исторических источников в принципе вполне правомерна. Но беда в том, что антинорманнская теория в силу особенностей нашего общественного сознания и при активной поддержке государственной власти стала в 30-е годы господствующей и, следовательно, единственно правиль-

ной и обязательной. Те, кто пытался подвергнуть критике хоть какой-то элемент этой стройной схемы, автоматически попадал в разряд пособников мирового империализма (со всеми вытекающими отсюда последствиями). Апофеозом этого направления нашей исторической науки стало празднование 1500-летия Киева (когда берег Днепра украсила скульптурная группа, изображающая Кия, Щека и Хорива и сестру их Лыбедь), сопровождавшееся раздачей правительственных наград отцам города.

В оценке реальной роли пришлых варягов в истории Руси IX — X вв. особую роль сыграли археологи (представители одной из немногих сравнительно «точных» отраслей исторической науки). Особое внимание исследователей привлекали и привлекают раскопки Гнездова (являвшегося, по всей вероятности, предшественником Смоленска), Тимиревских и Михайловских курганов под Ярославлем. Археологи обнаружили и характерные типы скандинавских погребений (в том числе известные читателям, быть может, по картине Семирадского «Похороны русса» — погребение в ладье) с характерными предметами, в том числе так называемыми «молоточками Тора» (амулетами, связанными с культом скандинавского бога-громовержца), мечи, застежки-фибулы. Особенно интересно, что многие предметы были изготовлены явно местными мастерами, т. е. по крайней мере для X в. можно с уверенностью констатировать присутствие варягов среди местных жителей. Эти находки скандинавского инвентаря дали историкам достоверный материал, который было довольно трудно игнорировать, хотя под давлением все той же великой теории раскопки иногда свертывались, предпринимались попытки искусственно снизить — путем сложных манипуляций — «чрезмерно высокий» процент варяжских погребений и тем самым процент варягов среди местной дружинной знати. К 80-м годам XX в. споры несколько смягчились. Не отказываясь от своего коронного тезиса о славянском происхождении Игоря Старого, даже академик Рыбаков стал склоняться к мнению об историчности фигуры Рюрика, вслед за русским историком-эмигрантом Н. Т. Беляевым отождествляя его (быть может, несколько поспешно) с Рориком Фрисландским — датским конунгом, участвовавшим в некоторых набегах, а затем словно исчезнувшим с исторической арены. Еще в 70-е годы археолог М. Х. Алешковский, один из участников новгородских раскопок, высказал мысль о том, что призва-

ние варяжского князя именно в Приильменье явилось следствием довольно сложной этнической ситуации в этом регионе, где проживало несколько племен разного происхождения — славяне, угро-финны, балты, и ни одно из них не желало бы установления верховной власти представителя соседнего племени, следовательно, логично было пригласить чужеземца.

Пока мы знаем далеко не все. Но постепенно, отбрасывая эмоции, не имеющие ничего общего с наукой, мы приближаемся к истине, пытаясь представить себе реальные процессы, предшествовавшие образованию Русского государства.

Итак, спрашивая сегодня вслед за летописцем — «откуда есть пошла Русская земля»,— мы должны отдавать себе отчет, что само по себе происхождение названия страны отнюдь не является решающим для оценки генезиса ее государственности. В истории есть немало примеров, когда народ заимствует свое имя совсем не от того предка, от которого наследует язык и материальную культуру, причем комбинации тут могут быть самыми различными. Славяноязычные болгары носят имя тюркского племени, в VII в. создавшего на Балканах первое Болгарское царство и бесследно растворившегося среди славянских племен, составлявших большинство его населения. При этом в их материальной культуре отчетливо заметно присутствие третьего этноса — древних фракийцев, эллинизированных во времена Римской империи. Имя уничтоженного крестоносцами балтского племени пруссов получило немецкое королевство, а Ливийская Арабская Джамахирия сохранила в своем названии имя древней римской провинции, хотя живут там теперь совсем не те ливийцы, с которыми воевали еще египетские фараоны. И говоря об образовании на Руси государства, роли в этом процессе варягов, происхождении названия «Русь», мы должны отдавать себе отчет, что русский народ отнюдь не относится к числу народов, формировавшихся на мононациональной основе. На обширных пространствах Восточной Европы, где издавна проходили пути великих переселений и торговых караванов, где сменяли друг друга крупные племенные образования (одни, как сарматы и скифы, подробно описанные античными историками, другие — подобно балтам или финноуграм, едва упомянутые мельком на полях их трудов), появление славян, усиление славянских племен, образование у восточных славян государства не могли не проте-

кать в тесном взаимодействии с другими народами этого региона, и сами эти народы были достаточно активно вовлечены в данный процесс.

В. О. Ключевский любил повторять, что история России — это история страны, которая колонизуется. Он имел в виду, конечно же, прежде всего колонизацию огромных неосвоенных пространств. Историческое ядро Великороссии (Северо-Восточная Русь) стало славянским едва ли не на глазах первых летописцев: пришедшие с запада и с юга славяне ассимилировали местные (преимущественно угро-финские) племена. Да и один из главных центров русской государственности, новгородское Приильменье, сам являлся «котлом», где сплавлялись воедино славяне, балты, угро-финны и скандинавы.

До сих пор наука не в состоянии сколько-нибудь подробно осветить древнюю историю восточных славян в «догосударственный» период. Известно, что в конце Х в., после падения державы гуннов, началось движение славян в балканские провинции Византии. Племена славян, согласно византийским источникам, разделялись тогда на две группы: антов, живших по черноморскому побережью, от Нижнего Дуная до Нижнего Днепра, и склавинов, которые занимали территорию к северу от Дуная до Верхней Вислы и к востоку до Днепра. Колонизация Балканского полуострова была результатом не переселения, а расселения славян; они удержали за собой и ранее занятые земли в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Поскольку восточнославянские племена, жившие на нынешней территории нашей страны, в древности редко вступали в непосредственные контакты с византийцами, сведений о них сохранилось очень мало. Описывая войны византийцев с готами, Прокопий Кесарийский упоминает, что славяне «не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве...». Впрочем, уже на этом этапе у славян появляются военные вожди. Случайно дошли до нас имена некоторых из них: Добрит, Хвалибудий, «Мезамир, сын Иларичев, брат Калагаста». Часто встречается в литературе князь Боз, воевавший с готами и казненный ими вместе с сыновьями и вельможами. Историки-энтузиасты почему-то отождествляют его с Бусом, косвенно упомянутым в «Слове о полку Игореве», где готские девы «поют время Бусово», хотя с чего бы готским девам XIII в. поминать жившего в конце IV в. антского вождя? Кстати, не исключено, что князь, называемый в хронике готского историка Иордана

«Боз»,— просто «вождь», т. е. это не личное имя, а «звание» предводителя антов.

Процесс развития новых, «варварских» государств в Южной и Западной Европе шел ускоренным путем, потому что он опирался на государственные традиции (а отчасти — и общественные структуры) поздней античности. Народам Центральной и Северо-Восточной Европы свой путь к государственности предстояло пройти вполне самостоятельно. И предпосылки создания на юге Руси государства возникают не ранее чем стихают волны великого переселения народов. Государства и города не возникают прямо на проезжей дороге.

Действительно, у антов и у других славянских племен, по всей вероятности, возникали какие-то племенные структуры, племена объединялись, их возглавляли военные вожди и старейшины, воевавшие с готскими королями и византийскими стратигами. Но ни города, ни государства не смогли бы уцелеть под копытами коней многотысячных орд, шедших через южнорусскую степь. Относительно спокойная ситуация, способствовавшая созданию реальных предпосылок для образования здесь государства, возникает не ранее чем появляется заслон от кочевников к востоку от Днепра. Таким заслоном для Южной Руси стал Хазарский каганат — тюркское раннефеодальное государственное образование, возникшее в середине VII в. на территории Нижнего Поволжья и в восточной части Северного Кавказа.

Со времен первых летописцев принято оценивать роль хазар в истории Руси негативно: они брали с южных русских племен дань, и лишь походы храброго Святослава окончательно сокрушили воинственного восточного соседа Руси.

Однако здесь, пожалуй, уместно будет вспомнить Салтыкова-Щедрина, обожавшего язвить по поводу различных эпизодов отечественной истории. В «Современной идиллии» мифический новгородец IX в. Добромысл Гадюк («благонамеренный человек, а по другим источникам вор») объясняет причину напряженных отношений своих соотечественников с варягами тем, что последние «грабят не чередом, убивают не ко времени, насилуют не по закону», и, когда его собеседники удивленно спрашивают, почему быть ограбленным по закону лучше, убежденно отвечает: «Как же возможно! по закону или без закона! по закону, всем ведомо,— лучше!»

Хазары, если так можно выразиться, «разбойничали

по закону», т. е. обложили славянские племена небольшой данью. В то же время существование на востоке их стабильного политического объединения гарантировало славянские земли от катаклизмов недавнего прошлого, когда невесть откуда свалившаяся дикая орда могла в течение одного дня спалить, разорить, уничтожить все созданное и накопленное в течение десятилетий.

Как это нередко случалось в истории, новое государственное образование восточных славян вызревало в тени более сильного соседа, и, как только последний начал проявлять признаки ослабления под влиянием ударов с востока и юга, внутренних усобиц, связанных с принятием иудаизма частью хазарской верхушки в конце VIII — начале IX в., усилившегося натиска кочевых племен, вожди восточных славян стали освобождаться и от этой слабой зависимости от каганата. Своего рода декларацией независимости и равноправия правителей Руси с владыками Хазарской державы стало и употребление киевскими великими князьями вплоть до XI в. тюркского титула кагана (царя).

Именно в тот период, по-видимому, возникают на юге Руси первые города, сохранившиеся до летописных времен, в том числе и Киев. Внутренние процессы, активное участие в торговле (Киев становится одним из важных перевалочных пунктов на пути из варяг в греки) создают предпосылки для возвышения будущей «матери городов» Руси. Сообщение же летописи, называющей Киев времен Аскольда и Дира «градком», т. е. городком, по всей вероятности (насколько можно судить по археологическим источникам), достаточно верно отражает реальное положение этого города в первой половине IX в.

В ранней русской истории отчетливо вырисовывается противостояние двух центров формирующейся русской государственности — Новгорода и Киева. Но, хотя рассказ о призвании варягов является одним из краеугольных камней начальной русской истории, летописание начинает ее древнейшую (легендарную) часть в Киеве, и число новгородских преданий, независимо от степени их достоверности, не идет ни в какое сравнение с числом преданий южных. Древнейшая история Новгородской земли (при том, что сам Новгород, по-видимому, появляется только в X в. и попытки археологов обнаружить там более ранние слои не принесли, во всяком случае пока, никакого успеха) еще более туманна, чем история земли Киевской.

Есть некоторая парадоксальность в ситуации, когда один из древнейших городов России носит название «Новый». Встает естественный вопрос: где же находился предшествовавший ему «Старгород»? Всерьез претендовать на роль предшественника Новгорода могут только Ладога (теперь Старая Ладога) и Рюриково Городище у истоков Волхова на берегу озера Ильмень. К сожалению, в конце XVIII в. при строительстве канала граф Сиверс провел его трассу прямо посреди городища, и урон, нанесенный им исторической науке, сравним с Батыевым нашествием (свинцовые княжеские печати, выброшенные водой, до сих пор находят на берегах канала). Старая Русса, которая (из-за ее названия) считалась возможным претендентом на роль древнейшего центра Новгородской земли, по имеющимся археологическим данным, еще моложе Новгорода. Более вероятно, что именно Рюриково Городище было поселением предков новгородцев и первым политическим центром северной Руси. Во времена Новгородской республики оно служило княжеской резиденцией. Надо сказать, что в древнейший период русские города перемещались не так уж редко. Смоленску, по-видимому, предшествовало уже упоминавшееся поселение в Гнездове, Переяславлю-Залесскому — Клещин на берегу Плещеева озера.

По прошествии более чем тысячелетия история совершившаяся кажется иногда единственно возможной, но тогда, в середине IX в., не исключен был и совершенно иной вариант развития событий. Два центра формирующейся восточнославянской государственности — северный и южный — были вполне самостоятельны друг от друга. Довольно обособленно развивалось и Полоцкое княжество, территория, населенная кривичами (земли современной северо-восточной Белоруссии), даже позже лишь слабо связанная с великим киевским княжением. На огромной территории, объединенной впоследствии в «империю Рюриковичей», с избытком хватило бы места не только для двух, но и для трех, четырех и более славянских государств.

Системой торговых путей, рек и волоков Приильменье в равной мере было связано с двумя направлениями: южным — «из варяг в греки» и восточным — через притоки Верхней Волги и по самой этой реке, Каспийскому морю со Средней Азией, арабским миром. По этому — волжскому — пути долгое время в Европу шло восточное серебро, и эта торговая артерия не уступала по

своему значению пути из «варяг в греки». Можно было бы предположить,— поскольку восточный путь совпадал с направлением колонизационных потоков с Приильменья,— что новое государство будет развиваться именно на восток. Однако пределы колонизационных потоков (как и крайние пределы норманнских захоронений) ограничиваются Средней Волгой, точнее — местностью между Ярославлем и Костромой (колонизация костромского Поволжья относится уже к XII в.).

Что же остановило и движение викингов, и вероятное развитие государства по этому пути? В середине века понятие государственных границ, характерное для нового времени, было не очень распространено. Существовали достаточно широкие ничейные зоны, иногда безлюдные, лесные, иногда с населением, платившим дань той или иной стороне либо обеим сторонам (как впоследствии саамы — Норвегии и Новгороду). Судя по источникам XII в., крайний восточный рубеж славянского населения, ярославское Поволжье, довольно систематически подвергался нападениям волжских болгар. До начала X в. они подчинялись Хазарскому каганату, затем начали добиваться самостоятельности, приняв мусульманство и обеспечив себе поддержку Арабского халифата. Окончательной «эмансипации» Волжской Болгарии способствовал разгром хазар Святославом в 965 г. Вероятно, в этом компактном государственно-территориальном объединении, лежавшем на скрещении волжских путей с дорогами, которые вели на Урал — в страну мехов и серебра, и следует видеть препятствие, положившее непреодолимый предел активному продвижению варягов и развитию нового государства в восточном направлении. Если восточный путь был заблокирован болгарами и хазарами, то совсем иная ситуация существовала на юге. Здесь, на всем протяжении пути «из варяг в греки», обитали племена, родственные ядру приильменской державы, и в системе сложных взаимоотношений местного населения с их сюзереном — Хазарским каганатом — пришельцы с севера выступали как естественные союзники. Отсюда и основное направление процесса объединения восточнославянских земель — с севера на юг, и сравнительная легкость объединения «верхней» и «нижней» Руси. С момента их слияния, впрочем, происходит существенная переориентация, смещение политического центра новой державы на юг. Новая династия и ее дружина не присоединили Киев к Новгороду, а превратили Киев, будущую «матерь городов русских», в свою столицу.

Необходимо сказать несколько слов о происхождении династии, наследовавшей Олегу в Киеве и во всей Русской земле. Как мы помним, князя Игоря, мужа Ольги и отца Святослава, летопись прямо называет сыном Рюрика. В легенде — если бы мы признали рассказ о Рюрике легендарным — логично было бы построить прямую цепочку: Рюрик, его преемник, а значит, сын Олег, преемник последнего,— сын, Игорь (в последнее время в художественной литературе была предпринята попытка объявить Игоря зятем Олега, а Ольгу — дочерью «вещего» князя; думается, что уж о таком-то родстве летописи наверняка сохранили бы известие). Летописец поступил иначе, так как был точно уверен, что Игорь не был сыном Олега. Есть ли у нас основания считать Игоря «Рюриковичем»? Насколько достоверна генеалогическая легенда, зафиксированная летописью в XI в., хотя и явно восходящая к более ранним известиям? По всей вероятности, у нас нет оснований отбрасывать ее, тем более что скандинавское происхождение киевской династии теперь вряд ли может вызывать сомнение.

Но, может быть, допустимо несколько вариантов прочтения летописного свидетельства? Ряд историков, в частности В. В. Мавродин, заметили, что в договоре с греками Игорь окружен целой группой родственников. Возникает впечатление, что эта династия правит на Руси уже не одно поколение. Так, может быть, в летописной версии потеряно одно звено, и Игорь, отец Святослава, и Игорь Старый некоторых летописей — разные лица? Может быть, было два Игоря, старший — сын Рюрика, и его сын или внук — отец Святослава? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Вариантов может быть множество, хотя бы такой: Игорь, наследуя в Киеве бездетному Олегу, мог действительно быть его родственником и сыном некоего Рюрика. Другие варианты: последний мог быть тезкой князя, призванного в Новгород, или имя отца киевского князя было позже присвоено в легенде основателю Приильменского княжества, предшествовавшему Олегу, и т. д. Во всяком случае, великокняжеская династия, наследовавшая Олегу в Киеве, несомненно, была связана и с Новгородом. Она была достаточно влиятельной для того, чтобы быть признанной и местной, и варяжской знатью и дружиной, что позволило ей сохранить единство державы. Имя Рюриковичей они носили явно по праву.

Летописный рассказ вполне справедливо отмечает ва-

ряжское происхождение русской княжеской династии. Есть все основания полагать, что столь же достоверны и сведения летописца о происхождении имени нашего государства. Со времен Байера и Миллера историками накоплен большой материал, не только подтверждающий скандинавское происхождение термина «русь», но и позволяющий довольно четко проследить, как постепенно менялось и расширялось значение этого термина в зарубежных и восточнославянских источниках интересующего нас периода.

Источником этого слова традиционно считается древнескандинавский глагол «грести». Полагают, что в славянский язык оно проникло от финнов. Обозначая первоначально воинов-гребцов, оно, с одной стороны, стало приобретать черты этнонима, с другой — сохраняло значение социального термина, применяемого по отношению к воинам, княжеским дружинникам. Известие о том, что Рюрик и его братья взяли с собой «всю русь», новгородская летопись передает «пояша с собою дружину многу». «Все росы» — характерное обозначение княжеской дружины у Константина Багрянородного; для описания похода Олега на Константинополь 907 г. характерно противопоставление княжеской дружины (руси) рядовому войску (словенам). Но это социально-терминологическое значение термина «русь» довольно быстро размывается, слово теряет изначально присущее ему этносоциальное значение, что, может быть, было связано с включением в дружину «мужей» славянского происхождения, совместными экспедициями славян и варягов, возглавляемыми Олегом и Игорем. Намечается тенденция к расширению значения слова «русь», переносу этого названия со скандинавских реалий на реалии восточнославянские. Уже в середине X в., в описании похода Игоря на Византию и его договора 944 г., войско, состоявшее из представителей различных племен, преимущественно славянских, называется «русью», а договор заключает Игорь, великий князь русский, князья и люди Русской земли. По-видимому, название «Русской земли», т. е. территории, подвластной великому князю русскому, складывается в процессе консолидации восточнославянских племен при активном участии скандинавского элемента. Новая этнокультурная общность принимает имя, первоначальные носители которого интегрируются и растворяются среди местного населения (подобно тому, как это произошло с уже упоминавшимися болгарами). И, убедительно обосновывая

скандинавское происхождение слова «русь», современные исследователи (Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин) справедливо констатируют, что оно «имеет сколько-нибудь прямое отношение к скандинавам лишь в догосударственный период развития восточнославянского общества, а его эволюцию отражают этнокультурные и социально-политические процессы становления восточнославянской государственности».

Государственности, добавим, у истоков которой все-таки стояли варяжские князья с их дружинами. Участие скандинавских дружин и князей, издавна облюбовавших путь из «варяг в греки», в политической жизни местных славянских племен вполне объяснимо. Племена, заключавшие союзы с варягами, призвавшие к себе или принявшие (подобно полоцким кривичам, полянам, новгородским словенам) варяжских конунгов с их дружинами, обеспечивали себе более сильные позиции в отношениях с соседними племенами. Опытные военачальники-варяги получали власть над объединенными силами славянских племен во время походов на Константинополь (как это было при Аскольде, Олеге, Игоре), но эти племена сохраняли собственное устройство, а их отношения с великими князьями даже во времена Олега и Игоря оставались данническими.

«Великие» и «светлые» князья (по-видимому, военные вожди) имелись у многих племен. Объединение восточнославянских земель в Древнерусском государстве, разумеется, было подготовлено внутренними социально-экономическими процессами. Но произошло оно в результате похода князя Олега на Киев, датируемого летописью 882 г., при активном участии его «руси» — варяжской дружины, вместе с другими племенами Поильменья. Легкость утверждения власти Олега в Поднепровье доказывала, что к этому времени созрели внутренние условия для объединения или, во всяком случае, отсутствовали сколько-нибудь серьезные препятствия для него. Какую роль в этом сыграли варяги? Несомненно, очень важную. И дело тут, разумеется, не в каких-то особых организационно-государственных качествах скандинавов. Известно, что в Исландии, в Гренландии поселившиеся там в средние века потомки норманнов, предоставленные самим себе, государства не создали вовсе. Но здесь, в Восточной Европе, появление варяжских дружин, по-видимому, заметно ускорило процесс образования государства. Они явились необходимым консолидирующим

элементом, они — на первом этапе — составляли опору военной власти великого князя, их представителя. Речь шла при этом не о завоевании, а о сотрудничестве, синтезе культур. Славянизация династии и дружинной верхушки была, по-видимому, предопределена изначально (аналогичной была судьба норманнских властителей Сицилии, Нормандии, Англии, в конце концов усвоивших язык и культуру местного населения). Славянское в своей основе, хотя и вобравшее балтские, финно-угорские племена, Древнерусское государство было создано не только и, может быть, даже не столько варягами; но без них, без того беспокойного и воинственного элемента, вновь увлекшего восточных славян в походы на Византию, может быть, объединение севера и юга совершилось бы значительно позже или (как это произошло у западных славян) на месте Киевской Руси возникли бы соперничающие друг с другом королевства.

Что же представляло собой Древнерусское государство при первых Рюриковичах? Наблюдая ход исторического развития Европы, остающегося эталоном при сопоставлении социально-исторических процессов для науки нового, а отчасти и новейшего времени, нетрудно заметить, что процессы социально-политического и экономического развития общества в древности словно замедляются с юго-запада на северо-восток, от Средиземного моря, колыбели античных цивилизаций, к Балтике и дальше к Северному Ледовитому океану. Русь, окраина европейского мира, довольно долгое время сохраняла черты раннефеодальной монархии со значительными элементами предшествующего ей родового строя (хотя представлять ее вплоть до XIII в. страной, где господствовала родовая демократия, своеобразной конфедерацией областных «городов-государств», как склонны считать некоторые современные ленинградские историки, нет никаких оснований).

В Древней Руси государство являлось верховным собственником земли, природные богатства которой (пушнина, мед и воск диких пчел, рыбные ловы) представляли собой не меньшую ценность, чем возделываемые угодья,— достаточно вспомнить князя Святослава Игоревича, задумавшего перенести столицу на Дунай, в Переяславец, и среди товаров, стекавшихся туда из разных стран, упомянувшего «из Руси меда и воск, меха и рабы». Феодальное землевладение развивалось медленно. Особенно хорошо это видно на примере церкви. В средние

века церковь во всех христианских странах, в том числе и на Руси, была одним из крупнейших землевладельцев. Однако на Руси древнейшие княжеские пожалования, по крайней мере до середины XII в. включительно, составляли не земельные угодья, а часть государственных доходов с определенной территории («десятина») и повинностей в пользу церкви с местного населения. Бояре и дружинники со времен первых Рюриковичей получали от князя часть дани, в сборе которой они принимали участие. Походы за сбором дани — «в полюдье» — наряду с военными экспедициями занимали большую часть времени князя и его администрации. Случались конфликты с местными племенами из-за резкого превышения размеров дани,— можно напомнить хрестоматийный пример с князем Игорем и древлянами. Конфликт был спровоцирован княжеской дружиной, т. е. «коллективным феодалом», с интересами которого должен был считаться великий князь. Чтобы управлять государством, тем более столь обширным, власть должна была находиться в постоянном движении; даже во времена более стабильные, на рубеже XI — XII вв., Владимир Мономах вспоминал, что совершил за свою жизнь 83 больших похода («а прочих, меньших, и не упомню»). Нечто подобное можно наблюдать в Западной Европе в эпоху Карла Великого и несколько позже, хотя на Руси, в отличие от империи Каролингов, не возникло серии «временных столиц». Киев, в силу своего исключительно выгодного положения на перекрестке пути «из варяг в греки» и северной ветви Великого шелкового пути, был вне конкуренции.

Централизованный характер сбора и распределения дани в сочетании со слабым развитием товарно-денежных отношений, когда верховная власть выступала основным «распределителем благ», способствовал тому, что на Руси при первых Рюриковичах феодальная аристократия не стремилась обособиться от правителя на местах, как это происходило в Западной Европе, а концентрировалась в городах при княжеском дворе, т. е. господствовала коллективная форма феодальной собственности. Речь не идет, конечно, о древнейших местных династиях, чьи владения были подчинены киевскому великому князю. Само начало феодальной раздробленности на Руси носило впоследствии «семейный», патримониальный характер. В удельных княжествах верховная власть продолжала оставаться у потомков династии Рюрика. Создание уделов, передача великим князем городов

и земель своему многочисленному потомству объяснялись не каким-то легкомыслием верховных правителей или их чрезмерным чадолюбием. Как справедливо отметил Л. В. Милов, единственной возможностью относительно надежно обеспечить будущее каждому из княжеских сыновей было предоставление им верховной власти на определенной территории. Такой порядок сохранялся на Руси и в дальнейшем. В первые века русской истории, однако, после смерти очередного великого князя (Святослава, Владимира) начинался период междоусобиц, и в конце концов верховная власть доставалась одному из его сыновей. По-видимому, так было до тех пор, пока верхушка общества нуждалась в единстве. Дробление государственного суверенитета при преемниках Ярослава было подготовлено длительным развитием производительных сил и (в отличие от современного распада республик на враждующие области) свидетельствовало не о кризисе державы, а о возвышении отдельных центров, способных существовать самостоятельно. Но для этого Руси предстояло пройти долгий путь.

Отмену «полюдья» и введение новой системы сбора дани летопись связывает с именем княгини Ольги, вдовы Игоря. При ней, во второй половине X в., по крайней мере на части территории государства, вблизи предполагаемой родины Ольги — Пскова и в покоренной после восстания земле древлян был определен устойчивый размер дани и были устроены погосты — центры сбора этой дани.

Вероятно, в это же время происходит складывание, хотя бы в общих чертах, служебной системы, исследования которой, предпринятые в последнее время Б. Н. Флорей, во многом дают ключ к пониманию особенностей социально-политического и социально-экономического развития Киевской Руси и ее будущих преемников — Великих княжеств Московского и Литовского. Для древнейшего периода (до XIII в.) аналогичные системы прослеживаются также в истории Польши и Чехии, что свидетельствует о сходных путях развития славянских народов, находившихся в близких исторических условиях.

Существование коллективной формы феодальной собственности делало необходимым формирование определенных социальных групп и категорий населения, обслуживавших коллективного собственника. Люди, относившиеся к этим категориям, освобождались от всех (или

части) даней и других повинностей, возлагаемых на остальное население. По своему характеру служебная организация разделяется на две большие отрасли: промыслы природных богатств (охота на пушного зверя, в особенности на бобров, рыбная ловля, добыча лесного меда и воска бортниками) и различные ремесла, непосредственно связанные с обслуживанием князя, бояр и дружинников. О широком диапазоне последних наглядно свидетельствуют последние находки археологов на Волыни, где при раскопках городищ обнаружены большие хлебопекарные печи, явно работавшие на дружину, размещенную в замке-детинце.

Длительный период существования коллективной феодальной собственности на землю подразумевает, естественно, столь же продолжительное сохранение большого числа лично независимых людей в основании феодальной лестницы, в первую очередь свободных крестьян-общинников. Процесс феодализации землевладения по письменным источникам киевского времени (XI — первая половина XIII в.) прослеживается довольно слабо, но это свидетельствует скорее не об отсутствии процесса как такового, а о состоянии источников по этой проблеме. Актовый материал, служащий основным источником для изучения изменений форм землевладения в XV — XVI вв., для киевской эпохи почти полностью отсутствует (в особенности это касается частного акта). Причины этого и в плохой сохранности древнейших русских письменных памятников в целом, и в длительном бытовании практики устного заключения имущественных соглашений в присутствии авторитетных свидетелей (известно, что еще в XII в. княжна, т. е. лицо, даже не вполне частное, Ефросинья Полоцкая, как свидетельствует ее житие, приобретала землю для основанного ею монастыря без письменного оформления сделки).

Наряду со свободным населением в древнерусском обществе существовали, хотя и в значительно меньшем числе, и рабы (холопы). В древнейший период это преимущественно были пленники, захваченные в военных походах (какой-то процент, вероятно, могли составлять и неплательщики полюдья), позднее распространяется и долговое холопство. Труд рабов применялся в княжеском и боярском хозяйстве, они «сажались» на землю, включались в служебные категории населения (например, рабы-ремесленники), из них же могла формироваться и администрация в феодальных хозяйствах. Известно,

что позднейший термин «дворянин», как и социальная категория, обозначаемая им, тесно связана с понятием «двор», «дворня». Такой доверенной рабыней княгини Ольги была, например, ключница Малуша, мать князя Владимира, которого полоцкая княжна Рогнеда презрительно назвала «робичичем» (т. е. сыном рабыни).

На местах наряду с княжеской администрацией существовали элементы местного самоуправления городов и общин — выборные старейшины, народное ополчение — «тысяча», память о котором сохранилась в позднейшем чине тысяцкого, некогда его предводителя. Однако народное собрание (вече) в качестве высшей формы самоуправления стало пережитком уже к XI в.: все случаи его упоминания в летописях за это и последующее столетия связаны с исключительными ситуациями, когда в результате военной угрозы, стихийных бедствий или длительного голода администрация оказывалась не в состоянии контролировать положение. Исключение из этого правила составляют только Новгород с его «пригородом» Псковом и до какой-то степени Полоцк, где ранний этап формирования государства под властью варяга Рогволода, возможно, был аналогичен приильменскому. Здесь вече сохранило свою силу в течение столетий и стало со временем одним из неотъемлемых атрибутов феодальной республики — лишнее свидетельство существования договора на определенных условиях союза приильменских племен с династией, объединившей позднее Русь.

Важнейшим событием, четко разделившим древнейшую историю Русского государства на два этапа, явилось принятие князем Владимиром в конце X в. христианства в его византийском, будущем православном варианте (тема, вполне заслуживающая самостоятельного рассмотрения). В результате образовался своеобразный историко-культурный феномен, не имеющий аналогов в славянском мире. Страна, в то время близкая по социально-экономическому и политическому укладу Чехии и Польше, принявшим католичество и вошедшим в круг цивилизации и культуры латинской Европы, в культурном отношении сблизилась с южнославянскими народами Балканского полуострова, находившимися в сфере влияния Византии и развивавшимися по византийской модели. Это обстоятельство — «выбор веры» (разумеется, не случайный, обусловленный многими причинами, в том числе — давними связями Руси с Византией и южным славянством) — во многом определило осо-

бенности развития страны и ее культуры на долгие времена. Христианизация Руси способствовала интеграции русского общества на принципиально новой основе. И в числе многочисленных экономических, социальных, культурных последствий разрыва Руси с язычеством и ее вхождения в семью христианских народов было осознание русской культурной элитой места восточных славян в мировом историческом процессе, ценности знаний о прошлом Руси, сохранившихся в преданиях и былинах. Тогда-то и зарождается на Руси летописание, возникают те памятники, благодаря которым до наших дней дошли крупицы знаний о первых русских князьях. Тогда-то и звучит впервые вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля?» Вопрос, на который до сих пор по-разному отвечают историки.

2 Заказ № 1715

А. Л. ЮРГАНОВ

У ИСТОКОВ ДЕСПОТИЗМА

Поэт Давид Самойлов в одной драматической сцене заставил своего героя, светлейшего князя А. Д. Меншикова, открыть дочери тайну власти в России. Генералиссимус ожидал ареста и остро переживал предстоящее падение:

Я знатен, я богат.
Почти владею целым государством.
Но в этом-то «почти» загвоздка вся!
Я — первый из вельмож, но я второй.
А в Русском государстве нет вторых,
Есть только первый, а за ним последний...

Эту черту российской действительности страстно клеймили те, кто боролся с самодержавием. Достаточно вспомнить Н. Г. Чернышевского, сказавшего горькие и полные ненависти слова: рабы, рабы, «сверху донизу» все рабы.

Что же помешало возникновению в России прочных демократических традиций? В. И. Ленин писал о «бесконечных формах татарщины в русской жизни». Азиатский способ властвования и рабскую покорность народа связывали с монгольским нашествием еще с карамзинских времен.

В мировой истории роль завоеваний была различной. В незапамятные времена Рим «огнем и мечом» покорил Галлию, но принес мощенные камнем магистральные дороги, города с триумфальными арками, римское право и латынь. Синтез римского и «варварского» оказал мощное воздействие на социальное и культурное развитие будущей Франции. Известно и другое завоевание — нормандское — в 1066 г. Оно внесло элементы нового в политическую жизнь Англии, хотя типичные для страны формы социальных и политических отношений легко переварили в себе новую знать и новую династию. Виль-

гельм Завоеватель объявил даже, «чтобы все хранили и соблюдали законы» англосаксонского короля Эдуарда.

Каким же образом монголы смогли изменить облик Руси? И только ли они были виноваты в том, что неизмеримо большей, чем в Европе, оказалась в России роль государства? Попробуем найти ответы на эти вопросы, волновавшие умы не одного поколения историков.

В конце XV в. из множества земель и княжеств возникло, к удивлению Европы, новое мощное и единое Русское государство. О Киевской Руси, некогда хорошо известной и Англии, и Франции, уже мало кто из европейцев помнил. Европа открывала далекую и загадочную «Московию». Что же больше всего удивляло иностранцев в облике Русского государства?

Обратимся к одному из первых европейских свидетельств о России — запискам Сигизмунда Герберштейна, посла империи Габсбургов, посетившего Россию в 1517 и 1526 гг., а кроме того, побывавшего в Дании, Швейцарии, Нидерландах, Италии, Испании, Франции. В письме императору Фердинанду Герберштейн писал о «северной» стране: «...среди земель, просвещенных таинством святого крещения, эта страна немало отличается от нас своими обычаями, учреждениями, религиею и воинскими уставами». Удивительным для него в России оказалось могущество Василия III: «Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира... Всех одинаково гнетет он жестоким рабством...» Вчитаемся и в такие слова Герберштейна, быть может, не очень лестные, но чрезвычайно любопытные для наших рассуждений: «Все они называют себя холопами (Chlopi, Chlopn), то есть рабами государя... Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе».

Для других иностранцев, позже побывавших в России и писавших о ней, такого рода взгляд на отношения внутри русского общества стал традиционным. В недавнем прошлом нашей науки эти оценки российского деспотизма безоговорочно признавались шаблонами восприятия, не имевшими отношения к исторической реальности. Но так ли это?

Вспомним хотя бы Ивана Грозного. Царь, как и многие его европейские соратники по царскому ремеслу — и Филипп II, и Мария Тюдор (по прозвищу «Кровавая»), и Карл IX,— был жесток. Опричнина — всплеск необузданного терроризма, но 1572 г., на который пришелся ее

конец, ознаменовался и во Франции страшной Варфоломеевской ночью. В меньшей или большей степени злодей тот или иной правитель — это еще не специфика истории государства. Иное дело — что́ лежит в основе верховной власти. Кому из европейских монархов было по плечу, казня высших сановников, приговаривать: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же»? Назвать вассала холопом и в голову бы не пришло. А вот царь Иван сказал так — потому что реальные отношения в обществе и в самом деле позволяли считать боярина государевым холопом. Суть явления — не в формальном признании: «Яз холоп твой», а в живой действительности безудержного произвола, когда можно любого высшего сановника без суда и следствия затравить псами, поджарить на медленном огне, посадить на кол, просто казнить. Необходимо для этого только одно — желание монарха. В формуле «яз холоп твой» отражена история становления деспотического самодержавия, становления власти, не имеющей границ. Поэтому отношения всего класса русских феодалов с великим князем (царем) можно обозначить «государь — холоп», определяя их как княжеско-подданнические.

Именно княжеско-подданнические отношения и удивляли в России иностранцев больше всего. Ведь сами они были воспитаны в иной феодальной системе, допускавшей для различных слоев общества определенные права и привилегии, которые в совокупности ограничивали произвол монарха. Европейскую систему отношений условно можно назвать вассалитетом.

И в Московском государстве была система вассалитета, но ограниченная рамками отношений княжеских династий. Удельные князья обращались к сюзерену как к «брату стареишему». Чуть ниже их на иерархической лестнице стояли так называемые служилые князья, для государя — «слуги». Появились они в результате присоединения западнорусских земель в конце XV в. От князей удельных «слуги» отличались тем, что владели наследственными вотчинами (а не уделами) и не имели ни малейших прав на великокняжеский престол. Но здесь произошла удивительная метаморфоза. К середине XVI в. большинство служилых князей сознательно перешло на положение бояр, понизив тем самым свой социальный статус. Оказалось, что им выгоднее быть в Боярской думе (куда служилые князья из-за высокого статуса не входили), управлять страной и получать за это пожалова-

ния. А вот относительная независимость удельных князей от центральной власти вызывала постоянную подозрительность правительства. Естественный же ход исторического развития России привел к полной ликвидации удельной системы уже в конце XVI в. и к торжеству отношений «государь — холоп».

Россия и Западная Европа развивались разными путями. Но значит ли это, что рабская психология русского господствующего класса была проявлением национального характера? С. Герберштейн, того не осознавая, сам себе противоречил. В Великом княжестве Литовском, по его же словам, отношения класса феодалов со своим сюзереном были иные: «Между ними (магнатами.— *А. Ю.*) наблюдается такое во всем своеволие, что они, кажется, не столько пользуются неумеренной свободой, сколько злоупотребляют ею». А ведь в Великое княжество Литовское входили древние русские земли: Киев, Минск, Полоцк, Гомель — словом, весь юго-запад Киевской Руси.

Речь поэтому должна идти о специфике исторического развития Северо-Восточной Руси (Московии), т. е. того самого района, который в большей степени, чем какой-либо другой, подвергся «хирургии» монгольского ига.

Вассалитет создавал правовую систему, при которой господствующий класс получал юридические гарантии своих прав и привилегий, распространившиеся, впрочем, и на нарождавшееся «третье сословие». В Англии XIII в., где раньше, чем в любом другом европейском государстве, выработались типичные для всех них социальные и политические формы, правовая система покоилась на прочнейшем фундаменте вассалитета. Несмотря на самодержавные выходки английского короля Иоанна Беззземельного, именно при нем в 1215 г. была утверждена знаменитая Великая хартия вольностей. И одна из ее статей гласила: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона... и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны». Борьба баронов с Генрихом III (1216—1272) за выполнение обязательств хартии кончилась поражением знати, но король подтвердил все то, что требовали от него бароны в петиции «бешеного» парламента 1258 г. Верховная власть уже при короле Эдуарде I (1272—1307) провозгласила принцип: «Что касается всех, должно быть всеми одобрено».

Такой тип отношений не только не противоречил принципам нарождавшегося буржуазного общества, но и благоприятно сказывался на его формировании.

Северо-восток Руси предстает к XIII в. еще не вполне определившимся в своем политическом развитии.

Преобладали здесь дружинные связи, подобные тем, которые характерны были и для Южной Руси. Перспектива их развития — превращение дружинников в класс феодалов-землевладельцев. Старшие дружинники (бояре) становились вассалами, а младшие (отроки, «детьцкыя») формировали княжеский двор. Дружинники-вассалы имели право свободно выбирать себе сюзерена и переходить от одного князя к другому. Без ведома старшей дружины князь обычно не принимал решений. Конкретные особенности взаимосвязи сюзерена и вассала в каждой стране определялись историческими условиями. Неизменным оставалось старое дружинное правило: князь или король — лишь первый среди равных. Так, после убийства Андрея Боголюбского в 1174 г. собрался съезд дружинников, который и решал, кого именно теперь пригласить на княжение. Когда же князья не захотели с этим решением согласиться и договорились между собой по-другому, дружина категорически пресекла эту попытку посягнуть на ее право выбора.

Но все большую роль играл — прежде всего на северо-востоке Руси — другой социальный слой. Многое говорят нам о нем события, последовавшие за убийством Андрея Боголюбского. Сразу во Владимире вспыхнуло народное восстание: «Много зла сътворися в волости его, посадников его и тивунов домы пограбиша, а самех избиша, и детьцкыя и мечникы избиша». Кто эти посадники, тиуны, детьцкие, мечники? Посадники северо-востока Руси отличались от знаменитых новгородских соименников невысоким социальным статусом. Их назначал князь правителями областей и городов, выбирая из числа младших дружинников. Мечники бывали и оруженосцами, и стражниками. Тиуны же — попросту холопы, но выполнявшие важнейшие поручения князя и при его дворе, и на местах. Все они вместе составляли административный аппарат княжьего двора, были слугами своего господина — такова формула отношений подданства, широко развившихся здесь. И хотя они еще не были господствующими, их влияние на поведение северо-восточных князей все же ощущалось.

Не случайно именно на северо-востоке возник такой

памятник публицистики (конца XII — начала XIII в.), как «Моление» Даниила Заточника. В науке немало споров о том, был ли Даниил дворянином или младшим дружинником, холопом или вообще человеком без устойчивого общественного положения. В одном спора быть не может: перед нами представитель целиком зависимого от князя социального слоя. Для Даниила князь — источник благополучия («князь щедр отец есть слугам многиим»). Автор «Моления» боготворит княжескую власть: «Возри на птица небесныя, яко ни орють (не пашут.— *А. Ю.*), ни сеють ни жнуть, ни в житница сбирають, но уповають на милость божию; тако и мы, господине, желаем милости твоея». Обращаясь к князю, он сравнивает себя с чахлой травой, растущей в тени, на которую и солнце не светит, и дождь не льет; он обижаем всеми потому, что не огражден «страхом грозы твоея».

Как будто в разные эпохи писались «Моление» Даниила Заточника и южные русские летописи того же XII в., столь различны они и по духу, и по системе ценностей. Летописцы описывали князя, советующегося с дружиной, заботящегося о ней. Мало того. Спокойно и поучительно повествует летопись, например, как один из южных князей задумал военный поход, не поговорив с дружиною, и получил отказ: «А собе еси, княже, замыслил, а не едем по тобе, мы того не ведали».

Отношения подданства существовали всюду, это естественная альтернатива вассалитету в любой феодальной стране. Роль княжеских слуг в Европе выполняли министериалы (от лат. ministerium — служба, должность). В раннем и классическом средневековье Западной Европы служилые люди короля, а также феодалов за выполнение административной, придворной, военной службы получали земельные владения. В министериалы попадали в основном люди несвободные. Со временем они приобретали личную свободу и становились дворянами. Довольно широкое развитие подданства на северо-востоке Руси перед монгольским нашествием сочеталось с недостаточной зрелостью класса феодалов в целом. Еще не свершилось полное оседание дружины на землю. В каком-то смысле состояние этого района Руси начала XIII в. можно сравнить с детством, перед которым открыты разные перспективы взросления...

Какое же влияние оказало монгольское иго на выбор пути развития северо-востока Руси?

Начнем с князей. Иго превратило их в вассалов мон-

гольских ханов. В 1243 г. Батый почтил приехавшего в Орду великого князя Ярослава Всеволодовича «честью» и отпустил со словами: «Ярославе, буди ты стареи всем князем в Русском языце».

Впервые права великого князя были *дарованы* ханом. Вскоре в Орду поехали и другие князья, и их Батый «пожаловал»...

Отношения русских князей с ханами складывались по-разному, особенно вначале. Михаил Черниговский, отказавшись выполнить вполне достойный по понятиям монголов языческий обряд прохождения через огонь, поплатился за это жизнью. А вызвавший какие-то подозрения великий князь Ярослав Всеволодович был отравлен в Каракоруме. Непокорных унизительно наказывали. Однако те князья, которые охотно подчинялись монголам, как правило, находили с ними общий язык и даже более того — роднились, подолгу гостили в Орде. Постепенно северо-восточные князья превращались в «служебников» монгольских ханов. Создавалась генерация покорных князей, для которых закон — это воля хана. Династические проблемы теперь легко решались при помощи ордынских карательных отрядов: кто больше раболепствовал перед ханами и подкупал их дорогими «поминками» (подарками), тот и становился великим князем. Так, в 1281 г. князь Андрей Александрович, сын Александра Невского, «много дары даде царю и великим князем Ординским, и всех наполни богатством, и уговори и уласка всех, и изспроси себе княжение великое Владимерское у царя под братом своим старейшим, великим князем Дмитрием Александровичем». Позже Дмитрий вернул себе великое княжение. Но через двенадцать лет Андрей донес в Орде на «измены» Дмитрия и при помощи печально знаменитой «Дюденевой рати», разгромившей четырнадцать городов «и всю землю пусту сътвориша», вернул титул владимирского князя. И так случалось еще не раз.

Могли ли свободно развиваться дружинные отношения, если князья сами были «служебниками» монгольских ханов? В науке уже отмечено, что степень демократичности всего феодального общества зависела от характера отношений внутри господствующего класса. Например, едва вышел манифест 1762 г. о вольностях дворянства, так почти сразу же возникли первые проекты ослабления крепостного права. Эта закономерность помогает понять (от обратного), почему русские князья-вассалы, обязан-

ные в новых условиях беспрекословно исполнять волю хана, не могли уже примириться с независимостью старшей дружины, ее былыми правами. В какой-то степени этому способствовали и сами монголы. Монгольское общество было пронизано отношениями жесткого — и жестокого — подчинения. Власть верховного правителя была абсолютной, никем и ничем не ограниченной. Становясь «служебниками» ханов, русские князья впитывали этот дух империи: беспрекословную покорность подданных и безграничную власть правителей.

Впрочем, подданство на северо-востоке Руси еще до монгольского нашествия пустило столь глубокие корни, что для утраты дружинниками своих прав и привилегий достаточной была бы, вероятно, зависимость русских князей от любого иноземного государя.

Повлияло монгольское нашествие и на состав дружинников. «Во многих селах, запрятанных в непроходимых лесах,— пишет В. Б. Кобрин в книге «Власть и собственность в средневековой России»,— вражеская конница могла и не побывать. Да и свои основные удары Батый, естественно, обрушивал на города: там было что грабить. И обороняли их горожане вместе с дружинниками... Они и гибли первыми. Очевидно, в ходе нашествия была физически истреблена основная масса феодалов-землевладельцев».

В этой связи обращает на себя внимание эссе Л. Н. Гумилева, опубликованное в журнале «Нева», в номерах 3 и 4 за 1988 г. Гумилев выступает здесь как Автор и беседует с условными Историком России, Научным сотрудником, Палеотопонимистом. Завязывается многослойный диалог, из которого, между прочим, выясняется, что главную опасность для Руси представляли не монголы, а Запад, и потому союз Александра Невского с Ордой был жизненно необходим. В доказательство того, что русские люди не страдали от ордынского ига, Гумилев приводит летописный текст, в котором хан Джанибек назван «добрым» царем. Но более всего удивляет утверждение Гумилева, что «немногочисленные (!) воины-монголы Батыя только прошли (!) через Русь и вернулись в степь». И, представьте, ни слова — как «прошли». Приводимые автором слова летописи — «сей царь Чянибек Азбякович добр ѕело к Христианству» — нужно оценивать в контексте эпохи. Летописец похвалил царя за умеренность: не слишком жесток был. Так, в начале 40-х годов XIV в. он отпустил на Русь митрополита Феог-

носта, которого держал «в тесноте» (т. е. в заключении) за то, что тот не давал в Орду «полетныа (ежегодной.— *А. Ю.*) дани». Отпустил Феогноста за 600 руб. Добрый царь: мог ведь за такое и убить митрополита!

Наконец, о том, кáк «прошли» монголы по Руси. По подсчетам археологов, из семидесяти четырех русских городов XII — XIII вв., известных по раскопкам, сорок девять были разорены Батыем. Причем четырнадцать городов вовсе не поднялись из пепла и еще пятнадцать постепенно превратились в села.

В выборе политического пути развития Руси колоссальную роль сыграла гибель именно господствующего класса. Конечно, невозможно точно определить количество дружинников, убитых в 1237—1238 гг. Тут приходится опираться на косвенные данные. Процент потерь дружинников едва ли был меньше доли погибших среди князей. По моим подсчетам, в Рязанской земле погибло девять князей из двенадцати. Из трех ростовских князей — двое. Из тех девяти суздальских князей, что были к этому времени взрослыми и находились в своих землях, были убиты пятеро.

Об уничтожении большей части господствующего класса северо-востока свидетельствует и наступивший в результате нашествия социальный регресс. Интересно наблюдение В. Б. Кобрина по родословным книгам XVI в., в которых зафиксирован состав московского боярства: «Все те роды, у которых указаны предки, жившие до нашествия Батыя, либо княжеские, либо пришлые. Боярство Московской земли и даже (за редкими исключениями) Северо-Восточной Руси до второй половины XIII в. из этих книг неизвестно». Значит, после ордынского нашествия на северо-востоке было расчищено место для расцвета новой знати, формировавшейся уже на почве побеждавших отношений подданства.

Новая знать возникала в княжеском дворе. Дворяне становятся феодальными собственниками, получая от князя земельные пожалования. Эти дворяне XIII в.— мелкие слуги князя. По наблюдению А. А. Зимина, термин «дворяне» перестает употребляться с конца XV в. и вновь появляется в 30-х годах XVI столетия. Но теперь «дворяне» — уже не рядовые феодалы, а верхушка служилых людей — аристократов, из их числа выходили видные военачальники и администраторы. Между дворянами XIII и XVI вв. есть, однако, и общее: те и другие — люди двора, они не свободны уже по названию. Стоит

обратить внимание на этимологию. Бароны, сеньоры, джентри, паны — во всех этих названиях не видно признаков службы или подчинения кому бы то ни было. Барон — «воинственный человек», сеньор — старший, джентри — благородный, пан — господин...

Пройдут два с лишним века после Батыева нашествия, и глубинные изменения во внутренней структуре господствующего класса будут «обнародованы» при Иване III в стандартных обращениях феодалов к своему сюзерену: «Яз холоп твой». Конечно, всякая формула тускнеет перед живой реальностью и порой даже противоречит ей. Но любому серьезному исследователю средневековой России известно, что в момент возникновения она непременно отражает действительность, являясь ее продуктом. С появлением этой официальной формулы определится рубеж — победа отношений подданства на северо-востоке, которая отразится не только в документах, но и в сознании людей. О различиях вассалитета и подданства можно судить по поведению людей, волей судьбы оказавшихся в *иной* системе. Андрей Курбский, например, бежав в Великое княжество Литовское, вел там себя обычно лишь по российским меркам...

В 1569 г. местные жители жаловались Павлу Григорьевичу Оранскому на урядника князя Курбского — Ивана Калымета. Он, «не уважая вольностей наших, прав и привилегий», писали жители, «без суда и без всякого права» велел арестовать некоторых из них и посадить в «жестокое и неслыханное заключение, в яму, наполненную водою...». Когда же спросили Калымета, по какой причине он «безвинно, бесправно» обошелся с людьми, тот ответил, как, вероятно, и учил его князь Курбский: «...но разве пану не вольно наказывать подданных своих, не только тюрьмою или другим каким-нибудь наказанием, но даже смертью? А я что ни делаю, все то делаю по приказанию своего пана, его милости князя Курбского; ибо пан мой, князь Курбский, владея имением Ковельским и подданными, волен наказывать их, как хочет...» Так поучал слугу человек, вошедший в историю отечественной публицистики как сторонник феодальной законности и обличитель преступлений царя Ивана IV.

Сдвиг к лучшему в русском обществе наступит, когда подписи типа «честь имею быть, милостивый государь, Вашего превосходительства всепокорнейший слуга» будут свидетельствовать лишь о вежливости и не более...

Города и горожане... В науке немало споров об их роли и значении в политическом развитии страны. Авторы монографии о городах-государствах Древней Руси И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко приходят к выводу, что города этого времени, и на севере и на юге, были не княжествами-монархиями, а республиками. Здесь не со всем можно согласиться, но бесспорно, что домонгольские города обладали своими правами, вольностями и в перспективе должны были завоевать еще большую свободу. Они существенно отличались от европейских городов — были теснее связаны с волостями (округами) и всегда имели князя. Русские города как центры политико-административной власти постепенно подчиняли себе волости, эксплуатируя их. А волостное крестьянство повиновалось корпорации феодалов во главе с князем. На Западе же существовали свободные города, свободными были и экономические связи бюргерства с деревней. Чтобы представить влияние монгольского ига на развитие русских городов, обратимся сначала к истории Западной Европы.

Пышному расцвету городов во Франции в XII — XIII вв. способствовали различные обстоятельства. Одно из них состояло в том, что на смену бурному X в. с набегами арабов, норманнов, венгров пришел спокойный XI в., когда почти исчезла военная опасность. Сеньор был обязан защищать город от врагов. Это придавало ему большую власть и значение в военное время. В XI в. его общественно полезная роль заметно снизилась. Именно тогда, свидетельствуют историки, на первый план выступили противоречия между горожанами и сеньорами. В конце XI — начале XII в. произошли кровавые «коммунальные революции» (освободительные движения против сеньорального режима). Они завершились победой горожан. Завоеванные ими свободы были зафиксированы в «хартиях вольностей», которые в дальнейшем расширялись. Постепенно в городах уничтожались поземельные связи с сеньором и все виды личной зависимости. Власть переходила в руки выборных городских советов. Город делал свободным любого, кто прожил в нем год и один день, занимаясь ремеслом. Нарождавшееся буржуазное общество вырастало во многом благодаря этим правам, привилегиям и свободам.

На Руси же от XI до начала XIII в. вече в городах — дело обычное. Оно приглашало князей на княжение, бывало, и изгоняло. Но вечевой институт опирался не на

букву закона, а на традицию общины. Для его развития нужно было бороться с князьями, которым, конечно, не нравилось такое ограничение их власти. Вспомним хотя бы эпизоды политической борьбы 1068—1069 гг., когда киевская община, узнав о поражении русских войск от половцев на Альте, потребовала у своего князя Изяслава дать оружие для продолжения борьбы. Изяслав отказал. Тогда началось восстание. Изяслав бежал, а новым князем киевляне выбрали сидевшего в тюрьме Всеслава. Однако через семь месяцев Изяслав с польской помощью собрал войско и пошел против Киева. Киевское вече обратилось к Святославу и Всеволоду с просьбой о помощи, грозя в случае отказа сжечь город. Младшие братья просили Изяслава не губить город. Он согласился, но, послав в Киев сына Мстислава, санкционировал расправу: «...исече Кыяны... другыя слепиша, другыя же без вины погуби не испытав». Террор не смог уничтожить вольный дух города. В 1113 г. киевская община сама решала, кому быть в Киеве князем, добившись в конце концов, чтобы княжил у них Владимир Мономах.

И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко пишут: «Разумеется, древний князь таил в потенции монархические качества и свойства. Но для того чтобы они получили выход и возобладали, необходимы были иные социальные и политические условия. Эти условия возникли за пределами древнерусского периода отечественной истории». Каковы же они? Ордынцы периодически разрушали русские города. Ни один город северо-востока Руси не мог чувствовать себя спокойно даже в те периоды, когда наступало относительное затишье. Первый после Батыя ордынский поход на северо-восток состоялся в 1252 г. Это была «Неврюева рать», разгромившая Суздальскую землю. Затем наступило затишье в двадцать лет. Однако последняя четверть XIII в. уже полна карательными экспедициями. По подсчетам В. В. Каргалова, в эти двадцать пять лет Орда провела не менее пятнадцати крупных походов. Многие города (это после Батыя) снова и снова разрушались: Переяславль-Залесский — четырежды, Муром, Суздаль, Рязань — по три раза, Владимир — дважды. В этих условиях естественной оказывалась консолидация князей и горожан, а не противоборство между ними. Роль и значение князя в условиях постоянной внешней опасности неизмеримо возрастали, что влекло за собой подавление городских вольностей. Да и подавить теперь было легче — горожане сами были заинтересованы в сильном князе, способном их защищать.

Процесс централизации Русского государства был сложным, длительным и означал создание государственного аппарата власти, слияние разных социальных групп в общерусский класс феодалов. Едва ли правы историки, радующиеся каждому успеху великокняжеской власти в «борьбе за централизацию». Думаю, ошибочно видеть в этом процессе одно положительное. Централизация в России консервировала сугубо феодальный тип отношений внутри общества, не давая простора независимости и свободе. Подданство в холопской форме тормозило качественное развитие общества, ибо буржуазные отношения могли возникнуть (как это и произошло в Европе) только на базе уже имеющихся в феодальном обществе свобод.

Итак, ко времени прихода Батыя пути русского феодализма не были определены историей. Нельзя исключить, что и без ордынского ига в противоборстве вассально-дружинных и княжеско-подданнических отношений победили бы последние. Но в реальной истории иго склонило чашу весов в их сторону. Было прервано, а затем стало замедленным даже чисто феодальное развитие, сложилась обстановка «прифронтового государства», лишились старых вольностей и не приобрели новых города, деспотизм надолго стал нормой.

Вот тот фон, на котором разворачивались основные события исторической драмы XIV в. Объединение страны и централизация начались реально именно в XIV в., когда возросли силы русских земель для более активного сопротивления Орде. Непросто, извилисто шло освобождение от ига. Требовались гигантские усилия, чтобы вновь обрести государственную цельность и независимость. В центре этих процессов находились московские князья. Исторические закономерности развития не существуют вне людей, их поступков, идей, помыслов, решений. И от того, кто стоял в центре важнейших событий эпохи, зависела порой судьба страны.

«Минуты роковые» XIV в. особенно отразились в жизни двух московских князей — Ивана Калиты и Дмитрия Донского, деда и внука.

Смерть одного и рождение другого разделяют всего десять лет и две даты: 1340 г. и 1350-й. Правления этих князей московского дома составляют между тем разные эпохи: внук позволил себе то, за что дед (в свое время) не

пощадил бы. Их жизни отстоят от нас на расстоянии почти семи веков! Чем же мерить сегодня поступки князей?

Человеческое сознание — общественный продукт, и каждая эпоха накладывала неповторимый отпечаток на человеческую психику. Менялась, как верно подметил А. Я. Гуревич, не психофизиология, а «историческая обусловленность мировосприятия».

Был ты видом довольно противен,
Сердцем — подл...
Но не в этом суть:
Исторически прогрессивен
Оказался твой жизненный путь.

Н. Коржавин

В труде великого русского историка Н. М. Карамзина образ Ивана Калиты — многомерный: его писал художник слова, ставивший перед собой задачу дать живописную картину прошлого.

Известно, что Иван Данилович подавлял народное восстание в Твери в 1327 г., но историк, ограничившись легким упреком, винит главным образом Узбека («мщение ханское») и... самого тверского князя Александра Михайловича, который оказался недостаточно мужественным и последовательным. Н. М. Карамзин повторил доводы летописцев в пользу Ивана Калиты: с его приходом на великокняжеский престол воцарилась «тишина» и «моголы» перестали опустошать земли Руси: земледельцы могли «спокойно трудиться на полях, купцы ездить из города в город с товарами, Бояре наслаждаться избытком; кони Татарские уже не топтали младенцев, девы хранили невинность...». Эта «благословенная по тогдашним обстоятельствам перемена ознаменовала возвышение Москвы». Государственнику Н. М. Карамзину импонировала «польза» государственная, но как художнику и историку ему было неловко полностью оправдывать князя: «Правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной Политики. Суд Истории, единственный для Государей — кроме суда Небесного — не извиняет и самого счастливого злодейства: ибо от человека зависит только дело, а следствие от Бога».

«Счастливое злодейство» под пером великого историка возвышалось до известной пушкинской дилеммы; по-

томки по ремеслу уже огрубили эту истинно поэтическую мысль до тривиального оправдания: Иван Калита, конечно, поступал плохо, но что делать, если Москве и московским князьям суждено было «закономерно» возвыситься. Такой оказалась тенденция в официальной историографии не только буржуазной, но и советской. Благополучно она существует и ныне. Возьмем, к примеру, книгу И. Б. Грекова и Ф. Ф. Шахмагонова «Мир истории. Русские земли в XIII — XV вв.», увидевшую свет в 1986 г. (и уже переизданную). Авторы признают, что на личность Ивана Калиты взгляд не одинаков: «Не раз выдвигались обвинения в его адрес, что вот-де тверичи восстали, а он по злобе на тверских князей, в борьбе за великокняжеский стол навел на Русь ордынскую рать. Раздаются сожаления, что Тверь не поддержали другие русские города. Сожаления, конечно, имеют право (!) на существование. Но нельзя не принимать в расчет, что Русь еще не была готова к свержению ордынского ига, не имела на это сил, в то время как Орда при Узбек-хане переживала апогей своего могущества». Далее авторы приводят, кажется, главный аргумент: «Ордынская рать и без Ивана Калиты пришла бы на Русь, двигаясь на Тверь, она опустошила бы и Рязанскую и Владимиро-Суздальскую земли. У Ивана Калиты не было выбора: или идти вместе с татарской ратью покорять Тверь и тем самым спасти Москву, Владимир, Суздаль, или потерять все». Столь длинную цитату следует привести, чтобы в полной мере оценить саму эту тенденцию.

О «премудром», «лукавом», «жестоком» Иване Калите судят, исходя из довольно простой логики: результат совершившегося — критерий всего, в том числе и человеческой деятельности. Не вписался в схему «закономерного» развития мятежный и трагический персонаж вроде тверского князя Александра Михайловича, и о нем хоть и сказано, но мельком. А победи Тверь Москву, и те же историки так же, наверное, оставили бы на задворках истории «недальновидных» московских князей.

Труд русского народа, его героическая борьба с игом и постепенное ослабление Орды создавали условия для образования на Руси единого Русского государства во главе с центром. Каким? Этот вопрос решался конкретной политической историей. Многое зависело от случая. «Но едва ли можно, не сделавшись педантом, утверждать,— писал Ф. Энгельс,— что среди множества мелких государств Северной Германии именно Бранденбург был

предназначен для роли великой державы...» Нет у нас никаких моральных прав лучше относиться к московским князьям лишь потому, что нам известно, чем закончилась их борьба с Тверью. Был ли выбор у Ивана Калиты в 1327 г.? К этому вопросу мы ниже вернемся, а пока напомним: к концу XIII в. на северо-востоке Руси произошла серия крупных городских восстаний против всевластия ордынцев. О них, по вышеупомянутой сентенции, тоже можно было бы «сожалеть», если бы не такой «пустяк» в итоге, как прекращение деятельности баскаческих отрядов. Все-таки небесполезное дело бороться за свою свободу!

Недоказуем тезис, что если бы не покорил Иван Калита Тверь, то погибла бы вся Северо-Восточная Русь. На равных с этим утверждением и такая логика: соединись Иван Данилович с Тверью, и Куликовская битва произошла бы на 53 года раньше.

В какой же мере мы из «настоящего» можем судить о поступках людей прошлого? Отказаться совсем от сочувствия им, превратиться в статистиков? Едва ли это будет честно по отношению к самим себе: ведь тогда и в «настоящем», которое неизбежно станет седой стариной, не нужно совершать благородных поступков, не веруя, что их по достоинству оценят историки энного тысячелетия.

Итак, если не отнять у нас права сопереживать прошлому, то с чем соизмерить наши представления о добре и зле, честности, благородстве, мужестве? Иными словами: была ли в первой трети XIV в. иная философия борьбы, отличная от той, которую демонстрировал «дальновидный» Иван Калита?

Возвратимся к истокам отношений московских и тверских князей. После смерти великого князя владимирского в 1304 г. «стол» отошел тверскому князю Михаилу Ярославичу, но за спорные территории и ханский ярлык начал борьбу московский князь, внук Александра Невского, Юрий Данилович. В Орде решено было передать ярлык Михаилу Тверскому. Началась изнурительная и тяжелая для русского народа «гражданская война» двух княжеств. Оба князя не были щепетильны в выборе средств борьбы.

Так, в 1315 г. Михаил Ярославич двинулся против Новгорода с русскими и монгольскими войсками, чтобы подчинить его своему диктату. Под Торжком произошла «зла» сеча: много новгородцев полегло в бою. Уцелевших ждала печальная участь — продажа в рабство. В это

время Юрий Данилович гостил у хана и готовился к тому, чтобы совершить нечто подобное с тверичами. Для начала женился на сестре хана Узбека — Кончаке и получил ярлык на великое княжение. Следующий шаг — возвращение на Русь (1317). Двигаясь по Тверской земле, «много зла творяху христианом»: сжигали села и урожай, людей обращали в рабов. В 40 верстах от Твери произошло сражение ордынско-московских и тверских войск. Не рядовое это было столкновение: тверской князь, лишенный ярлыка на великое княжение, осмелился пойти против воли Орды с оружием в руках. И притом победил, наголову разбив союзные войска Юрия Даниловича. Московский князь спасся бегством в Новгород, а его жена, Кончака, и брат Борис оказались в плену. Однако победа обернулась поражением. В плену умерла Кончака. По слухам, едва ли достоверным, ее отравили. Этим обстоятельством (думаю — не единственным) не преминул воспользоваться Юрий, чтобы расправиться с соперником. Оба князя предстали перед ханским судом. Итог известен: 22 ноября 1318 г. Михаила Ярославича казнили.

Как же современники воспринимали эти события? В науке хорошо известно, что летописи составлялись «задним числом», с опозданием порой на несколько десятков лет. Средневековье не знало авторского права, и потому любой летописный редактор мог по своему усмотрению (равно как и велению свыше) изменить то или иное описание. Историкам повезло: в их распоряжении оказался уникальный памятник общественной мысли феодальной Руси начала XIV в.— «Повесть о Михаиле Тверском». Автор ее — современник событий, сама же «Повесть» (ее древнейшая редакция) написана была в конце 1319 или в начале 1320 г.

По мысли тверского книжника, беды Руси — от разобщенности князей. Ордынцы ссорят русскую «братию». Они, например, говорят Юрию Московскому: если ты дашь больше «выход» (дань), чем Михаил, то получишь великое княжение. Благодаря вражде князей «поганые» извлекают выгоды («множаишая дары възимают»). Вместе с тем автор призывал не к единству равных князей, а к восстановлению феодального правопорядка: младшие князья должны подчиняться старшим. Юрий Данилович поднял руку на «брата стареишего»! В начале XIV в., при еще могущественной Орде, не побоялся автор «Повести» сказать о хане Узбеке как о «законопреступном». В этом

удивительном памятнике, по справедливому замечанию В. А. Кучкина, «была воздвигнута антиордынская политическая программа, которая оказала заметное влияние на формирование патриотических освободительных идей».

Но обратимся к «Повести» для нравственной оценки действий Михаила Ярославича. В исповеди игумену перед отъездом на суд в Орду тверской князь говорит: «...умысли положити душу свою за *отечьство* избави *множество* (здесь и далее курсив мой.— *А. Ю.*) от смерти своею кровию и от многоразличных бед». Нам неизвестно, произносил или нет в реальности эти слова Михаил Тверской. Важно другое — как в то время понимали нравственный долг и подвиг человека. Пострадать за «множество», т. е. народ, положить «душу свою» за «отечество» — вот истинная высота!

Слово «отечьство» — многозначное: это — и состояние отца, родовитость, отцовство, и родина, и происхождение, и владение, полученное от предков (т. е. вотчинная земля). В средние века, как видно, слово «отечество» употреблялось порой в значениях, необычных для современного человека. Говорили, например, так: «А женятся не на лепоту зря, токмо по отечеству», что означало «зря» на родовитость и достоинство. Или: «Тягался в отечестве кравчей Борис Федорович Годунов с боярином со князем Васильем Андреевичем Сицким». Тягаться в отечестве — значило местничаться. В начале XIV в. «отечьство» еще не воспринималось как вся «Русская земля», ибо значило лишь вотчину, т. е. собственное владение князя. Шире этого геополитического понятия было представление о «многом роде христианском», состоявшем, конечно, не только из тверичей и москвичей. Тверская летопись так описала смерть Михаила Ярославича: «Приать нужную (насильственную.— *А. Ю.*) смерть за христианы и за отчину свою». Когда же ордынский карательный отряд, разгромив Тверь в 1327 г., не тронул Москву, та же летопись отметила с удовлетворением: «Человеколюбивый Бог, своею милостию заступил (защитил.— *А. Ю.*) благовернаго великого князя... его град Москву и всю его отчину от иноплеменник поганых...»

Политический кругозор русских князей ограничивался тогда интересами прежде всего своего княжества. Но и в этих геополитических представлениях были свои полюсы, речь о которых пойдет несколько позже.

Многие русские летописи сообщают, что после подавления тверского восстания и получения московским князем ярлыка на великое княжение наступила «тишина» по всей Руси. А в некоторых летописях указывался даже ее срок — 40 лет. Странная цифра. Ведь Иван Калита умер в 1340 г.— так что из 40 лет лишь 13 его! Может быть, летописцы имели в виду создание условий для такой многолетней тишины? Сами летописи, как отмечалось, почти никогда не были синхронны событиям. Не след ли это запоздалого (через 40 лет) взгляда на политику Ивана Даниловича? Но не будем торопиться. Науке известен такой памятник ранней московской письменности, как «Похвала» великому князю Ивану Даниловичу, представляющая собой запись на Сийском евангелии 1339 г. В этой записи, сделанной еще при жизни Калиты, в панегирическом тоне восхваляется деятельность московского князя и одно из его достижений — «тишина»!

Известный филолог Н. А. Мещерский в 1969 г. опубликовал исследование, в котором уточнил время написания «Похвалы»: не 1339 г., как считалось ранее, а 1340-й, причем «незадолго до смерти великого князя». Но ученый не обратил достаточного внимания еще на одно обстоятельство: запись сделана дьяками «повелением» чернеца Анании, которым и был князь Иван Данилович Калита после пострижения.

Перед нами «похвала» московского князя самому себе: этакий авторский панегирик. Поскольку запись широко использовалась московскими книжниками XIV — XV вв., можно предположить, что характеристика правления Ивана Калиты обязана своим происхождением самому Ивану Калите. Во всяком случае, науке еще предстоит разобраться в происхождении летописной «тишины».

За что же хвалил себя московский князь? Запись на евангелии свидетельствует: библейский пророк предсказал «тишину» в Русской земле при Иване Калите. Далеко не все историки относились и относятся скептически к этому тезису. Вот что, например, писал И. У. Будовниц, автор замечательного исследования о московско-тверском летописании: «Нарушение этого равновесия (между Москвой и Тверью после 1327 г.— *А. Ю.*) в пользу сильнейшего княжества исключало внутренние кровавые неурядицы среди князей, вынуждало их присмиреть перед сильным великим князем. Авторитет последнего внутри страны обеспечивал и внешнюю безопасность Руси. Недаром летописец отмечает «тишину», наступившую на

Руси после восшествия Ивана Калиты на великокняжеский престол». Так ли?

В 1329 г. Иван Данилович с большим войском направился к Пскову, где отсиживался тверской князь. Цель похода — добиться, чтобы Александр Михайлович выполнил приказ хана — ехать в Орду. Едва ли можно сомневаться в том, что желания Узбека и Калиты полностью совпадали — им не терпелось убить мятежного князя. Назревало крупное сражение, снова должна была пролиться кровь. Что же помешало этому совершиться?

Иван Калита готов был к самым решительным действиям, но вначале использовал своих послов, заставив также новгородцев послать «владыку». Они, если верить летописям, говорили Александру: «Поиди в орду, а не погуби християн от поганых». Князь вроде и «восхоте» пойти в Орду, но его остановили псковичи: «Не ходи в орду, и аще что будет на тебе, то изомрем с тобою во едином месте». Видя твердость псковичей, Иван Данилович прибег к последнему мирному средству — услуге митрополита Феогноста, который проклял и отлучил от церкви не только Александра, но и псковичей. А это означало, по понятиям средневековья, страшную участь: ведь если «святитель паче воли божии отлучит кого, не последует ему божественный суд». Отлучение от церкви и проклятие на весь город лишало людей главного в христианстве — веры в спасение через высший суд. Интердикт Феогноста закрывал церкви Пскова: нельзя было крестить новорожденного, провести отпевание умершего. А ведь и младенец, и покойник не могли ждать: им нужна была санкция церкви на божию «благодать»! Церковная дипломатия подействовала — князь решил уйти из города. Два года назад Иван Калита не поколебался применить военную силу против Твери и нарушить «тишину». Вряд ли остановился бы он перед насилием и сейчас, чтобы захватить Александра Михайловича и представить в Орду. Но проще и легче было решить дело миром: для этого и понадобился Феогност. По псковскому летописанию, перед уходом тверской князь обратился к жителям города со словами: «Братиа моя и друзи мои, не буди на вас проклятиа ни отлучениа мене ради; еду из града вашего вон, не буди вашего целованиа (вашей клятвы.— *А. Ю.*) на мне, ни моего на вас». Пусть даже не говорил этих слов князь тверской — допустим, они ему приписаны,— но атмосфера взаимной поддержки «христиан», взаимной жертвы друг ради друга в летописях сохрани-

лась, думаю, нетронутой. Как видно, не авторитетом московского князя установилась «тишина». Иван Калита обязан был ею общественному настроению не допустить пролития крови «христиан». Помыслы московского князя не совпадали с чаяниями народа, больше всего страдавшего от междоусобиц.

Однако на том история с тверским князем не кончилась: была ли тихой «тишина»? В 1337 г. Александр Михайлович поехал в Орду и добился от Узбека права вернуться в Тверь: за десять лет после восстания многое забылось, и его, видимо, простили. Наступила решающая фаза противоборства московского и тверского князей.

Как повел себя Иван Калита? В 1339 г. он вместе с сыновьями Семеном и Иваном (отцом Дмитрия Донского) отправился в Орду. Воскресенская летопись, не скрывая ничего, заявляет: «Его же (Ивана Калиты.— *А. Ю.*) думою посла царь Азбяк на Русь по князя Александра Михайловича». Сомнений нет, то был донос. Александр Михайлович, судя по Тверской летописи, догадывался о своей участи: «Аще поиду, разлучен буду с животом, аще ли не поиду, то много пакости будет христианом». Как только он, сделав выбор, поехал в Орду, оттуда тотчас «выиде» Иван Калита с сыновьями. Что это: нежелание связывать себя с позорной расправой? Трудно сказать, но дальнейшие действия московского князя выглядят продуманно и целенаправленно. По возвращении на Русь к нему пришли послы от Новгорода с «выходом». Когда это произошло? Точной даты нет, но косвенные данные указывают на летнее время. Московский князь начал у новгородцев требовать «другого выхода», говоря: «Дайте ми *запрос* царев», т. е. дополнительный налог. Те отказали: «Того изначала не бывало». Однако осенью 1339 г. сыновья Ивана Калиты уехали в Орду. Осень, как известно,— время отдавать дань. По всей видимости, Калите удалось собрать двойной налог для хана. В науке напрямую не связывается эта акция московского князя с междоусобной борьбой. Считается, что сыновья Ивана Даниловича прибыли в Орду уже после казни Александра Михайловича и его сына Федора. Однако такая связь вполне допустима: Воскресенская летопись, например, сначала сообщает об осенней поездке в Орду детей Ивана Калиты, а потом уже — что 29 октября состоялась казнь тверских князей.

Можно предполагать, что такой экстраординарный налог с русских земель для Орды собирался Иваном

Калитой не просто так, а за какую-то большую услугу. Первое, что приходит на ум: страшная по своей жестокости и бесчеловечности смерть русских князей, когда их «розоимаша» по частям,— едва ли не самый приятный подарок для Ивана Калиты. И другое: Л. В. Черепнин вполне обоснованно считал, что в 1339 г. московский князь возил в Орду свои духовные грамоты, на одной из которых стоит ханская тамга — знак утверждения ее Узбеком (тамга первоначально у монголов была знаком, которым обозначалось право собственности. В нашем случае тамга — ханская печать). По-видимому, князь беспокоился о закреплении великокняжеской власти за сыновьями.

Для исторического развития не имело значения, как будет называться тот город, который станет столицей единого государства. Но в борьбе с игом вовсе не безразлично было, как скоро созреет русское общество для активного сопротивления Орде. И тут вклад тверичей огромен. Возникла бы сама «Повесть» как памятник антиордынского звучания, если бы не казнили Михаила Ярославича? Смерть Александра Михайловича и сына его Федора — еще один шаг к освобождению. Похороны князей превратились в демонстрацию, ибо те приняли свою «кончину за род христианьский». Их отпевали во Владимире, Переяславле и лишь потом привезли в Тверь. Князь в ту пору значил больше, чем правитель. Он — заступник от «поганых», страдалец за христиан. Мотив такого страдания станет основой антиордынской борьбы последующих князей и русского народа в целом. И каждый новый шаг к Куликовской битве будет опираться на большую гражданскую зрелость и готовность отдать жизнь за «други своя». Если Иван Калита по образу своих действий повторял прошлое междоусобных браней, то тверские князья приближали будущее, много делая во благо не только страны, ее народа, но самой династии московских князей, волей судьбы ставшей господствующей.

Московское летописание периода единого Русского государства целиком восприняло пафос тверской версии о роли князя Александра Михайловича в восстании 1327 г., который рисовался борцом за национальное дело. Вместе с тем предпринимались попытки затушевать связи Ивана Даниловича с Ордой. Уже Дмитрию Донскому по духу времени ближе был не прадед, а его враг — тверской князь. Да и в народном фольклоре остался образ Щел-

кана, получившего возмездие за свои злодеяния. Понятно, что о сотрудничавших с ханским послом не могло сохраниться благодарной памяти...

Очень хотелось Ивану Калите представить себя милосердным и законолюбивым. Не зря же «Похвала» сравнивает его с тремя византийскими царями: Константином, основателем «нового Рима», Юстинианом, законодателем Римского государства, Мануилом, заступником правоверия и поборником иноческого жития. Они — предшественники Ивана Калиты, который преуспел во всех трех ипостасях: утвердил господство Москвы, прославился любовью к законам и к православной вере, помогая «сирым в бедах». Словом, идеальный правитель.

Иван Калита успешно продолжил дело своего отца, требуя с подвластных земель не «выход» по старине, а значительно больший налог. Иначе и быть не могло: чем еще понравишься Узбеку?

Лет через пять после подавления тверского восстания и укрепления власти Москвы в летописях появилось сообщение, что «бысть меженина велика в земли Руской, дороговь, глад хлебный и скудость всякого житиа». Меженина — слово многозначное. Это и засуха, и недород, и недостаток хлеба. В 1435 г. она привела даже к людоедству. Причины? Самые разные: природные неурядицы, болезни. Обычно летописец объяснял, почему она произошла: «Того же лета весна была тепла, а лето студено да и мокро, и никакое жито не родилося с тех мест; меженина после мору». Меженину 1332 г. тоже объясняли плохим урожаем. Однако немало косвенных данных свидетельствует о том, что, кроме меженины, напастью была также налоговая политика Ивана Калиты. Вот некоторые из них. В житии Сергия Радонежского рассказывается, почему происходило обнищание людей на Руси: оно наступало от частых «хожений» князей в Орду с данью и татарских ратей, приходивших грабить. А вот и конкретный факт — из уже упомянутого жития. Речь идет о Ростовском княжестве. Как только оно (после тверского восстания) досталось «князю великому Ивану Даниловичу... увы! увы! — восклицал агиограф с грустью,— тогда граду Ростову... и князем их» пришлось немало пережить: отняли у ростовчан «и честь, и слава, и вся прочая, и потягну к Москве». Иван Данилович отправил в Ростов своих воевод, которые «тогда возложиста вели-

ку нужу (тягость.— *А. Ю.*)» на город и на живущих в нем горожан. Учиненный разбой, сопровождавшийся конфискацией имений в пользу москвичей, проводился с ведома Ивана Калиты. Хотел он того или нет, но добился при этом еще одного результата: «И бысть страх велик на всех слышащих и видящих сиа, не токмо в граде Ростове, но и в всех пределах его, и во властех (волостях.— *А. Ю.*) и в селех». Совсем как при ордынских карательных экспедициях... Вовсе не странно, что от такой политики могла возникнуть на Руси «скудость всякого житиа».

В 1332 г. произошли волнения горожан и крестьян Новгорода, вызванные и голодом, и непомерными требованиями Ивана Калиты — дать ему новый денежный налог для хана. В ответ на неподчинение московский князь захватил Торжок и Бежецкий Верх, перекрыв тем самым торговые пути к Новгороду. Ничто не могло остановить рвение Ивана Калиты в достижении своих целей — в ход шли любые, в том числе и бесчеловечные, средства.

Ему недоступна была мораль: пострадать «за христиан». С этой точкой зрения могут не согласиться. Иначе, например, видят историческую роль Ивана Калиты уже упомянутые историки И. Б. Греков и Ф. Ф. Шахмагонов. «Время, исторический прогресс,— пишут они,— требовали проявления на Руси личности, способной *понять* ордынскую политику, найти ее слабые стороны и нейтрализовать ее губительное действие. Такой личностью оказался Иван Калита...» Едва ли нужно доказывать, что нетрудно было в то время «понять» требования Орды, что платеж большего налога — отнюдь не «слабая» сторона ханской политики. Приведена же эта цитата для того, чтобы показать, какой может быть крайняя апологетика Ивана Калиты. Эта точка зрения не характерна, к счастью, для современной историографии. Например, Л. В. Черепнин, написавший капитальный труд об образовании Русского государства, не идеализировал Ивана Калиту, который действовал как «властный князь-вотчинник», не обремененный идеями национально-освободительной борьбы против угнетателей. «Он не боролся против гнета Золотой Орды, а откупался от хана исправной уплатой «выхода», доставляя Руси некоторую передышку от татарских набегов. Его политика «правежа» денежных средств с населения русских земель была неуклонной и жестокой, сопровождавшейся крутыми мерами». Но все же и в работе Л. В. Черепнина, крупнейшего специалиста, обнаруживаются оправдывающие московс-

кого князя аргументы, с которыми хотелось бы поспорить: «Калита добился значительного усиления могущества Московского княжества, а это содействовало процессу государственной централизации». Обратим внимание на последний тезис: в нем кроется причина устойчивого желания не одного поколения ученых оправдать в главном деяния московского князя. Во благо централизации! Увы, не ставился вопрос — какой ценой?

Централизация вызревала долго — веками. Европейский ее вариант, означавший переход от вассалитета к государственному подданству (отличному от подданства — министериалитета, о котором шла речь выше), когда все подчиняются одному сюзерену напрямую, а не через иерархию, не лишал общество приобретенных свобод и привилегий: в результате сложнейшей борьбы они приобрели характер законных вольностей. В этих условиях королевская власть в Европе, действительно, с трудом сдерживала децентрализаторские стремления господствующего класса, особенно верхушки. Королевская власть была прогрессивна, ибо к вольностям прибавлялось единство созревавшей нации (т. е. условие для развития капитализма). Она являлась, по словам Ф. Энгельса, «представительницей порядка в беспорядке». В России же утверждение отношений подданства в рабской форме привело к отсутствию оппозиции: она не получила привилегий по закону, и деспотизм надолго сковал русское общество.

Московский князь, как никто другой, отвечал требованиям «служебника» хана: рабскую покорность компенсировали жестокость и немилосердие в отношении «христиан», пытавшихся отстоять свою независимость. Символично: тверской колокол увезен был Калитой в Москву,— точно так же поступит и его правнук Иван III в отношении Новгорода.

Ну а тверские князья? Чем они отличались? Обратимся к «Повести о Михаиле Тверском». Ее автор с завидной настойчивостью подчеркивал суверенность власти Михаила Ярославича, отца Александра. Князь, конечно, получил ярлык в Орде, но его право наследования — исконное. Михаил был старейшим князем среди потомков Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского). Высокий авторитет Михаила Ярославича подтверждается документально: например, в послании константинопольского патриарха Нифонта он назван был (впервые в истории северо-востока) «великим князем всеа Руси».

Причем в упомянутом послании власть Михаилу «богом дана». И — ни слова об ордынской зависимости. В. А. Кучкин, проведший блестящее исследование «Повести», вполне обоснованно утверждает: сама постановка вопроса о суверенности, независимости власти русских князей означала одно — непризнание ханского диктата. Александр Михайлович своей активной поддержкой тверского восстания показал, что продолжает дело отца. Готовность формально признать власть Орды сочеталась со стремлением к национальной независимости. А такое стремление к суверенитету (пусть даже неполному) порождало иное, чем у московских князей, отношение к проявлениям независимости внутри страны. Были ли действия тверских князей реальной альтернативой — еще предстоит исследовать. Пока очевидно, что большая зависимость московских князей от Орды, дававшая им возможность победить в схватке с Тверью, делала их проводниками наиболее деспотического варианта централизации — с утверждением княжеско-подданнических отношений в их холопской форме.

Об Иване Калите сохранились легендарные рассказы как о нищелюбце, дающем щедрые подаяния. В житии Пафнутия Боровского так и говорится: попал князь в рай за милостолюбие. Но любопытно, что обычай рисовать иконописный портрет почему-то здесь нарушен: в устах панегириста прозвучала и едва уловимая нотка осуждения. Одному и тому же нищему Иван Калита дважды давал милостыню, но в третий раз, давая ее, сказал: «Възьми, несытый зеници (глаза.— *А. Ю.*)». Ответ был неожиданный: «Ты — несытый зеници: и зде царствуешь, и тамо хощеши царствовати». Похоже, что и для агиографии этот идеальный образ князя показался не в меру идеальным...

Иван Данилович был назван Калитой, вероятнее всего, за богатство. Ведь слово «калита» означало кожаную сумку, кошелек, который пришивался или пристегивался к поясу. Сколько у него было богатств? Ну, например, золота? Перечисление в духовной грамоте изделий из него заставляет думать, что не упущена ни одна золотая чашка,— учтено все с бухгалтерской точностью. Иван Калита передавал своим сыновьям 12 золотых цепей, 9 поясов, полтора десятка предметов посуды, жене и дочери 14 обручей, ожерелье...

Богат ли был Иван Калита? В духовной Ивана III, его правнука, казна уже представляла собой вереницу ларцов с печатями. Чего там только не было: «и поясов, и чепеи (цепей.— *А. Ю.*) золотых, и судов золотых, и серебряных, и каменных, и золота, и сребра, и соболеи... и крестов золотых...» Всего так много, что не перечислить. Появились специальные дворцовые должности казначея и печатника. Но следует ли из такого сравнения, что Ивана Даниловича зря считали Калитой? Едва ли: тогда деньги, и особенно золото, ценились иначе. Даже перечисленное в завещании Ивана Калиты должно было вызывать, как писал С. М. Каштанов, «уважение к финансовым способностям монарха». Целеустремленное накопительство — тот фундамент, на котором возникло будущее строение.

В завещании Дмитрия Донского вдруг всплыли «купли» Ивана Калиты, до того нигде не упоминавшиеся. Споров в науке о загадочных «куплях» Галича, Углича, Белоозера немало: кто-то даже сомневается, что такое вообще было возможно. Не вдаваясь в суть дискуссии, отметим лишь то, что относится к личности Ивана Даниловича. Нельзя ему отказать в умении, особом даре, выражаясь современным языком, «делать деньги». Проникновение в северные районы вело к финансовому контролю над территорией и давало большой доход. Эти земли еще не становились наследственным достоянием московской династии, но уже «помогали» крепнуть новому центру будущего государства.

Время, в котором жил Иван Калита, не располагало к особой щедрости: нужно было умудриться остаться богатым и после очередного задабривания ордынского хана. Причем — самым богатым. Учитывая стремление московского князя давать Орде больше других князей, можно представить, какой ценой доставался прибыток собственный. Так что не верится в легенды: не милосердием сохранял авторитет Иван Калита, а жесточайшим корыстолюбием — только оно давало возможность выжить и победить.

Московское княжество во второй четверти XIV в. значительно усилилось. Если процесс объединения страны продиктован был объективными обстоятельствами — развитием вширь феодального землевладения (а потому — ломкой границ между княжествами), ослаблением власти Орды и т. д.,— то случай решал, какой именно город возглавит нарождающееся государство.

К. Маркс писал, что при Иване Калите «была заложе-

на основа могущества Москвы». Это так. Но, укрепляя свое княжество, он исходил из своих узкокорыстных целей. За возросшую власть именно московского князя стране пришлось платить дорого — постепенным утверждением отношений жестокого господства и подчинения (на монгольский манер) внутри русского общества.

В 1389 г. умер великий князь Дмитрий Иванович. Слава его как князя несравнима ни с чьей. Даже Александр Невский «проигрывает» — ведь с главным врагом Руси, монголами, он не боролся, а сотрудничал. На некоторых иконах XVI—XVII вв. голову Дмитрия Донского венчал нимб, а летописи, составленные много позже смерти князя, так рисовали его внешность: он и «крепок зело», и «мужествен», телом «велик и широк», этакий Илья Муромец с черной «брадою» и дивным «взором». Не повезло живому облику московского князя: он растворился в неисчислимых «похвалах» средневековых и более поздних панегиристов. Понять это можно: «выше человечьского существа дело совершил еси».

В XIX в. и этот «портрет» показался «скромным» — хотелось его украсить новыми чертами, и Н. М. Карамзин, открывая русскому обществу русскую историю, писал о Дмитрии Донском: «Целомудренный в удовольствиях законной любви супружеской, он до конца жизни хранил девическую стыдливость и, ревностный во благочестии подобно Мономаху, ежедневно ходил в церковь, всякую неделю в Великий пост приобщался Святых Тайн, и носил власяницу на голом теле...» Не упрека ради великому историку пишется это: М. Ф. Орлов, декабристский идеолог, поругивал Н. М. Карамзина за отсутствие должного «пристрастия к Отечеству», а один из близких друзей А. С. Пушкина, А. П. Плетнев, считал историю приятной пищей «самому воображению».

Что ж, таковы были общественные потребности в ирреальном, сказочном мире прошлого.

И все же, как это ни парадоксально, Дмитрий Донской не был (до 1988 г.) канонизирован русской церковью, несмотря на нимб, панегирики хронистов и последующую счастливую судьбу неканонизированного «святого». Почему? Вопрос этот непростой, и в науке нет пока однозначного ответа.

Однако поразмышляем: что же не вписывалось в икону? Может быть, то, что через два года после победы на

Куликовом поле московский князь бежал из Москвы, узнав о походе Тохтамыша? Столица подверглась страшному погрому: были разграблены церкви, убито множество людей. Тохтамыш не ограничился Москвой. Его войска «ходиша» к Можайску, Дмитрову, Переяславлю — их «взяша и огнем пожогша». Возвращаясь же в Орду, хан не пощадил и рязанские земли князя Олега, выдавшего монголам брод через Оку, когда они шли на Москву. Словом, «много зла сътвориша». Вдобавок ко всему — возобновилась дань, которую перестали было платить при Мамае. И все-таки по меркам того времени Дмитрий Донской действовал не трусливо, а расчетливо и обдуманно. Речь шла ведь о престиже князя. Риск его потерять не раз возникал перед московской династией. И через сто лет Иван III решал для себя вопрос: идти против Ахмата или уступить ему. Некоторые бояре настаивали на уступках, и лишь самоотверженный ростовский архиепископ Вассиан в знаменитом «Послании на Угру» выступил за активные действия против хана: 1480 г. стал отправной точкой отсчета независимости. В 1541 г. при малолетнем еще Иване Грозном возникла та же коллизия: на Москву шел очень могущественный крымский хан Сафа-Гирей. Как быть? Стали вспоминать старину: Дмитрий Иванович в 1382 г. уехал из Москвы, в 1408 г., когда Едигей подошел к Москве, сын Донского Василий Дмитриевич оставил столицу на свою «братью», а сам уехал в Кострому, как и отец когда-то. Беспокойство в 1541 г., как и раньше, вызывало вот что: «Великого князя бог помиловал, что в руки татарам не попал». Иван IV в 1571 г. оставил Москву Девлет-Гирею, который сначала ее пограбил, а потом сжег.

Возможность пленения великого князя, государя, а потом и царя представляла для страны гораздо большую опасность, чем разгром какой-то отдельной территории. Плен князя — это потеря самостоятельности целого государства.

Но если не бегство Дмитрия из Москвы, то что же повлияло на такое отношение к нему русской церкви? Все больше у исследователей вызывают «подозрения» отношения московского князя с иерархами, не они ли — скрытая причина?

Судите сами: незадолго до смерти митрополита Алексия в 1378 г. Дмитрий Иванович просил его благословить в митрополиты Митяя, великокняжеского духовника и хранителя печати. Алексий, отдавший жизнь свою делу

утверждения московской династии, на этот раз воспротивился: только что постриженный в монахи и назначенный архимандритом Митяй — еще «новоук» (новичок) в монашестве. Конфликт осложнился тем, что византийский патриарх Филофей тогда же «благословил» в митрополиты «всея Руси» своего ставленника — Киприана. Во всей этой полудетективной истории с неожиданной смертью претендента, самозванством, спорами и поисками «правды» у византийских иерархов лучше всех чувствовал себя Дмитрий Иванович — он и только он судил да рядил, кому быть в митрополитах. Конечно, приказать Алексию московский князь не мог. Вероятно, поэтому летописный текст своеобразно отразил настойчивость Дмитрия, граничащую с диктатом: «Умолен быв (митрополит Алексий.— *А. Ю.*) и принужен». Так умолен или принужден? До конца неясно, благословил он Митяя или нет. Хорошо известно только, что противился «новоуку» изо всех сил.

Митяй взошел на святительское место в митрополичьем облачении, а Киприан, рискнувший самовольно приехать в Москву, был по распоряжению Дмитрия Ивановича задержан и вскоре отправлен назад, в Киев, тогда принадлежавший Великому княжеству Литовскому. Акт расправы с Киприаном был уже актом открытого и грубого вмешательства в церковные дела. Всех — и тех, кто арестовал его, и тех, кто причастен был к «общестию и хулению»,— митрополит Киприан отлучил от церкви и проклял: анафема касалась прежде всего Дмитрия Ивановича и его бояр. Обосновывая свой шаг, весьма серьезный по меркам средневековья, Киприан писал, что «ни годится князем казнити (т. е. наказывать.— *А. Ю.*) святителев». У церковного деятеля своя епархия: патриарх, великий собор... Недопустимо, чтобы великий князь управлял чисто церковными делами. Но что недопустимо для церковного деятеля, воспитанного на идеях византийского патриарха Филофея о послушании светских властей церкви, то в порядке вещей считалось на северо-востоке Руси. Летопись, сообщившая о внезапной, можно сказать, таинственной смерти Митяя по дороге в Константинополь для утверждения в сане митрополита, не исключала насилия: «...понеже и епископи вси, и архимандриты, и игумены, и священницы, и иноци, и вси бояре и людие не хотяху Митяа видети в митрополитех, *но един князь велики хотяше»*. Киприан, сполна познавший недовольство великого князя, испытал и время особой теплоты с его стороны: время «казнить» сменилось после

победы на Куликовом поле временем «миловать»,— результатом чего явилось приглашение Киприана в Москву.

Но вскоре снова возник конфуз: после смерти Митяя митрополитом самозванно назвался Пимен, один из членов делегации, ехавшей в Византию для утверждения Митяя в сане митрополита. Пимен обманул царьградских иерархов, был рукоположен в сан и возвратился в Москву, когда в ней уже торжествовал митрополит Киприан. Незадачливого иерарха великий князь выслал из столицы, лишив белого клобука. Свиту его частью тоже сослали, частью заточили в темницы. Но этим дело не кончилось. Не будем уходить в глубины исследовательских предположений, гипотез, догадок, пытающихся ответить на вопрос «почему?», отметим лишь лежащее на поверхности — примечательное и важное для понимания допускаемого «счета» русской церкви к великокняжеской власти. Митрополит Киприан торжествовал недолго: в памятном 1382 г. он оставил Москву на произвол судьбы, по крайней мере, официальные летописи объясняли новый гнев великого князя на митрополита тем, что «не седел (он.— *А. Ю.*) в осаде на Москве», когда та подверглась нападению Тохтамыша. В науке, правда, существуют и другие объяснения опалы.

Киприана лишили митрополичьего престола, вместо него Дмитрий Иванович пригласил в Москву еще недавно опозоренного Пимена, находившегося в заточении. Но и Пимен неуверенно чувствовал себя на престоле. Его соперником стал Дионисий, суздальский епископ, который раньше единственный выступил открыто против кандидатуры Митяя. Теперь Дионисия поддерживал сам великий князь, отправив его в Византию, с тем чтобы он смог там убедить патриарха Нила в необходимости низложить Пимена. Исследователь «Повести о Митяе» Г. М. Прохоров пишет о возможной причине борьбы великого князя с митрополитом: «Пименом князь совсем не дорожил, возможно, опасаясь, что более сильное, чем он сам, влияние на него будут иметь сделавшие его митрополитом бояре».

Лишь смерть Дмитрия Донского как-то успокоила русскую церковь. В Москву вернулся Киприан, с ним вернулась и стабильность. Простила ли русская церковь великому князю его своеволие?

Канонизация проводилась в XVI—XVII вв. Что думала русская церковь о Дмитрии Донском в 1547 и 1549 гг., когда вносила в списки «святых» Александра

Невского и Михаила Ярославича Тверского? Вопросы эти, увы, пока остаются без ответа, но, возможно, найдутся новые факты, предположения и мы ближе подойдем к открытию тайны.

Примечательны некоторые слова в «Повести о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», написанной после его смерти: девятилетним мальчиком он наследовал трон умершего отца и принял «скипетр державы Русьскыя земля... и *отчину свою великое княжение* (Владимирское.— *А. Ю.*)», данные ему самим «богом». Все ли в процитированных словах соответствовало действительности 1359 г.? Начну с того, что «великое княжение» тогда не принадлежало московским князьям, а Дмитрию Ивановичу досталось среднее по размерам княжество, хотя и густонаселенное. Крупными городами княжества были Москва, Звенигород, Можайск, Коломна. Иван Иванович, отец Дмитрия, будучи московским князем, занимал стол Великого княжества Владимирского. Но «великое княжение» — вот парадокс — никому не принадлежало: оно в то время контролировалось Ордой, которая не допускала превращения владимирских земель в наследственные. Иван Иванович владел территорией, в несколько раз превышавшей размер собственной «отчины» — Московского княжества.

Владимирское княжество Орда передавала во временное пользование. Не понравился князь своей невнимательностью к изысканным потребностям ханского двора — и не видать ему «княжения». Только услужливый да щедрый князь, не скупящийся в дани, мог пользоваться этой землей. Владелец княжества Владимирского становился старшим среди остальных князей Северо-Востока. Он руководил внешней политикой, возглавлял объединенные вооруженные силы и собирал с русских земель «выход» для Орды. Само Владимирское княжество было богатейшим и одним из самых больших в этом регионе. Владимир, Юрьев-Польский, Ярополч, Переяславль — основные его центры.

В 1359 г. Димитрий Иванович, вопреки сообщению «Повести», остался к тому же без ярлыка на великое княжение, которым завладел нижегородский князь Дмитрий Константинович. Лишь в 1362 г. московский князь дипломатическим путем получил ярлык. К какому же

времени относятся сведения «Повести о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»?

Проникновение во Владимирское княжество московские князья осуществляли постепенно, приобретая там вначале различные села, которые становились уже неотъемлемой собственностью династии. Процесс этот принял широкий масштаб: по наблюдениям историков, не позднее второй половины XIV в. крупная феодальная вотчина московских бояр переступает границы своего княжества, внедряясь во Владимирское великое княжение. Мобилизация земель разрушала границы и привычные стереотипы удельных порядков, создавая благоприятные условия для централизации, образования единого Русского государства.

Но вернемся к 1362 г. Получение Дмитрием ярлыка объяснялось в летописи по-новому — вразрез с прежними порядками: досталось, дескать, московскому князю великое княжение «по отчине и по дедине»! Синхронен ли этот текст событию? Впервые документально великое княжение названо «отчиной» в московско-литовском соглашении 1371 г. В нем, в частности, говорилось: «...тферичем нет дел в нашеи очине, в великом княженьи». Признание хотя и важное, но не окончательное, ибо последнего слова не сказала сама Тверь — давнишняя соперница Москвы. Напряженность в отношениях двух лидирующих центров Северо-Востока выразила Тверская летопись в 1366 г. В ней отмечалось, что Москва, «надеяся на свою на великую силу», начала князей русских «приводити в свою волю». На неповинующихся «воле» стали «посягати злобою». В самом деле, можно привести немало фактов, свидетельствующих о расширении влияния Москвы, утверждении ее власти в новых и новых землях. Однако решающую роль в качественном росте могущества Дмитрия Ивановича сыграл 1375 г.

Годом раньше в Переяславле собрался общекняжеский съезд, среди участников которого не было тверского князя. Скоро выяснилось, что не случайно. Весной 1375 г. в Тверь перебежали из Москвы Некомат, крупный гость, торговавший с Востоком, и сын последнего московского тысяцкого Иван Вельяминов. Их тверской князь послал в Орду для получения ярлыка. С этим поручением перебежчики справились, и 13 июля ярлык был в руках Михаила Александровича.

Не желая терпеть соперничество, московский князь начал войну с Тверью. В походе приняли участие сер-

пуховской князь Владимир Андреевич, нижегородский Дмитрий Константинович, ростовский и ярославский князья, а также моложский, белозерский, стародубский и даже тверской удельный князь Василий Михайлович Кашинский. По сути дела, в походе участвовали все князья Северо-Востока.

8 августа 1375 г. Тверь испытала первый штурм. Почти месяц продолжалась осада города. Михаил Александрович, осознавший бесперспективность борьбы с такой силой, согласился «с покорением и с поклонением... прося мира».

Мир заключен был 1 сентября. Михаил Тверской признал себя вассалом московского князя («молодшим братом»). Он не мог теперь претендовать на великое княжение Владимирское, которое признал наследственным достоянием Дмитрия Ивановича; замышлять, как тогда говорили, «лихо» против великого князя; вести самостоятельные военные действия, а также внешнюю политику. Тверской князь согласился и с тем, что теперь он «брат», т. е. равный Владимиру Андреевичу Серпуховскому — удельному князю Московского княжества. Наметился исторический поворот в превращении некогда самостоятельных князей в удельные, а их земель — в уделы Московской Руси.

Кроме этих условий, оговаривались и более частные. Но все же главный итог состоял в том, что Дмитрий Иванович становился верховным защитником русских земель и главным арбитром в княжеских спорах. В «Повести о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» сливаются понятия «отчины» и «всей Русской земли». По-моему, лишь после 1375 г. стало возможным поставить знак равенства между этими понятиями, имея в виду прежде всего политическую ответственность за княжества Северо-Востока, которая теперь ложилась на плечи московских князей. Разумеется, это условный рубеж. Уже в 1373 г. Дмитрий Иванович проявил себя как сюзерен, верный союзническим обязательствам. Узнав об угрозе нападения Мамая на Рязанское княжество, он собрал «всю силу княжения великого» и расположился на левом берегу Оки. Открыто пойти на помощь Олегу Рязанскому московский князь не решился, а Мамай не рискнул повторить свой набег.

Текст грамоты 1375 г. отразил возникавшее с необычными для эпохи феодальной раздробленности понятиями мировоззрение. Если вдруг Михаил Тверской начнет

«обижать» других князей, то великому князю придется встать на их защиту, и наоборот. Рождалась новая философия эпохи: «помогати и боронитися всим с одиного». Дмитрий Иванович предложил следовать этим идеям: «А жити нам, брате, по сеи грамоте». Единство — и в борьбе с «татарами» — вот важнейший итог изменений геополитических представлений русских князей и Дмитрия Ивановича в особенности. Вчитайтесь в текст документа: «А поидут на нас татарове или на тебе, битися нам и тобе с одиного всем противу их. Или мы поидем на них, и тобе с нами с одиного поити на них».

Расширение политических и владельческих прав московской династии породило общерусский кругозор; без этого качества едва ли можно было победить на Куликовом поле. И хотя самый ранний список «Задонщины» относится к XV в., не вызывает сомнений, что именно мотив защиты единой Русской земли и христианской веры был наиболее сильным моральным фактором, обусловившим победу.

«И рече князь великий Дмитрей Иванович: «Братия бояра и князи и дети боярские! то вам сужено место межь Доном и Непром на поле Куликове, на речке Непрядве. И положили есте головы своя за святые церькви, за землю за Русскую и за веру крестьянскую».

События последней четверти XIV в. связали воедино имена Дмитрия Донского и Мамая: в массовом сознании сегодня они противостоят друг другу, как Пересвет и Челубей. И все же, чтобы лучше понять Дмитрия Донского, необходимо обратиться к фигуре Мамая — его помыслам и делам.

Мамай отличался многими достоинствами настоящего средневекового правителя: был жесток, хитер, умен, изворотлив. Лишь один объективный «минус» не позволял ему стать ханом Золотой Орды: он — не чингизид, в нем не текла «царская» кровь. Мамай — монгольский вариант некоронованного Бориса Годунова.

В начале 60-х годов XIV в. единое золотоордынское государство раскололось на две враждующие части. Границей между ними стала Волга. Если в левобережной орде со столицей Сарай ал-Джедид происходили бесконечные усобицы с частой сменой правителей, то правобережный улус отличался стабильностью — там правил Мамай при ханах-марионетках: с 1361 по 1369 г. то был

Абдуллах, с 1369 по 1375 г.— Мухаммед-Булак, затем — Тулунбек до 1379 г. Эта орда занимала территорию Северного Кавказа, Причерноморья, Крыма, междуречья Волги и Дона. Мамай в ней — беклярибек, т. е. вассал хана и высший государственный чиновник.

Первое нападение на Русь он совершил в 1373 г., а через год в летописях появилось такое сообщение: «А князю великому Дмитрию Московьскому бышеть розмирие с Тотары и с Мамаем». Имеют под собой почву научные предположения, что причиной «розмирия» могли послужить какие-то требования Мамая, которые Дмитрий Иванович не хотел выполнять. Востоковед В. Л. Егоров обратил внимание, что кроме неудач в борьбе за Сарай ал-Джедид правобережная орда испытала и засушливое лето, приведшее к возникновению «мора» в степях. Симптоматично: в том же 1374 г. собрался уже упомянутый княжеский съезд. В. А. Кучкин полагает, что «редкий форум должен был решать и редкие по своей важности задачи» — антиордынские. В этой связи рискну высказать еще одно предположение. В «розмирии» русских князей (кроме всего прочего) могла не устраивать и такая деталь: Мамай — не «царь», а вассал хана, т. е. равный Дмитрию Ивановичу, осознавшему уже себя общерусским правителем. Подчинение великого князя могущественному беклярибеку могло осуществиться лишь насильственно, иначе русская сторона теряла собственный авторитет и достоинство.

Не случайно в синхронных событиям летописных текстах Мамай демонстративно назван «князем», а новгородская летопись с сарказмом писала о нем: «...разгордевся, мнев себя *аки* (в качестве.— *А. Ю.*) царя». Некоторые историки допускают, что в конце концов Мамай начал править от своего имени, ибо Тулунбек последний раз упомянут в 1379 г., а в Куликовской битве при Мамае не было хана. Так это или нет — сказать трудно. Во всяком случае, вполне допустимо, что в поведении Дмитрия Ивановича был *элемент* недовольства тем, что Мамай, узурпировав власть, нарушал привычные взгляды на господство и подчинение. Не забудем и то обстоятельство, что, борясь с Русью, Мамай имел сильного соперника в лице Тохтамыша, потомка хана Джучи. Придя к власти, тот сразу послал своих представителей на Русь объявить, что победил «супротивника своего и их (русских.— *А. Ю.*) врага Мамая». Обратим внимание: «своего и их», т. е. общего врага.

Тохтамышевых послов, сообщивших о гибели Мамая, князья отпустили с «честью и съ дары», а «на зиму ту и на ту весну» отправили своих послов к Тохтамышу «со многыми *дары*». Заметьте: с дарами, а не "выходом". Разница велика — дары возили в Крымское ханство и в XVI в., но это не означало зависимости. Таким образом, несмотря на борьбу с «общим» врагом Мамаем, пути Орды и русских князей разошлись уже навсегда. Доказал это разгром русских земель Тохтамышевой ратью в 1382 г., после чего Русь возобновила уплату «выхода» Орде. Не был ли этот поход ордынским ответом русским князьям, осмелившимся предлагать вместо регулярной дани подарки?

Хотя существовало стремление князей не платить «выход» Орде, они, по крайней мере ритуально, чтили русско-монгольскую иерархию: ведь еще только возникал центр нового государства. Вот что писал Рогожский летописец о психологических нюансах поведения Дмитрия Ивановича, узнавшего о походе на Русь Тохтамыша: «То слышав, что *сам царь* идет на него с всею силою своею, не ста на бои противу его, ни *подня рукы противу царя,* но поеха в свои град на Кострому». Не будем сбрасывать со счетов полтора века жестокого подчинения, породившего своеобразные царистские настроения русских князей. Противоречие эпохи в том и заключалось, что из «своих», привычных для русских князей монгольские ханы постепенно превращались в «чужих», ненужных новому государственному образованию. В «Повести о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» «злочестивому» Мамаю находится аналог — русский князь Святополк, который в XI в. убил своих братьев Бориса и Глеба, войдя в историю как «окаянный» преступник. Мамай, таким образом, включен даже в русскую историю, он ей не чужероден в XIV в.

Величие Дмитрия Донского проявилось в том, что его личные цели совпадали с целями народа, страны; московский князь мечтал о свободе своей Родины. В своем завещании он писал: «А переменит бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и которыи сын мои возмет дань на своем оуделе, то тому и есть». Находясь еще под психологическим воздействием существующей иерархической системы власти, Дмитрий Донской тем не менее выступал за самостоятельность и независимость русских земель. Противоречие? Нисколько. В 1431 г. внук Донского, Василий II, и сын его, Юрий Дмитровский, пыта-

лись разрешить свой конфликт (по обоюдному согласию) в Орде. Духовная Дмитрия Ивановича давала возможность по-разному трактовать право наследования. Спорили дядя и племянник. В Орде одержал победу Василий II; в его пользу склонили аргументы, которые выставил боярин Всеволожский. Ссылка не на «мертвую» грамоту, а на ханское «пожалование» решила спор. Русь уже не платила прежнего, регулярного и тяжелого "выхода" Орде и не собиралась этого делать. А вот психологическая потребность в высшем арбитре у князей еще оставалась.

Система господства и подчинения в русских землях XIV в. завершалась царской властью пока еще монгольского хана, но уже рвались и гибли привычные связи этой системы. В XV в. возникала пирамида, на вершине которой должен был сидеть уже великий князь всея Руси.

В. Д. Назаров обратил внимание: в послании на Угру ростовского епископа Вассиана уравниваются титулы Ивана III и Ахмета. Обращаясь к великому князю, Вассиан величает его «царем»: он и «благоверный», и «христолюбивый», и, что особенно интересно, богом «венчанный» и богом «утверженный». А вот Ахмет не сразу же назван «царем». Вассиан сомневался в законной силе царского сана правителя Золотой Орды — может ли «богоборец» быть «царем»? Ростовский владыка подошел к отрицанию вообще юридической законности титула ордынского государя. Напомню: речь идет о 1480 г.— последнем в летописи русской зависимости от Орды.

Уже в XVI в., когда факт существования Русского государства был осознан в европейском масштабе, возникает идеологическое обоснование власти великих князей. Создается письменная легенда о князьях владимирских, происходивших якобы от римского «царя» Августа. В ней византийский император Константин Мономах посылает Владимиру Всеволодовичу «венец царьски» (известный как «шапка Мономаха») на «славу и честь и на венчание твоего *волнаго и* самодержавного царства...».

Спрашивается: если бы оно всегда было «вольным» и «самодержавным», стали бы в этом убеждать?

Куликовской битве предшествовал опыт первых крупных столкновений русских войск с ордынцами. В 1377 г. на реке Пьяне (злой рок названия!) русское войско потерпело сокрушительное поражение. Победа монголов была легкой: русские ратники, обнаружив поразительную беспечность, сняли с себя доспехи и, предаваясь пьянству, охоте, не заметили, как внезапно напали на них монголы.

Многие воины были убиты или утонули в реке. Отрицательный опыт помог выиграть другое, более серьезное сражение — на реке Воже в 1378 г. В этой битве русские войска возглавлял сам Дмитрий Иванович, а монгольские — Бегич, посланный Мамаем «на всю землю Русскую». Противники встретились недалеко от Переяславля Рязанского. Переправившись через реку, Бегич попал в искусную ловушку. Русские войска ударили сначала по флангам, а завершили сражение лобовой атакой. Разгром был полный. В панике, побросав имущество, монголы бежали. Кроме множества рядовых воинов, погибли еще пять монгольских князей. Высоко оценивая битву, К. Маркс писал: «11 августа 1378 г. Дмитрий Донской совершенно разбил монголов на реке Воже (в Рязанской области). Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими». В ней проявился полководческий талант московского князя, сумевшего точно рассчитать свой удар. Была и тактическая хитрость: Дмитрий Иванович применил расчлененный боевой порядок, давший мобильность русскому войску.

Поход Мамая на Русь стал неизбежен. Разгневанный известием о поражении на реке Воже, он «взъярися злобою»: месть, конечно, была одной из побудительных причин, но не единственной. В планы Мамая входило не только разгромить Северо-Восток, но и возобновить тяжелейшую дань, которую русские земли платили при хане Джанибеке. И это понятно: не заметить поражения было нельзя — это означало бы смирение перед потерей Руси. Переговоры, начавшиеся до битвы, не привели к желаемому результату ни одну из сторон: московский князь соглашался лишь с данью на основе подушного обложения с учетом платежеспособности населения, что не могло устроить послов Мамая. Отказавшись выполнить требования Орды, Дмитрий Иванович, однако, направил к Мамаю своего боярина З. Тютчева для передачи «злата и сребра многа». Но надежды на мирное решение конфликта не оправдались. Дань потребовали большую, да к тому же русская разведка донесла о сговоре Мамая с Ягайло, так что битва была предрешена.

Дмитрию Московскому нельзя было допустить создания антирусской коалиции. Требовались решительные действия. Поворотным оказался момент, когда русское войско подошло к Дону: переправляться или нет? Мнения разделились: кто-то осторожничал, но большинство все же выступило за решительные действия, дабы не дать

возможности Мамаю соединиться с Ягайло. Жребий был брошен: в ночь с 7 на 8 сентября Дон был перейден. Рано утром стали строиться в боевые порядки. В некоторых летописях рассказывается, что окончательно склонили к такому решению аргументы психологического порядка: на том берегу не будет пути к отступлению. Или погибнуть, или победить — третьего не дано. Московский князь рисковал всем, что имел: этот шаг требовал и смелости, и, конечно, политической мудрости. Ибо подчинение на мамаевых условиях было хуже любого поражения — оно лишило бы чести и достоинства династию, ввергая народ и страну в рабство.

Между половиной десятого и половиной одиннадцатого утра показалась монгольская конница. Первый удар ее принял на себя сторожевой полк русских войск, в котором находился сам великий князь Дмитрий. Личный пример как нельзя лучше укреплял ряды воинов, ставших на смертельный бой. Из сторожевого полка Дмитрий ушел потом командовать основными силами, ибо натиска монгольских войск хватило, чтобы смять русский авангард. Через два часа битвы обнаружился перевес сил в пользу ордынцев. И тут решающую роль в победе сыграл засадный полк «в дубравах», которым командовал ближайший сподвижник Дмитрия, его двоюродный брат Владимир Андреевич Серпуховской вместе с Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским. Этот полк, как и было задумано, напал неожиданно и поверг монгольские войска в бегство.

В летописях поведение Дмитрия Ивановича на Куликовом поле рисуется неоднозначно. Не забудем, что в них отражались политические страсти эпохи. Историку порой приходится тяжко: одно и то же событие описывается нередко то в обличительных, то в оправдательных тонах — расхождения доходят до противоположных оценок. И здесь исследователю легко увлечься какой-то одной версией, встать на сторону одной из спорящих сторон. В этом сложность изучения политической истории средневековья: историк не может быть беспристрастным и должен быть объективным.

В нашем случае различия в изображении Дмитрия — не явные, они как бы в подтексте того, о чем говорится. Но и они приоткроют кое-какие тайны того времени, если мы будем вчитываться в историческую хронику. Л. В. Черепнин обратил внимание: в Ермолинской и Львовской летописях рисуется образ князя-воина, шед-

шего на бой в первых рядах. На советы воевод остерегаться и находиться в безопасном месте он отвечал: «Хощу словом, тако и делом пред всеми главу свою сложити за хрестьяне». И хотя много было «ударения» по голове и телу князя на фоне умиравших вокруг русских воинов, ранения он не получил: бог охранял. Почему летописцы не хотели признать, что московский князь был ранен? Историк заметил — создается впечатление, что составитель летописного рассказа кого-то убеждал в храбрости князя. Кого же? И зачем нужно было уверять, что Дмитрий не был ранен не потому, что оберегал себя, а потому, что бог его охранял?

Несколько иначе выглядит Дмитрий Иванович в Никоновской летописи. Перед сражением он поменял одеяние: Михаилу Андреевичу Бренку отдал свое, княжеское, сам же оделся как простой воин. Бренок был убит, а великого князя ранили и он укрылся в дубраве. После победы Владимир Андреевич Серпуховской стал спрашивать о великом князе: не видел ли кто? Сначала нашлись свидетели его подвигов, затем нашли и самого, лежащего «аки мерьтв».

Убедительно предположение Л. В. Черепнина: никто, конечно, не мог оспаривать заслуг великого князя как организатора вооруженных сил, но вот поведение его в день битвы приобрело политическую остроту. «Его ранение,— писал историк,— заставившее его выбыть фактически из строя в часы боя, было использовано врагами Московского княжества из числа русских правителей... и противниками Дмитрия Донского из числа московских и немосковских бояр для его опорочивания. Распространялись слухи о том, что, переодевшись в одежду Михаила Бренка, он уклонился от руководства русскими полками в день сражения и фактическим победителем на Куликовом поле оказался князь Владимир Андреевич».

Вполне допустимо, что в рассказе Ермолинской и Львовской летописей нашла отражение полемика, которая велась *еще при жизни* Дмитрия Ивановича. Ведь если признать, что он был ранен (а так, наверное, и было!), то тогда получалось, что правы те, кто принижал роль Дмитрия Ивановича как руководителя Куликовской битвы и возвеличивал Владимира Андреевича Серпуховского. Отсюда, наверное, проистекает то странное сочетание факта с иррациональным его толкованием — дескать, бился он с монголами до конца, получал удары по телу и голове, но ранен не был, бог защитил!

Политические страсти имеют одну особенность — они затихают, острота их пропадает, зато навечно остается благодарная память народная. Ей обязан московский князь гордым прозвищем Донской. Победу на Куликовом поле одержал русский народ во главе с великим полководцем, точно и заранее рассчитавшим формулу успеха. Именно этим качеством близок Дмитрий Иванович А. В. Суворову и М. И. Кутузову — он их предтеча.

Московскому княжеству в эпоху Дмитрия Донского уже не было равных. Борьба продолжалась, находились соперники, враги, но исторический процесс уже твердо определился: Москва станет столицей нового государства.

Дмитрий Донской смотрел в будущее. В отличие от деда, он, борясь с тверскими князьями, главной своей целью считал освобождение страны от власти Орды. Если в эпоху Ивана Калиты действия тверских князей представляли собой альтернативу политике Москвы, то во времена Дмитрия Донского Тверь оказалась противником курса московских князей на освобождение от ига и объединение страны. Драматична эта метаморфоза. После Куликовской битвы Москва из центра сильнейшего княжества северо-востока Руси стала признанной национальной столицей, объединяющей вокруг себя русские земли. В завещании Дмитрий Донской передал сыну княжество как свою «вотчину», не упоминая в этой связи Орду. Ясно была подчеркнута им перспектива падения ига («переменит бог Орду»).

В эту эпоху наступил великий этап общественного самопознания. Благодаря Дмитрию Донскому борьба с игом монгольских ханов обрела мощное нравственное звучание, став борьбой национальной за свободу и независимость.

С. В. ДУМИН

ДРУГАЯ РУСЬ (ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ И РУССКОЕ)

«И почему было Москве царством быть? И хто то знал, что Москве государством слыть? — дивился в XVII в. один из русских книжников.— Были тут по Москве-реке села красные хороши...» Впрочем, на вопрос «почему» весьма четкий ответ был найден еще веком раньше: «...яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам то есть Российское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

Упокоились под плитами Архангельского собора последние потомки Ивана Калиты, а их случайные преемники, увенчанные «шапкой Мономаха», с той же непоколебимой уверенностью считали именно себя законными наследниками «прежних великих князей и самодержцев». Российская империя изменила старой столице, но все-таки именно Москва оставалась сердцем державы... Московская традиция формировала историческое сознание русского народа, вдохновляла писателей, поэтов, художников, отражалась в ученых трудах. В жесткой системе координат, применяемой для оценки событий нашего прошлого, Москве отводилась роль одного из основных ориентиров. Судьбу Москвы, ее победу в борьбе за создание единого государства летописцы объясняли волей Божьей, историки — действием объективных закономерностей социально-экономического развития; но и в том и в другом случае именно данная линия исторического развития Руси признавалась изначально главной, магистральной.

Вглядываясь в разноцветную, похожую на лоскутное одеяло карту средневековой Руси, читая летописные рассказы о княжеских усобицах, мы невольно усматриваем в победах москвичей над тверичами, рязанцами и нижегородцами проявление высшей закономерности, торжество централизации над феодальной раздробленностью, побе-

ду сторонников единства Руси над сепаратистами, не всегда задумываясь над тем, под какими знаменами и во имя каких идей ходили на Москву ее многочисленные противники. Пожалуй, отчасти повезло лишь Твери: историки оценили заслуги местной династии в начальный период борьбы против ордынского ига, и это княжество — хотя и с многочисленными оговорками,— признается одним из потенциальных центров объединения русских земель. Но все-таки, говоря о «полицентризме», характерном для начального этапа борьбы за восстановление единства и освобождение, историки, как правило, не выходят за рамки Северо-Восточной Руси, лишь бегло освещая события и процессы, протекавшие за ее пределами. Для подавляющего большинства историков ядро Руси в XIII в. и позже находится совсем не там, где располагалось в предшествующие века. И в научных трудах, и в учебниках русская история как бы перемещается из Киева в Великое княжество Владимирское. Здесь решаются судьбы Руси, здесь борются за власть над нею тверские, нижегородские, московские князья да, собственно говоря, здесь и находится теперь настоящая Русь, а на запад от нее раскинулось иное, враждебное государство, Литва, захватившая русские земли; окрепнув, Русь Московская вступит в борьбу за древнерусское наследие...

Так или примерно так ситуация в Восточной Европе в XIII—XVI вв. выглядит в большинстве общедоступных работ, а о западных соседях Москвы нашим читателям, наверное, известно гораздо меньше, чем хотя бы о Золотой Орде. И поэтому многие весьма удивятся, узнав, что восточнославянское население той летописной «Литвы» (начинавшейся за Можайском) считало Русью именно свою державу, что (как убедительно показала недавно А. Л. Хорошкевич) «вся Русь, по их понятиям, объединялась именно в Великом княжестве Литовском». Там жителей северо-востока именовали по столицам земель и княжеств — тверичами, псковичами, москвичами; затем за подданными Московского государства прочно закрепилось название москвитян, московитов. Русскими для православных жителей «Литвы» были прежде всего они сами (что, впрочем, не мешало им помнить о былом единстве Руси). Это отразилось в многочисленных местных памятниках, в том числе в летописях, причем формулировки источников порою приводят в недоумение современных публикаторов. Например, согласно так называемой «летописи Рачинского», в 1512 г. «князь великии

московскии Василии забывшы перемиря и прысяги своее, до панъства (государства.— *С. Д.*) Руского воиско свое высылал и шкоды непрыятельским обычаем чынил» (речь шла о походе на подвластный Великому княжеству Литовскому Смоленск). В примечании издатели предположили, что летописец ошибся и должен был написать вместо «Руского» — «Литовского». В действительности, вероятно, автор сказал именно то, что хотел сказать: *московские* войска предприняли поход против *его Руси.*

Слово «Русь» уже в XIII в. присутствовало в титуле правителей державы, созданной литовскими князьями при поддержке восточнославянского боярства и городов и к XIV—XV вв. вобравшей большую часть территории древнерусского государства. В переписке с иностранными дворами правители Великого княжества именовались «королями Литвы и Руси». Уже в XIV в. для обозначения этого государства складывается устойчивая формула, включавшая три основных его компонента: собственно Литва, Жмудь (Жемайтия, Западная Литва), населенные близкородственными балтскими племенами, и русские земли. «На Великом князстве Литовском, Жомоитском и Руском» царствовали Витень (ум. 1315), Гедимин (ум. 1341) и его преемники. Позже в титуле и названии Русь следует сразу же после Литвы, а Жмудь отступает на третье место или вовсе не упоминается. Например, летописная «похвала» «славному господарю великому князю Александру зовомому Витовту» (30-е годы XV в.) вспоминает, что «быше ему держащи великое княжение Литовское и Руское, иные многие земли, сопрость реку (попросту скажу.— *С. Д.)* вся Руская земля». Одержав победу в феодальной войне после смерти Витовта, его брат Сигизмунд «нача... княжити на великом княжень[и] на Литовьском и на Руском». Его преемник Казимир Ягайлович воцарился «с честию на столечном городе на Вилни (Вильно.— *С. Д.*) и на Троцех (Троках.— *С. Д.*) и на всеи земли Литовскои и на Рускои», был «королем польским и великим князем литовским, руским и жомоитским», и так далее, и так далее, и так далее.

Само по себе, впрочем, присутствие имени Руси в этом титуле можно было бы расценить как всего лишь свидетельство владения литовским князем определенной территорией (с XIX в., скажем, император всероссийский именовался и царем польским, но полякам от этого было мало радости). Но даже мимолетного взгляда на карту Великого княжества Литовского и Русского, в период

расцвета простиравшегося от Балтики до Черного моря и от границ Польши и Венгрии до Подмосковья, вполне достаточно, чтобы представить себе реальное соотношение в нем славянского и балтского элемента. Русские земли составляли $^{9}/_{10}$ территории Великого княжества Литовского. И хотя ареал расселения балтов был тогда значительно шире (захватывал часть территории современной Белоруссии), литовцы и жмудины являлись в этом государстве «национальным меньшинством» (однако меньшинством — подчеркнем это сразу — привилегированным).

Констатируя, что большую часть населения Великого княжества Литовского составляли восточные славяне (предки нынешних украинцев, белорусов и части великороссов) и что к XIV — началу XV в. именно под властью литовской династии оказалась бóльшая часть бывшей Киевской Руси, необходимо выяснить реальные причины появления этой огромной державы, ее роль в Восточной Европе и, в частности, ее место в истории российской государственности. Для этого, однако, есть немало препятствий, и прежде всего — уже отмеченная традиция рассматривать историю взаимоотношений Московской Руси с ее западной соседкой именно с «московской колокольни». До сих пор немало историков убеждено, что население Южной и Западной Руси вполне разделяло московскую программу объединения и с нетерпением ожидало момента, когда власть литовская (чужеземная) сменится властью московской (родной и любимой). Одни и те же явления оценивались и оцениваются историками по-разному — в зависимости от того, в которой части Руси они происходили. Так, например, с точки зрения большинства авторов отъезды в Москву вассалов литовского великого князя должны были свидетельствовать, разумеется, о популярности идеи общерусского единства, отстаиваемой потомками Калиты. Бегство в Литву тверских, рязанских и прочих князей и бояр (в том числе родственников московской династии) считается, однако, явлением принципиально иным, доказывающим лишь сохранение феодальной оппозиции прогрессивной централизаторской политике тех же московских князей. Бегство, скажем, белорусских крестьян в Великороссию считалось и считается до сих пор доказательством их стремления к воссоединению Белоруссии с Россией. Массовое бегство русских крестьян в противоположном направлении (вплоть до XVIII в.), конечно, не доказывает ровным

счетом ничего, кроме обострения классовой борьбы. Присоединение мелких княжеств к московским владениям всегда считалось явлением глубоко прогрессивным. Рост владений Великого княжества Литовского историков, как правило, глубоко огорчает, поскольку тем самым отдалялось осуществление Москвой ее исторической миссии. И, разумеется, московские князья предстают при этом «собирателями», а литовские князья — чужеземными завоевателями, разорителями, «находниками» (в этом автор классической монографии «Образование Литовского государства» В. Т. Пашуто вполне солидарен с жившими в XVI в. составителями «Сказания о князьях Владимирских», ибо следует той же исторической традиции).

И все-таки, если хоть на время отвлечься от мысли о мессианской роли Северо-Восточной Руси вообще и Москвы в частности и взглянуть на события, происходившие в Восточной Европе в XIII—XVI вв. по возможности «без гнева и пристрастия», быть может, история этого региона предстанет перед нами в несколько ином свете. Так что же все-таки происходило к западу от Смоленска, там, куда не дотянулись цепкие пальцы ханских баскаков?

«В то время, когда Великороссия попала под монгольское иго, Белоруссия и Малороссия нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству»,— пометил Энгельс. Эта цитата, пожалуй, одно из немногих высказываний классиков, относящихся к данному государству, кочует из работы в работу, пожалуй, не только потому, что цитировать классиков принято, но и потому, что Энгельс очень тонко уловил целый ряд важных моментов: и причины образования Великого княжества Литовского и Русского («нашли себе защиту», причем «присоединившись», а не будучи захвачены), и характер этого государства («так называемое» Литовское княжество — литовское по имени, не по сути). Последнее, впрочем, как правило, не замечалось, а вот ордынская угроза как причина признания восточнославянскими землями власти князей Литвы общепризнана. В. Т. Пашуто, по-своему раскрывая этот тезис, писал о сговоре литовской знати и местного, западнорусского боярства, ценой некоторых уступок (дани литовскому великому князю) добившихся сохранения своих прав и привилегий, об «экспансии сравнительно молодого литовского феодального класса», борьбе Москвы «за воссоздание узурпированных зе-

мель». С ним в той или иной степени солидарны многие русские и литовские историки (последние — потому, что концепция распространения литовской власти на славянские земли представляется им более приемлемой, чем идея добровольного союза, да еще с преобладанием славянского элемента).

Впрочем, еще и в дореволюционной литературе встречались попытки «оправдать» политику литовских князей. Уже в сравнительно недавнее время (в 60-е годы XX в.) И. Б. Греков в своих монографиях довольно убедительно показал, что Великое княжество Владимирское и Великое княжество Литовское и Русское выступали фактически с одной программой — программой объединения всей русской земли (но за последним эта роль признается лишь до момента официального крещения литовцев по католическому обряду в 1387 г.). Совсем недавно белорусские ученые, решительно сломав официозную схему прежней историографии, обратились к истории Великого княжества в поисках традиций белорусской государственности. На Украине появляются работы, где (например, в трудах Ф. М. Шабульдо) исследуется роль Великого княжества Литовского в борьбе за свержение украинскими землями ордынского ига.

В этом коротком очерке предпринята попытка рассказать о том, какую роль сыграло (и могло сыграть) в истории нашей страны это государство, и о тех людях, которые предлагали иную программу, иной путь, иную цель.

Итак, в то время, когда Великороссия попала под монгольское иго, в 40-е годы XIII в., на окраине бывшей Киевской Руси внезапно появилось новое государство — Литовское княжество, еще не «великое», включавшее сперва, по-видимому, лишь восточную часть современной Литвы (Аукшайтию) и Новогрудскую землю, известную также под именем «Черной Руси».

Впрочем, имя Литвы и раньше изредка мелькало на страницах русских летописей. С XII в., пользуясь раздробленностью Руси, дружины литовских племенных вождей совершали набеги на пограничные территории. В начале XIII в. у здешних балтов возникают племенные союзы, «старшие» князья усиливают свою власть, одним словом, происходит процесс, многократно описанный в истории других стран и народов и предшествующий образованию государства. В страшную пору Батыева нашествия земли нынешней Белоруссии, к счастью, тата-

ры обошли стороной, но угроза разорения была весьма реальна. Тем временем на севере, в землях латышей и эстов Орден меченосцев огнем и мечом насаждал христианство, угрожая и Полоцкому княжеству, и Пскову, и Новгороду, Литве и Жмуди. Опасность подступала и с запада, где Тевтонский орден подчинил себе балтийские племена пруссов и мечтал о новых завоеваниях на востоке (в 1237 г. ордена объединились и натиск на славянские и литовские земли удвоился).

На первый план для Руси выступила задача освобождения, свержения ордынской власти. Угроза с запада (крестоносцы в Прибалтике, стремление Польши и Венгрии установить контроль над юго-западными областями Руси) осложняла эту задачу, заставляла вести борьбу на два фронта. Было ясно, что именно в ходе этой борьбы определится лидер, которому суждено будет начать реализацию унаследованной от Киевской Руси общерусской программы (в тот момент еще вряд ли способной всерьез вдохновить кого-нибудь из восточноевропейских политиков, кроме золотоордынского хана, стремившегося прибрать к рукам все русские земли).

Обессилевшая Северо-Восточная Русь в XIII в. была явно неспособна возглавить эту борьбу. Эпизодические вспышки сопротивления шансов на успех не имели. Симбиоз Северо-Восточной руси с Ордой, объединение ее княжеств под властью хана и руками его нукеров, отсутствие у этих разоренных и разграбленных земель реальных сил для борьбы — все это, хотя и временно, исключало местных князей из числа возможных лидеров освободительного движения. Несколько дольше этот шанс сохраняли князья Галицко-Волынской Руси. Они (в частности, Даниил Галицкий, в 1254 г. принявший от папы королевский титул) пытались бороться с Ордой, но потерпели поражение и также вынуждены были платить дань. Татарские набеги и усилия соседних государств подчинить себе эти княжества ослабили и Юго-Западную Русь. Ордынцы вряд ли могли всерьез угрожать Новгороду, но косвенное давление на него (через великих князей владимирских) заставило и новгородцев откупаться от хана. Торговая республика, осваивавшая северные земли, не пыталась активно бороться против татар, а ее руководители не проявляли особого интереса к делам остальных русских княжеств.

Лишь княжества Запада Руси сохраняли свободу, надежно прикрытые от ордынских туменов владениями соседей, лесами и болотами. (Кстати, одно из объяснений

происхождения названия «Белой Руси» — от свободных земель, земель, не плативших дани хану.) Давно обособившаяся от Киева Полоцкая земля (где «испокон веков» княжили потомки Владимира и полоцкой княжны Рогнеды), разделившись на мелкие княжества, сохраняла все же единство, когда речь шла о военных делах. Нынешняя Западная Белоруссия (Гродно, Брест) подчинялась волынским князьям, активно действовавшим в этом регионе. А с севера все чаще и чаще приходили литовские дружины: то как союзники волынских князей, то как их соперники.

Начальный этап образования Великого княжества источники, увы, рисуют довольно туманно. Историки спорят и о происхождении литовской княжеской династии (попытка русских родословцев XVI в. возвести Гедиминовичей к Рюрику, точнее, к тем же полоцким князьям, все еще принимается всерьез некоторыми авторами). Еще более запутан вопрос о том, кто же, собственно говоря, стал инициатором создания этого государства: литовская знать, захватившая русские земли (как утверждали позже, в XVI в., литовские хронисты и как до сих пор полагает большинство историков), или, как можно прочесть в некоторых публикациях белорусских авторов в последние годы, именно западнорусские княжества присоединили к себе Литву (в современном значении этого географического названия; до сих пор идут споры о местонахождении летописной Литвы; в частности, М. И. Ермолович помещает ее между Минском и Новогрудком, т. е. на территории Белоруссии). Думается, что последнее все-таки — крайность, своего рода реакция на пропагандируемую прежде теорию завоевания и порабощения белорусских и украинских земель литовскими феодалами. Тем не менее несомненно — и это признают даже авторы, отнюдь не склонные идеализировать роль Великого княжества Литовского в истории Руси,— что возникновение этого государства явилось результатом компромисса, соглашения между литовской знатью и местным восточнославянским боярством. Следует добавить, что подобный компромисс был бы невозможен без поддержки горожан, во многих западнорусских княжествах сохранявших в политических делах решающий голос (порядки, установленные, например, в Полоцке и Витебске, были близки псковским и новгородским; даже во второй половине XV в. в Полоцке собиралось вече). А это, в свою очередь, не вписывается в каноническую схему «захвата», соглашения феодальных верхов за счет народных масс.

Литовское государство (именно государство, а не аморфный военный союз племенных княжеств) с момента своего появления на страницах летописей и хроник в 40-е годы XIII в. являлось балто-славянской державой. В его состав вошла часть современной Западной Белоруссии с Новогрудком и Восточная Литва — Аукшайтия. Затем это государство расширяется в пределах того же балто-славянского ареала, включая Жемайтию и некоторые восточнославянские земли.

Создателем этой державы был литовский князь Миндовг (в XIX в. в литовских исторических сочинениях получивший имя Миндаугаса). Изгнанный из Аукшайтии соперниками, он был принят на княжение в Новогрудке, с помощью местного боярства восстановил свою власть в Восточной Литве и приступил к методическому устранению родственников и племенных князей из других династий.

Языческая Литва и православная Новогрудщина мирно сосуществовали под властью литовского князя. Впрочем, уже в этот начальный период истории «так называемого Литовского княжества» заметна тенденция к славянизации правящей в нем балтской династии. Не все историки склонны доверять сообщению поздней (относящейся к XVII в.) густынской летописи, согласно которой в 1246 г. (т. е., вероятно, в момент вокняжения в Черной Руси) «Миндовг приять веру христианскую от Востока со многими своими бояры». Но бесспорен факт крещения в православие одного из сыновей Миндовга — Войшелка, которому отец передал новогрудское княжение. Думается, первоначально Миндовг поддерживал сына, понимая, что крещение укрепляет позиции Войшелка на Руси. Но обращение Войшелка к православию было не только политическим шагом, но и искренним порывом. С пылом неофита Войшелк стремится следовать заветам новой религии и приходит к мысли основать монастырь, самому принять монашеский сан. Планы сына рассердили отца: «...отец же его Миндовг укоревашеться ему по его житью, он же на отца своего не любовашеть вельми» (т. е. Миндовг укорял сына за образ жизни, а тот был весьма недоволен отцом). Конфликты отцов и детей в истории (и не только в истории) случались нередко. Войшелку, которого один из современных историков даже назвал «православным фанатиком», противостоял человек, вылепленный из того же теста, что и другие создатели раннефеодальных монархий: жестокий, отважный, коварный, готовый сменить старых богов на нового,

христианского, но отнюдь не склонный обременять себя запретами новой религии. В Новогрудке Миндовг, вероятно, действительно делал какие-то жесты в сторону православной церкви. Но оказавшись в Литве, он через некоторое время завязал контакты с Римом и в надежде остановить натиск рыцарских орденов согласился принять католичество, получив от папы королевскую корону. Коронация Миндовга и его жены Марты состоялась, по-видимому, в Новогрудке около 1252 или 1253 г. Тогда же в Литве впервые было основано и католическое епископство.

Сделанный Миндовгом выбор, казалось, навсегда лишал литовских князей возможности активно участвовать в политической жизни русских княжеств, традиционно принадлежавших к ареалу влияния православной церкви. Но союз с Римом не оправдал каких-то надежд литовского короля, и в 1261 г. он отрекся от христианства, после чего его власть была признана языческой Жмудью (в 1260 и 1261 гг. одержавшей две блестящие победы над крестоносцами). Тем временем Войшелк выдал сестру замуж за волынского князя Шварна, а вскоре после этого «вдасть... Новогородок от Миндовга и от себе и Восложим (Слоним) и Волковыеск (Волковыск) и все городы» брату Шварна князю Роману Даниловичу, ставшему вассалом Миндовга, а сам принял монашество.

Осенью 1263 г., когда войска Миндовга находились в походе на Брянск, могучий король Литвы вместе с двумя младшими сыновьями был убит заговорщиками. Их возглавляли нальщанский князь Довмонт (у него овдовевший Миндовг незадолго до этого отнял жену, приходившуюся сестрой умершей королеве и чрезвычайно похожую на нее) и жмудский князь Тройната, которому и достался великокняжеский престол. На власть претендовал и княживший в Полоцке племянник Миндовга Товтивил, но он был убит Тройнатой, вызвавшим полоцкого князя в Литву якобы для раздела наследства дяди. В Полоцк был впервые назначен литовский наместник. «Войшел[к] убоявся того же и бежа до Пиньска». Но Тройната недолго радовался содеянному: его зарезали конюхи Миндовга, отомстившие за смерть своего господина (как видно, король был способен внушать своим подданным не только страх и ненависть, но и любовь). «Вои отца и приятели» выступили в поддержку Войшелка, который «поиде с пиняны к Новогороду и оттоле поя (взял.— *С. Д.)* с собою Новогородце и поиде в Литву княжить».

Таким образом, изначально поход Войшелка поддержали славянские земли. Вряд ли имеет смысл расценивать это как «завоевание» Литвы Новогрудской и Пинской землями (формулировка в пылу полемики современного белорусского исследователя М. И. Ермоловича). Речь идет о другом: существование Великого княжества Литовского уже в этот период, очевидно, отвечало интересам не только литовцев, но и восточнославянского населения территорий, вошедших в его состав. С помощью новогрудцев и пинян — но, разумеется, при поддержке сторонников отца православный литовский князь-монах «нача княжити во всей земле Литовской и поча вороги свои убивати: изби их бесчисленное множество, а друзии разбегошася како кто видя» (среди бежавших был и Довмонт, вскоре принятый на княжение во Псков, правивший там 33 года и даже причисленный к лику православных святых). Войшелк заключает союз с галицко-волынскими князьями, признав их номинальный сюзеренитет («нарекл... Василка (Даниловича.—*С. Д.)* отца себе и господина»), и, по-видимому, планирует новое крещение Литвы — уже по православному обряду. В 1265 г. он просит псковичей прислать к нему священников, знакомых с литовскими обычаями. Но в 1266 г. там утвердился Довмонт, и мысль о церковном сотрудничестве с псковичами была, по-видимому, Войшелком отброшена.

Литовскому князю удалось восстановить свой сюзеренитет над Витебском, Полоцком (там правили то литовские, то западнорусские князья). Своим наследником бездетный Войшелк назначил зятя Шварна. После смерти Шварна на ту же роль претендовал его брат Лев Данилович. Войшелк этому воспротивился, и тогда галицкий князь весной 1267 г., вызвав литовского государя для переговоров, вероломно убил его.

Ближайшее будущее показало, что балто-славянское государство, сложившееся в Западной Руси и Литве, представляет собой вполне жизнеспособный и устойчивый организм, способный преодолеть династический кризис. Но со смертью Войшелка с политической арены Великого княжества сошел единственный человек, способный в тот момент осуществить крещение Литвы по православному обряду, а следовательно, преодолеть религиозно-национальный дуализм, свойственный этому государству с момента его создания.

Впрочем, само по себе сохранение коренной Литвой и Жмудью язычества лишь в слабой степени влияло на

внутреннюю политику государства. Поклоняясь в Литве священным дубравам и принося жертвы Перуну, на русских землях литовские князья окружали заботой православную церковь. Более высокий уровень развития феодальных отношений, характерный для славянских земель, традиции древнерусской культуры позволили им не только полностью сохранить свою самобытность, но и оказать весьма существенное влияние на строй коренной Литвы. Если ордынцы несли в завоеванные страны свою систему управления и эксплуатации, безжалостно уродуя местные общественные структуры, чтобы приспособить их для нужд своей империи, то литовские князья вели себя в русских княжествах так же, как в свое время варяги: принимали местные обычаи, управляли «по старине», сохраняли сложившуюся ранее систему собственности. Литовские феодалы усваивали язык и письменность восточных славян; постепенная славянизация коренных литовских земель, продолжавшаяся в течение нескольких столетий, все больше ограничивала ареал распространения литовского языка (хотя Жмудь этим процессом была затронута слабо). Именно язык восточнославянского населения этого государства стал официальным (фактически государственным) языком, сохранив этот статус до конца XVII в. Все это закономерно предопределило отмеченное выше отношение к Великому княжеству его восточнославянского населения: оно с тем же правом, что и литовцы, считало это государство своим.

Нельзя, однако, отрицать, что именно динамичный литовский элемент (в частности, пополнявшее княжеские дружины свободное крестьянство) способствовал активизации западнорусского боярства, его непосредственному участию в осуществлении литовской политической программы. Стремление литовских князей расширить свои владения объективно отвечало реальному стремлению восточнославянских земель к объединению. Поэтому в данном регионе литовские князья взяли на себя функцию, в других частях Руси выполняемую тамошними Рюриковичами.

Подобная задача была поставлена уже Миндовгом и Войшелком. При их преемниках, несмотря на междоусобицы, расширение связей Литвы с другими русскими землями, утверждение литовских князей в различных центрах Западной Руси готовило почву для будущей консолидации. Осуществление этой объединительной программы в широких масштабах связано с именем великого князя Гедимина (1315—1341).

Составленное в Московской Руси «Сказание о князьях Владимирских» называет Гедимина бывшим конюхом князя Витенеса. Витенес якобы был убит громом, а женившийся на его вдове Гедимин захватил власть над Литвой и Западной Русью, незаконно присвоив дань, которую он собирал с этих земель для московского князя. Эта колоритная легенда отразилась и в литовских хрониках XVI в., приписывающих Гедимину убийство Витенеса. Большинство историков, впрочем, считает ее позднейшей выдумкой (с целью дискредитировать литовскую династию, представив Гедиминовичей узурпаторами власти). Некоторые летописи называют Гедимина сыном Витенеса, но, вероятнее всего, они были братьями.

Гедимин царствовал четверть века, раздвинув далеко на юг и восток границы своей державы. В те годы московские и тверские князья, оспаривая в Орде Владимирское великое княжение, еще не помышляли о решительной схватке с ней. Именно Великое княжество Литовское и Русское стало при Гедимине центром антиордынской борьбы; опираясь на его поддержку, западнорусские земли надеялись сбросить ненавистное иго. В 30-е годы XIV в. заключил с Гедимином договор о взаимной помощи смоленский князь Иван Александрович, признавший себя «младшим братом», т. е. вассалом, литовского государя. Разгневанный этим союзом хан Узбек в 1339 г. послал на Смоленск свою рать с Тавлубием-мурзой. Участвовал в этом походе и московский князь Иван Калита. Встретив мужественное сопротивление смолян, поддержанных литовцами, их враги «стояша ратию оугороде не много дни, а города не взяша». После этого Орда должна была смириться с отказом Смоленска платить дань. Как пишет местный историк Д. И. Маковский, «с этого момента... Смоленск не знал татарского ига». С потерей ханом власти над Смоленщиной был положен окончательный предел распространению власти Золотой Орды на западных русских землях.

Гедимин сохранил контроль над древним Полоцком, где уже давно утвердилась литовская династия. После смерти сына Товтивила, Константина Безрукого, полоцкий «стол» достался не его сыну, а брату Гедимина Воину. Около 1318 г. старший сын Гедимина Ольгерд женился на дочери витебского князя и вскоре унаследовал удел умершего тестя. Подчинилось Гедимину и Минское княжество. На западе войска литовского князя довольно успешно отражали нападения крестоносцев. Как и Мин-

довг, Гедимин умело балансировал между восточным и западным христианством. Не ущемляя прав православной церкви, он пытался влиять на церковные дела, чтобы поставить в митрополиты своего кандидата, а в случае неудачи — оторвать подвластные ему земли от общерусской митрополии, создав для Великого княжества Литовского особую церковную иерархию. Одновременно он не прекращал контактов с католической церковью. Заключив соглашение с Ригой, Гедимин с ее помощью отправил несколько посланий папе Иоанну XXII, обещая ему крестить Литву по западному обряду и обвиняя орденских рыцарей в том, что они жестокими набегами отвращают литовцев от христианства. В 1324 г. в Литву прибыло папское посольство. Но против планов введения католицизма выступила и языческая литовская знать, и «русины», т. е. представители православного населения, с позицией которого Гедимин не мог не считаться. «Король Литвы и Руси», как именуют Гедимина некоторые западные документы того времени, прекрасно понимал, что источником силы его государства являются обширные славянские земли.

Для укрепления и расширения своей державы великий князь использовал все доступные средства: и династические союзы, и соглашения с местным боярством, и, разумеется, военную силу. В последнее время (прежде всего в белорусской литературе) разгорелся спор о том, создано ли Великое княжество Литовское в результате завоевания Руси Литвой или в результате их соглашения. Спор этот, наверное, следовало бы перенести в иную плоскость. Ни одно из средневековых государств конечно же не возникло в результате свободного волеизъявления граждан, и даже на Московской Руси в те времена еще не заседали съезды народных депутатов. В борьбе побеждало то княжество, которое оказывалось сильнее. Но его власть над подчиненными территориями могла осознаваться местными жителями как чужеземная, навязанная силой, ненужная им, не отвечающая их потребностям,— и тогда население мечтало о свержении этой власти, при каждом удобном случае пытаясь добиться независимости. Так было с ордынским игом на Руси, властью крестоносцев в Прибалтике и т. д. Бывало и по-другому: насильственно осуществленная ликвидация удельных княжеств в конечном итоге могла иметь прогрессивное значение, усиливая государство, отвечая тенденции к сближению этих земель в рамках единого государства,

федерации. Установление власти литовских князей в тех или иных русских княжествах далеко не всегда проходило гладко. У литовского князя были противники — и устраненные от власти представители местных династий, и часть боярства, и просто жители, боявшиеся перемен и предпочитавшие жить по-старому. Но в целом расширение Великого княжества проходило сравнительно мирно, поскольку условия присоединения земель к этому государству способны были удовлетворить наиболее влиятельные круги местного населения: боярство, горожан и (с оговорками) церковь.

Все эти черты литовской политики довольно ярко проявились на юге Руси.

Киев, старая столица Рюриковичей, с трудом поднявшаяся из развалин после Батыева разорения, в результате новых ордынских набегов пришла в полный упадок. Во время похода на Правобережье Днепра войск хана Токты в 1300 г. митрополит Максим, «не терпя татарского насилия, остави митрополию и сбежа из Киева», и даже «весь Киев разбежался». Максим нашел убежище в Северо-Восточной Руси, но старая церковная столица Руси сохраняла свое каноническое значение, и еще в 1380 г. константинопольский патриарх разъяснял, что нельзя возглавить русскую церковь, «не получив сначала наименования по Киеву, который есть соборная церковь и главный город всей Руси».

В конце 20— начале 30-х годов XIV в. Киевское княжество признает верховную власть Гедимина. Киевский князь Федор (по всей вероятности, брат Гедимина) поддерживает его в борьбе с соперниками. Но обстоятельства окончательного перехода Киевской земли под власть Великого княжества до конца не выяснены. В ряде западнорусских летописей сохранился красочный рассказ о походе Гедимина 1323—1324 гг. на Житомир и Овруч, о разгроме на реке Ирпень близ Белгорода сил киевского князя Станислава и его союзников, об осаде Киева, продолжавшейся месяц, после чего защитники сдались Гедимину и признали его власть, оговорив сохранение своих «отчин», причем тогда же его власть якобы признали и «пригородки» Киева — Вышгород, Канев, Путивль, Переяславль и др. Но есть веские основания сомневаться в точности летописного известия (в частности, вызывают сомнение имена союзников киевского князя, ряд других деталей). Во всяком случае, в это время Киевская земля попадает в зависимость от Великого княжества,

сохраняя на некоторое время и вассалитет по отношению к Орде (в 1331 г. при князе Федоре находились ханские баскаки). Компромисс этот был непродолжительным, и, укрепив свои позиции на юге Руси, Великое княжество, как уже говорилось, приступит в будущем к решительной борьбе с Ордой.

Некоторое время соперником литовского князя на юге оставалось Галицко-Волынское княжество. Сам Гедимин в 1315—1316 гг. (возможно, еще при жизни Витенеса) возглавил поход на Берестейскую (Брестскую) землю, подвластную тогда Волыни. Вскоре, однако, был достигнут компромисс. Сын Гедимина, Любарт, женившись на дочери князя Андрея Юрьевича, был принят им «во въсю землю Волынскую», т. е., как и Ольгерд в Полоцке, должен был бы унаследовать владения тестя. Но таинственная смерть весной 1323 г. Льва и Андрея Юрьевичей (историки спорят, погибли ли они в неудачной битве с татарами или были отравлены по приказу одного из многочисленных врагов княжества) создала в этой части Руси своеобразный политический вакуум, привела к обострению борьбы за эти земли между Венгрией, Польшей и Великим княжеством Литовским. В 1325 г. Гедимин временно отказался от претензий на Волынь, скрепив союз с Польшей браком своей дочери Альдоны с королевичем Казимиром. Тем не менее ему досталось Брестское княжество, т. е. фактически под властью Гедимина оказалась почти вся территория нынешней Белоруссии.

Время открытого столкновения Москвы и Литвы еще не пришло. Занятые борьбой за Владимир, Ростов, мелкие уделы Северо-Восточной Руси, московские князья пока еще не заглядывались на недоступные им земли Западной Руси. Но две державы постепенно обрастали новыми землями, их границы неумолимо приближались друг к другу. Уже при Гедимине можно отметить и первые, пока еще небольшие, военные столкновения (поход Калиты с татарами на союзный Литве Смоленск, нападение Ольгерда в 1341 г. на Можайск, несколькими годами раньше, впрочем, отнятый московским князем у Смоленского княжества). Но лишь при наследниках Ивана Калиты и Гедимина этот конфликт приобретет характер открытой борьбы за обладание «всею Русью», причем единственным политиком, способным в тот момент реально выдвигать такую задачу, будет сын Гедимина Ольгерд.

Держава Гедимина по своей административной структуре напоминала свою историческую предшественницу — Киевскую Русь времен первых Рюриковичей. Ее правитель не ставил своей целью жесткую централизацию. Более тесный контроль великий князь осуществлял над своим доменом — землями коренной Литвы и Жмуди, старым ядром державы, включавшим также Черную Русь, Завилейскую Литву (Ошмяна, Крево и др.). Как уже отмечалось, многие земли, признавшие его власть, сохранили свои «старины», прежний порядок управления. Фактически сменились лишь правители: место большинства здешних Рюриковичей (удержались они лишь в мелких уделах) заняли, как правило, родственники Гедимина. Некоторые из них, как и пришедшие с ними дружинники-литовцы, приняли православие, что способствовало их сближению с местным населением и довольно быстрой культурной ассимиляции. Князья-наместники уплачивали дань великому князю; по-видимому, для местных жителей это вполне компенсировалось защитой от иноземных нападений, обеспечением стабильности на всей территории огромного государства, что создавало благоприятные условия для развития внутреннего рынка, торговых связей с другими странами. При Гедимине столицей Великого княжества становится Вильно (современный Вильнюс). Важную роль в жизни этого города, возникшего на землях коренной Литвы, играл так называемый «русский город» — кварталы, населенные православными ремесленниками, торговцами. Но уже при Гедимине появляются в Вильно и два первых католических монастыря, приток населения с запада, в том числе из Прибалтики, Польши, Германии, довольно быстро превращает литовскую столицу в многонациональный город многих культур и традиций, мирно уживавшихся друг с другом. Однако долгое время именно восточнославянская культура определяла лицо этого города (еще в XVI в. имперский посол Сигизмунд Герберштейн отметит, что «храмов русских там гораздо больше, чем римского исповедания»).

Умирая (в конце 1341 г.), Гедимин разделил свои владения между семью сыновьями. Великим князем он назначил младшего — Явнуту. Ольгерд в придачу к Витебску получил Крево, Наримунт — Пинск и Туров, Кориат — Новогрудок, Кейстут — Троки (современный Тракай), Монивид — Кернов (Кярнаве), а Любарт унаследовал Волынь. Казалось, Великое княжество Литовс-

кое вступает в период феодальной раздробленности. Но этого не произошло: тенденции к объединению, центростремительные процессы на землях Руси и Литвы были столь сильны, что сохранение уделов не разрушило единства державы. Борьба Гедиминовичей за отцовское наследство была довольно непродолжительной. Уже зимой 1344/45 г. слабый, нерешительный Явнута был смещен с великокняжеского престола Ольгердом и Кейстутом. Явнута бежал в Москву, крестился в православие, но вскоре смирился с поражением, вернулся в Литву и в 1347 г. получил от братьев небольшой удел — старый, но довольно незначительный городок Заславль (неподалеку от Минска).

Великим князем с согласия Кейстута стал Ольгерд. Фактически братья являлись соправителями. Довольно четко разграничив «сферы влияния» и интересы, они выполняли общую задачу — сохранения и расширения Великого княжества Литовского. Кейстут, управлявший коренной Литвой и Жмудью, взял на себя отражение натиска крестоносцев (разумеется, пользуясь при этом активной поддержкой брата и всех славянских земель державы). «Восточную» и «южную» политику государства он предоставил Ольгерду. Кейстут и Ольгерд, сумевшие сохранить редкое для политических деятелей качество — искреннюю братскую любовь,— успешно ладили друг с другом. Зная, что брат надежно защищает западные границы, Ольгерд мог продолжить дело отца — собирание русских земель.

Великий князь Ольгерд Гедиминович относится к числу наиболее выдающихся деятелей нашей истории и, к сожалению, к категории тех, чье имя незаслуженно забыто, более того — включено в список врагов, разорителей земли русской. Этот человек, за два десятилетия до Дмитрия Донского одержавший ряд блестящих побед над ордынцами, освободивший из-под ханской власти множество русских земель, объединивший под своим скипетром большую часть исторической территории Киевской Руси и вполне реально претендовавший на то, чтобы завершить этот процесс и на Северо-Востоке (при активной поддержке Твери), в трудах большинства российских историков оказывается коварным завоевателем, «находником». Думается, давно пора исправить эту историческую несправедливость.

Политическая карьера Ольгерда началась на востоке современной Белоруссии, с женитьбы в 1318 г. на княжне

Марии, дочери и наследнице витебского князя. В 1320 г. он унаследовал престол своего тестя, управляя княжеством по старым обычаям. По-видимому, в связи с этим браком Ольгерд дал обещание принять православие и уже тогда получил «молитвенное имя» Александра, хотя и не принял официального крещения, довольствуясь положением «катехумена» — готовящегося к крещению и имеющего право присутствовать на церковной службе. Впрочем, некоторые летописи (Густынская, Хроника Быховца) утверждают, что при женитьбе на витебской княжне Ольгерд «ея же ради крестился со всеми бояры и людьми», «охрыстился в рускую веру». Однако, согласно «Посланию» Спиридона-Саввы, крещение Ольгерда состоялось только перед смертью. Его вторая жена, княжна Ульяна Александровна Тверская, видя, что муж умирает, призвала к себе сыновей и печерского архимандрита Давида. Архимандрит крестил Ольгерда с именем Александра, а княгиня затем постригла его в монахи с именем Алексея. По всей вероятности, эти противоречивые сведения свидетельствуют о том, что в момент вокняжения в Витебске Ольгерд совершил лишь первый шаг к православию, желая из политических соображений сохранить себе свободу политического маневра в будущих отношениях с языческими землями Литвы и Жмуди, с католическими державами Запада. Тем не менее он щедро жертвовал на церковь, строил в своем княжестве храмы. Еще в 1573 г. находившийся в Витебске литовский историк Мацей Стрыйковский видел там изображение Ольгерда и его жены «в церковке старинной в замке в Витебске, который замок вместе с башней княгиня построила, когда Ольгерд был на войне прусской». Стрыйковский, опираясь на местную традицию (в Витебске Ольгерд оставил по себе добрую память), писал и о том, что он «в Витебске высокий замок стеной окружил и две церкви, ту, что в поле, и ту, что в замке, построил».

В первые годы правления Ольгерду и Кейстуту пришлось пережить немало неудач. В 1345—1348 гг. они с трудом отражали непрерывные нападения орденских рыцарей. 2 февраля 1348 г. в битве над рекой Стравой войско, собранное братьями с литовских и славянских земель Великого княжества, потерпело тяжелое поражение и было вынуждено отступить. В этой битве погиб и Наримунт Гедиминович. Резко ослабло влияние Гедиминовичей в Новгороде и Пскове. В 1349 г. польские

войска заняли Галицкую землю, Брест, Подляшье. В 1350 г. Ольгерд вынужден был заключить мир с московским князем Симеоном Гордым, отказавшись от установленного незадолго до этого сюзеренитета над Смоленской землей, а его брат Дмитрий-Любарт женился на племяннице московского князя (дочери Константина Ростовского). В этой трудной ситуации Ольгерд проявил незаурядные дипломатические способности и сумел не только восстановить позиции Литвы на Руси, но и найти возможность гораздо более активно участвовать в политической борьбе между претендентами на Владимирское великое княжение. Его союзником стало Тверское княжество. Брак с княжной Ульяной Александровной Тверской (на сестре которой, кстати, был женат Симеон Гордый) придал соглашению противников Москвы традиционный для феодализма «семейный» оттенок. Мирно закончился и спор с Польшей за Галицкую Русь; в 1352 г. Великое княжество Литовское отказалось от претензий на эту территорию. Обеспечив безопасность юго-восточных и восточных окраин государства, Ольгерд и Кейстут выдвинули в 1358 г. программу объединения под властью Великого княжества Литовского и Русского всех балтских и восточнославянских земель, программу, направленную прежде всего против Ордена и Золотой Орды. В ответ на предложение польского короля Казимира IV, папы Климента VI и императора Карла IV принять католичество Ольгерд выдвинул условие ликвидации орденских владений в Прибалтике — он остроумно предложил, чтобы Орден «поместился в пустянях между татарами и русскими для защиты их от нападения татар и чтобы Орден не сохранял никаких прав у русских, но вся Русь принадлежала литовцам»; он требовал возвращения Литве захваченных рыцарями земель ятвягов, пруссов, латышей, понимая, разумеется, что Орден никогда не согласится добровольно уйти с насиженных мест.

В те годы Золотая Орда раздиралась кровавыми междоусобицами. Обострилась борьба и между княжествами Владимирской Руси. После смерти энергичного Симеона Гордого его брат Иван Красный не сумел сохранить завоеванное Москвой лидерство, хотя и получил ярлык на великое княжение. После его смерти ярлык перешел к суздальскому князю Дмитрию Константиновичу; была нарушена традиция, подвергнуто сомнению наследственное право потомков Калиты на лидерство — причиной было малолетство московского князя Дмитрия. В резуль-

тате создалась ситуация, когда фактически ни один из князей Северо-Восточной Руси не мог контролировать действия соседей. В течение ряда лет московской дипломатии предстояло сосредоточить свои усилия на решении чисто региональной задачи — восстановлении своего лидерства в пределах Северо-Восточной Руси. И вновь Вильно оказался единственным центром, способным отстаивать общерусскую программу, в тот период имевшую четко выраженную антиордынскую, освободительную направленность. Ольгерд возобновляет нажим на Смоленскую и Брянскую земли. В 1356 г. он захватывает Ржеву, в 1359 г.— принадлежавший Смоленскому княжеству Мстиславль и, вероятно, Белую, в 1362 г.— Торопец. Как считает ряд исследователей, именно в 50-е годы XIV в. к Великому княжеству Литовскому перешли и земли по Березине, среднему Поднепровью, Сожу (с Пропойском, Чечерском, Речицей и Любечем). Таким образом, его владения вплотную подступали к Чернигово-Северской земле, где все еще правили многочисленные потомки местной ветви Рюриковичей, а также Киевщине, со времен Гедимина находившейся в орбите литовского влияния, но, как и Черниговская земля, сохранявшей зависимость от Орды. Ольгерд возвращается к старой идее подчинения своему влиянию православной иерархии, поддержке которой московские князья во многом обязаны были своими успехами. Не имея возможности устранить с митрополичьей кафедры промосковски настроенного Алексия, Ольгерд (как в свое время Гедимин) предпринимает попытки добиться особой, литовской митрополии в Киеве. Быть может, он рассчитывал, что древняя киевская кафедра позволит ему в будущем претендовать на церковную власть над всей русской землей. Еще в 1352 г., при жизни враждебного ему Феогноста, Ольгерд обратился в Константинополь с просьбой возвести в сан митрополита своего кандидата — Феодорита. После отказа греков он добился посвящения от болгарского патриарха, утвердил Феодорита в Киеве и помог ему распространить свою юрисдикцию на все славянские земли Великого княжества Литовского. Константинополь, разумеется, Феодорита не признал. Однако, не желая терять контроля над большей частью русской митрополии, хитроумные греки предложили компромисс, в то время, вероятно, в принципе устроивший Ольгерда. Московский кандидат — Алексий — был назначен на общерусскую (киевскую) митрополию, а предложенный

Ольгердом тверич Роман — на вновь созданную митрополию в Новогрудок, причем ему были подчинены также Полоцкая, Туровская епархии, а затем и Галицко-Волынская земля. Тем самым возникли условия для нейтрализации церковно-политического влияния Москвы в этом регионе, что, разумеется, усиливало позиции Ольгерда. Но антилитовская политика возглавляемой Алексием церковной иерархии Северо-Восточной Руси, по-видимому, оставалась одним из решающих препятствий для расширения влияния Ольгерда в этом регионе. Довольно прочные позиции сохранял Алексий и в Киеве; Роману удалось утвердиться там лишь на короткий срок.

Используя чрезвычайно благоприятную ситуацию на Юге (борьбу между различными группировками золотоордынских феодалов, ослабившую степную державу в 60-е гг. XIV в.), Ольгерд предпринял давно задуманное наступление. Первым его этапом стало подчинение в конце 1361— начале 1362 г. Киевского княжества. Вместо князя Федора (дяди Ольгерда) оно было передано в удел одному из сыновей великого князя — Владимиру Ольгердовичу. Летом 1362 г. Ольгерд подчинил Черниговщину и Северщину, раздав их города в уделы своим сыновьям и племянникам. К Киеву отошла и территория бывшего Переяславского княжества. При каких обстоятельствах эти земли признали власть Ольгерда, судить очень трудно. Мы знаем, однако, что, например, в Брянске, как сообщают летописи, была «лихостью людей замятня велика и опустенье града, и потом нача обладати Олгерд Брянском». Некоторые историки толкуют это смутное известие как указание на борьбу промосковской и пролитовской группировок.

К осени 1362 г. сложилась чрезвычайно благоприятная ситуация для наступления литовских войск и в Подолии. После отражения очередного похода крестоносцев на Литву Ольгерд повел отборный воинский отряд в Подольскую землю и лично участвовал в знаменитой битве с ордынцами у Синих Вод, возглавив ополчение княжеств Юго-Западной Руси. Три крупных ордынских отряда не выдержали фронтального удара литовских и русских воинов и бежали, бросив обоз и лагерь. Битва у Синих Вод, которую украинский историк Ф. М. Шабульдо справедливо назвал «прологом к «Донскому побоищу», способствовала разгрому улусов Орды, господствовавших над обширной степной территорией Северного Причерноморья, освобождению подвластного им населения. Владе-

ния Великого княжества Литовского были расширены до устья Днепра и Днестра. В его состав на правах уделов вошли Киевское, Чернигово-Северское, Волынское княжества, Подолия. Эти успехи стали результатом теснейшего политического сотрудничества местного населения с литовской династией, и действия Ольгерда, как хорошо сказал тот же Ф. М. Шабульдо, «носили характер освобождения местного населения от ордынского ига».

Казалось, лидерство на Руси навсегда перешло к Гедиминовичам и в союзе с Тверью Ольгерд пытается закрепить этот успех в «вотчине» своего основного соперника — на Северо-Востоке. Но его положение, как и раньше, осложняла необходимость воевать «на два фронта» (случались ситуации и более сложные). Некоторые современные историки упрекают Ольгерда в «нереалистичности». В частности, В. Т. Пашуто удивляется, «как можно было отрывать силы для походов на Русь, когда немецкие рыцари... ежегодно... опустошали земли Понеманья и Подвинья, коренной Литвы и подвластной ей Белоруссии».

И все же подобный подход не учитывает основных целей политики Ольгерда. Разумеется, защита своих владений от Ордена оставалась одной из его важнейших задач, но для победы над объединенным рыцарством, за плечами которого в тот момент стояла вся католическая Европа, требовалась поддержка боярства русских земель. Лишь общерусская программа гарантировала сохранение Великого княжества Литовского и Русского как единого государственного организма.

В преимущественно славянском государстве Ольгерд часто должен был ставить на первое место интересы своих русских владений; при этом порой он мог временно пожертвовать интересами далекой окраинной Жмуди или собственно Литвы. Сам характер Великого княжества — мощного, динамичного балто-славянского государства — диктовал его лидерам активную объединительную политику, в конечном итоге вполне отвечавшую стратегическим интересам и Литвы, и Руси.

Однако усилившаяся Москва, видя реальную угрозу своим позициям в Северо-Восточной Руси, стремилась воспрепятствовать расширению литовского влияния. Не имея сил и средств для решительной борьбы с самим Великим княжеством Литовским, московское правительство попыталось ослабить союзника Ольгерда и своего давнего соперника — Тверь. Именно в поддержку Твери

организован был Ольгердом в 1368 г. первый крупный поход на Москву. Литовско-русское войско подошло к Москве «в таю», но взять город внезапным ударом не удалось, были только разорены посады. Воодушевленный неудачей Ольгерда, московский князь Дмитрий Иванович в том же году сумел сформировать направленную против Твери коалицию князей Северо-Восточной Руси, доказав тем самым, что лидерство Москвы среди княжеств этой части Руси признается подавляющим большинством их правителей (быть может, именно потому, что слишком реальной и близкой представлялась перспектива захвата их владений Ольгердом). Тверь была вынуждена капитулировать и, во всяком случае, формально отказаться от союза с Литвой. Не обескураженный первой неудачей, осенью 1371 г. Ольгерд повторил поход. Он осаждал Москву восемь дней, но 26 октября 1371 г. подписал перемирие и, если верить московским летописям, уходил «съ многым опасанием, озираяся и бояся за собою погони». Справедливости ради следует заметить, что литовско-белорусские летописи описывают поход на Москву в более мажорных тонах: они сохранили известие о том, что в знак своего торжества Ольгерд преломил копье о московскую стену. Может быть, так оно и было; во всяком случае, этот образ по-своему символичен: ведь в конечном итоге своей цели Ольгерду достичь так и не удалось, Москва устояла, и это, несомненно, повысило ее авторитет. Последний поход на Москву, осенью 1372 г., также не принес Ольгерду успеха, и в конце концов он вынужден был признать «отчинные» права потомков Калиты на Владимирское великое княжение, т. е. разделил с ними Русь.

Не следует, впрочем, преувеличивать значение самого этого факта: соглашения подписываются и нарушаются, если это выгодно высоким договаривающимся сторонам. Важнее другое: попытки Ольгерда продолжить на северо-востоке начатое им дело объединения продемонстрировали, что в данном регионе сложилась собственная, достаточно жесткая политическая структура и, в отличие от остальных русских земель, отсутствуют реальные перспективы для установления власти Гедиминовичей. Положение могло измениться, позиция отдельных княжеств все же была неоднозначна, колебались в выборе между Вильно и Москвой Новгород и Псков, потенциальным союзником Литвы оставалась Тверь. Поэтому литовско-русские князья не смирились с неудачей, а лишь ожидали

68, 1, 2

более благоприятных условий для реализации своих стратегических планов. Однако уже на этом этапе намечается граница литовского влияния. Владения Московского княжества и другие так или иначе подвластные ему земли представляют собой слишком сильный, обособленный, самостоятельный центр, фактически не связанный с другими княжествами Киевской Руси, оторванный от них и потому не затронутый процессом, в ходе которого образовалось Великое княжество Литовское и Русское. В тот же период намечается и «буферная» зона — целый ряд русских земель, в споре между Вильно и Москвой занимавших нестойкую, колеблющуюся позицию. Это Новгород и Псков, тогда и позже часто использовавшие союзы с Литвой для противодействия централизаторской политики Москвы и не раз принимавшие князей «с руки» Гедиминовичей. Это Смоленская земля, безуспешно пытавшаяся отстоять свою независимость и от Москвы, и от Литвы. Это Верховские княжества (по верховьям Оки — Одоевское, Новосильское и др.), номинально зависимые от Литовского великого князя, но сохранившие своих князей — Рюриковичей. Два из них — князь Святослав Карачевский и князь Иван Новосильский и Одоевский — удостоились браков с дочерьми Ольгерда. Надо сказать, что Ольгерд довольно широко практиковал династические браки. Дочь Агриппину-Марию он выдал еще в 1354 г. за нижегородского князя Бориса. На Рюриковнах женились и многие из его сыновей (впоследствии Ольгердовичи породнились и с московским домом). С другой стороны, случалось, что союз с Москвой заключали и некоторые удельные князья Гедиминовичи; пытались вести собственную политику некоторые пограничные княжества — Полоцкое, Брянское (что особенно ярко проявилось после смерти Ольгерда).

В период правления Ольгерда формируется основная территория Великого княжества Литовского и Русского и определяются сферы его влияния. Оформляется и структура этого государства, сохранившаяся в принципе и при ближайших преемниках Ольгерда.

Великое княжество Литовское сложилось как федерация отдельных земель и княжеств. Степень их зависимости от центральной власти была различна. Формы этой зависимости, сложившиеся исторически (это во многом определялось обстоятельствами вхождения тех или иных

земель в Великое княжество), в большей или меньшей степени обеспечивали местному боярству и городам, а иногда и представителям старых княжеских династий значительную внутреннюю автономию и, как правило, неприкосновенность социально-экономических и политических структур, сложившихся в предшествующий период. Уже при Миндовге существовал институт вассалитета — в тот период уделы сохраняли потомки литовских племенных князей (хотя именно эта категория знати нередко подвергалась репрессиям) и некоторые Рюриковичи. Кроме того, часть литовской знати, в том числе и родственники Миндовга, взамен владений на жмудских и литовских землях получили власть над отдельными русскими городами. К числу таких крупных княжеств, сохранявших зависимость от великого князя, можно отнести Новогрудское княжение Войшелка. При Гедимине и Ольгерде продолжается вытеснение с княжеских престолов Руси потомков прежних династий (в том числе и дальних родственников самих литовских великих князей). В правление Ольгерда в большинстве подвластных ему восточнославянских княжеств сидят православные Гедиминовичи, преимущественно его сыновья (Андрей Полоцкий, Владимир Киевский, Дмитрий Брянский, Константин Черниговский). Их уделы отец, как правило, не трогает, зато племянников (особенно волынских Кориатовичей) бесцеремонно перемещает из одного княжества в другое, отнюдь не собираясь гарантировать им «вотчинные права». Фактически князья-вассалы являются наместниками великого князя. Но сохранение княжений, позволявшее найти место в политической структуре государства для многочисленных представителей разросшейся династии Гедиминовичей, не затрагивало интересы местных феодалов, гарантировало им неприкосновенность «старины». Договор, «ряд», заключаемый с наиболее влиятельной частью населения вновь присоединенных земель, определял их отношения с верховной властью на протяжении нескольких веков. В XV и в начале XVI в. эти отношения великие князья оформят специальными грамотами, привилеями, пожалованными Полоцкой, Витебской, Смоленской, Киевской, Волынской землям. Бояре, высшее духовенство, горожане этих земель сохраняли значительное влияние на местные дела. «И который им будет нелюб воевода, а обмовят (обвинят.— *В. Д.)* его перед нами, ино нам воеводу им иного дати, по их воли»,— гласит, например, привилей Витебской земле

1503 г. (тот же обычай был закреплен и в полоцком привилее 1511 г.).

Как заметил еще В. Т. Пашуто, при включении новых земель в состав Великого княжества Литовского «не происходило существенного перераспределения и ломки форм собственности, которые характеризуют, например, централизаторскую политику московского правительства». Именно поэтому установление власти Великого княжества Литовского, как правило, проходило без особых потрясений. Великий князь присваивал часть феодальной ренты, положенную ему как сюзерену (дань взималась с княжеств и земель, сохранявших своих правителей или управлявшихся непосредственно его наместниками).

По социальной структуре населения Великое княжество Литовское фактически не отличалось от Северо-Восточной Руси. Высший слой феодалов и здесь составляли князья. Этот титул, кроме измельчавших Рюриковичей, усвоили и члены рода Гедиминовичей и некоторые другие видные семьи балтского происхождения, а также отдельные потомки осевшей в Великом княжестве татарской знати. Основная масса литовских и западнорусских служилых людей-землевладельцев именовалась боярами. Здесь, в отличие от северо-востока Руси, этот древнерусский термин «девальвировался», обозначая не высшую группу чинов великокняжеского двора, а всех служивших государю лиц благородного происхождения. С XVI в. для этой группы под влиянием Польши утверждается наименование бояр-шляхты, а затем просто шляхты (тогда же «путными» и «панцирными» боярами стали называть крестьян, обязанных ходить на войну в отрядах отдельных феодалов). Бояре имелись и в удельных княжествах. Для обозначения этой группы населения существовали и некоторые локальные термины (например, «земяне»). Права боярства определялись обычаем, условиями пожалования земель. Общегосударственные органы представительства боярства, по-видимому, отсутствовали, но в отдельных землях, как уже говорилось, местные феодалы активно участвовали в управлении. С конца XIV в., после унии Великого княжества и Польши (1387 г.) на литовские и русские земли постепенно проникают польские нормы государственного и административного устройства, в частности окончательно оформляется великокняжеский совет — рада панов (состояла из высших чинов государства — воевод, наместников земель и др.; в ее состав входили также некоторые родственники вели-

кого князя — удельные князья и католический епископ). Рада осуществляла верховную государственную власть в отсутствие великого князя. Привилеями 1492 и 1506 гг. великие князья обещают без согласия рады не решать важных вопросов внешней и внутренней политики. Рада являлась органом крупных феодалов (как и существовавшая при московском великом князе Боярская дума). На протяжении всего XV в. в составе этого высшего правительственного органа резко преобладала литовская знать, т. е. представители той части феодалов, которые в силу своего католического вероисповедания согласно нескольким привилеям великих князей (1387, 1414 и др.) получили ряд новых прав, первоначально недоступных остальным феодалам Великого княжества. Окончательное уравнение в правах феодалов всех христианских вероисповеданий произойдет лишь в середине XVI в. Однако с середины XV в. привилегии православного боярства постепенно также расширяются, и уже в начале XVI в. некоторые представители восточнославянской знати занимают высшие должности в администрации и участвуют в деятельности рады.

Горожане, «местичи» (мещане) составляли довольно многочисленную и влиятельную группу населения, особенно в таких городах, как Полоцк, Витебск, Киев, Вильно. Столица Великого княжества Литовского и Русского вскоре после крещения Литвы в католичество получила привилей на самоуправление по западноевропейскому образцу, закреплявший сословные права горожан и привилегии их общины. В других городах, как уже отмечалось, действовали старинные традиционные нормы самоуправления, и лишь с конца XV и в XVI в. они постепенно также заменяются магдебургским правом. «Местичи» противопоставлялись крестьянству, волостному населению. Многие горожане были особыми привилегиями освобождены от различных работ, традиционно исполняемых волостью, в пользу великого князя. В некоторых землях (особенно на востоке и на юге государства) горожане исполняли и некоторые повинности по укреплению городов (хотя, например, грамота киевлянам специально оговаривала: «а города им не рубити»). Не вдаваясь в подробности, можно констатировать, что в городском строе Великого княжества вплоть до введения магдебургского права, т. е. фактически (за исключением Вильно и Трок) до конца XV— начала XVI в., при всем многообразии индивидуальных черт нет принципиальных отличий от городов Северо-Восточной Руси.

Разумеется, и здесь подавляющее большинство населения составляло крестьянство — «люди», «мужи». До конца XV в. на основной территории Великого княжества в целом преобладала натуральная рента — характерные и для Киевской Руси даннические отношения между крестьянином и феодалом. Основной единицей государственного обложения оставалась волость, в восточной части Великого княжества Литовского и Русского (в том числе в Полоцкой и Витебской землях) нередко сохранявшая автономию и самоуправление (ряд волостей управлялся вплоть до XVI в. не великокняжескими наместниками, а выборными «старцами», отвечавшими за уплату дани). Основной рабочей силой в хозяйстве феодала, как и в прежние времена, оставалась челядь — «люди невольные», «паробки», лишь в конце XVI в. слившиеся с крестьянством (аналогичные московским холопам). В зависимости от своих основных обязанностей крестьяне делились на людей «тяглых» (обязанных нести барщину) и «данных» (оброчных), вносивших медовую, денежную или другую дань. Наряду с основными существовали и некоторые дополнительные повинности волостного населения: обязанности чинить мосты, дороги, давать подводы посланцам великого князя и др.

Большинство крестьян сохраняли личную свободу, однако имелись и люди «непохожие», «отчинные», уже в середине XV в. находившиеся в зависимости от феодалов и, как правило, исполнявшие также отработочные повинности. С конца XIV в. быстрый рост церковного (католического) и светского феодального землевладения сопровождался расширением вотчинных прав феодалов, а в 1447 г. королем Казимиром Ягайловичем всему боярству Великого княжества был пожалован привилей, закрепивший за ним право вотчинного суда. Акт 1447 г. часто считают началом юридического закрепощения крестьянства (хотя вопрос этот очень сложен и дискуссионен из-за недостатка источников по предшествующему периоду). Кстати, завершится этот процесс примерно тогда же, когда и в России, в конце XVI в., когда свод законов Великого княжества Литовского — Статут 1588 г. закрепит принцип «земской давности», в соответствии с которым свободный крестьянин, прожив в имении 10 лет, превращался в крепостного. Впрочем, в отличие от Московской Руси, здесь так и не будет установлен бессрочный сыск беглых (феодал по тому же Статуту 1588 г. сохранял такое право лишь в течение 10 лет). В XV в. по

уровню развития феодальных отношений собственно литовские земли уже мало отличаются от восточнославянских, а впоследствии именно на западе Великого княжества (т. е. на территории, раньше всего включившейся в хлебную торговлю с Западной Европой) начнется активное распространение барщины.

Тем не менее при всех возможных региональных особенностях и отчетливо проявившейся в государстве Гедиминовичей в XV в. тенденции к расширению привилегий феодалов и ослаблению их зависимости от верховной власти, что непосредственно отразилось на положении крестьянства, в социально-экономическом строе Московской и Литовской Руси мы не видим существенных и принципиальных различий, препятствующих их дальнейшему сближению. Различия заметны скорее в политической, идеологической области. Наиболее отчетливо это проявилось в положении православной церкви.

Несмотря на покровительство Гедиминовичей русскому духовенству, положение православных иерархов в их владениях было принципиально иным, чем в Северо-Восточной Руси. Под властью московских князей православие пользовалось всеми привилегиями господствующей религии. Права церкви были подтверждены ханскими ярлыками, ее земельные владения росли, она играла важную роль в политической жизни. В Великом княжестве Литовском влияние митрополита и епископов ограничивалось необходимостью мириться с существованием сперва официального язычества, а затем и католической церкви, в 1387 г. завоевавшей статус господствующей. Это, кстати, способствовало демократизации местной церковной жизни, в том числе возникновению православных братств, объединений горожан, ограничивавших власть духовенства в церкви, облегчало проникновение идей Возрождения (ярчайшим примером может служить деятельность в начале XVI в. восточнославянского первопечатника Франциска Скорины). Но церковь как общественный институт явно предпочитала почтительное послушание московских князей небрежному покровительству Гедиминовичей. Отдельные иерархи, поставленные по воле литовских государей, отражали в своей деятельности их волю, искали в сближении с католицизмом средства усилить свое влияние, поддерживая планы унии церквей. Но в целом именно православная церковь, особенно на территории Северо-Восточной Руси, по-видимому, стала силой, наиболее активно препятствующей реализа-

ции литовских объединительных планов. Именно православная церковь видела в литовских князьях (сперва язычниках, затем католиках) своих идейных противников. Преодолеть ее нередко скрытое, но мощное сопротивление могло бы только официальное крещение Литвы в православие. При Ольгерде такой шанс еще сохранялся. Несмотря на неудачи в прямых столкновениях с Москвой, великий князь не отказался от своих замыслов, но вынужден был отложить их до лучших времен, отражая натиск Ордена. В разгар сражений с крестоносцами, в мае 1377 г., Ольгерда не стало. Как уже говорилось, ряд источников свидетельствует, что умер он православным. Тверские летописцы утверждали, что княгиня Ульяна похоронила мужа в православном соборе, основанном ею в Вильно. В действительности новокрещеный князь Александр, в монашестве Алексей Гедиминович, был, в соответствии с литовским обычаем, похоронен по языческому обряду. Его тело было возложено на погребальный костер, и в жертву Перуну было принесено 18 боевых коней. Не стало человека, впервые успешно выступившего против Орды и сумевшего объединить в борьбе с нею русские княжества. Благодаря ему силы ордынцев были подорваны, уменьшилась территория ханских владений, и, вероятно, в будущем успехе Дмитрия Донского была и заслуга его литовского соперника.

Даже летописи Северо-Восточной Руси, казалось бы, заинтересованные в том, чтобы очернить врага Москвы, говорят об Ольгерде с уважением: «...он не пил ни вина, ни пива, имел великий разум и подчинил многие земли, втайне готовил свои походы, воюя не столько числом, сколько уменьем». Талантливый человек, порой вспыльчивый, но великодушный и щедрый, отважный воин, блестящий дипломат, действительно великий князь, государь Литвы и Руси. Но история поставила предел его планам, и грандиозная задача возрождения древнерусского государства в прежних и даже более широких границах не была решена, натолкнувшись на сопротивление северо-восточных княжеств, сплотившихся вокруг регионального центра — Москвы. И все же Гедиминовичи и те круги западнорусского и литовского боярства, которые решительно их поддерживали, не отказались от этой великой идеи: она возникнет еще не раз.

Смерть Ольгерда нарушила политическое равновесие

в Великом княжестве. Его наследником стал старший сын от тверской княжны — Ягайло (в отличие от старших сводных братьев сохранявший язычество). Довольно скоро новый великий князь вступил в конфликт с дядей, Кейстутом. Теперь, шесть веков спустя, трудно судить о подлинных причинах этой ссоры. Возможно, кроме некоторых известных обстоятельств (недовольство престарелого Кейстута необходимостью признавать государем 30-летнего племянника, окружившего себя новыми людьми и даже выдавшего одну из сестер за выходца из простонародья), какую-то роль сыграли и разногласия во внешней политике. Ягайло унаследовал традиции «антимосковской» политики отца, но, в отличие от него, в 70-е годы XIV в. (как, впрочем, задолго до него поступали и сами московские князья) обратился к союзу с Ордой. Соглашение Ягайло с Мамаем, появление литовских войск в 1380 г. неподалеку от Куликова поля (в то время, когда его сводные братья Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский привели свои дружины на помощь Дмитрию) и отступление в литовские владения после разгрома ордынцев достаточно широко известны и отнюдь не украшают биографию будущего польского короля. Можно только гадать, почему Ягайло не принял участия в битве, бросил на произвол судьбы своего ордынского союзника. Быть может, этого не пожелали его отряды, хорошо помнившие победы Ольгерда над татарами и, вероятно, сочувствовавшие антиордынской борьбе Северо-Восточной Руси. Может быть, и сам великий князь не был искренен, обещая Мамаю поддержку (сознательно помедлив, дал возможность Дмитрию Донскому одержать победу). Так или иначе, триумф Москвы, резко повысивший ее авторитет и в западнорусских землях, заставил Ягайло искать дружбы с Дмитрием. Тогда возник проект союза Москвы и Великого княжества Литовского. Проект соглашения между ними — «докончания» (переговоры о котором вела княгиня Ульяна) предусматривал крещение Ягайло в православие и его женитьбу на одной из дочерей Дмитрия Ивановича: «и креститися в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди», т. е. всенародно.

Тогда, в 1381 г., судьбы Великого княжества Литовского и Русского, да и всей Руси, могли повернуться совсем иначе. Поход Тохтамыша и сожжение Москвы в 1382 г. на целый век отодвинули окончательное свержение Русью ордынского ига. Известие о сокрушительном

поражении Москвы заставило Ягайло искать новых союзов и отказаться от проекта, который мог бы стать поворотным моментом в судьбах всей Восточной Европы. В 1385 г. он заключил соглашение с польскими магнатами. Женитьба на юной польской королеве Ядвиге, обещание крестить Литву в католичество и присоединить ее к владениям польской короны резко изменили ситуацию в Великом княжестве. Крещение Литвы в 1387 г. коснулось только литовцев-язычников (хотя, по сообщению некоторых источников, Ягайло якобы приказал казнить двух православных литовских панов, отказавшихся изменить вероисповедание, никаких сколько-нибудь заметных ограничений прав православного населения не последовало). Сохранила свои привилегии православная церковь, никто не затрагивал прав православного боярства (хотя феодалы-католики и получили некоторые дополнительные привилегии, т. е. по сравнению с ними ситуация их православных собратьев, в принципе не изменившись, относительно ухудшилась, что вскоре стало источником ряда конфликтов). Сохранили православие и многие Гедиминовичи. Но, как и во времена Миндовга, Литва повернулась лицом к Западу, к католической Европе. На этот раз западноевропейское культурное влияние, шедшее через дружественную Польшу, оказалось значительно более сильным и оставило гораздо более заметные и прочные результаты, чем все походы немецких рыцарей.

Но нельзя не видеть, что в 80-е годы XIV в. существовал и был довольно реален и другой вариант развития державы Гедиминовичей: завершение процесса славянизации литовских земель, начавшегося столетием раньше; их христианизацией по православному обряду. Став зятем Дмитрия Донского, великий князь литовский и русский Яков Ольгердович (так, согласно договору, должен был называться Ягайло, с таким именем значится он в родословной литовских князей, составленной в XV в. в Твери), утвердив православие столь же энергично, как несколько лет спустя он провел крещение Литвы по католическому обряду, мог бы, разумеется, встретить сопротивление со стороны части литовской знати (стремившейся занять привилегированное положение по отношению к знати русских земель). Но отношение литовской аристократии к православию было, в целом, вероятно, достаточно благожелательным (крестились не только Гедиминовичи, осевшие на русских землях, но и их дружины). Более значительным сопротивление могло быть на Жмуди (известно, что местное боярство возражало против

принятия Ягайло православия). Но могла ли Жмудская земля, обескровленная набегами крестоносцев и уже много лет ведущая борьбу с немецкими рыцарями, сколько-нибудь серьезно влиять на государственные дела и тем более противиться центральному правительству, без поддержки которого она была бы обречена? Православие могло бы усилить поддержку Ягайло на славянских землях Великого княжества Литовского; поднять его авторитет и в Северо-Восточной Руси (при поддержке посаженного еще Ольгердом в 1375 г. на митрополичий престол в Киеве грека Киприана). Последствия выбора, сделанного Ягайло в 1385 г., в полной мере ощутили его преемники в XV в., когда конфликт между Литвой и Московским государством постепенно стал приобретать не только политический, но отчасти и религиозный оттенок.

И все же события 80-х годов XIV в. не отрезали Великое княжество Литовское и Русское от Северо-Восточной Руси. Католическое вероисповедание части династии и литовского населения (Жмудь была крещена позже, лишь после освобождения от крестоносцев в 1411 г.), разделившее русинов и литвинов, еще во времена официального язычества привыкших к веротерпимости, не являлось непреодолимым препятствием для дальнейшего сотрудничества всех жителей этого многонационального государства. Как бы там ни было, именно славянское население составляло в княжестве подавляющее большинство, а русские отряды — большую часть его вооруженных сил. Славянскими были и города, включая Вильно, где славянское население продолжало неуклонно расти. Могли ли изменить это положение первые костелы, которые можно было перечесть по пальцам? В совсем недавние времена модно было писать об «экспансии» католицизма в восточнославянских землях (что-то не случалось встречать этот термин для характеристики распространения православия). Но, например, в Восточной Белоруссии первые костелы возникли лишь во второй половине XVI в., а в Смоленске, захваченном Литвой в конце XIV в., существовавший прежде костел иностранных купцов был превращен в православную церковь. В Великом княжестве Литовском и Русском политика веротерпимости была единственно разумной и возможной, и католическое крещение язычников, лишив православие надежды на роль господствующей религии, не ущемило прав православного населения.

С коронацией Ягайло польским королем (под именем

Владислава) встал вопрос о том, кто реально будет управлять от его имени Великим княжеством. Первоначально король поручил эту миссию своему брату Скиргайло. Однако вскоре выяснилось, что в Литве существует сильная оппозиция: ее вождем стал сын Кейстута Витовт. Заключив союз с крестоносцами, в 1390—1392 гг. Витовт несколько раз вместе с ними предпринимал походы на Великое княжество, и, хотя попытки захватить Вильно окончились неудачей, к 1392 г. Витовту удалось занять ряд городов (в том числе Гродно и Новогрудок). В 1390 г., надеясь на поддержку Москвы, он выдал свою дочь Софью за князя Василия Дмитриевича. Угроза власти Ягайло в Литве была велика. Кроме того, существовала реальная опасность разрыва польско-литовской унии, а значит, неудачи союза этих стран, направленного против их общего врага — Тевтонского ордена. И тогда король предпочел пожертвовать властью над Великим княжеством, сохранив союз обеих держав. Он отправил Скиргайло на княжение в Киев и весной 1392 г. тайно обещал Витовту возвращение всех владений его отца. Витовт порвал с Орденом и 4 августа 1392 г. заключил соглашение с Ягайло, получив от него в управление все земли княжества. Польский король сохранил номинальную власть над этой державой (в качестве «верховного князя»), сохранили свои уделы его братья и другие Гедиминовичи, но с этого момента на протяжении почти четырех десятилетий у государственного руля Литовско-Русской державы стоял воинственный сын Кейстута. По словам хрониста Яна Длугоша, Ягайло принял это решение, убежденный, что Витовт «способностями превосходит его родных братьев и лучше всего подходит для трудной задачи управления Литвой».

В будущем Ягайло и Витовт не всегда ладили; не всегда легко давались им компромиссы, но в конечном итоге было достигнуто равновесие интересов обоих государей и их держав, а Великое княжество получило сильного правителя. Витовт и Ягайло сумели отбросить все, что, казалось, их разделило навсегда (смерть Кейстута, по всей вероятности, задушенного сторонниками Ягайло; существует версия, что и мать Витовта Бирута, бывшая языческая жрица, была утоплена по обвинению в колдовстве; в междоусобицах погибли многие братья Витовта и Ягайло). Вместо яростного врага и соперника Ягайло получил союзника — не всегда надежного, но все-таки более ценного, чем прежние правители, не способные

подавить попытки удельных князей урвать у Литвы те или иные земли. Союз Литвы и Польши был фактически союзом двух равноправных монархов, и Великое княжество в неприкосновенности сохранило собственную государственность, суверенитет, лишь постепенно усваивая некоторые польские государственные институты и юридические нормы, приемлемые для местного населения (прежде всего боярства). Союз Витовта и Ягайло стал залогом победы над Тевтонским орденом, и 14 июля 1410 г. под Грюнвальдом соединенными силами поляков, литовцев и русинов был уничтожен цвет орденского рыцарства.

Сын Кейстута, названный историками Великим, в конечном итоге следовал не дорогой своего отца, а путем, намеченным его дядей Ольгердом. Поддерживая выступления против крестоносцев в Жмуди, Витовт все же направил свои основные усилия на восток. Как и его предшественники, он пользовался ослаблением Орды, неурядицами в Северо-Восточной Руси для расширения сферы своего влияния. Устранив соперников, в том числе и некоторых Ольгердовичей (отобрав в 1393 г. Витебск у Свидригайло, Новгород-Северский — у Корибута, Подолию — у князя Федора, Киев — у князя Владимира) и утвердив свою власть на всей территории княжества, Витовт заключил союз с Тохтамышем, поддержав его в столкновении с другой группировкой золотоордынских феодалов, выступавших на стороне среднеазиатского владыки Тимура. Поражение Тохтамыша в битве с войсками Тимура в 1395 г. и его бегство в Литву создало благоприятные условия для вмешательства Витовта непосредственно в ордынские дела. Как повествует летопись, Витовт говорил: «Посадим во Орде на царствие его царя Тохтамыша... и то все будет наше, и царь наш, и мы не толико Литовскую землю и Польскую владети... но и всеми великими княжени рускими».

Татарские обещания были ненадежны, но все-таки союз с Тохтамышем сулил возможность не только расширения владений Великого княжества на юге, но и лидерство в Северо-Восточной Руси, все еще формально подвластной Орде. Уже в первые годы правления Витовт сумел присоединить к своим владениям еще одно крупное княжество — Смоленское. Как уже говорилось, Смоленская земля попала в орбиту влияния Литвы еще при Ольгерде. Попытка князя Святослава Ивановича в союзе с Андреем Ольгердовичем Полоцким отстоять свою не-

зависимость закончилась разгромом смоленских войск, напавших в 1386 г. на Мстиславское княжество, и гибелью самого князя. Его старший сын, Юрий Святославич, был отстранен от престола, трон был передан Витовтом младшему — Глебу, превратившемуся в вассала Литвы. Вскоре, однако, Витовт предпочел установить прямой контроль над этой важной пограничной землей. Собрав в 1395 г. войска, он распустил слух о походе против татар. Подойдя к Смоленску, Витовт вызвал к себе Глеба Святославича, его родственников и бояр, задержал их, отослал князей «во свою землю Литовскую», а в княжество назначил своих наместников — князя Ямонта и боярина Василия Борейковича. Через несколько лет наместником стал князь Роман Брянский. Впрочем, младшие ветви местной династии (например, князья Вяземские) сохранили свои уделы. Захват Смоленщины был признан другими княжествами Северо-Восточной Руси (хотя князь Юрий Святославич нашел убежище у рязанского князя Олега, своего тестя). Именно там, в Смоленске, вскоре встретился с Витовтом великий князь Василий Дмитриевич, «кланяючися ему яко тестеви». По словам одной из поздних летописей («Хроники литовской и жмойтской»), свидание было дружеским; Витовт встретил зятя в миле от Смоленска; обнявшись, они «плакали в радости»; в городе был устроен торжественный прием; «там же примирье межи собою и панством своим подтвердили и против Тимиртиклую (Тимур-Кутлука.— *С. Д.*), цару татарскому, сполне (вместе.— *С. Д.*) воевати постановили». Согласно московским летописям, это событие произошло в апреле 1396 г.

Таким образом, вскоре после присоединения Смоленска между Москвой и Вильно, видимо, было достигнуто какое-то соглашение о совместных действиях, т. е. два основных центра антиордынской борьбы готовились объединить свои усилия. Тем временем завершился успехом первый самостоятельный поход Витовта против западных улусов. В 1397 г., по словам хроники Длугоша, он «перешел Дон... и в окрестностях Волги разгромил кочевье татар, именуемое Орда, и много тысяч татар с женами, детьми и стадами скота взял в плен и привел в Литву» (это событие положило начало поселению в Литве татар, пожалованных землями с обязанностью служить великому князю). В 1399 г. был подготовлен новый поход, для которого Витовт собрал все наличные силы. Даже Тевтонский орден, обязанный бороться

с язычниками, послал великому князю небольшой отряд рыцарей. В числе участников похода был и знаменитый воевода Дмитрий Боброк-Волынский, по всей вероятности, присланный московским князем. 12 августа 1399 г. после недельного стояния на реке Ворскле войско Витовта, оставив укрепленный лагерь, переправилось через реку и заставило отступить отряды эмира Эдигея. Но тем временем воины Тимур-Кутлука обошли поле битвы, разгромили войска Тохтамыша, окружили армию Витовта и почти полностью ее уничтожили. На Ворскле погибли многие князья, в том числе герой Куликовской битвы — Боброк-Волынский, Андрей Полоцкий, Дмитрий Брянский, многие другие Гедиминовичи и Рюриковичи (среди них и бывший смоленский князь Глеб). Витовту удалось бежать «в малой дружине... коней переменяючи».

Поражение на Ворскле заставило Витовта на время — но только на время — отказаться от честолюбивых планов, вновь искать тесного сотрудничества с Ягайло. В 1401 г. он заключил соглашение об унии с Польшей (все еще, впрочем, имевшее скорее символическое, чем реальное, значение). Он сумел свести к минимуму политические последствия поражения, энергично подавил попытку восстановить независимость Смоленского княжества (осуществленную в 1401 г. князем Юрием Святославичем при поддержке Рязани и части местных жителей), восстанавливал и накапливал силы. В 1410 г. был Грюнвальд, где соединенные силы Витовта и Ягайло нанесли сокрушительное поражение Ордену (и где именно стойкость трех смоленских полков в решающий момент сражения способствовала победе). После завершения войны и окончательной передачи Литве Жмудской земли в 1422 г. Витовт еще раз попытался добиться гегемонии Великого княжества в Восточной Европе. Все эти годы он укреплял свои позиции на славянских землях, придерживаясь, как и его предки, политики веротерпимости. Кстати, еще в 80-е годы XIV в. Витовт, претендуя на Луцкое княжество, носил православное имя Юрий (по-видимому, как и Ягайло, не совершив самого акта крещения); крестившись в «лядскую веру» (католичество) под именем Александра, он сохранил полное равнодушие к теологии, но прекрасно понимал политическое значение церкви, в том числе и православной иерархии. Отсюда и традиционные для Великого княжества попытки или подчинить себе всю русскую церковь, или создать собственную иерархию. В 90-е годы XIV в. Витовт поддер-

живал оживленные контакты с митрополитом Киприаном, который в 1396 г. после встречи Василия и Витовта в Смоленске «идеть к Киеву и тамо пребысть польтора года». При этом Киприан вел переговоры с Витовтом и Ягайло о возможности заключения унии католической и православной церкви и совместной борьбы против Орды. В 1416 г., недовольный митрополитом Фотием, Витовт добился от православных епископов княжества выбора нового митрополита — болгарина Григория Цамблака. Константинопольская патриархия, впрочем, не признала этого выбора. Цамблаку не удалось осуществить планы унии (их активно поддерживал Витовт, надеясь тем самым устранить антагонизм между православным и католическим населением). Цамблак умер в изгнании (в 1420 г.), а Витовт помирился с Фотием, поддерживая одновременно и католическую церковь, продолжавшую миссионерскую деятельность в коренной Литве и особенно на Жмуди. Организованные в Жмуди, в Киеве и Луцке новые католические епископства получили довольно щедрые пожалования.

20-е годы XV в.— период наибольших внешнеполитических успехов Великого княжества. Под влиянием Витовта находились Заволжская Орда и Крым, где сменяли друг друга слабые ханы, искавшие дружбы могущественного литовского государя (некоторые из них даже короновались на ханство в Литве и занимали престол с помощью литовских отрядов). В 1425 г. умер зять Витовта, московский князь Василий Дмитриевич. При нем Москва, сохраняя лидерство на Северо-Восточной Руси, довольно последовательно признавала ведущую роль Вильно в делах «всея Руси». «Государь шести или семи нынешних губерний в северной России», как назвал его Карамзин, московский князь стремился избегать столкновений с могущественной Литвой, не ставя себе никаких сколько-нибудь серьезных задач за пределами традиционной сферы московского влияния. Умирая, Василий Дмитриевич поручил малолетнего сына опеке Витовта. Вероятно, этот акт должен был помешать претензиям на московский престол других сыновей Дмитрия Донского (по старому закону о престолонаследии и по завещанию Дмитрия имевших больше прав на власть). Во всяком случае, эта опека при сохранении реальной власти за дочерью Витовта Софьей еще более повысила авторитет литовского великого князя среди русских князей, формально не подчинившихся Великому княжеству, но фактически уже в той или иной мере находившихся под его влиянием.

В 1426 г. Витовт предпринял поход на Псков и принял с него выкуп. В 1427 г. он совершает триумфальное путешествие по восточной окраине своего государства. Навстречу ему выходили князья Рязани, Переяславля, Пронска, Воротынска, Одоева и «били ему челом», вручая богатые дары. В 1428 г. Витовт совершил поход на Новгород и взял с него огромный выкуп в размере 11 тыс. руб. В 1429 г. он встретился в Луцке с королем Владиславом Ягайло и германским императором Сигизмундом. Император предложил Витовту королевскую корону, но великий князь сперва отказался от заманчивого предложения, видя в нем попытку разорвать союз Литвы и Польши. Но узнав, что польские магнаты резко выступали против планов его коронации и подчеркивали зависимость Литвы от польской короны, возмущенный Витовт принял предложение Сигизмунда. Коронация была назначена на 8 сентября 1430 г., но послы императора, везшие корону, были задержаны в Польше. При этом раскрылись тайные планы Сигизмунда, стремившегося создать антипольскую лигу с участием Литвы, Венгрии, Германии, Тевтонского ордена. В октябре 1430 г. Ягайло прибыл в Вильно, и конфликт, угрожавший опасными последствиями, был улажен. 27 октября 1430 г. Витовт, так и не надевший королевской короны, умер, искренне оплаканный многими жителями его великой державы. Написанная после его смерти западнорусскими книжниками «Похвала великого князя Витовта» перечисляет иноземных государей, которые «великую честь держали над славным господарем Витовтом», вспоминает, как «цари татарские служили ему, и сами своими головами на помоч ему ходили и слухали его», как «также и князь великии московскии у великои милости был з ним», «и князь великии резанскии и князи Одоевъские у великом послушенстве были, и Великии Новгород, и великии Пъсков вси были послушны великого князя Витовта. Цары и князи у великом ласцэ з ним были, а иные служыли ему и честь великую, и дары многие прыносили ему не толко по вси лета, але на кождыи день. И был князь великии Витовт силный господар и славен по всим землям: и много цареи и князеи служыли у двору его...».

Легенды о щедрости, храбрости Витовта передавались из поколения в поколение, и ныне Витовт Великий, пожалуй, одна из наиболее популярных фигур литовской истории. Но при этом часто забывается главное — стремление Витовта продолжить дело своих предшественни-

ков, добиться создания в Восточной Европе мощного государства, ядром которого, как и прежде, являлись бы восточнославянские земли. И эту программу, как это ни парадоксально, унаследовал правнук Витовта, великий князь Московский Иван III.

Еще одна любопытная деталь. Витовт не мог оставить престол сыновьям — их давно уже не было в живых: мальчики (крещенные в православную веру) умерли в Пруссии —по всей вероятности, были отравлены после бегства Витовта из Ордена. Но неужели ни на минуту не задумался великий князь о своем родном внуке, Василии Васильевиче Московском? Наследник — уже по праву — Владимирского великого княжения на престоле Литвы, соединение Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Русским — неужели такая перспектива не могла вдохновить престарелого литовского государя?

Увы, источники умалчивают о каких-либо планах Витовта, связанных с личностью единственного родного внука. Быть может, препятствием был юный возраст (мальчишка не годился для борьбы за власть, которая, как мог предвидеть Витовт, должна была разгореться и действительно разгорелась после его смерти между многочисленными Гедиминовичами, отнюдь не склонными отказываться от своей «отчины»), ранее заключенные договоры с польским королем. Во всяком случае, Василий, будущий Темный, не смог последовать примеру английского короля Эдуарда III, который в подобной ситуации сумел отвоевать у Валуа половину Франции. Северо-Восточная Русь вскоре пережила изнурительную феодальную войну, и хотя московские князья вышли из нее победителями, им в те годы было явно не до Литвы. Но и она после смерти Витовта пережила недолгий, но трудный период смуты и междоусобиц.

С согласия короля Владислава Ягайло «сел на Великом княжстве Литовском князь великии Швитригайло Олькгирдович, и пановал толко два годы и месяц, и пошол к Полоцку княжыти». Болеслав-Свидригайло (дурная репутация которого, возможно, способствовала появлению его «однофамильца» в одном из романов Достоевского), много десятилетий кочевавший с одного княжения на другое, бегавший в Москву и Орден и всюду предававший своих новых союзников, за несколько месяцев сумел вконец испортить отношения с Польшей. Гораздо опаснее, впрочем, для нового великого князя было недовольство литовской католической знати, дорожи-

вшей недавно приобретенными привилегиями и не желавшей допускать православных феодалов к решению общегосударственных дел. Свидригайло приблизил к себе многих «русинов». Мера эта в принципе была вполне разумна, но в тот момент привела к заговору, поддержанному Польшей. В ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. на великого князя было совершено покушение, но ему удалось спастись, и в результате — «побег к Полоцку и ко Смоленску и князи руские и бояре посадили князя Швитригайла на великое княжение Руское». Тем временем великокняжеский престол в Вильно занял брат Витовта — Сигизмунд Кейстутович. Под его контролем оказались Литва и Жмудь с небольшой частью нынешней Западной Белоруссии. Фактический раскол княжества, однако, не означал краха идеи государственного единства. Его стремились восстановить обе стороны, каждая из которых выдвигала собственную программу. Активная поддержка Свидригайла феодалами русских земель (кстати, по некоторым сведениям, во время похода на Вильно в 1435 г. в его войсках было много и «руси московской», еще в 1432 г. ему помогали тверичи и т. д.) объяснялась их стремлением добиться распространения на «русинов» привилегий, полученных католиками. Поддерживала эту программу и часть литовского боярства. Исход же борьбы решили не только военные неудачи Свидригайло в 1434—1435 гг., не только его жестокие акции (поспешные казни подозрительных лиц, в том числе сожжение в Полоцке митрополита Герасима, бывшего смоленского епископа, возведенного на киевскую митрополию константинопольским патриархом при поддержке того же Свидригайло), но и уступки Сигизмунда православному боярству, по привилею 6 мая 1434 г. уравненному в правах с католиками, хотя в то время еще не получившему места в раде.

Уже в 1436 г. власть Сигизмунда распространилась на Полоцк и Витебск, затем и на другие земли, и в 1439 г., как отметили летописи, он начал «княжити на великом княжении на Литовском и на Руском». Фактически в тот момент восточнославянские земли княжества приняли предложенный им в 1434 г. компромисс, временно отказавшись от попыток добиться полного политического равенства католиков и православных. Но политический кризис имел продолжение: жестокость Сигизмунда, легко казнившего и редко миловавшего, вызвала недовольство знати. В Вербное воскресенье 20 марта 1440 г. великий

князь был убит заговорщиками, тайно (в возах с сеном) проникшими в Трокский замок. Их возглавлял, разумеется, один из многочисленных Гедиминовичей — князь Александр Чарторыйский (затем бежавший в Москву и дважды, в 1443—1447 и в 1456—1461 гг., находившийся в Пскове в качестве московского наместника).

Вновь оживились удельные князья. Восстал Смоленск. Боярство в большинстве своем не поддержало выступления, но горожане захватили власть, литовский наместник бежал, воеводой был избран князь Андрей Дорогобужский, а затем смоляне пригласили на княжение «соседа» — Гедиминовича, мстиславского князя Юрия Семеновича (Лигвеневича), который попытался выкроить для себя собственное государство из восточных земель Великого княжества.

Литве нужен был новый государь. Литовские паны отвергли притязания на трон и сына Сигизмунда — «Михайлушки», и неутомимого Свидригайло (в конце концов удовольствовавшегося пожизненным княжением на Волыни). Сын Ягайло — польский король Владислав по их просьбе прислал в Литву младшего брата Казимира в качестве своего наместника. Но 29 июля 1440 г. 11-летний королевич Казимир был без ведома поляков провозглашен великим князем и коронован в Вильно. Тем самым в очередной раз была разорвана уния с Польшей (она была возобновлена уже семь лет спустя, когда после гибели в битве с турками под Варной короля Владислава Казимир был избран и на польский престол). Было подавлено Смоленское восстание (князь Юрий бежал в Новгород, но в конце концов княжество Мстиславское было ему и его детям возвращено), однако великий князь еще раз подтвердил старинные права и привилегии Смоленской земли, как, впрочем, и многих других земель Литвы, прежде всего пограничных: Полоцкой, Витебской, Киевской, Волынской, Подольской.

Казимир царствовал 52 года, и его долгое правление стало временем ослабления влияния Великого княжества в регионе. Феодальная война 30-х годов XV в. явилась важным рубежом в развитии державы Гедиминовичей. Во-первых, в эти годы был достигнут компромисс между католическими и православными феодалами, т. е. в основном преодолен антагонизм, явившийся следствием акта 1387 г. Расширение прав православных бояр еще не полностью удовлетворило их, но в целом существенно укрепило единство господствующего класса государства.

Земельные привилеи способствовали «консервации древнерусских традиций», сохранению многих элементов административного, судебного строя, сложившихся еще во времена Киевской Руси, в том числе элементов вечевого строя в городском управлении, все это отвечало и интересам горожан. С середины XV в. Великое княжество окончательно теряет прежний наступательный порыв. После смерти Витовта его преемники отказываются от общерусской программы, сосредоточив свои усилия на сохранении целостности этого государства. Переход Гедиминовичей от наступления к обороне совпадает по времени с успехами объединительной политики Москвы. Усиление активности Ивана III, особенно после победы над Ахматом на Угре в 1480 г., угрожает владениям княжества, и его правительство оказывается не в состоянии предотвратить потерю ряда пограничных территорий. В конце XV— начале XVI в. московские князья «ощипывают» восточный край государства Гедиминовичей. Власть Москвы признают Верховские княжества, Вязьма, Новгород-Северский, Чернигов, Путивль, Брянск, в 1514 г. капитулирует и Смоленск. Московские князья «наводят» крымцев на Южную Русь, подвластную Казимиру. Как свидетельствует, например, Новгородская летопись, в сентябре 1484 г. «по слову великого князя Ивана Васильевича всея Руси прииде царь Минь-Гирей Перекопьскыа орды с всею силою и град Киев взял и огнем сжже, а воеводу киевського изымал и землю Киевськую учини пусту». Выезжают в Москву отдельные феодалы. В 1508 г. князь Михаил Глинский и его сторонники выступают против сына Казимира — Сигизмунда I и проявляют готовность вместе со своими владениями перейти на русскую службу; впрочем, восстание Глинского не нашло сколько-нибудь серьезной поддержки, и его участники (мечтавшие, по-видимому, о захвате власти) скрываются в Москве. Однако и ослабевшее, потерявшее наступательный дух княжество все еще сохраняло притягательную силу для тех русских земель, которым угрожала централизаторская политика Ивана III. В Литву бежали лишенные владений тверские и рязанские князья, покровительства Казимира искали Новгород и Псков, но княжество оказалось не в состоянии реально помочь своим союзникам.

В Москве правнук Витовта Иван III гордо объявляет своим наследием Полоцк, Витебск, Смоленск и «всю Русь» — все достояние Рюриковичей. Казалось, замыслы

Москвы вот-вот осуществятся. Но вдруг ее натиск словно натыкается на невидимую стену. Во время Ливонской войны Иван IV на короткий срок занимает Полоцк, но удержать его не может. В середине XVII в., после присоединения к России Украины, царские войска занимают всю территорию Великого княжества (с 1569 г. входившего в состав Речи Посполитой «обоих народов», сохраняя все атрибуты собственной государственности), гарнизон Алексея Михайловича стоит в Вильно. Если верить работам историков 50-х годов XX в., написанным к юбилею этих событий, местное население поголовно поднялось на борьбу против «панов» и радовалось перспективе воссоединения. Но вдруг все меняется словно по мановению волшебной палочки: шляхта, недавно присягнувшая царю, берется за оружие, восстают против царских гарнизонов белорусские горожане. В конечном итоге по миру с Речью Посполитой Московское государство получает здесь только Смоленское воеводство (т. е. земли, завоеванные у нее же полувеком раньше), и государственная территория Великого княжества Литовского вплоть до 70-х годов XVIII в., т. е. до разделов Речи Посполитой, сохраняется в границах, сложившихся в XVI в.

Многие поколения историков убедительно доказывали существование в Белоруссии и на Украине стремления к воссоединению с Россией. В научный оборот введено множество документов, несомненно подтверждающих такую ориентацию в конце XVI—XVII вв. определенных кругов восточнославянского населения Великого княжества,— церковные сочинения, послания священнослужителей, горожан, казаков и других групп населения к московским государям. Однако еще Б. Н. Флоря, специально изучавший этот вопрос, в 70-х годах XX в. в конце концов констатировал, что «в XVI в. объединительная политика Русского государства не встретила сильной поддержки со стороны населения Украины и Белоруссии». Их точку зрения отражали местные летописи, другие литературные сочинения, в том числе панегирик князю Константину Острожскому, представителю рода, много сделавшего для защиты православия, развития славянской культуры в Литве. Острожского и его воинов, одержавших в 1514 г. победу над московскими войсками под Оршей, автор этого сочинения сравнивает с героями античной и библейской истории, прославляет своего государя — «Великославного» Сигизмунда Казимировича,

победившего «недруга своего Василия Московского», и провозглашает «гетману его, вдатному князю Константину Ивановичу Острожскому, дай боже здоровье и щастье вперед лепшее; как ныне побил силу великую московскую, абы так побивал силную рать татарскую». Слова эти написаны не по-латыни, не по-польски: они принадлежат «русину», видевшему в Великом княжестве Литовском и Русском свое государство, а в Московском Великом княжестве — противника, столь же опасного, как хищные крымские мурзы.

Сохраняя традиции Киевской Руси, сознание исторической общности (оно присутствует в трудах многих публицистов XVI—XVII вв.), летописцы, политики Москвы и Великого княжества проецировали в современность образы прошлого, нередко забывая о реальных различиях в развитии земель, входивших в состав этих государств.

Киевская Русь — держава, названная Марксом «империей Рюриковичей», повторила судьбу империи Карла Великого, распавшейся на несколько независимых королевств. На обломках Киевской Руси также возникли два государства, сохранявшие традиции древнерусской культуры, восточнославянской в своей основе (хотя и вобравшей в себя элементы культуры неславянских народов — финских и тюркских племен на севере и востоке, балтов — на северо-западе).

История Великого княжества интересна для историка России, в частности, как альтернативный вариант развития ее государственного строя у восточных славян в период феодализма. Мы уже не раз говорили, что и Московская, и Литовско-Русская державы сложились на преимущественно восточнославянской основе, на государственной территории Киевской Руси, хотя включали также земли, древнерусскому государству ранее не принадлежавшие. Даже В. Т. Пашуто, отрицающий преемственность Великого княжества Литовского по отношению к древнерусской государственности, констатирует характерный для него «синтез раннефеодальных институтов незавершенного феодализма коренной Литвы с более развитыми институтами феодально-раздробленного строя подчиненных ей нелитовских земель». Мы уже говорили и о том, что в общественном строе, в судебных делах западнорусских земель следы древнерусской традиции проявлялись нередко отчетливее и ярче, чем во Владимирской Руси. В развитии обеих держав можно отметить

некоторые черты сходства, даже прямого заимствования (так, русские законодательные памятники XVI—XVII вв. использовали Литовские статуты — юридические своды, вобравшие, в свою очередь, элементы русского обычного права, отражавшие нормы «Русской правды», а русское поместное землевладение, возможно, восходит не только к византийской пронии, но и к нормам условного землевладения, характерного для Литвы в XV в.). Уже упоминалось, что почти одновременно (в конце XVI в.) завершается в них закрепощение крестьян...

Но различия в политическом строе, а затем и религиозные различия все больше «разводят» эти государства. Различия эти проявляются уже в период образования Литовско-Русской и Московской монархий. Московские князья, особенно со времен Ивана III, активно разрушают сложившиеся раньше структуры уделов, «выводят» из них местных феодалов, ликвидируют (как это было в Новгороде и Пскове) городские свободы. Правительство Великого княжества Литовского и Русского идет совсем по другому пути. Сложившись как федерация в результате компромисса между местными феодалами и литовской династией, Великое княжество предлагает своим новым подданным гарантию сохранения «старины», т. е. прежних форм собственности, местного уклада, политических прав населения (разумеется, при условии признания своей верховной власти и участия в общегосударственных делах, прежде всего военных походах). Уже упоминавшийся привилей 1447 г., пожалованный всему боярству княжества, предоставил боярам право вотчинного суда, лишив государя права вмешиваться во взаимоотношения феодалов с их подданными.

Напротив, в Московской Руси государство стремится ограничить судебные права феодалов, укрепляя тем самым их зависимость от своей власти. В Великом княжестве Литовском и Русском на протяжении XVI в. ослабевала зависимость феодалов от государя в земельных делах. В России, как известно, именно в тот период активно развивалось уже упоминавшееся поместное землевладение, укреплявшее связь феодала с сюзереном. В Великом княжестве расширяются и права горожан. Развитие городского самоуправления по образцу типичного для Европы магдебургского права при всем несовершенстве этой системы способствовало созданию самоуправляющихся городских общин, способных защищать сословные права горожан в столкновениях с королевскими

чиновниками и отдельными феодалами. В строе Великого княжества, первоначально очень «традиционном» и даже консервативном, все более отчетливо заметно влияние «общеевропейских», прежде всего польских, образцов. Его строй в конце XIV— первой половине XVI в. трансформируется от почти неограниченной монархии к шляхетской демократии, обеспечивающей, впрочем, эффективное и сильное сословное представительство фактически лишь феодалам (участие в сеймах XVI—XVIII вв. городов ограничивалось присутствием депутатов столицы, имевших лишь совещательный голос). Слабость государственной власти, ограниченной сеймом, станет причиной многих неудач Речи Посполитой «обоих народов», возникшей в 1569 г. в результате подписанного в Люблине соглашения о вечной унии Польши и Великого княжества. Вряд ли стоит идеализировать строй шляхетской демократии, но, с другой стороны, нет нужды уже на начальном этапе ее развития усматривать в ней зло и видеть в самодержавии, абсолютизме единственный вариант развития, способный сохранить мощь и силу государства.

Опыт Великого княжества Литовского и Русского показывает, что на восточнославянских землях было возможно создание не только азиатской деспотии Ивана Грозного, но и достаточно эффективное функционирование демократических институтов многонационального государства, в течение длительного периода довольно успешно решавшего свои многочисленные проблемы.

Итак, возможно ли все же было единство Руси? Мы попытались показать несколько моментов нашей истории, когда такая перспектива представлялась довольно реальной. Но вплоть до XV в. подобный вариант развития восточнославянских земель был возможен лишь на основе политической программы Великого княжества Литовского и Русского.

Что мог бы дать Руси предложенный Гедиминовичами вариант объединения? Быть может, иные формы государственного устройства (вместо самодержавия — сословное представительство, сохранение региональных особенностей в течение более длительного времени), свержение ордынского ига раньше, чем это произошло в действительности, выход к Балтике за три-четыре века до Петра I, более смелое включение в местную культуру западноевропейских элементов, решительное восстановление разорванных ордынским нашествием связей с За-

падной Европой. Существовала ли при этом сколько-нибудь реальная угроза восточнославянской самобытной культуре? Разумеется, нет: даже в конце XVI в., после унии с Польшей, когда уже началась полонизация местного господствующего класса, новый свод законов Великого княжества — Литовский статут 1588 г. гласил: «А писар земский мает (должен.— *С. Д.*) по руску литерами (буквами.— *С. Д.*) и словы рускими все листы, выписы и позвы (повестки.— *С. Д.*) писати, а не иншим языком и словы», и это правило сохранялось до конца XVII в. Один из составителей Статута 1588 г., потомок брянских бояр, канцлер Лев Сапега, в предисловии к нему писал, что стыдно не знать своих законов «нам, которые не обчым (чужим.— *С. Д.*) каким языком, але своим власным (собственным.— *С. Д.*) права описаные маем (имеем.— *С. Д.*)». На русском языке велось все делопроизводство великокняжеской канцелярии, местных органов власти (в том числе и в коренной Литве). Можно себе представить, какое колоссальное влияние на культуру этого государства оказало бы присоединение к нему и Северо-Восточной Руси!

Но уже в конце XV— начале XVI в. в Восточной Европе довольно четко разграничиваются сферы влияния между литовским и московским объединительными центрами. Нарастающие различия в строе этих государств и, в частности, более привилегированное положение жителей Великого княжества, и в первую очередь — местных феодалов по сравнению с феодалами Московской Руси, отнюдь не способствуют широкой популярности среди них «московской» программы объединения. Отсюда решительное нежелание признать власть московского государя, тот «государственный патриотизм», за который их почему-то упрекают современные историки. В конечном счете выдвинутая в конце XV— начале XVI в. московскими князьями программа «воссоединения» представляла собой политическую химеру, призванную обосновать аннексию пограничных земель Великого княжества. Ситуация изменится в XVII в., в связи с обострением в Речи Посполитой религиозных противоречий в период контрреформации. Тогда Украина, где этот процесс будет осложнен национальными противоречиями в результате ее колонизации польской шляхтой, в ходе восстания Хмельницкого после долгих колебаний все же признает сюзеренитет московского государя (безуспешно пытаясь сохранить реальную автономию). В Белоруссии и Литве, как покажет ход русско-польской войны середины XVII в.,

власть царизма, установленная ненадолго, будет сброшена — так отторгает здоровый организм чужеродное тело. И лишь в конце XVIII в. «железом и кровью» присоединены будут белорусские и литовские земли к Российской империи.

Причины непопулярности в Великом княжестве «объединительной» политики царизма, а прежде — московского великокняжеского правительства понятны: наиболее влиятельную часть местного населения (бояр-шляхту и горожан) сложившийся в этом государстве строй устраивал больше, чем централизаторская политика российских государей. (Характерно, что через год после вступления в Смоленск Василия Ивановича в городе был раскрыт заговор с целью восстановления власти короля Сигизмунда I, в котором участвовал и местный архиепископ, за год до этого приветствовавший «православного государя».) Сложнее понять другое: почему объединительная программа Великого княжества не нашла успеха во Владимирской Руси?

Прежде всего, мы должны констатировать, что позиция княжеств северо-востока по отношению к Великому княжеству не была однозначной. Там, несомненно, существовали две сильные партии — пролитовская (господствовавшая в Твери и довольно сильная в Новгороде и Пскове) и промосковская. Фактически единственным последовательно «антилитовским» княжеством этого региона было Московское, добившееся лидерства и в случае победы Гедиминовичей терявшее гораздо больше, чем все остальные. Московские князья, как мы видели, в некоторые периоды сотрудничали с Великим княжеством Литовским и Русским, однако в конечном итоге они, как любой претендент на власть в Северо-Восточной Руси, были заинтересованы в устранении его влияния в своем регионе — влияния, способного свести на нет роль местного лидера. Аналогичную позицию занимало боярство, связавшее себя с этим политическим центром. Что особенно важно, фактически именно Москву поддерживала и православная церковь, что определило довольно устойчивую (за редкими исключениями) оппозицию иерархии политике Гедиминовичей. В Московском княжестве их объединительная программа встретила сильного соперника, и ее реализация натолкнулась на непреодолимые препятствия (хотя власть Гедиминовичей, гораздо менее обременительная, чем московская, устроила бы многих, в том числе и последних удельных князей, именно в Великом княжестве искавших убежища).

Московская Русь в XIV в. оказалась неспособной помешать успехам Гедиминовичей на западе и юге Руси; но ее сил было достаточно для того, чтобы воспрепятствовать завершению объединения русских земель вокруг Вильно. Для того чтобы выстоять в этой борьбе, от московских князей, однако, требовалось напряжение всех сил. В отличие от правителей Великого княжества потомки Калиты проводили достаточно «жесткую» политику: репрессии, а не льготы и уступки утверждали ее власть в захваченных удельных княжествах и феодальных республиках.

Несколько веков Великое княжество Литовское и Русское являлось для Москвы грозным соперником. В борьбе с Ордой, с Великим княжеством Литовским и Русским на северо-востоке сложился собственный, достаточно мощный государственный механизм, способный остановить натиск соседней литовской Руси. Так, в борьбе за пограничье формировались территории всех королевств и империй. Постепенно стабилизируясь, политические границы закрепляли региональные различия, способствовали формированию особых групп и народностей. То же произошло и на Руси. Великое княжество Литовское и Русское стало колыбелью украинцев и белорусов, Московская Русь — территорией формирования великорусской народности. «Две Руси» все более отдалялись, хотя сохраняли память о былом единстве. Их тяготение друг к другу проявлялось в разной форме, в том числе и в виде проектов личной унии, выдвигавшихся и в Великом княжестве, и в Москве вплоть до середины XVII в. Но в те моменты, когда шансы такого объединения казались вполне реальными (хотя бы в момент избрания на царский трон королевича Владислава в 1612 г. или оккупации Белоруссии и Литвы войсками царя Алексея Михайловича в середине XVII в.), оказывалось, что существующие государственные границы устойчивы и стабильны, что есть коренные различия в строе, обычаях, культуре этих земель...

В конце концов история сделала свой выбор. Мы, историки, изучаем реальный ход событий, то, что случилось, а не то, что могло случиться. Однако при этом нельзя забывать, что выбор, сделанный историей, был не единственно возможным и линии, шедшие вразрез с той, привычной, далеко не всегда вели в тупик. Это позволит по-новому оценить путь всей Русской земли, сохранявшей мысль о единстве, отдать должное всем тем, кто защищал иную, хотя и неосуществленную концепцию развития Руси.

В. Б. КОБРИН

ИВАН ГРОЗНЫЙ: ИЗБРАННАЯ РАДА ИЛИ ОПРИЧНИНА?

Мало найдется в отечественной истории периодов, которые привлекали бы к себе столь стойкий интерес самой широкой публики, как время Ивана Грозного. Пожалуй, только петровское и сталинское времена могут соперничать с этой эпохой в популярности. В чем дело? В яркости ли самих правителей, с которыми связывается эпоха? В неизбывном ли тяготении к сильным личностям? В том ли, наконец, глубоком отпечатке, который оставила каждая из этих эпох и на формах жизни общества, и на общественном сознании? Вероятно, здесь смешались все эти компоненты.

Читатель вправе прервать автора и возмутиться: людей, оставивших зловещий кровавый след в истории, называют яркими. Увы, яркость и даже талантливость личности исторического деятеля вовсе не предопределяют его положительную оценку. Гений и злодейство несовместимы, но талант и яркость совместимы со злодейством, в истории тому есть тьма примеров. Не хотел бы автор быть понятым так, будто он ставит Ивана Грозного и Петра I на одну доску. Впрочем, об этом еще пойдет речь в конце очерка.

Для историка, пожалуй, главное в каждой из эпох — ее роль в общем ходе исторического развития страны. Изменились ли в результате деятельности Ивана Грозного темп и направление движения истории? Какое наследие получили мы, люди XX в., через посредство других веков, от людей не такого уж далекого XVI в.? Были ли и если были, то какие альтернативные пути развития страны в XVI в.? Вот вопросы, над которыми задумываются историки уже не один век.

Переломный характер русского XVI в. ощущали уже младшие современники той мрачной эпохи. Вряд ли случайно, что почти все авторы первой половины XVII в.,

писавшие о Смутном времени, этом калейдоскопе возводимых и свергаемых с престола царей, самозванцев, крестьянско-казацких отрядов, иноземных полков и иноземных же и отечественных грабительских шаек, начинали свой рассказ о деятельности того царя, который «множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби и многие грады своя поплени», хотя и был «муж чюднаго рассужения».

К середине XIX в. в русской исторической науке твердо установилось отношение к царю Ивану как к жестокому и злобному тирану. Уже князь Михайло Михайлович Щербатов (какая ирония судьбы — потомок опричника!), историк и политический публицист екатерининского времени, резко и недвусмысленно осуждал террор Грозного. А великий русский историк Николай Михайлович Карамзин дал русской читающей публике первое яркое и цельное представление о времени грозного царя. Он взял на вооружение созданную еще политическим противником, а сначала верным воеводой царя Ивана князем Андреем Курбским концепцию «двух Иванов»: первое время царя «доброго и нарочитого», «от бога препрославленного», который затем «грех ради наших сопротивным (противоположным.— *В. К.*) обретеся». Эта концепция стала официальной в первой половине XVII в., когда на престол взошел первый царь из династии Романовых — Михаил Федорович. С одной стороны, новой династии нужно было решительно отмежеваться от напрочь скомпрометировавших себя опричных зверств, с другой — лишь через родство с царем Иваном новый царь имел право на престол (дед Михаила был родным братом первой жены Ивана Грозного, Анастасии, и дядей царя Федора Ивановича). Потому-то в созданном тогда «Хронографе» панегирически описывалось начало царствования Ивана IV, а затем сообщалось, что после смерти благочестивой царицы Анастасии (других царских жен «Хронограф» не упоминал) «буйный вихрь» внезапно «премени» добрый нрав царя и начались его жестокости.

Именно на этом фоне возникла карамзинская концепция Грозного — героя добродетели и мудрого государственного мужа в первую половину своего царствования и тирана и деспота — во вторую. Впрочем, взгляд этот не так уж далек от истины: как мы увидим, разница между итогами первой половины правления Ивана IV и всей его деятельности и впрямь разительна, хотя вряд

ли в «герое» 50-х годов не было ничего от тирана опричного времени.

Середина XIX в.— время рождения в России буржуазной исторической науки. Историки «государственной школы», и прежде всего ее классик и корифей Сергей Михайлович Соловьев, собственно, и начали превращать историю из нравоучительного и занимательного повествования в строгое исследование. Молодые историки изучали уже не столько события, сколько явления, стремились вскрывать их причины, познавать закономерности хода истории. Преодолевая произвольный психологизм своих предшественников, они словно вонзали в живую ткань истории хирургический скальпель холодного анализа, отрешались порой не только от эмоциональных, но и от моральных оценок прошлого. С. М. Соловьев рассматривал историю как процесс постепенного вытеснения старых «родовых» начал новыми «государственными». Деятельность Ивана Грозного, по мысли историка, была при всех жестокостях шагом вперед, к победе «государственных» начал. Правда, Соловьев не забывал и о морали (великий ученый всегда шире своих собственных общих концепций) и писал, что «не произнесет историк слово оправдания такому человеку». Но последователи Соловьева полностью отказались от моральных оценок как от вненаучных. Выдающийся историк конца XIX — первой половины XX в. Сергей Федорович Платонов (он умер в ссылке, незаконно репрессированный в 30-е годы) создал ту концепцию деятельности Ивана IV и, в первую очередь, опричнины, которая с небольшими изменениями дожила до наших дней. По мнению Платонова, Иван Грозный вел борьбу против боярства как против главного тормоза на пути к централизации. С теми или иными модификациями платоновская концепция развивалась в работах ряда советских историков, особенно И. И. Смирнова, С. В. Бахрушина, В. И. Корецкого, Р. Г. Скрынникова. Фактически под влиянием Платонова оказался и М. Н. Покровский: официозный глава «марксистской» истории рассматривал опричнину как «дворянскую революцию».

Утверждению платоновской концепции в советской исторической науке способствовали не только ее привлекательные стройность и строгая логичность в сочетании с талантом и признанным авторитетом ученого, но и вненаучные, политические факторы. Личность царя Ивана весьма импонировала Сталину. Уже в конце 30-х годов

5 Заказ № 1715

(видимо, около 1938 г.) была дана негласная команда оправдывать террор Грозного как государственную необходимость. С начала же 40-х годов Грозного рассматривают уже как выдающегося государственного мужа и патриота. Даже вторая серия панегирического по отношению к Ивану IV фильма С. М. Эйзенштейна показалась Сталину недостаточно восхваляющей царя и была осуждена специальным постановлением ЦК ВКП(б). В этом постановлении, принятом в сентябре 1946 г., появился обязательный с тех пор для историков термин «прогрессивное войско опричников».

Террор Ивана Грозного был для Сталина не только оправданием его террора (хотя и этот мотив был важен). Изгоняя моральные оценки из истории, утверждая для прошлого тезис «цель оправдывает средства», Сталин и его приближенные тем самым изгоняли мораль и из сегодняшней политики и помогали укорениться нравственному релятивизму в общественном сознании. Не менее важно еще одно обстоятельство: культ Ивана Грозного — лишь частный, хотя и глубоко возмущающий нравственное чувство случай в общей системе культов сильных личностей в истории. Многочисленные кинофильмы, спектакли, романы, популярные книги рассказывали о выдающихся царях, князьях, полководцах. Большинство из них действительно были достойны уважения, но картинные манекены, которыми они представали перед зрителями и читателями, были далеки от их подлинного живого облика. Режим стремился тем самым гальванизировать наивно-монархические предрассудки масс и воспитать (или поддержать) убеждение, что счастье народа зависит не от него самого, а от мудрого вождя, уверенно ведущего государственный корабль к светлому будущему и безжалостно сметающего со своего пути путающихся под ногами коварных врагов-изменников и хлюпиков-интеллигентов.

Правда, и в те годы был историк, мужественно отстаивавший истину и не шедший на компромиссы с человеческой и научной совестью,— Степан Борисович Веселовский. Большинство его трудов, посвященных времени Ивана Грозного, было опубликовано лишь посмертно. Ученый был подвергнут в 1949 г. травле в печати, от которой его не спасли ни высокое звание академика, ни полученные совсем недавно (в 1945—1946 гг.) ордена Ленина и Трудового Красного Знамени.

Лишь со второй половины 50-х годов, после XX съез-

да КПСС стало возможным писать об Иване Грозном иначе. Пересмотр старых концепций оказался долгим и мучительным, многие исследователи, даже молодые (сужу и по себе), слишком срослись с привычными стереотипами, отказ от них давался нелегко. Одним из пионеров новых подходов к изучению истории России XVI в. стал талантливый ученый Александр Александрович Зимин. В вышедшей в 1964 г. книге «Опричнина Ивана Грозного» он решительно порвал с традиционной концепцией борьбы боярства и дворянства — одним из китов, на которых зиждилась концепция прогрессивности опричнины. В те же годы С. М. Каштанов показал в своем исследовании роль опричнины в утверждении крепостничества и ликвидации остатков удельной системы.

Разумеется, нельзя свести историю изучения истории России XVI в. лишь к смене концепций, да и не все из них я упомянул. Ввод в научный оборот новых материалов, тщательные источниковедческие разыскания, уточнение многих фактов — таков существенный вклад многих и многих названных и неназванных здесь советских ученых в исследование сложнейших проблем истории XVI в. Оно затруднено еще и тем, что ничтожно мало документов той поры дошло до нас, за редчайшими исключениями погибло в пожарах делопроизводство центральных государственных учреждений, официально тенденциозны известия в правительственном летописании (да и обрывается оно на 1567 г.), отрывочны и не всегда достоверны сообщения частных и местных летописцев; слухи, подчас неузнаваемо трансформированные, как в игре в «испорченный телефон», доходят до нас через сочинения иностранцев. Историк вынужден, прежде чем формулировать концепцию, устанавливать самые элементарные факты, создавая причудливую мозаику из случайных обмолвок фрагментарно сохранившихся источников. Это не жалобы: по мне, так работать интереснее. Это лишь констатация особого значения узких, конкретных исследований для реконструкции истинной картины того, что происходило в XVI в. в России.

Центральное событие истории России XVI в.— опричнина. Убежден, что при игре в ассоциации большинство при имени царя Ивана, не задумываясь, произнесет именно это слово. Правда, всего семь лет из 51 года, которые

Иван Грозный провел на престоле. Но какие семь лет! «Пожар лютости», разгоревшийся, по словам Курбского, в те годы (1565—1572), унес многие тысячи, а то и десятки тысяч человеческих жизней. В наше просвещенное время мы привыкли считать жертвы миллионами, но в грубом и жестоком XVI в. еще не было ни такого количества населения (в России жило всего 5—7 миллионов человек), ни тех совершенных технических средств уничтожения людей, которые принес с собой научно-технический прогресс. Да и аппарат насилия был еще примитивен и патриархален. Так что в памяти людей XVI в. и их младших современников опричнина осталась таким же символом людской мясорубки, как в нашей — тысяча девятьсот тридцать седьмой год. Сходство наблюдается и в том, что как 1937-й начался значительно раньше этой сакраментальной даты, а кончился куда позже, так и опричнина как террор началась до ее учреждения и кончилась много позже ее отмены. И все же не случайно символом террора стала именно опричнина: концентрация казней и садистских расправ была в это семилетие особенно велика. А потому стоит пренебречь строгой хронологией: через призму опричнины попытаемся взглянуть на ход событий эпохи. Чтобы решить главный вопрос этого очерка — были ли альтернативы у опричной политики, каковы были ее корни,— нам необходимо сначала разобраться в самом этом явлении.

Итак, декабрь 1564 г., последний доопричный месяц. Ситуация в стране была тревожной. Всего четыре года тому назад начались перемены в высших эшелонах власти. 7 августа 1560 г. умерла царица Анастасия Романовна, женщина, которую царь Иван, похоже, искренне любил. При жизни царицы клан ее родственников Захарьиных-Юрьевых (впоследствии за ними утвердилась фамилия Романовых) был в напряженных отношениях с реально правившим в стране неофициальным правительственным кружком, возглавлявшимся костромским вотчинником Алексеем Федоровичем Адашевым и придворным священником Сильвестром. После смерти Анастасии влияние Захарьиных на оплакивавшего любимую жену царя усилилось, а отношения Ивана IV с Избранной радой (это название, вряд ли точное, утвердилось в науке за правительством 50-х годов) обострились. А. Ф. Адашев и его брат Данило оказываются в опале, в ссылку попадает Сильвестр. «Собаку Алексея» и «попа» царь теперь считает виновниками всех своих бед и неудач.

Новая жена царя (он женился через год после смерти Анастасии) — дочь кабардинского князя Темрюка Айдаровича Кученей, получившая при крещении имя Мария, чужачка,— не связана так с придворными группировками, как покойная Анастасия. Но именно о ней, «черкешенке» Марии Темрюковне, усиленно ходят слухи, что она нашептала царю злой совет — учредить опричнину (вот как далеко уходят корни стремления списать отечественные беды на козни иноземцев!).

Нелегка внешнеполитическая ситуация. Еще в правление Избранной рады началась (1558) Ливонская война — против властвовавшего в Прибалтике на территории современных Латвии и Эстонии Ливонского ордена. В течение двух первых лет Ливонский орден был разгромлен. Немалую роль в победах русских войск сыграла татарская конница из покоренного в 1552 г. Казанского ханства. Но плодами победы воспользовалась не Россия: рыцари перешли под покровительство Великого княжества Литовского, которое и развернуло военные действия против России. Выступила и Швеция, не хотевшая упустить свою долю в Прибалтике. Два сильных противника вместо одного слабого оказались перед Россией в этой войне. Первое время ситуация еще складывалась благоприятно для Ивана IV: в феврале 1563 г. после долгой осады удалось взять важную и хорошо укрепленную крепость Полоцк. Но, видно, слишком велико было напряжение сил, и военное счастье стало изменять русскому оружию. Меньше чем через год, в январе 1564 г. в битве у реки Улы, недалеко от Полоцка, русские войска потерпели жестокое поражение: множество воинов было убито, сотни служилых людей попали в плен. Виновников царь нашел в Москве: по его приказу были убиты два боярина — князья Репнин и Кашин из рода Оболенских. Примерно тогда же погиб осмелившийся повздорить с царским любимцем Федором Басмановым князь Дмитрий Овчинин (тоже из Оболенских), пал жертвой палача Никита Шереметев...

Еще одна «горячая точка» политической жизни начала 60-х годов XVI в.— двоюродный брат царя старицкий князь Владимир Андреевич. Когда в 1553 г. царь Иван тяжело заболел и казался уже безнадежным, кое-кто из придворных противопоставлял удельного князя Владимира как возможного наследника престола сыну Ивана IV, еще грудному младенцу. Этого было достаточно, чтобы царь стал относиться к своему кузену как к династическому

сопернику. Недоверие усиливалось еще и потому, что в 1537 г. отец князя Владимира, добиваясь великокняжеского престола, поднял мятеж против своего семилетнего племянника Ивана IV. В 1563 г. Иван IV использовал сфабрикованный донос, чтобы обвинить князя Владимира и его мать в «великих изменных делах»; мать была сослана в далекий монастырь, а у князя Владимира царь отобрал часть удела, дав взамен новые земли, где население и, главное, местные феодалы не привыкли считать удельного князя своим государем.

В апреле 1564 г. из Юрьева Ливонского (ныне — Тарту) бежал в Великое княжество Литовское опытный и видный воевода князь Андрей Михайлович Курбский. Человек, близкий к Адашеву и Сильвестру, Курбский сначала избежал опалы. Но в августе 1562 г. он проиграл битву под Невелем, и только боевая рана спасла князя от репрессий. Курбский, однако, знал, что царь не простил ему неудачи, до него доходили слухи о «гневных словах» повелителя. В послании инокам Псково-Печерского монастыря князь Андрей писал, что «напасти и беды» на него «кипети многи начинают». Бегство Курбского тем сильнее ударило по Грозному, что беглый боярин прислал из-за рубежа краткое, но энергичное послание своему бывшему монарху, в котором гневно обвинял царя в тирании, казнях невинных людей.

Таков был канун опричнины. 3 декабря 1564 г. началось стремительное развитие событий: в этот день царь с семьей и приближенными выехал на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. На первый взгляд, в выезде не было ничего необычного: к Троице царь ездил почти каждый год, изредка и по два раза. Но обычно поездки назначались на сентябрь, реже — на май—июнь, один раз царь навестил Троице-Сергиев монастырь в январе: между венчанием на царство и свадьбой, в 1547 г. Всего лишь один раз, в 1542 г., он ездил на богомолье (да и то не к Троице, а в другие монастыри) в декабре. К тому же в 1564 г. государь уже побывал у гроба Сергия Радонежского и вернулся из «объезда» 8 июля. Еще больше настораживало то, что царь увез с собой всю свою казну, а заранее отобранным многочисленным сопровождающим было приказано ехать с семьями.

Задержавшись под Москвой из-за внезапно наступившей распутицы, помолившись у Троицы, царь к концу декабря добрался до Александровой слободы (ныне — г. Александров Владимирской области) — села, где не

раз отдыхали и «тешились» охотой и Василий III, и сам Иван IV. Оттуда 3 января 1565 г. в Москву приехал гонец, который привез две грамоты. В первой, адресованной митрополиту Афанасию, сообщалось, что царь положил свой гнев на всех епископов и настоятелей монастырей, а опалу — на всех служилых людей, от бояр до рядовых дворян, поскольку служилые люди истощают его казну, плохо служат, изменяют, а церковные иерархи их покрывают. Потому он, «от великие жалости сердца, не хотя их изменных дел терпети, оставил свое государьство и поехал, где вселитися, иде же его, государя, бог наставит». Вторая грамота была адресована всему посадскому населению Москвы; в ней царь заверял простой московский люд, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет».

Это был блестящий политический маневр талантливого демагога: царь выступал в тоге радетеля за интересы посадских низов, против ненавистных посадскому люду феодалов. Все эти гордые и знатные вельможи, по сравнению с которыми простой горожанин — человек третьего сорта, оказывается,— гнусные изменники, прогневавшие царя-батюшку, доведшие его до того, что он бросает государство. А «посадский мужик», ремесленник или купец — опора трона. Но как же теперь быть? Ведь государство тем и государство, что во главе государь. Без государя «х кому прибегнем и хто нас помилует и хто нас избавит от нахождения иноплеменных?»— так, по словам официозной летописи, толковали московские люди, выслушав царские грамоты. И они решительно потребовали, чтобы бояре упросили царя вернуться на царство, «а хто будеть государьских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят».

Уже через два дня депутация духовенства и бояр была в Александровой слободе. Царь смилостивился и согласился возвратиться, но при двух условиях: «изменников», в том числе и тех, кто всего лишь «в чем ему, государю, были непослушны», «на тех опала своя класти, а иных казнити», а во-вторых, «учинити ему на своем государьстве себе опришнину».

В опричнину (от слова «опричь», «кроме» всей остальной «земли» — отсюда — земщина или земское) царь выделил часть уездов страны и «1000 голов» бояр и дворян. Зачисленным в опричнину полагалось иметь земли в опричных же уездах, а у земских, у тех, «которым не быти в опришнине», царь приказал забирать вотчины

и поместья в опричных уездах и давать взамен другие в земских. В опричнине действовала своя Боярская дума («бояре из опришнины»), были созданы свои особые войска, возглавлявшиеся воеводами «ис опришнины». Опричная часть была выделена и в Москве.

Естественно, рядовые опричники по своему социальному составу не отличались от рядовых служилых людей из земщины. Разницу стоило бы искать в составе руководителей, но и здесь она была невелика. С самого начала в число опричников вошли многие отпрыски знатных и старинных боярских и даже княжеских родов. Те же, кто не принадлежали к аристократам, тем не менее и в доопричные годы в основном входили в состав «дворовых детей боярских» — верхушки феодального сословия, традиционной опоры русских государей. Внезапные возвышения таких малознатных, но «честных» людей неоднократно случались и раньше (например, Адашев). Дело было не в якобы демократическом происхождении опричников, потому будто бы вернее служивших царю, чем знать, а в том, что опричники стали личными слугами самодержца, пользовавшимися, кстати, и гарантией безнаказанности. Служивший в опричнине немец Генрих Штаден рассказывает, будто при учреждении опричнины царь Иван послал в земщину приказ: «Судите праведно, наши виноваты не были бы». Слова эти Штаден записал по-русски латинскими буквами: «Sudite praveda, nassi winowath ne boly by», следовательно, он слышал эти слова. Вероятнее всего, Штаден передает лишь слух, но не возник же он на пустом месте? Так была, по сути, узаконена жизненная практика, которую и сам Штаден знал прекрасно. Пока он не вступил в опричнину, его сумел обобрать успевший стать опричником соотечественник. Впрочем, и сам Штаден, когда сумел попасть в опричнину, не остался в долгу.

Опричники (их число за семь лет выросло примерно в четыре раза) были не только личной стражей царя, но и участниками многих боевых операций. И все же палаческие функции для многих из них, особенно для верхушки, были главными. Террор начался сразу после учреждения опричнины, в феврале 1565 г., когда было казнено сразу пять человек из высшей аристократии, причем одному из казненных было то ли 17, то ли даже всего 15 лет. Трудно перечислить все, хотя бы даже наиболее известные казни опричного времени. Нет и точных цифр. Это и неудивительно: если мы до сих пор спорим о числе

жертв сталинского террора, когда живы еще многие родственники погибших и опубликовано немало документов и мемуаров, то тем труднее такая задача для XVI в. Внимание современников привлекла казнь известного своей честностью старого боярина, опытного государственного мужа Ивана Петровича Федорова. Смело осудивший террор митрополит Филипп из рода Колычевых был по приказу царя низложен услужливыми иерархами и сослан в Отрочь, монастырь под Тверью, где через год был убит Малютой Скуратовым.

Кульминацией опричного террора стали конец 1569 — лето 1570 г. Вероятно, летом 1569 г. царь получил давно желанный донос. Новгород Великий, город, который всегда был под подозрением, задумал изменить: царя извести, на его место посадить старицкого князя Владимира Андреевича и передаться под власть короля польского (в 1569 г. королевство Польша и Великое княжество Литовское превратили личную унию в государственную, создав объединенное государство — Речь Посполитую). Доносчиков не смущала несуразность взаимоисключающих обвинений: какое дело новгородцам, кто будет сидеть на русском престоле, если они станут подданными польского короля; зачем им переходить под иноземную власть, если русским царем станет любезный им Владимир Андреевич? Царь выступил в поход против русского города. Перед этим он в сентябре 1569 г. вызвал к себе Владимира Андреевича с женой и младшей дочерью и заставил их принять яд. По дороге к Новгороду опричники устроили кровавые погромы в Твери, Торжке. Погибло множество жителей, были уничтожены содержавшиеся там ливонские и литовские пленные. В январе 1570 г. начался погром в Новгороде, продолжавшийся больше месяца. Погибло от трех-четырех тыс. (по подсчетам Р. Г. Скрынникова) до 10—15 тыс. человек (как полагает автор настоящего очерка). Были ограблены новгородские церкви. В селах и деревнях Новгородской земли свирепствовали разбойничьи шайки опричников, опустошавшие и помещичьи усадьбы, и крестьянские дворы, убивавшие жителей, вывозившие насильно крестьян в свои поместья и вотчины. Несколько десятков человек погибло и в Пскове.

Весной 1570 г. в застенках Александровой слободы пыточных дел мастера вели следствие. В измене теперь были обвинены многие из руководителей опричнины. 15 июля 1570 г. состоялась публичная казнь более ста человек на Красной площади в Москве. Перед смертью

людей подвергали нечеловеческим мучениям: резали живьем на куски, варили в котлах. В качестве палачей орудовали и сам царь, и его двадцатишестилетний сын царевич Иван, и опричные бояре и воеводы. Кое-кому из них через год-два пришлось тоже сложить головы на плахе.

Чудовищная трагедия разыгрывалась на фоне начинавшейся в стране эпидемии чумы. «Черная смерть» словно соревновалась с палачами.

Новые беды стране принес 1571 г. Крымский хан Девлет-Гирей совершил очередной набег на Русь. Большая часть опричников, которые должны были держать оборону берега Оки в районе Калуги, на службу не вышла: воевать с мирным населением было привычнее и безопаснее, безнаказанность развратила. Опричнина из мрачного карательного механизма выродилась в шайку убийц с княжескими и боярскими титулами. Хану удалось обойти русские войска и беспрепятственно подойти к Москве. Он не стал штурмовать городские стены, а поджег посады. Огонь перекинулся в Кремль и Китай-город. Пожар бушевал три часа, пока хватало пищи огню. В итоге — пепелище вместо столицы, множество обгоревших и задохнувшихся людей. Хоронить их было некому, а потому из-за разлагавшихся трупов (Москва сгорела 24 мая) «смрад велик был». Только к 20 июля, почти через два месяца, город удалось очистить от мертвых тел.

Поражение оказалось тяжелым ударом не только для страны, но и для престижа царя Ивана и его опричников. И современники, и ближайшие потомки считали это событие божьей карой за бесчинства опричников. Правда, царь, как обычно, нашел виноватого: уже летом читали публично покаянную грамоту князя Ивана Мстиславского, признававшегося в том, что «государю... и всей Русской земле изменил, навел есми с моими товарыщи безбожного крымского Девлет-Кирея царя». Кто мог бы поверить этому «признанию», если сам «изменник» продолжал первенствовать в Боярской думе, а вскоре был назначен наместником в Новгород? Просто покладистый Мстиславский оказал царю услугу — взял грех на себя. Зато у царя появилась новая возможность обвинять «бояр-изменников» во всех бедах страны.

Разгром 1571 г. значительно ухудшил внешнеполитическое положение страны. На переговорах с Крымом русские дипломаты получили тайную инструкцию в крайнем случае соглашаться на уступку Астрахани, но ханские

послы требовали Казани. В этих условиях Девлет-Гирей решил следующим летом повторить поход. У царя не оставалось выхода. Он назначил командующим войсками опытного воеводу, часто оказывавшегося в опале,— князя Михайлу Ивановича Воротынского и объединил под его началом и опричников и земских людей. В каждом полку вместе воевали люди из земщины и опричнины, в каждом полку среди воевод были и опричники, и земские. Это объединенное войско 30 июля 1572 г. возле деревни Молоди (примерно в 45 километрах к югу от Москвы, возле Подольска) наголову разбило Девлет-Гирея. В плен попал даже знаменитый крымский полководец Дивей-мурза. Страна была спасена. Спасителя же — Воротынского — царь Иван отблагодарил посвоему: меньше чем через год он был казнен по доносу своего холопа, утверждавшего, что Воротынский хотел околдовать царя. Курбский сообщает, что князя связанным держали над огнем, а Грозный сам подгребал угли поближе к жертве.

Битва при Молодях стала победой не только над Девлет-Гиреем, но и над опричниной. Даже Ивану IV стало ясно, что сохранение этого зловещего учреждения угрожает обороноспособности страны. Осенью 1572 г. государь опричнину «отставил», и сразу она стала одиозной: наказанию кнутом подлежал тот, кто только осмелится произнести это слово, внезапно превратившееся в крамольное. Отмена опричнины не прекратила террора (хотя ничего похожего ни на Новгородский погром, ни на казни лета 1570 г. уже не повторялось), более того: были казнены некоторые опричники, в том числе чересчур скомпрометировавшие себя палачеством. Но царь сделал и некоторые жесты в пользу земщины: была возвращена небольшая часть конфискованных имений, реабилитированы (посмертно) некоторые из жертв террора, в Новгород торжественно вернули две иконы в серебряных окладах, хотя все остальное награбленное осталось у царя.

Прежде чем задаться вопросом о том, существовали ли альтернативы кровавой политике опричнины, необходимо обдумать, каковы были ее причины, на какие цели она была направлена и к каким объективным результатам привела.

Первым, естественно, возникает вопрос о казнях. Ра-

зумеется, даже самые страстные апологеты Грозного не решались утверждать, что были изменниками тысячи погибших новгородцев или крестьян Новгородской земли или жены и дети казненных (Грозный истреблял свои жертвы, по выражению Курбского, «всеродне»). Защитники террора успокаивали свою совесть расхожей поговоркой о лесе и щепках. Итак, тысячи «щепок» невиновны, а сотни «деревьев»? Увы, сегодня мы не в состоянии достоверно ответить на вопрос, были ли все заговоры сфабрикованы в застенках, или хотя бы часть из них была реальной. Мы никогда не узнаем, все ли русские бояре покорно шли на плаху, или часть из них пыталась сопротивляться. Прежде всего, до нас не дошли сами следственные дела. Но будь они сегодня в нашем распоряжении, мы вряд ли смогли бы продвинуться далеко в поисках истины. Ведь пытка была законным средством получения показаний. А велика ли ценность признаний человека, подвешенного на дыбе с вывернутыми суставами рук над огнем, на спину которого падают удары кнута из сыромятной кожи?

Многие иностранцы, явно недоброжелательно относившиеся к царю Ивану, тем не менее в своих записках охотно рассказывают о разных боярских заговорах. Эти известия часто использовали для доказательства виновности жертв террора: уж если такие заядлые противники царя признают, что Иван IV казнил действительных заговорщиков, то им можно верить. Ошибочное умозаключение! Целью этих сочинений было побудить иностранные государства к войне против России и показать, что победа будет легкой. Для этого было полезно подчеркнуть, что страна внутренне слаба, а подданные ненавидят своего государя, плетут против него сеть заговоров и потому перейдут на сторону противника. Та же официальная информация, которой располагали иностранные авторы (публично объявлявшиеся приговоры «изменникам»), удачно укладывалась в концепцию их сочинений. Других же источников информации у них быть не могло: неужели заговорщики из высших слоев общества стали бы посвящать в свои планы безвестных немцев, не пользовавшихся никаким влиянием? А кто из русских людей, боявшихся проронить лишнее слово, беседуя с приятелем в застолье, решился бы поделиться с иностранцем сомнениями в справедливости царского приговора?

Но вопрос о юридической виновности или невиновности казненных еще не снимает других вопросов: был ли

все же какой-то смысл в этой вакханалии казней и убийств? Речь идет не об оправдании опричнины, ибо цель не оправдывает средств, и никакие «государственные соображения» не могут обелить убийство десятков тысяч невиновных людей. Речь — о задачах опричнины, о ее корнях. Напомню классическую концепцию С. Ф. Платонова: борясь с реакционным боярством, царь опирался на дворян. Поэтому он выселял из опричных уездов враждебных ему бояр, заменяя верными дворянами.

Привлекательность этой схемы в том, что она стала первой попыткой найти корни опричнины в социальных явлениях, вырваться из замкнутого круга психологических рассуждений. Появление книги С. Ф. Платонова заставило историков привлечь для изучения истории опричнины не только летописи, сочинения Ивана Грозного и Курбского, записки иностранцев — источники заведомо тенденциозные, но и земельно-имущественные документы — купчие, меновные, духовные... В результате удалось выявить много существенных фактов, которые, однако, уже не уместились в рамках платоновской концепции, а как бы взорвали ее изнутри.

Прежде всего, о переселениях. Они вовсе не были такими массовыми, как представлялось Платонову. Еще перед Великой Отечественной войной молодой историк Г. Н. Бибиков (погибший вскоре на фронте) выяснил, что в опричнину вошли главным образом заселенные рядовыми служилыми людьми уезды, а вовсе не форпосты крупного княжеско-боярского землевладения, как полагал Платонов. А. А. Зимин показал, что выселению подлежали в основном опальные и их родня, значительное же количество местных землевладельцев было, вероятно, просто принято в опричнину. А ведь именно на опричных переселениях в основном базируется представление об опричнине как об антибоярском мероприятии.

В этой связи необходимо остановиться на вопросе об отношениях боярства и дворянства, о политических позициях этих социальных групп класса феодалов. Автору представляется ошибочным распространенное представление о том, что боярство было постоянной аристократической оппозицией центральной власти. Начнем с логического противоречия, заключенного в этом тезисе. Все историки единодушны в том, что вся правительственная политика XV—XVI вв. была направлена на централизацию страны, а воплощалась она в указах и законах, оформленных как «приговоры» Боярской думы — вы-

сшего правительственного учреждения. Аристократический состав думы известен и твердо установлен, ее подчас считают неким советом знати, ограничивающим власть монарха. Итак, именно бояре принимают меры, направленные на централизацию, т. е. (если верить мнению о том, что централизация мешает боярству) против самих себя. Социальная группа-самоубийца? Вряд ли. Для каждого отдельного мероприятия обычно находят объяснение: то «наиболее дальновидные круги» боярства понимают необходимость уступок дворянству, компромисса с ним (обычно «в условиях обострения классовой борьбы», которое в нашей литературе с удивительной регулярностью наступает от двух до пяти-шести раз в столетие), то царю удается «сломить сопротивление», «провести» через думу, «добиться» от думы... Однако такие объяснения годятся лишь как разовые и не подходят для полутора-двухвекового периода.

Разумеется, в истории, в отличие от математики, чистая логика не может служить главным доказательством. Потому обратимся к реальному положению русского боярства. Прежде всего бросается в глаза его принципиальное отличие от западноевропейской аристократии. Русь не знала боярских замков. Дело здесь не в материале: дерево на Руси, камень на Западе. Замок — не просто укрепленная усадьба, как часто полагают: иначе можно было бы счесть замками сегодняшние загородные особняки жуликов из торговой сети, защищенные крепкими заборами. Ограда замка охраняет его не от вора или любопытствующего прохожего, а от вооруженного нападения неприятеля. Потому-то замок создает основы для военной и политической автономии его владельца. Русские бояре, в отличие от западноевропейских баронов, никогда не обороняли свои села: при появлении войск противника они съезжались под охрану стен княжеского града и защищали не каждый свою усадьбу, а все вместе княжество в целом. Летописи, рассказывая о боевых действиях, обычно сообщают, что враг сжег села и осадил города. Поэтому с западноевропейскими баронами сопоставимы скорее удельные князья, чем бояре.

Термин «боярин» всегда обозначал (за исключением, быть может, Новгорода и Пскова) княжеского или епископского слугу высокого ранга. Князь в летописях обычно выступает в окружении бояр.

Экономически бояре не были заинтересованы в сепаратизме, скорее наоборот. Они не владели крупными

латифундиями, расположенными компактно, «в одной меже». На Руси не могла бы сложиться записанная Ш. Перро сказка о коте в сапогах: нельзя себе представить, чтобы можно было ехать целый день и на вопрос, чьи это земли, получать один и тот же ответ: маркиза де Караба или боярина Плещеева. Крупный землевладелец имел вотчины и поместья в нескольких — четырех-пяти, а то и в шести уездах. Границы же уездов — это рубежи бывших княжеств. Возврат к удельному сепаратизму серьезно угрожал земельным владениям знати.

Титулованные бояре, отпрыски старых княжеских родов, утративших свою независимость, постепенно сливались с нетитулованной знатью. Обломки собственно княжеских вотчин, где их права еще в первой трети XVI в. носили некоторые следы прежней суверенности, составляли все меньшую часть их владений, расположенных столь же чересполосно, как и у нетитулованных бояр.

Ошибочно также противопоставление бояр-вотчинников дворянам-помещикам, встречающееся в учебной и популярной литературе. В социальном составе помещиков и вотчинников не было существенной разницы: и среди тех и других мы встречаем и аристократов, и служилых людей среднего ранга, и «мелкую сошку». Нельзя противопоставлять вотчину и поместье как наследственное и ненаследственное владения: и вотчину можно было конфисковать в опале, за служебную провинность или за политическое преступление, и поместья фактически с самого начала передавались по наследству. Да и размеры вотчин и поместий не дают основания считать вотчину крупной, а поместье мелким. Наряду с крупными вотчинами было много мелких и даже мельчайших, где землевладелец наряду с эксплуатацией труда зависимых крестьян вынужден был сам пахать землю. Вместе с тем одновременно с небольшими поместьями (но таких микроскопических, как мелкие вотчины, первоначально не было) встречались и весьма крупные, не уступающие по размерам большим вотчинам. Все это очень важно, ибо как раз противопоставление крупной «боярской вотчины» «мелкому дворянскому поместью» — главная опора концепции противоборства боярства и дворянства, борьбы боярства против централизации.

Не была антибоярской и опричнина. И дело здесь не только в том, что переселения, в которых видели главный социальный смысл этого мероприятия, не были столь массовыми и всеобъемлющими. С. Б. Веселовский тщате-

льно изучил состав казненных при Иване Грозном. Разумеется, среди погибших немало бояр: они стояли ближе к государю, а потому на них чаще обрушивался царский гнев. «Кто был близок к великому князю, тот ожигался, а кто оставался вдали, тот замерзал»,— писал уже упоминавшийся Генрих Штаден. Да и казнь знатного боярина была куда заметнее, чем гибель рядового сына боярского, не говоря уже о крестьянине или «посадском мужике». В Синодике опальных, куда по приказу царя Ивана были записаны для церковного поминовения его жертвы, бояре названы по именам, а люди из низших слоев общества — часто цифрой с добавлением: «ты, господи, сам веси (знаешь.— *В. К.*) имене их». И все же, по подсчетам Веселовского, на одного боярина или человека из государева двора «приходилось три-четыре рядовых землевладельца, а на одного представителя класса привилегированных служилых землевладельцев приходился десяток лиц из низших слоев общества». Дьяки и подьячие, незнатные государственные чиновники — основа складывающегося аппарата государственного управления, опора централизации. Но сколько их погибло в годы опричнины! «При царе Иване,— писал Веселовский,— служба в приказном аппарате была не менее опасным для жизни занятием, чем служба в боярах».

Итак, острие опричного террора было направлено вовсе не только и даже не главным образом против боярства. Выше уже отмечалось, что и состав самих опричников был не менее аристократичен, чем состав земщины.

Если же обратиться к результатам опричнины, то можно заметить, что она не изменила структуру феодального землевладения в России. Крупное землевладение благополучно пережило опричнину, изменился персональный, но не социальный состав земельных собственников. Так, в начале XVII в. средний размер княжеской вотчины в два раза превышал средний размер имений нетитулованных феодалов. В 20-х годах XVII в. князья Оболенские в своем бывшем княжестве владели большей частью пахотных земель. И даже в конце XVII в. большинство князей, входивших в Боярскую думу, владело хотя бы символическими вотчинами на территории своих бывших княжеств.

Вместе с тем было бы, вероятно, ошибкой на этом основании видеть в опричнине лишь случайный эксцесс, прихоть полубезумного деспота. Ведь по всей Европе в те

времена, когда идет становление единых государств, как по заказу появляются на престолах тираны — Людовик XI во Франции, Генрих VIII в Англии, Филипп II в Испании... Не закономерность ли?

Вернемся к результатам опричнины; это поможет нам проникнуть в ее смысл. Стоит только иметь в виду, что объективные результаты политики в истории далеко не всегда, а может быть, даже редко совпадают с теми целями, которые ставили перед собой политические деятели. Иван Грозный вряд ли ставил перед собой какие бы то ни было глобальные задачи, для него важно было укрепление личной власти.

Итак, результаты. Казнь Владимира Андреевича Старицкого с семьей, каким бы гнусным преступлением она ни была, привела к уничтожению последнего реального удельного княжества на Руси. Низложение митрополита Филиппа, человека, перед мужеством которого нельзя не преклоняться, оказалось шагом на пути лишения церкви ее относительной самостоятельности, превращения ее из союзницы власти в ее служанку. А такая самостоятельность была, как и существование Старицкого княжества, одним из следов удельной старины. Оговорюсь лишь, что я вовсе не уверен, что независимая или хотя бы полунезависимая церковь вредна, а ее подчинение центральной власти — благо. Наконец, варварский погром Новгорода был не случаен: в политическом строе этого города сохранялись особенности, уходившие своими корнями в период феодальной раздробленности (особая роль новгородских наместников, большинство которых носило княжеский титул, право новгородского архиепископа — единственного из русских архиереев — носить белый клобук, такой же, как у митрополита. Да и в новгородском летописании явно чувствовались воспоминания о былой независимости). Здесь самый воздух был, казалось, пропитан памятью о гордом «Господине Великом Новгороде». Так что, каковы бы ни были желания и намерения царя Ивана, опричнина способствовала централизации и была объективно направлена против пережитков феодальной раздробленности.

Однако и на сей раз цель не оправдала средств, а лишь сама изменилась под их воздействием. Ведь результаты опричнины — и ближайшие, и отдаленные — были трагичны для страны.

Начнем с ближайших. В послеопричные годы в стране разразился тяжелейший экономический кризис. Деревни

и села Центра и Северо-Запада (Новгородской земли) запустели: часть крестьян погибла во время террористических опричных «экспедиций», часть разбежалась. Когда читаешь писцовые книги (кадастровые земельные описания) конца XVI в., то возникает впечатление, будто страна пережила вражеское нашествие. Необработанными оставалось больше половины, а то и до 90% земли. Даже в Московском уезде обрабатывалось всего 16% пашни. Многие помещики, лишившиеся крестьян, вынуждены были «пометать» (бросить) свои поместья и нищенствовать — «волочиться меж двор».

Иногда роль опричнины в этом разорении косвенная: например, в годы опричнины резко вырос налоговый гнет. Ведь уже в 1565 г. царь взял с земщины на свой «подьем» 100 тыс. руб. Для того времени — это цена примерно 5—6 млн пудов ржи или 200—300 тыс. рабочих лошадей. К тому же в 1570—1571 гг. в дополнение ко всем бедам на Россию обрушилась эпидемия чумы. Но все же и роль непосредственно опричнины чрезвычайно велика. В земельных описаниях Новгородчины мы часто встречаем сообщения о том, что «опричиныи замучили, живот пограбели, дом сожгли» и т. п.

В этих условиях крестьянское хозяйство потеряло устойчивость: оно лишилось резервов, и первый же недород привел к голоду. «Из-за кусочка хлеба человек убивал человека»,— писал Штаден. «Мор был силен по всей Руской земли»,— сообщает один летописец. А другой — пскович — подводит итог: «Царь учиниша опричнину... И от того бысть запустение велие Руской земли». Достаточно сказать, что во всей Новгородской земле осталась на месте и в живых всего лишь пятая часть жителей.

Но если последствия хозяйственного кризиса были со временем преодолены, то другие последствия, отдаленные, наложили стойкий отпечаток на отечественную историю. Опричнина утвердила в России режим личной власти. В. И. Ленин подчеркивал, что русское самодержавие «азиатски-дико», что «много в нем допотопного варварства, консервированного в необыкновенно чистом виде в течение веков». Было бы упрощением утверждать, что своим особо деспотическим характером русское самодержавие обязано только опричнине. Но и опричнине! Опричнина — это форсированная централизация без достаточных экономических и социальных предпосылок. В этих условиях свою реальную слабость власть пытается компенсировать террором. Она создает не четко работа-

ющий аппарат государственной власти, обеспечивающий выполнение решений правительства, а аппарат репрессий, окутывает страну атмосферой страха.

Опричнина способствовала и утверждению в России крепостного права. Первые закрепостительные указы начала 80-х годов, запрещавшие крестьянам на законных основаниях (хотя бы и только в Юрьев день) менять владельца, были спровоцированы хозяйственным разорением, вызванным опричниной. Возможно, законодатель XVI в. еще не думал создавать этими указами новую реальность на два с половиной века вперед, а действовал прагматически, с подкупающе наивной административной логикой: крестьяне бегут — так прикажем им сидеть на месте. Но роль опричнины в утверждении крепостного права не ограничивается хозяйственным кризисом. Ведь без террористической, репрессивной диктатуры, может быть, не удалось бы загнать крестьян в крепостное ярмо.

Существовала ли альтернатива крепостническому пути развития феодализма в России — вопрос, который нельзя считать решенным, он еще нуждается в тщательном исследовании. Однако вне зависимости от ответа на него крепостное право нельзя считать прогрессивным явлением. Дело не только в том, что наша мораль не в состоянии признать прогрессом превращение в рабов (или хотя бы в полурабов) более чем половины населения страны. Не менее существенно, что крепостничество консервировало феодализм, задерживало возникновение, а потом и развитие капиталистических отношений и тем самым стало мощным тормозом прогресса в нашей стране. Его установление, возможно, было некоей иммунитетной реакцией феодального общества восточноевропейских стран на развитие капитализма в сопредельных государствах.

Думается, опричнина повлияла и на те формы, в которых развивалось у нас крепостничество. В России крепостное право юридически все больше с течением времени напоминало рабовладение: крестьянин был прикреплен в большей степени к личности феодала, чем к земле. Никакие государственные юридические нормы не регламентировали отношения барина и крепостных.

Но виновна ли опричнина в том, что крепостничество приняло у нас столь уродливые формы? Не слишком ли во многом мы обвиняем это и без того мрачное учреждение? Ведь лишь в конце XVII в., а то и в XVIII в. русские крестьяне стали юридически приближаться к рабам.

В XVI же веке крестьянин был еще прикреплен к земле, а не к ее владельцу. Продажа крестьян без земли была еще невозможна. И все же рабовладельческое крепостничество, на мой взгляд,— одно из отдаленных последствий опричнины.

Речь здесь идет о том положении, в котором оказалось в результате опричнины русское дворянство. Террор опричников привел к установлению деспотического режима, при котором возникает некое «равенство» рабов. Завершилось превращение русских дворян в холопов самодержавия. Наше традиционное сознание отказывается видеть в этом факте что-либо негативное: мы привыкли ограничивать свой гуманизм угнетенными и выводить господствующий класс за пределы человеческой общности. Вне зависимости от аморальности такого поведения оно и антинаучно. В человеческом общежитии слишком многое взаимосвязано настолько, что нельзя пренебречь интересами какой-то социальной группы, не нанеся ущерб всему обществу. Известно, что раб не может управлять свободными или хотя бы полусвободными людьми. Цепная реакция рабской психологии привела к тому, что крестьяне оказались еще больше закрепощены и принижены, чем их господа. То «барство дикое», о котором писал Пушкин, родилось у нас благодаря не только опричнине, но благодаря и ей тоже.

Итак, тот путь централизации страны через опричный террор, по которому пошел Грозный, был разорительным и даже гибельным для России. Централизация двинулась вперед, но в таких формах, которые просто нельзя назвать прогрессивными. А потому и не была прогрессивной террористическая диктатура опричнины. Дело здесь не только в том, что протестует наше нравственное чувство (что, впрочем, тоже немаловажно), но и в том, что отрицательно сказались на ходе отечественной истории последствия опричнины.

Но не была ли она закономерной? Не было ли у нее корней в истории страны? Иллюзорно представление, что злая или добрая воля одного человека или группы лиц может перевести стрелки и направить локомотив истории на совсем другой путь. Даже сами такие попытки опасны и дорого оплачены нашим народом. Потому даже априори у опричнины должны быть какие-то корни.

В современной историографии Д. Н. Альшиц, недвусмысленно осуждая опричнину, вместе с тем полагает, что она породила не только деспотические формы самодер-

жавия, но и самое самодержавие. «Социальное происхождение самодержавия неразрывно связано с опричниной»,— пишет он. Справедливо полемизируя с мнением, что русское самодержавие возникло лишь в XVII в., Д. Н. Альшиц утверждает, что начало его относится только к годам опричнины, что опричнина была «*начальной* (курсив мой.— *В. К.*) формой аппарата власти утверждавшегося самодержавия». Так ли это?

Думается, что начало русского самодержавия относится ко времени по крайней мере на несколько десятилетий более раннему, чем опричнина. Уже процесс объединения русских княжеств сопровождался применением насилия в самых разных, порой отталкивающих формах. Преодоление феодальной раздробленности на Руси шло форсированно, ускоряясь под воздействием внешней опасности, необходимости свержения ордынского ига; чаще приходилось опираться на военную силу и военные методы управления. Отсюда проистекали деспотические черты во власти московских государей.

При Василии III был казнен один из его придворных — Берсень Беклемишев. Несчастного подвело то, что стали известны его конфиденциальные разговоры, в которых он осмелился неодобрительно говорить о государе: он, по его словам, решает государственные дела «сам третей у постели» и не выносит противоречий. Казнь Берсеня была мрачным подтверждением его правоты. В самом деле, именно о Василии III посол германского императора Герберштейн писал, что он «всех одинаково гнетет... жестоким рабством», что своей властью он «далеко превосходит всех монархов целого мира». Разве это не самодержавие? Но с Василия ли III оно началось? Беклемишев противопоставлял этого монарха его отцу, Ивану III, который будто бы «против собя стречу (т. е. спор.— *В. К.*) любил». Вероятно, как это часто бывает, Беклемишев невольно идеализировал прошлое и искал «золотой век» позади. Ведь и Иван III был достаточно деспотичным монархом.

Вот только один эпизод из его княжения. Своим наследником он сперва назначил своего внука Дмитрия, отец которого, Иван Иванович, умер молодым. Однако через некоторое время великий князь отправил Дмитрия в заточение, а наследником объявил сына — будущего Василия III. Придворные, которые плохо сориентировались и заняли не ту сторону в династической борьбе, оказывались в опале, а то и на плахе. Через несколько лет

после казни одного из таких неудачников — князя Семена Ряполовского — Иван III напоминал о его судьбе двум своим служилым людям и заодно советовал «не высокоумничать», как Ряполовский. Враждебность к «шибко умным» типична для всех тиранов, безразлично — в масштабах большой страны или приемного пункта химчистки. Это безошибочный тест на авторитарность мышления.

Ярко проявилось простодушное самовластие государя в его высказываниях о причинах опалы Дмитрия. Справедливость своего решения Иван III объяснял просто: «Чи не волен яз, князь велики, в своих детях и в своем княжении?» Русским же дипломатам было приказано на острый вопрос о судьбе Дмитрия отвечать, что внук «учял» государю «грубити», а «всякой жалует дитя, которое родителем норовит да служит, а которой не норовит, да еще грубит, ино того за что жаловати?». Таким образом, решение вопроса о престолонаследии — важнейшее государственное дело — сводилось к произволу монарха («чи не волен яз...») и к проблеме почтительности внука к дедушке.

Итак, традиции деспотизма реально существовали в политической практике тогдашней России. Впрочем, вероятно, иначе опричнины бы и не было: не может победить альтернатива, не имеющая корней в историческом прошлом страны. Вопрос состоит в другом: была ли опричнине альтернатива? Существовала ли проблема выбора пути централизации? А следовательно: только ли эти, деспотические традиции получил в наследство от своих предков Иван IV? Думается, нет. Дело не только в том, что деспотическая жестокость и Ивана III, и Василия III могут показаться мягким и либеральным правлением по сравнению с массовыми казнями и садизмом Ивана Грозного. Важнее другое: ни к деспотизму, ни даже к насилию (хотя оно применялось часто) не сведешь методы управления Ивана III и Василия III. Они умело привлекали на свою сторону и бывших независимых князей, и их вассалов, давая им то щедрые посулы, то реальные привилегии. Отец и дед грозного царя использовали реальную заинтересованность всего господствующего класса в централизации. Элементы же деспотизма в их деятельности были вызваны особым характером форсированной централизации, опиравшейся не на прочные предпосылки, а на едва наметившиеся тенденции развития.

Подобная альтернатива — самодержавная монархия «с человеческим лицом» — даже начала осуществляться в годы правления Избранной рады.

Под таким названием в историю, с легкой руки Курбского, вошло правительство, возглавлявшееся Адашевым и Сильвестром. За десять лет своего пребывания у власти Избранная рада провела столько реформ, сколько не знало никакое другое десятилетие в истории средневековой России. Правда, предпосылки реформаторской деятельности складывались еще до выхода Адашева и Сильвестра на историческую сцену. Так, в малолетство Ивана IV, при правлении его матери Елены Глинской начали постепенно проводить в жизнь реформы местного управления (о них — несколько позже, ибо завершились эти преобразования уже при Избранной раде). В 1547 г. семнадцатилетний Иван IV впервые официально принял титул царя, считавшийся равным императорскому. Новый титул не только резко подчеркивал суверенность русского монарха во внешних сношениях, особенно с ордынскими ханствами (ведь ханов на Руси называли царями), но и четче, чем прежде, отделял государя от его подданных: не только эпитетом «великий» отличался он теперь от находившихся у него на службе князей — нельзя уже было заподозрить в нем первого среди равных. Царский титул закрепил превращение князей-вассалов в подданных. Однако торжественная коронация все же лишь создавала важную предпосылку для движения по пути централизации, а не вела к ней.

Реформы ускорила сложившаяся в стране в конце 40-х годов обстановка. В годы малолетства Ивана IV шла острая борьба за власть между боярскими группировками. Эти междоусобия дезорганизовали правительственный аппарат, и без того еще слабый. Ничто не сдерживало произвол наместников; современник писал, что они были в те годы «сверепы аки львове». Конец 40-х годов ознаменовался взрывами народного недовольства. Летом 1546 г. новгородские «пищальники» (стрельцы) обратились к великому князю с жалобами на боярские притеснения. Получив отказ защитить их, они вступили в бой с дворянами. В начале июня 1547 г. с жалобой на злоупотребления наместника к Ивану IV обратилась делегация псковичей, с которой семнадцатилетний царь жестоко расправился.

Наконец, в конце того же месяца разразилось мощное восстание в Москве. Поводом к нему был страшный

пожар 21 июня, уничтоживший практически весь город. Ненависть к боярам, стоявшим у власти, была столь велика, что москвичи обвинили их — царских родственников, князей Глинских,— в поджоге. Дядя Ивана IV, князь Юрий Глинский, был убит толпой, целое посадское войско, вооруженное метательными копьями — сулицами и щитами,— во главе с городским палачом (он, видимо, должен был на месте казнить Глинских) отправилось в подмосковное село Воробьево, где царь нашел убежище от пожара. С трудом царю удалось уговорить восставших разойтись, убедив их, что Глинских в Воробьеве нет. В те же годы двум тысячам воинов пришлось отправиться в Опочку (в Псковской земле), чтобы подавить восстание против сборщиков податей. В селах же «ратаи» (пахари, крестьяне), по словам священника Ермолая-Еразма, «всегда в волнениях скорбных пребывающа, еже не единаго ярма тяготу всегда носяще».

Именно народные движения поставили правящие круги страны перед необходимостью действовать. В такой обстановке и пришли к власти Сильвестр и Адашев.

Одним из первых мероприятий было создание центральных органов государственного управления — приказов (до середины 60-х годов их называли «избами»). Два ранее существовавших общегосударственных ведомства — Государев Дворец и Государева Казна — обладали нерасчлененными функциями, занимаясь часто одними и теми же делами. Специализация государственных чиновников — дьяков и подьячих — носила личностный характер: тот или иной дьяк просто чаще получал поручения определенного рода.

Одним из первых приказов была Челобитная изба, которую возглавил Адашев. Задачей этого учреждения было принимать челобитные на имя государя и проводить по ним расследование. Тем самым Челобитная изба становилась как бы высшим контрольным органом. Руководство этим приказом давало в руки Адашеву огромную власть. Говорили, что боярин, который затягивает рассмотрение челобитной, «не пробудет без кручины от государя», а если на кого разгневается Адашев, «то бысть в тюрьме или сослану».

Главой Посольского приказа — ведомства иностранных дел — стал дьяк Иван Михайлович Висковатый, который около двадцати лет руководил русской внешней политикой, пока не был казнен в годы опричнины по вздорному обвинению.

Поместный приказ занимался распределением поместий и вотчин между служилыми людьми. Разрядный приказ стал своего рода штабом вооруженных сил: определял, сколько и из каких уездов служилых людей должно выйти в полки, назначал командный состав. Разбойный приказ вел борьбу против «разбоев» и «лихих людей». Земский приказ ведал порядком в Москве.

В 1550 г. царь вместе с Боярской думой «уложил» новый судебник — свод законов. Старый, принятый еще в 1497 г. при Иване III, не только уже устарел, но был, видимо, и забыт. Судебник 1550 г. был гораздо лучше систематизирован, чем его предшественник, учитывал судебную практику: исходя из нее, были отредактированы многие статьи. В 1550 г. были впервые установлены наказания для взяточников — от подьячих до бояр.

Существенные реформы были проведены в жизни церкви. В период феодальной раздробленности в каждом княжестве существовали свои, «местночтимые», святые. В 1549 г. церковный собор провел канонизацию «новых чудотворцев»: местные святые превратились в общерусских, создался единый для всей страны пантеон. В 1551 г. состоялся новый церковный собор. Книга его решений содержит сто глав, почему и сам собор обычно называют Стоглавым. Его задачами были — унификация церковных обрядов (в разных землях постепенно накопились мелкие различия в порядке церковной службы) и, главное, принятие мер по улучшению нравов духовенства, чтобы повысить его авторитет. Собор резко осудил произвол настоятелей, расточающих при помощи своих родственников монастырские богатства, разврат в монастырях, пьянство духовенства. Выступая в принципе против «пьянственного пития», отцы собора оставались реалистами: они писали, что монахам разрешено пить вино умеренно, «во славу божию» — по одной, две, три чаши. Однако после третьей чаши монахи обычно забывают о мере «сих чаш» и пьют «до пьянства». Собор категорически запретил держать в монастырях водку («горячее вино»), не дозволил «фряжские» (виноградные) вина: дело, видимо, не только в значительно меньшей крепости этих напитков, но и в их дороговизне (импортный товар!), не дававшей возможности употреблять их неумеренно. Протопопы должны были наблюдать, чтобы рядовые священники «не билися и не лаялися и не сквернословили, и пияни бы в церковь и во святый олтарь не входили и до кровопролития не билися».

Реформы коснулись и организации господствующего класса. Было несколько ограничено местничество. Этот обычай, возникший на рубеже XV—XVI вв. и просуществовавший до его отмены в 1682 г., состоял в том, что при назначении служилых людей на те или иные должности учитывалась прежде всего их «порода» — происхождение, а не личные заслуги. Основой местнического «счета» была не абстрактная знатность, а прецеденты, «случаи». Потомки должны были находиться друг с другом в тех же служебных отношениях — начальствования, равенства, подчинения,— что и предки. Если дед одного дворянина был первым воеводой, а дед другого — вторым при нем, то на любой другой совместной службе, хотя бы на обеде в царских палатах, их внуки должны были сохранять то же соотношение: внук первого воеводы выше, второго — ниже. При местнических счетах часто выстраивали длинную цепочку «случаев»: мой дядя был выше такого-то, а тот был выше другого, а этот — выше отца моего сослуживца, а потому мне «невместно» быть ниже его или равным с ним. Пропустить «невместное» назначение было опасно: другие роды получали в свои руки мощное оружие и против получившего это назначение, и против его родни, и против его потомства.

У местничества, с точки зрения правительства, были и явные плюсы. Дело, видимо, не в том, что оно, как часто полагают, лишало боярство единства и позволяло государю разделять и властвовать. Важнее, что, основанное на прецедентах, оно тем самым обеспечивало первенство тем боярским родам, которые раньше перешли на службу московским государям и были связаны с ними традициями верности. Недаром благодаря «случаям» отпрыск старого нетитулованного московского рода часто оказывался выше князя-рюриковича. И хотя, одновременно, местничество сдерживало произвол в назначениях, в военной обстановке оно создавало ненужные помехи. Недаром царь Иван жаловался, вспоминая казанский поход: «С кем кого ни пошлют на которое дело, ино всякой розместничается на всякой посылке и на всяком деле, и в том у нас везде бывает дело некрепко».

Указ 1550 г. ввел два ограничения местничества. Первое касалось молодых аристократов. Их, естественно, нельзя было в 15—18 лет (с 15-ти лет начинали службу) назначать воеводами, а дать низкое назначение тоже было невозможно: «поруха» чести. Было решено, что служба молодых людей на невысоких должностях не

считается прецедентом. Теперь знатные юноши могли спокойно проходить своего рода стажировку в войсках, прежде чем стать «стратилатами». Кроме того, был сужен круг лиц, считавшихся на совместной службе: тем самым сразу уменьшалось число местнических счетов.

В 1555—1556 гг. было подготовлено и принято Уложение о службе. Издавна все феодалы-землевладельцы были обязаны нести воинскую службу. В этом отношении не было различий между вотчинниками и помещиками. Однако сама эта служба не была регламентирована. Уложение установило точный порядок. Было определено, с какого количества земли должен выходить вооруженный воин на коне. Если вотчины или поместья феодала были большими, то он был обязан выводить с собой вооруженных холопов. Приводившие больше, чем положено, людей получали денежную компенсацию — «помогу», недовыполнившие норму платили штраф.

Деньги на «помогу» надо было изыскать: при слабом развитии товарно-денежных отношений наличных монет часто не хватало и у весьма богатых людей. Хронический дефицит денег был характерен и для государевой казны. Дополнительные ресурсы рассчитывали получить благодаря проводившейся одновременно реформе местного управления.

Власть на местах издавна принадлежала наместникам (в уездах) и волостелям (в их подразделениях — волостях и станах). Они получали эти территории в «кормление». В пользу кормленщика шли судебные пошлины и определенная «доходным списком» часть налогов. Кормления были не столько системой администрации и суда, сколько системой вознаграждения феодалов за службу: должности наместников и волостелей на определенный срок они получали в воздаяние за участие в военных действиях. Именно поэтому система кормлений не была эффективной: наместники и волостели знали, что они уже «отработали» свои доходы на ратном поле, а потому небрежно относились к своим судебно-административным обязанностям, часто передоверяли их своим «холопам», заботясь лишь о получении положенного «корма» и судебных пошлин. Теперь кормления отменялись, деньги, которые прежде шли кормленщикам, отныне взимало государство в качестве налога — «кормленичьего окупа». Из этого централизованного фонда можно было платить «помогу» служилым людям.

Вместе с тем централизация еще только начиналась.

В распоряжении государства не было еще ни кадров администраторов, ни денег, чтобы платить жалованье за гражданскую службу. Поэтому отправление власти на местах было возложено на выборных представителей населения, причем, так сказать, «на общественных началах» — бесплатно. Дворяне выбирали из своей среды губных старост, в уездах же, где не было частного феодального землевладения, и на посадах черные крестьяне и горожане выбирали земских старост. Им в помощь избирали целовальников (те, кто принес присягу — поцеловал крест) и губных и земских дьячков, своего рода секретарей. Правда, эти должностные лица существовали и раньше, но их функции были ограниченны. Теперь же представители местных обществ стали полновластными администраторами.

Избранная рада действовала решительно, но, видимо, без разработанной программы действий. Так, в Судебнике, принятом всего за несколько лет до отмены кормлений, были тщательнейшим образом определены все права и обязанности наместников и волостелей. Эти статьи оказались устаревшими. Вероятно, в 1550 г. правительство еще не предполагало, что в скором времени отменит кормления. Идеи рождались у реформаторов как бы на ходу, в самом процессе преобразований.

Не все, впрочем, удалось осуществить. Так, реформы местного управления проводились в жизнь трудно. Пожилые и не очень здоровые люди, ставшие губными старостами (было предписано избирать на эту должность лишь тех дворян, кто уже не способен к военной службе), не горели желанием бросать свои имения и бесплатно выполнять многотрудные административные обязанности. Многие отказывались целовать крест, без чего нельзя было вступить в должность, некоторые уезжали из своих уездов в Москву. Новоявленных администраторов приходилось ловить, сажать в тюрьму (на время, чтобы не начинать снова поисков нового губного старосты) и насильно отправлять в свои уезды.

И все же реформы Избранной рады, хотя еще и не закончили централизацию государства, шли в этом направлении. Они привели к крупным военным и внешнеполитическим успехам. В 1552 г. русские войска взяли столицу Казанского ханства — Казань, что не удавалось сделать многие десятки лет. Казанское ханство было присоединено к России. Вслед за тем без боя капитулировала Астрахань (1556). Успешно, как отмечалось выше, шла поначалу и Ливонская война.

Разрыв царя с Адашевым и Сильвестром был спровоцирован смертью в 1560 г. царицы Анастасии: Иван IV обвинял своих вчерашних соратников даже в том, что они «счеровали» (околдовали) его любимую жену. «А и з женою вы меня про что разлучили?» — спрашивал царь Иван Курбского в своем послании.

Но причины разрыва были куда глубже: смерть царицы стала тем маленьким камешком, падение которого вызывает обвал в горах. Только охлаждение к Адашеву и Сильвестру могло заставить царя поверить вздорным обвинениям против них. Был, разумеется, и некий психологический конфликт: властолюбивый царь не мог долго терпеть рядом с собой умных и властных советников.

Но и это важное обстоятельство недостаточно для объяснения того, что опала Сильвестра и Адашева повлекла за собой крутой поворот в политике правительства. Дело в том, что падение Избранной рады — только следствие того, что у царя и его советников были разные концепции централизации. Избранная рада проводила структурные реформы, темп которых не устраивал царя. Слишком торопливыми же структурные преобразования быть не могут. В условиях России XVI в., где еще не созрели предпосылки для централизации, ускоренное движение к ней было возможно только на путях террора. Ведь еще не был сформирован аппарат власти, особенно на местах. Да и только что созданные центральные ведомства-приказы действовали еще в традициях патриархальности.

Путь же террора, которым царь Иван пытался заменить длительную и сложную работу по созданию государственного аппарата, был неприемлем для деятелей Избранной рады. Разумеется, они не были тихими интеллигентами-просветителями, стремившимися привлекать сердца подданных лаской. Система ценностей века была сурова и жестока: существовала смертная казнь за многие преступления, было узаконено применение пыток, при помощи которых считалось совершенно нормальным добывать признания. Тюремное заключение не имело сроков, а потому часто превращалось в пожизненное. Беспрекословное повиновение властям считалось обязательным. Да и сам Алексей Адашев был человеком строгим и непреклонным. И все же для методов Избранной рады не был характерен массовый террор; в те годы страну не окутывала душная и губительная атмосфера всеобщего страха и массового доносительства. Наказания были же-

стокими, по сегодняшним меркам — слишком жестокими, но относились только к виновным. Той лотерейности террора, когда никто не мог знать, не окажется ли он завтра на плахе и за какую вину, не было в 50-е годы.

Думается, именно это расхождение в принципах и породило сопротивление Сильвестра и Адашева тем или иным начинаниям царя, их упорство в проведении в жизнь собственной политики. Столкнулись не просто две силы, не просто два властолюбия, но и два разных пути централизации. Естественно, победа осталась за царем, а не за подданными. Реальная альтернатива опричной политике, таким образом, существовала и даже осуществлялась в течение примерно десятилетия.

Итак, во второй половине XVI в. выбор между двумя путями развития страны, в равной степени обусловленными уже накопившимися традициями, в известной степени определился личностью самодержца. В этой связи стоит остановиться на его фигуре. Нередко и современники, и потомки ищут разгадки характеров деспотов и тиранов не в исторической, а в психиатрической науке. Так, оживленно дискутируется вопрос, не был ли параноиком Сталин. Два врача-психиатра выпустили специальные исследования, посвященные психической болезни царя Ивана. Сознаюсь, я достаточно скептически отношусь к подобным изысканиям. Первое, что настораживает, когда речь идет о грозном царе,— база для таких разысканий. Известно, как не любят врачи-психиатры ставить диагнозы на расстоянии, только на основании рассказов близких больного, без личного контакта. В случае же с царем Иваном речь идет о событиях, отделенных от нас четырьмя с лишним веками. Как нелегко сегодня исследователю отделить слух от действительного факта! К тому же в большинстве источников царь предстает как некий символ власти, лишенный живых человеческих черт. В таких условиях сложить не только полную, но и достоверную картину характера практически невозможно.

Однако дело не только в чисто технических сложностях. Даже бесспорное установление факта психической болезни Ивана Грозного или любого другого правителя не снимает вопрос, а лишь порождает новый: какие условия и традиции жизни страны, ее государственного строя позволили психически больному человеку сохранять

власть и добиваться выполнения собственных распоряжений? Ведь в те же годы психически заболевший шведский король Эрик XIV (как доносил со слов шведов русский дипломат, он стал «не сам у собя своею персоною») был легко отстранен от власти. Вопрос об оценке деятельности царя — не медицинский, а исторический.

Еще существеннее, как мне представляется, ошибочность некоторых исходных посылок версии о психической болезни. Оговорюсь, что невозможно отрицать какие-то отклонения от психической нормы у царя Ивана. Приступы бешеного гнева, во время одного из которых он смертельно ранил посохом с железным наконечником любимого сына — царевича Ивана Ивановича — свидетельствуют по крайней мере о психопатичности его натуры. К этим же проявлениям анормальности можно отнести и чудовищный садизм. При всей жестокости террора вряд ли у царя возникала необходимость самому лично рубить головы или руководить пытками. Видимо, мучения жертв доставляли царю наслаждение. Потому, должно быть, он был и изобретателен в изыскании особо мучительных способов казней: ведь для политических целей было вполне достаточно простого отсечения головы или повешения; не было нужды поджаривать князя Воротынского на медленном огне, резать живым на куски дьяка Ивана Висковатого, взрывать бочки с порохом, привязав к ним монахов, зашивать людей в медвежьи шкуры и травить собаками... Все это так. Однако, отказывая царю Ивану в психической полноценности, чаще исходят из печальных и трагических итогов его царствования: не может быть нормальным человек, доведший страну до полного разорения, совершивший столько действий, вредных для государства,— подобный ход рассуждений довольно обычен. Здесь ошибочна исходная посылка — эта аргументация не вызывала бы возражений, если бы целью Ивана Грозного было благо страны. Но интеллектуальные способности царя Ивана были направлены не на процветание России, а на укрепление своей личной власти. А ведь как раз этой цели он добился. Благо же подданных вообще не входило в систему ценностей царя Ивана. Хотя он мог иной раз демагогически порассуждать о том, что пойдет, а что не пойдет на пользу «христианству», но все же ему даже не приходило в голову, что долг монарха служить благу страны и подданных (мысль, которую через сто с небольшим лет настойчиво повторял Петр I). Напротив, Иван Грозный был убежден,

что нравственный и христианский долг его подданных — служить царю. Он и считал-то их не подданными, а тем более не вассалами, а рабами, холопами, которых волен казнить или жаловать: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же». В этой формуле лаконично и талантливо (а литературным талантом царь Иван был одарен щедро) выражена самая суть самодержавного деспотизма. Подданные же, по мнению царя, были даны ему в рабство («работу») самим богом.

Если смотреть на действия Ивана Грозного сквозь призму его цели — достижения личной власти, то мы найдем в них совсем немного ошибок. Даже некоторые, казалось бы, бессмысленные акции обретают тогда смысл. К чему, например, государю было уничтожать не только тех, кто противился его воле (а таких было заведомо мало), но и тех, кто ничего не замышлял против царя, кто до своей опалы выступал в роли неразборчивых исполнителей самых грязных поручений Ивана? Думается, Грозный понимал (быть может, подсознательно), что режим индивидуальной диктатуры должен опираться на всеобщий страх перед диктатором, что нужна, по словам Г. Х. Попова, «подсистема страха»: иначе не подавить людей думающих и рассуждающих. Если террор будет направлен лишь на подлинных врагов, в стране не возникнет атмосфера настоящего страха. Его вызывает лишь обстановка беззакония. Пока законы, пусть самые суровые, жестокие и несправедливые, соблюдаются, тот, кто их не нарушает, может чувствовать себя в безопасности, а следовательно, и сравнительно независимо. Для тирании же опасно существование независимых от нее людей. Именно отсюда проистекают тотальность и «лотерейность» террора.

Непредсказуемость репрессий, когда человек не знает, в какое время и за какую провинность (и что будет считаться провинностью!) он станет жертвой, превращает его в игрушку в руках правителя. Государь выступает в ореоле божества, которому известно то, что неведомо простым смертным, божества, чьи замыслы недоступны слабому уму его подданных.

Деспот обычно стремится уничтожить не только нынешних, но и потенциальных противников. Ему опасны те, кто поддерживает его за совесть, а не за страх не потому, что он — царь, а потому, что считает правым. Опасен такой союзник для деспота: вдруг он со временем разойдется во мнениях со своим повелителем? Не высту-

пит ли тогда против? Опора тирана — люди без собственного мнения, охотно делегирующие его тирану. Но нелегко за этикетными формулами верноподданности разглядеть тех, кто нарушает царскую монополию на мысль. Потому-то лучше уничтожить сотни тех, кто никогда не станет врагом, чем пропустить одного, который в будущем осмелится противоречить царю. Отсюда и невероятный масштаб репрессий, кажущийся избыточным.

Однако режим личной власти несет в себе объективное противоречие, разрешить которое не дано даже самому острому уму. С одной стороны, благополучие любого, самого деспотичного и тираничного правителя тесно (хотя и не жестко) связано с благополучием страны. В случае тяжелого военного поражения диктатор может лишиться своей высшей ценности — власти, а порой и жизни. Но вместе с тем интересы режима, требующие устранения (желательно физического) всех, кто возвышается над средним уровнем или, не дай бог, превосходит самого правителя умом и талантом, противоречат интересам страны. Потому-то диктаторские режимы способны добиться порой некоторых временных успехов, но никогда не могут в исторической перспективе привести к благим результатам.

В минуты смертельной опасности даже самый жестокий тиран оказывается вынужден спасать страну, чтобы спастись самому. Ему приходится ослаблять временно свой режим и привлекать тех талантливых людей, которым вчера угрожала (и будет угрожать завтра) расправа. Так и царь Иван в 1572 г., когда над страной нависла угроза нового разгрома от войск Девлет-Гирея, вынужден был призвать опального князя Михайлу Воротынского и объединить под его командованием земские и опричные войска, а затем и отменить опричнину. Логика деспотизма сказалась в том, что Воротынский был казнен, когда в нем отпала необходимость.

Стабильность диктаторского режима (и здесь власть Ивана Грозного — также не исключение) поддерживается демагогией. Умело создается впечатление, что террор направлен только против верхов, к которым низы обычно не питают добрых чувств. Вспомним, например, обращение Ивана Грозного к московскому посаду при учреждении опричнины. Гибель рядовых людей остается незамеченной, зато некоторое количество наиболее одиозных фигур из окружения деспота кончают жизнь на

плахе: таковы казни опричников в 70-х годах XVI в. Такой прием позволяет списать самые страшные злодеяния на дурных советников и их зловещее влияние. Массовое сознание превращает слуг деспота в его вдохновителей и злых гениев.

Как и большинство диктаторских режимов, режим Грозного, сцементированный лишь террором и демагогией, не пережил своего создателя, хотя и оставил неизгладимые следы как в психологии господствующего класса и народных масс, так и в судьбах страны. Преемники Ивана Грозного, унаследовавшие от него необъятную власть, тем не менее не решились укреплять ее при помощи террора: этот образ действий оказался скомпрометированным. Смерть властителя до некоторой степени отрезвляет, хотя, увы, только до некоторой степени. Остаются последствия демагогии: в тень как бы уходит личность главного вдохновителя террора, только его приспешникам достается посмертная преступная слава. Так, в фольклоре лишь Малюта Скуратов да Кострюк (его прототип — опричник князь Михайло Темрюкович Черкасский, царский шурин) становятся олицетворением террора опричных лет. Царь же Иван в народных песнях нередко выступает как вспыльчивый и легковерный, но в конечном счете справедливый правитель. Такая подмена, обусловленная не только правительственной демагогией, но и наивно-монархическими иллюзиями масс, не так уж невинна, как может показаться. Тем самым консервируется утешительная легенда о добром царе и злых боярах. Стойкость массового сознания, его традиционность делают этот феномен особенно опасным для дальнейшего развития страны. Думается, не только разорение страны, даже не только жестокое крепостничество, но и в не меньшей степени развращающее влияние на общественное сознание обусловливают отрицательную оценку роли опричнины и в целом деятельности Ивана Грозного в истории России.

В. Б. КОБРИН

СМУТНОЕ ВРЕМЯ — УТРАЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Принятый в дореволюционной историографии термин «Смутное время», относившийся к бурным событиям начала XVII в., был решительно отвергнут в советской науке как «дворянско-буржуазный» и заменен длинным и даже несколько бюрократическим названием: «Крестьянская война и иностранная интервенция в России». Сегодня термин «Смутное время» постепенно возвращается: видимо, потому, что он не только соответствует словоупотреблению эпохи, но и достаточно точно отражает историческую действительность.

Среди значений слова «смута», приводимых В. И. Далем, мы встречаем «восстанье, мятеж... общее неповиновение, раздор меж народом и властью». Недаром Пушкин писал: «Крамол и смут во дни кровавы». Однако в современном языке в прилагательном «смутный» ощущается иное значение — неясный, неотчетливый. И в самом деле, начало XVII в. и впрямь Смутное время: все в движении, все колеблется, размыты контуры людей и событий, с невероятной быстротой меняются цари, нередко в разных частях страны и даже в соседних городах признают в одно и то же время власть разных государей, люди подчас молниеносно меняют свою политическую ориентацию: то вчерашние союзники расходятся по враждебным лагерям, то вчерашние враги действуют сообща... Смутное время — сложнейшее переплетение разнообразных противоречий — сословных и национальных, внутриклассовых и межклассовых... И хотя была и иностранная интервенция, невозможно свести лишь к ней все многообразие событий этого бурного и поистине Смутного времени.

А крестьянская война? Да, разумеется, многочисленные крестьянские и казачьи волнения и восстания, приведенные в движение массы холопов — все это было. Но вправе ли мы бушевавшую в России начала XVII в.

гражданскую войну свести к крестьянской? Трудно дать сегодня однозначный ответ на этот вопрос, но, во всяком случае, он все чаще возникает у историков. Поистине, Смутное время!

Естественно, такой динамичный период был на редкость богат не только яркими событиями, но и разнообразными альтернативами развития. В дни всенародных потрясений случайности могут сыграть существенную роль в направлении хода истории. Увы, Смутное время оказалось временем утраченных возможностей, когда не осуществились те альтернативы, которые сулили более благоприятный для страны ход событий. Обратимся к фактам.

В 1584 г. умер Иван Грозный, закончилось продолжавшееся полвека царствование одного из самых отвратительных деспотов в русской истории. В наследство своим преемникам царь Иван оставил разоренную опричниной и безудержной эксплуатацией страну, проигравшую к тому же длившуюся четверть века изнурительную Ливонскую войну. С Иваном IV фактически сходила на нет династия потомков Ивана Калиты. Старший сын царя, похожий на отца и жестокостью, и начитанностью,— Иван Иванович погиб от неудачного удара отцовского посоха. Престол переходил в руки второго сына — Федора Ивановича, слабоумного карлика с явными чертами вырождения. Придворное летописание создало благочестивую легенду о не слишком хорошо разбирающемся в земных делах, но зато высоконравственном царе — молитвеннике за Русскую землю. Эту легенду блестяще воплотил А. К. Толстой в своей великолепной драме «Царь Федор Иоаннович». Царь Федор А. К. Толстого говорит:

Какой я царь? Меня во всех делах
И с толку сбить и обмануть нетрудно.
В одном лишь только я не обманусь:
Когда меж тем, что бело иль черно́,
Избрать я должен — я не обманусь.

Но сам А. К. Толстой прекрасно понимал, что реальный царь Федор был несколько иным. В своей сатирической поэме «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» он так характеризовал царя Федора:

Был разумом не бодор,
Трезвонить лишь горазд,—

что больше соответствовало оценке современников. Ведь шведский король говорил, что «русские на своем языке называют его durak».

Таким образом, беспредельная самодержавная власть над огромной страной оказалась в руках человека, который править был просто не в состоянии. Естественно, при царе Федоре был создан правительственный кружок из нескольких бояр, своего рода регентский совет. Однако скоро реальную власть сконцентрировал в своих руках один из участников этого совета — боярин Борис Федорович Годунов, царский шурин — брат его жены царицы Ирины.

Все помнят, как в первой же сцене пушкинского «Бориса Годунова» князь Василий Шуйский говорит о Борисе.

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

«Вчерашний раб»... Да, враждебные Годунову летописные тексты часто называют его «лукавым рабом», но имеют при этом в виду вовсе не рабское происхождение Бориса, а то, что он, как и все подданные русских царей, считался холопом, т. е. рабом государя. С этой точки зрения и сам Шуйский, и беседующий с ним Воротынский были такими же «рабами».

«Татарин»... Думается, и в XVI в. татарское происхождение вряд ли было бы поставлено в вину русскому боярину: память о том, что ордынские ханы и мурзы распоряжались на Руси, была еще жива, а потому татарскость воспринималась скорее как достоинство. Родословная легенда рода Сабуровых, ответвлением которых были Годуновы, утверждала, что их родоначальником был татарский мурза Чет, крестившийся в 1330 г. Если эта легенда была хотя бы отчасти справедливой, то, естественно, за 250 лет в Годунове осталось бы татарского меньше, чем в Пушкине негритянского, а в Лермонтове шотландского. Но зятем опричного палача Малюты Скуратова Годунов действительно был. Эту сомнительную честь с ним разделяли породнившиеся с всесильным, хотя и незнатным временщиком отпрыски самых аристократических фамилий — князья Дмитрий Иванович Шуйский и Иван Михайлович Глинский.

Положение Годунова упрочилось быстро. Летом 1585 г., всего через год с небольшим после вступления

Федора Ивановича на престол, русский дипломат Лука Новосильцев разговорился с главой польской церкви, гнезненским архиепископом Карнковским. Кто знает, о чем они говорили на самом деле,— Новосильцев доносил в Москву, разумеется, о тех своих словах, которые соответствовали официальной позиции. Желая сказать своему гостю что-то приятное, архиепископ заметил, что у прежнего государя был мудрый советник Алексей Адашев, «а ныне на Москве Бог дал вам такого ж человека просужаго (умного.— *В. К.*)». Этот комплимент Годунову Новосильцев счел недостаточным: подтвердив, что Адашев был разумен, русский посланник о Годунове заявил, что он «не Алексеева верста»: ведь «то великой человек — боярин и конюшей, а се государю нашему шурин, а государыне нашей брат родной, а разумом его Бог исполнил и о земле великий печальник».

Обратим внимание на последнее слово: оно означало покровителя, опекуна. Недаром английские наблюдатели, переводя это выражение на английский, называли Годунова «лордом-протектором». Вспомним, что через 60 с лишним лет этим самым титулом пользовался всесильный диктатор Англии Оливер Кромвель...

Федор Иванович занимал царский престол четырнадцать лет, но из них по меньшей мере 12, а то и 13 фактическим правителем страны был Борис Годунов. Поэтому нет смысла отделять царствование Федора от царствования Бориса.

Однако на пути к царскому престолу Борису Годунову пришлось преодолеть еще одно препятствие. Младший сын Ивана Грозного царевич Дмитрий жил в почетной ссылке в Угличе на правах удельного князя, со своей матерью Марией Федоровной из рода Нагих и своими дядьями. Если бы Федор умер бездетным (а так и произошло), то царевич был бы естественным наследником. Распространено утверждение, что Дмитрий не был помехой Годунову, поскольку брак Ивана IV с Марией Нагой, шестой или седьмой по счету, не был законным с канонической точки зрения. И все же у царского сына, пусть и не вполне законного, но официально пользующегося титулом царевича, прав было куда больше, чем у царского шурина. Когда назвавшийся именем Дмитрия человек предъявил права на престол, никто не задавался вопросом, сыном которой по счету жены грозного царя он был. Да, царевич Дмитрий загораживал Годунову дорогу к трону. Но восьми с половиной лет царевич таинственно

погиб. Согласно официальной версии, современной событиям, это был несчастный случай: царевич сам себя «поколол» ножом во время эпилептического припадка. Официальная версия более позднего времени, начала XVII в., утверждает, что святой царевич был зарезан убийцами, подосланными «лукавым рабом» Борисом Годуновым. Вопрос о виновности Бориса Годунова в смерти царевича трудно разрешить однозначно. Так или иначе, но это препятствие было устранено.

В 1598 г., после смерти царя Федора, Земский собор избрал Бориса царем. Иначе и быть не могло. За годы своего правления Годунову удалось собрать вокруг себя — и в Боярской думе, и среди придворных чинов — «своих людей», тех, кто был обязан правителю своей карьерой и боялся тех перемен, которые могли наступить при смене власти.

Можно по-разному относиться к личным качествам Бориса Годунова, но даже самые строгие его критики не могут отказать ему в государственном уме, а самые рьяные апологеты не в состоянии отрицать, что Борис Федорович не только не руководствовался в своей политической деятельности моральными нормами, но и нарушал их для собственной выгоды постоянно. И все же он был прежде всего талантливым политическим деятелем, несомненным реформатором. И судьба его трагична, как судьба большинства реформаторов.

Удивительный парадокс: Иван Грозный привел страну не к краю пропасти, а просто в пропасть. И все же в народной памяти он остался порой внушающим ужас, отвращение, но ярким и сильным человеком. Борис же Годунов пытался вытащить страну из пропасти. И поскольку ему это не удалось, он оказался устраненным из фольклора, а в массовом сознании сохранился лишь своим лукавством, изворотливостью и неискренностью.

Методы Бориса Годунова резко отличались от методов царя Ивана (хотя сам Годунов и прошел школу опричнины). Годунов был беззастенчив и жесток в устранении своих политических противников, но только реальных, а не выдуманных противников. Он не любил устраивать казни на площадях, торжественно и громогласно проклинать изменников. Его противников тихо арестовывали, тихо отправляли в ссылку или в монастырскую тюрьму, и там они тихо, но обычно быстро умирали — кто от яда, кто от петли, а кто неизвестно от чего.

Вместе с тем Годунов стремился к сплочению, к кон-

солидации всего господствующего класса. Это была единственно правильная политика в условиях всеобщего разорения страны.

Однако именно на время правления Бориса Годунова приходится утверждение крепостного права в России. Первый шаг был сделан еще при Иване Грозном, когда был временно запрещен переход крестьян от одного владельца к другому в Юрьев день. Но в царствование Федора Ивановича были приняты новые крепостнические указы. По гипотезе В. И. Корецкого, около 1592—1593 гг. правительство издало указ, запрещавший крестьянский «выход» по всей стране и навсегда. Это предположение разделяют далеко не все исследователи, но, вероятно, в эти годы были все же осуществлены какие-то крепостнические мероприятия: через пять лет появился указ об «урочных летах» — о пятилетнем сроке исковой давности для челобитных о возвращении беглых крестьян. Этот указ не делает разницы между теми, кто ушел в Юрьев день и не в Юрьев день, в заповедные лета и не в заповедные лета, он исходит уже из положения о прикреплении крестьянина к земле. А отсчет исковой давности ведется как раз от 1592 г.

Вопрос о причинах перехода к крепостничеству, о том, насколько серьезна была альтернатива иного варианта развития феодальных отношений, без крепостного права, принадлежит к числу не только еще не решенных, но и явно недостаточно исследованных. Сегодня можно с уверенностью сказать, что господствовавшая некогда в науке «товарно-барщинная» концепция Б. Д. Грекова рухнула под напором фактов. По мысли Б. Д. Грекова, развитие товарно-денежных отношений в России второй половины XVI в. было настолько велико, что хлебная торговля превратилась в выгодную статью дохода. Эти обстоятельства толкали феодалов к переходу к барщинному хозяйству, которое невозможно без закрепощения крестьян.

Сейчас ясно, что развитие товарно-денежных отношений было преувеличено, что хлебная торговля была совсем невелика: городское население составляло вряд ли больше 2—3%, а экспорт хлеба еще не начался. Не наблюдается в XVI в. и резкий рост барщины, да и обрабатывали барскую запашку большей частью не крестьяне, а пашенные холопы — «страдники»; поэтому развитие барщины не было связано с возникновением крепостничества.

И правительство Ивана Грозного, и правительство Бориса Годунова шли на прикрепление крестьян к земле, руководствуясь прагматическими, сиюминутными соображениями, стремлением ликвидировать и предотвратить на будущее запустение центральных уездов. Но это были в действительности лишь поводы, а не причины перехода к крепостничеству. Хозяйственный кризис послеопричных лет был следствием более общих социальных процессов. В это время, быть может, ярче, чем когда бы то ни было, прослеживается тенденция к усилению эксплуатации крестьянства и отдельными феодалами, и государством. Для того были два рода причин. Во-первых, численность феодалов росла быстрее, чем численность крестьян: дело не в уровне жизни, а в том, что в условиях длительной войны правительство постоянно рекрутировало в состав «детей боярских» выходцев из плебейских слоев, раздавая им за службу поместья с крестьянами. Уменьшение средних размеров феодальных владений при сохранении феодалом жизненного уровня прошлых лет приводило к тому, что повинности крестьян неуклонно возрастали.

Но многие феодалы не ограничивались сохранением жизненного уровня, а стремились к его росту. Если сосед принимал тебя, угощая с серебряной посуды, то тебе уже неловко выставить на стол «суды оловяные». Низкорослая, хотя и выносливая доморощенная лошаденка становится непрестижной: ногайский кровный жеребец казался остро необходимым. А если сосед выходил в поход в импортной кольчуге из Ирана или с Кавказа, то своя, родимая, хотя и сделанная недурным мастером и прекрасно защищающая от сабельных ударов, превращалась в признак нищеты.

Однако право крестьянского перехода — пусть и с уплатой «пожилого» и только раз в году — ограничивало аппетиты феодалов, служило естественным регулятором уровня эксплуатации: слишком алчный феодал мог, как щедринский дикий помещик, остаться без крестьян. Писцовые книги упоминают «порозжие поместья», из которых разошлись крестьяне, после чего помещики их «пометали» (бросили).

Внутренняя политика Годунова была направлена на стабилизацию положения в стране. При нем идет строительство новых городов, особенно в Поволжье. Именно тогда возникли Самара, Саратов, Царицын, Уфа. Облегчилось положение посадского населения: крупные феода-

лы больше не имели права держать в своих «белых» (не обложенных податями) слободах ремесленников и торговцев; все, кто занимался промыслами и торговлей, должны были отныне входить в посадские общины и вместе со всеми платить государственные налоги — «тянуть тягло».

Во внешней политике Борис Годунов стремился к победам не столько на поле брани, сколько за столом переговоров. Несколько раз удалось продлить перемирие с Речью Посполитой. Хорошо развивались отношения с государствами Средней Азии. Укрепилась оборона южных границ. Единственная война, начатая Россией в правление Бориса Годунова, была направлена против Швеции. В результате Ливонской войны ей досталось побережье Финского залива. После трех лет военных действий в 1593 г. был подписан Тявзинский мирный договор, вернувший России Ивангород, Ям, Копорье и волость Корелу.

Борис Годунов сделал первую до Петра попытку ликвидировать культурную отсталость России от стран Западной Европы. В страну приезжает много, значительно больше, чем раньше, иностранных специалистов — военных и врачей, разведчиков полезных ископаемых («рудознатцев») и мастеров. Бориса Годунова даже обвиняли (как через сто лет Петра I) в излишнем пристрастии к «немцам» (так называли в России западноевропейцев). Впервые «для науки разных языков и грамотам» было отправлено в Англию, Францию, Германию несколько молодых дворян. В Смутное время они не решились вернуться на родину и «задавнели» за границей; один из них в Англии перешел в англиканство, стал священником и даже богословом.

Вероятно, если бы в распоряжении Годунова оказалось еще несколько спокойных лет, Россия более мирно, чем при Петре, и на сто лет раньше пошла бы по пути модернизации. Но этих спокойных лет не было. Улучшение экономического положения только намечалось, а поскольку к выходу из кризиса шли крепостническим путем, то в крестьянстве зрело недовольство. Так, в 1593—1595 гг. боролись с монастырскими властями крестьяне Иосифо-Волоколамского монастыря. Кто знает, может, глухое недовольство не переросло бы во взрыв, если бы лето 1601 г. не было таким дождливым. К уборке урожая никак не удавалось приступить. А затем без перерыва сразу ударили ранние морозы, и «поби мраз сильный всяк труд дел человеческих в полех». Следующий год был

снова неурожайным, да к тому же недоставало семян, и качество их было низким. Три года в стране бушевал страшный голод.

Разумеется, причиной его была не только погода. Расшатанное тяжелыми налогами и сильной феодальной эксплуатацией крестьянское хозяйство потеряло устойчивость, не имело резервов.

Но не только погода и неустойчивость крестьянского хозяйства привели к голоду. У многих бояр и монастырей лежали запасы зерна. По словам современника, их хватило бы всему населению страны на четыре года. Но феодалы прятали запасы, надеясь на дальнейшее повышение цен. А они выросли примерно в сто раз. Люди ели сено и траву, доходило до людоедства.

Отдадим должное Борису Годунову: он боролся с голодом как мог. Бедным раздавали деньги, организовывали для них платные строительные работы. Но полученные деньги мгновенно обесценивались: ведь хлеба на рынке от этого не прибавлялось. Тогда Борис распорядился раздавать бесплатно хлеб из государственных хранилищ. Он надеялся подать тем добрый пример феодалам, но житницы бояр, монастырей и даже патриарха оставались закрытыми. А тем временем к бесплатному хлебу со всех сторон в Москву и в крупные города устремились голодающие. А хлеба не хватало на всех, тем более что раздатчики сами спекулировали хлебом. Рассказывали, что некоторые богатые люди не стеснялись переодеваться в лохмотья и получать бесплатный хлеб, чтобы продать его втридорога. Люди, мечтавшие о спасении, умирали в городах прямо на улицах. Только в Москве было похоронено 127 тыс. человек, а хоронить удавалось не всех. Современник говорит, что в те годы самыми сытыми были собаки и воронье: они поедали непохороненные трупы. Пока крестьяне в городах умирали в напрасном ожидании еды, их поля оставались необработанными и незасеянными. Так закладывались основы для продолжения голода.

В чем причины провала всех попыток Бориса Годунова преодолеть голод, несмотря на искреннее стремление помочь людям? Прежде всего в том, что царь боролся с симптомами, а не лечил болезнь. Причины голода коренились в крепостничестве, но даже мысль о восстановлении права крестьян на переход не приходила в голову царю. Единственной мерой, на которую он решился, было разрешение в 1601—1602 гг. временного ограничен-

ного перехода некоторых категорий крестьян. Эти указы не принесли облегчения крестьянам.

Голод погубил Бориса. Народные волнения охватывали все большие территории. Царь катастрофически терял авторитет. Те возможности, которые открывало перед страной правление этого талантливого государственного деятеля, оказались упущены. Победа Лжедмитрия была обеспечена, по словам Пушкина, «мнением народным».

О Лжедмитрии I накопилось и в литературе, и в массовом сознании много ложных стереотипов. В нем видят обычно агента польского короля и панов, стремившихся при его помощи захватить Россию, их марионетку. Совершенно естественно, что именно такую трактовку личности Лжедмитрия усиленно внедряло правительство Василия Шуйского, севшего на престол после свержения и убийства «царя Дмитрия». Но сегодняшний историк может более беспристрастно отнестись к деятельности молодого человека, год просидевшего на русском престоле.

Судя по воспоминаниям современников, Лжедмитрий I был умен и сообразителен. Его приближенные поражались, как легко и быстро он решал запутанные вопросы. Похоже, он верил в свое царское происхождение. Современники единодушно отмечают поразительную, напоминающую петровскую смелость, с какой молодой царь нарушал сложившийся при дворе этикет. Он не вышагивал степенно по комнатам, поддерживаемый под руки приближенными боярами, а стремительно переходил из одной в другую, так что даже его личные телохранители порой не знали, где его найти. Толпы он не боялся, не раз в сопровождении одного-двух человек скакал по московским улицам. Он даже не спал после обеда. Царю прилично было быть спокойным, неторопливым и важным, этот действовал с темпераментом названого отца, но без его жестокости. Все это подозрительно для расчетливого самозванца. Знай Лжедмитрий, что он не царский сын, он уж наверняка сумел бы заранее освоить этикет московского двора, чтобы все сразу могли сказать о нем: да, это настоящий царь. К тому же «царь Дмитрий» помиловал самого опасного свидетеля — князя Василия Шуйского. Уличенный в заговоре против царя, Василий Шуйский руководил в Угличе расследованием дела о гибели подлинного царевича и своими глазами видел его мертвое тело. Приговорил Шуйского к смерти собор, помиловал «царь Дмитрий».

Не готовили ли несчастного молодого человека с детства к роли претендента на престол, не воспитали ли его в убеждении, что он законный наследник московской короны? Недаром, когда первые вести о появлении самозванца в Польше дошли до Москвы, Борис Годунов, как говорят, сразу сказал боярам, что это их рук дело.

Важнейшими соперниками Годунова на пути к власти были бояре Романовы-Юрьевы. Старший из них — Никита Романович, брат матери царя Федора — царицы Анастасии, считался союзником Годунова. Именно ему Никита Романович завещал покровительствовать своим детям — «Никитичам». Этот «завещательный союз дружбы» продолжался недолго, а вскоре после вступления Бориса на престол пятеро братьев-Никитичей были арестованы по лживому обвинению в попытке отравить царя и сосланы вместе со своими родственниками. Старший из братьев, охотник и щеголь Федор Никитич был пострижен в монахи под именем Филарета и отправлен на север, в Антониево-Сийский монастырь. Еще в 1602 г. любимый слуга Филарета сообщал приставу, что его господин со всем смирился и мыслит лишь о спасении души и своей бедствующей семье. Летом 1604 г. в Польше появился Лжедмитрий, а уже в феврале 1605 г. резко меняются донесения пристава при «старце Филарете». Перед нами уже не смиренный монах, а политический борец, заслышавший звуки боевой трубы. По словам пристава, старец Филарет живет «не по монастырскому чину, всегда смеется, неведомо чему, и говорит про мирское житье, про птицы ловчие и про собаки, как он в мире жил». Другим же монахам Филарет гордо заявлял, что «увидят они, каков он впредь будет». И в самом деле, увидели. Меньше чем через полгода после того, как пристав отправил свой донос, Филарет из ссыльного монаха превратился в митрополита Ростовского: в этот сан его возвели по приказанию «царя Дмитрия». Все дело в связях самозванца с романовской семьей. Как только Лжедмитрий появился в Польше, правительство Годунова заявило, что он самозванец Юшка (а в монашестве — Григорий) Богданов сын Отрепьева, дьякон-расстрига Чудова монастыря, состоявший при патриархе Иове «для письма». Вероятно, так и было: правительство было заинтересовано в том, чтобы назвать подлинное имя самозванца, а выяснить правду тогда было легче, чем сейчас, через без малого четыре века. Отрепьев же до пострижения был холопом Романовых и постригся в монахи, видимо, после

их ссылки. Не они ли подготовили юношу к роли самозванца? Во всяком случае, само появление Лжедмитрия никак не связано с иноземными интригами. Прав был В. О. Ключевский, когда писал о Лжедмитрии, что «он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве».

Польше не только не принадлежала инициатива авантюры Лжедмитрия, но, напротив, король Сигизмунд III Ваза долго колебался, стоит ли поддерживать претендента. С одной стороны, было заманчиво иметь на московском престоле человека, обязанного королю. Тем более что молодой человек не скупился на обещания. Он тайно перешел в католичество и обещал папе римскому, что вся Россия последует его примеру. Королю он обещал Смоленск и Чернигово-Северскую землю, отцу своей невесты Марины, сандомирскому воеводе Юрию Мнишеку — Новгород, Псков и миллион золотых. И все же. Слишком невероятной казалась история чудесного спасения царевича. Сомнения в царственном происхождении «московского князька» высказывали почти все вельможи Речи Посполитой, к которым обратился за советом король. А при обсуждении в сейме коронный гетман Ян Замойский говорил, что вся история «царевича» напоминает ему комедии Плавта или Теренция. «Вероятное ли дело,— говорил Замойский,— велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит, кого приказано убить?» К тому же синица в руках — заключенное в 1601 г. перемирие с Россией сроком на 20 лет на взаимовыгодных условиях — представлялась предпочтительнее, чем журавль в небе — союзник Речи Посполитой на московском троне. Сигизмунд III не мог решиться на открытый военный конфликт с Россией еще и потому, что Речь Посполитая вела изнурительную борьбу со Швецией за Прибалтику.

Именно поэтому король не решился оказать Лжедмитрию полную и безусловную поддержку: он лишь разрешил польским шляхтичам, если пожелают, вступать в его войско. Их набралось чуть больше полутора тысяч. К ним присоединились несколько сотен русских дворян-эмигрантов да еще донские и запорожские казаки, видевшие в походе Лжедмитрия хорошую возможность для военной добычи. Претендент на престол располагал, таким образом, всего лишь горсткой, «жменей» воинов — около четырех тысяч. С ними он и перешел через Днепр.

Лжедмитрия уже ждали, но ждали возле Смоленска: оттуда открывался более прямой и короткий путь на

Москву. Он же предпочел путь подлиннее: через Днепр он перебрался возле Чернигова. Зато войскам Лжедмитрия предстояло идти через Северскую землю, где накопилось много горючего материала: недовольные своим положением мелкие служилые люди, подвергающиеся особо сильной эксплуатации в небольших поместьях крестьяне, остатки разгромленных войсками Годунова казаков, поднявших под руководством атамана Хлопка восстание, наконец, множество беглых, собравшихся здесь в голодные годы. Именно эти недовольные массы, а не польская помощь помогли Лжедмитрию дойти до Москвы и воцариться там.

В Москве Лжедмитрий тоже не превратился в польского ставленника. Он не торопился выполнять свои обещания. Православие оставалось государственной религией; более того, царь не разрешил строить в России католические церкви. Ни Смоленск, ни Северскую землю он не отдал королю и предлагал только заплатить за них выкуп. Он даже вступил в конфликт с Речью Посполитой. Дело в том, что в Варшаве не признавали за русскими государями царского титула и именовали их только великими князьями. А Лжедмитрий стал называть себя даже цесарем, т. е. императором. Во время торжественной аудиенции Лжедмитрий долго отказывался даже взять из рук польского посла грамоту, адресованную великому князю. В Польше были явно недовольны Лжедмитрием, позволявшим себе действовать самостоятельно.

Раздумывая над возможной перспективой утверждения Лжедмитрия на престоле, нет смысла учитывать его самозванство: монархическая легитимность не может быть критерием для определения сути политической линии. Думается, личность Лжедмитрия была хорошим шансом для страны: смелый и решительный, образованный в духе русской средневековой культуры и вместе с тем прикоснувшийся к кругу западноевропейскому, не поддающийся попыткам подчинить Россию Речи Посполитой. Но этой возможности тоже не дано было осуществиться. Беда Лжедмитрия в том, что он был авантюристом. В это понятие у нас обычно вкладывается только отрицательный смысл. А может, и зря? Ведь авантюрист — человек, который ставит перед собой цели, превышающие те средства, которыми он располагает для их достижения. Без доли авантюризма нельзя достичь успеха в политике. Просто того авантюриста, который добился успеха, мы обычно называем выдающимся политиком.

Средства же, которыми располагал Лжедмитрий, были в самом деле не адекватны его целям. Надежды, которые возлагали на него разные силы, противоречили одна другой. Мы уже видели, что он не оправдал тех, которые возлагали на него в Речи Посполитой. Чтобы заручиться поддержкой дворянства, Лжедмитрий щедро раздавал земли и деньги. Но и то и другое не бесконечно. Деньги Лжедмитрий занимал у монастырей. Вместе с просочившейся информацией о католичестве царя займы тревожили духовенство и вызывали его ропот. Крестьяне надеялись, что добрый царь Дмитрий восстановит право перехода в Юрьев день, отнятое у них Годуновым. Но, не вступив в конфликт с дворянством, Лжедмитрий не мог этого сделать. Поэтому крепостное право было подтверждено и лишь дано разрешение крестьянам, ушедшим от своих господ в голодные годы, оставаться на новых местах. Эта мизерная уступка не удовлетворила крестьян, но вместе с тем вызвала недовольство у части дворян. Короче: ни один социальный слой внутри страны, ни одна сила за ее рубежами не имели оснований поддерживать царя. Потому-то он так легко и был свергнут с престола.

На импровизированном Земском соборе (из случайно находившихся в Москве людей) царем был избран («выкликнут», как говорили презрительно тогда) князь Василий Иванович Шуйский. Трудно найти добрые слова для этого человека. Бесчестный интриган, всегда готовый солгать и даже подкрепить ложь клятвой на кресте,— таков был «лукавый царедворец» *(Пушкин)*, вступивший в 1606 г. на престол. Но независимо от личных качеств царя Василия его царствование тоже могло стать началом хороших перемен в политическом строе Русского государства. Дело в тех обязательствах, которые он вынужден был дать при вступлении на престол.

Шуйский впервые в истории России присягнул подданным: дал «запись», соблюдение которой закрепил целованием креста. Эту «крестоцеловальную запись» иногда трактуют как ограничение царской власти в пользу бояр и на этом основании видят в Шуйском «боярского царя». Начнем с того, что противоречия между «верхами» и «низами» господствующего класса были вовсе не так значительны, как представляется традиционно. В самом же ограничении самодержавия, хотя бы и в пользу бояр, нет ничего дурного: ведь именно с вольностей английских баронов начинался английский парламентаризм. Вряд ли

необузданный деспотизм лучше, чем правление царя совместно с аристократией. Но в «крестоцеловальной записи» вовсе не было реального ограничения власти царя. Вчитаемся в нее.

Прежде всего, Шуйский обещал «всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати». Таким образом, создавались законодательные гарантии против бессудных опал и казней времени опричнины. Далее новый царь клялся не отнимать имущества у наследников и родственников осужденных, если «они в той вине невинны», такие же гарантии давались купцам и всем «черным людям». В заключение царь Василий обязывался не слушать ложных доносов («доводов») и решать дела только после тщательного расследования («сыскивати всякими сыски накрепко и ставити с очей на очи»).

Историческое значение «крестоцеловальной записи» Шуйского не только в ограничении произвола самодержавия, даже не только в том, что впервые был провозглашен принцип наказания только по суду (что, несомненно, тоже важно), а в том, что это был первый договор царя со своими подданными. Вспомним, что для Ивана Грозного все его подданные были только рабами, которых он волен жаловать и казнить. Даже мысли, что не его «холопы» ему, а он своим «холопам» будет присягать, «целовать крест», не могло возникнуть у Ивана IV. В. О. Ключевский был прав, когда писал, что «Василий Шуйский превращался из государя холопов в правомерного царя подданных, правящего по законам». Запись Шуйского была первым, робким и неуверенным, но шагом к правовому государству. Разумеется, к феодальному.

Правда, Шуйский на практике редко считался со своей записью: судя по всему, он просто не знал, что такое святость присяги. Но уже само по себе торжественное провозглашение совершенно нового принципа отправления власти не могло пройти бесследно: недаром основные положения «крестоцеловальной записи» повторялись в двух договорах, заключенных русскими боярами с Сигизмундом III, о призвании на русский престол королевича Владислава.

Существенно еще одно обстоятельство. До 1598 г. Россия не знала выборных монархов. Иван IV, противопоставляя себя избранному королю Речи Посполитой Стефану Баторию, подчеркивал, что он — царь «по Божию изволению, а не по многомятежному человеческому

хотению». Теперь же один за другим на престоле появляются цари, призванные тем самым «многомятежным человеческим хотением»: Борис Годунов, избранный Земским собором, Лжедмитрий, не избранный, но овладевший троном только по воле людей, Шуйский... А за ним уже маячат фигуры новых избранных государей — королевича Владислава, Михаила Романова. А ведь выборы монарха — это тоже своего рода договор между подданными и государем, а значит, шаг к правовому государству. Именно поэтому неудача Василия Шуйского, не сумевшего справиться с противоборствующими силами и с начавшейся интервенцией Речи Посполитой, его свержение с престола знаменовали собой, несмотря на всю антипатичность личности царя Василия, еще одну упущенную возможность.

Ко времени царствования Василия Шуйского относится восстание Ивана Болотникова. Неудачу этого движения, охватившего весьма широкие массы, трудно отнести к тем альтернативам, которые, осуществившись, могли бы принести хорошие плоды. И личность предводителя восстания, и характер самого движения в нашей популярной и учебной литературе значительно деформировались. Начнем с самого Ивана Исаевича Болотникова. О нем пишут, что он был холопом князя Телятевского. Это правда, но у неискушенного читателя создается впечатление, что Иван Исаевич пахал землю или прислуживал своему хозяину. Однако среди холопов были совершенно разные социальные группы. Одну из них составляли так называемые послужильцы или военные холопы. Это были профессиональные воины, выходившие на службу вместе со своим хозяином. В мирное время они зачастую исполняли административные функции в вотчинах и поместьях своих владельцев. Рекрутировались они в значительной степени из обедневших дворян. Так, Никитичи-Романовы были арестованы по доносу своего холопа, происходившего из старинного (с XIV в.) дворянского рода Бортеневых. Григорий Отрепьев, тоже отпрыск дворянского рода, как отмечалось выше, служил холопом у тех же Романовых. Известен уход в холопы в середине XVI в. даже одного из белозерских князей. Тот факт, что нам известен в XVI—XVII вв. дворянский род Болотниковых, заставляет предполагать в Болотникове разорившегося дворянина. Вряд ли князь Андрей Телятевский стал бы воеводой под началом у своего бывшего холопа, если бы тот не был дворянином.

Всегда требовало объяснения большое количество дворян в войске вождя крестьянской войны, каким обычно рисовался Болотников. Во многих учебниках можно прочитать, что дворяне Пашков и Ляпунов со своими отрядами из эгоистических соображений сначала присоединились к Болотникову, а потом изменили ему, когда стала вырисовываться антифеодальная сущность движения. Однако при этом замалчивалось, что после ухода Пашкова и Ляпунова с Болотниковым остались и поддерживали его до конца многие другие феодалы, в том числе князья Григорий Шаховской и Андрей Телятевский.

Мы плохо знаем программу Болотникова, до нас дошло только изложение ее в документах, исходящих из правительственного лагеря. Излагая призывы восставших, патриарх Гермоген писал, что они «велят боярским холопем побивати своих бояр». Как будто звучит вполне антифеодально. Но прочитаем текст дальше: «...и жены их и вотчины и поместья им сулят» и обещают своим сторонникам «давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество». Таким образом, мы не находим здесь призыва к изменению феодального строя, а только намерение истребить нынешних бояр и самим занять их место. Вряд ли случайно, что «в воровских полках» казакам (так именовались все участники восстания) раздавали поместья. Некоторые из этих помещиков-болотниковцев продолжали владеть землями и в первой половине XVII в.

Вряд ли случайно отношение к Болотникову фольклора. Сколько песен и легенд сложено о Степане Разине! На Урале записаны предания о Пугачеве. Но о Болотникове фольклор молчит, хотя, если верить современной исторической науке, именно его должен был бы воспевать народ. Но непослушный народ предпочел «вождю народных масс» другого героя, увы, классово не безупречного — «старого боярина Никиту Романовича».

Разумеется, и под знаменами Болотникова, и под стягами других «воровских атаманов», и, наконец, в лагере «тушинского вора», объявившего себя чудом спасшимся «царем Дмитрием», было немало обездоленных, не принимающих жестокого феодального строя, чей протест выливался порой в не менее жестокие, а то и разбойные формы. И все же, думается, ненависть к угнетателям была только одной из нескольких составляющих широкого движения в начале XVII в.

«Тушинский вор», Лжедмитрий II, унаследовавший от

своего прототипа авантюризм, но не таланты, жалкая пародия на предшественника, нередко и впрямь игрушка в руках представителей короля Речи Посполитой, не олицетворял собой, как Болотников, никакой серьезной альтернативы тому пути развития, по которому пошла Россия. Может показаться неожиданным и даже раздражающим, но еще одной упущенной возможностью было, на мой взгляд, несостоявшееся царствование сына Сигизмунда III — королевича Владислава. Чтобы понять ход рассуждений, необходимо остановиться на обстоятельствах его призвания на московский престол.

В феврале 1610 г., разочаровавшись в «тушинском царике», группа бояр из его лагеря отправилась к Сигизмунду III, осаждавшему Смоленск, и пригласила на трон Владислава. Было заключено соответствующее соглашение. А через полгода, в августе, после свержения Василия Шуйского уже московские бояре пригласили Владислава. И тушинцев, и московских бояр традиционно клеймят как изменников, готовых отдать Россию иноземцам. Однако внимательное чтение соглашений 1610 г. не дает оснований для таких обвинений.

В самом деле, в обоих документах предусмотрены разнообразные гарантии против поглощения России Речью Посполитой: и запрет назначать выходцев из Польши и Литвы на административные должности в России, и отказ в разрешении воздвигать католические храмы, и сохранение всех порядков, существующих в государстве. В частности, нерушимым оставалось и крепостное право: «на Руси промеж себя христианам выходу не быти», «людем русским промеж себя выходу не кажет король его милость допущати». В заключенном тушинцами в феврале 1610 г. договоре можно заметить и отзвук годуновских времен: «А для науки вольно кождому з народу московского людем ездити в иншые господарства хрестиянские».

Впрочем, в обоих соглашениях остался несогласованным один существенный пункт — о вероисповедании будущего царя Владислава. И тушинцы, и московские бояре настаивали на том, чтобы он перешел в православие; воинствующий католик, потерявший из-за приверженности римской вере шведский престол, Сигизмунд III не соглашался. Признание Владислава царем до решения этого вопроса — тяжелая по последствиям ошибка московских бояр. Дело здесь не в сравнительных достоинствах и недостатках обеих конфессий, а в элементарном

политическом расчете. По законам Речи Посполитой король должен был обязательно быть католиком. Православный Владислав лишался таким образом прав на польский престол. Тем самым устранялась бы опасность сначала личной, а потом и государственной унии России и Речи Посполитой, чреватой в дальнейшем утратой национальной независимости. Поспешное же признание власти «царя и великого князя Владислава Жигимонтовича всея Руси» Боярской думой открыло путь в Москву польскому гарнизону.

Можно предположить, что воцарение православного Владислава на Руси принесло бы хорошие результаты. Дело не в личных качествах принца: став впоследствии польским королем, Владислав ничем особенно выдающимся себя не проявил. Существенно другое: те элементы договорных отношений между монархом и страной, которые были намечены в «крестоцеловальной записи» Василия Шуйского, получали свое дальнейшее развитие. Само воцарение Владислава было обусловлено многочисленными статьями соглашения. Сам же Владислав превратился бы в русского царя польского происхождения, как его отец Сигизмунд был польским королем шведского происхождения.

Однако и эта возможность оказалась упущенной, хотя и не по вине России. После свержения Шуйского и убийства собственными сторонниками Лжедмитрия II началась реальная интервенция против России. Швеция, войска которой были приглашены Шуйским для помощи в войне против Речи Посполитой, воспользовалась удобным случаем, чтобы захватить Новгород и значительную часть Севера. Польский гарнизон разместился в Москве, и наместник Владислава (королевичу было всего 15 лет, и любящий отец, естественно, не отпускал его без себя в далекую и опасную Москву, где совсем недавно один царь был убит, а другой сведен с престола) Александр Гонсевский самовластно распоряжался в стране. Под Смоленском, осажденным войсками Сигизмунда, русское посольство во главе с митрополитом Филаретом вело переговоры об условиях вступления Владислава на трон. Поскольку вопрос о вере будущего царя решить не удалось, переговоры провалились, а русская делегация оказалась на положении пленных.

Тем временем в Москве Гонсевский от имени царя Владислава раздавал земли сторонникам интервентов, конфискуя их у тех, кто не признавал чужеземную власть.

Странное впечатление производит приказная документация этих месяцев. Кажется, что понятия о верности и измене внезапно поменялись местами. Вот некто Григорий Орлов, который называет себя «верноподданным» не только царя Владислава, но и Сигизмунда, просит «великих государей» пожаловать его «изменничьим княж Дмитреевым поместейцем Пожарского». На обороте челобитной Гонсевский крайне вежливо и столь же твердо, обращаясь к дьяку И. Т. Грамотину, пишет: «Милостивый пане Иван Тарасьевич!.. Прикгожо... дать грамоту асударскую жаловальную». Не во всех грамотах изменниками называют таких людей, как Пожарский, но грамот таких немало.

Правда, все или почти все эти раздачи существовали лишь на бумаге: польские войска в Москве окружены сначала первым (во главе с Ляпуновым, Трубецким и Заруцким), а потом и вторым (во главе с Мининым и Пожарским) ополчениями. Центральной же власти как бы и не было. Разные города самостоятельно решают, кого им признавать за правителей. По стране бродят и осаждают города и монастыри отряды польских шляхтичей, занимающиеся не столько военными действиями, сколько простым грабежом. От них не отстают и свои собственные, родные казаки. Такая ситуация не могла продолжаться слишком долго: в стране все крепнет стремление к порядку. Пусть не к очень удобному, не очень хорошему, но к порядку. Чем бы мы ни считали народные волнения этого времени — крестьянской войной или гражданской,— ясно, в событиях принимали участие большие массы людей. Но ни одно такое массовое движение не может продолжаться слишком долго. Крестьянин (а в любом случае именно крестьяне составляли основную массу участников) не может превращаться на всю жизнь в вольного казака, его руки приспособлены к сохе, плугу и косе, а не к сабле и кистеню. Конь для него рабочий скот, а не живой элемент боевого снаряжения. Гражданская война постепенно увядала.

Возникшие на фоне этой общей усталости силы порядка оказались, как часто бывает, довольно консервативными. Нельзя не восхищаться мужеством, самоотверженностью и честностью Минина и Пожарского. Но правы были дореволюционные историки, подчеркивавшие консервативное направление их деятельности. Общественному настроению отвечало воспроизведение тех порядков, которые существовали до смуты. Недаром второе опол-

чение, возобновив чеканку монеты, выбивало на ней имя давно умершего царя Федора — последнего из царей, чья легитимность была вне подозрений для всех.

Изгнание из Москвы интервентов дало возможность созвать Земский собор для избрания нового царя. Так что как будто избирательность получала новый импульс. Но это был последний избирательный собор: Михаил Федорович становился царем как «сродич» царя Федора Ивановича и наследник «прежних великих благородных и благоверных и Богом венчанных российских государей царей».

При выборах, вернее в кулуарах собора, всплывали и иностранные кандидатуры. Отрицательный опыт выбора царя из бояр (Годунов и Шуйский) уже был: авторитет такого государя не был велик. Многие из бояр могли считать себя ничуть не хуже государя. В этом отношении царь из иностранцев, «прироженый» государь, нейтральный по отношению к клановым группировкам, был предпочтительнее. Требовалось лишь одно главное условие — православие. Иначе, как показал опыт с Владиславом, возникает угроза независимости страны. Именно поэтому оказалась отвергнутой возникшая было кандидатура шведского принца.

Итак, в конце концов царем стал шестнадцатилетний сын митрополита Филарета Никитича Михаил Федорович. Один из бояр писал в Польшу князю Голицыну об этом выборе: «Миша Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден». Думается, мотивы избрания были несколько глубже. Молодость должна была пройти, а за спиной «недошедшего» разумом Миши, который и в зрелые годы не отличался особенно глубоким умом, стоял его властный отец — Филарет Никитич. Правда, он пока находился в польском плену, но его возвращение было делом времени.

Неглупый человек, с сильной волей, но без особого блеска и таланта, Филарет Никитич оказался удобным для всех. В этом ему помогла, в частности, изворотливость. Его поддерживали те, кто выдвинулся в годы опричнины: ведь Романовы — родня первой жены царя Ивана, кое-кто из их родственников были опричниками, а отец Филарета — Никита Романович постоянно занимал высокое положение при дворе грозного царя. Но и пострадавшие от опричнины могли считать Филарета своим: среди его родни тоже были казненные в годы опричных репрессий, а у Никиты Романовича была стойкая популярность заступника, умевшего умерить

гнев царя. Должно быть, это был миф: ведь пережить все извивы опричных и послеопричных лет можно было тому, кто сидел тихо и не заступался ни за кого. Но миф порой для действий людей важнее реалий.

Поддерживали Филарета и сторонники Лжедмитрия: ведь его холопом был Гришка Отрепьев, а первым делом Лжедмитрия было возвращение Филарета из ссылки. Не могли быть против и сторонники Василия Шуйского: при этом царе все тот же митрополит Филарет Никитич участвовал в торжественной церемонии перенесения мощей невинно убиенного царевича Дмитрия, действе, которое должно засвидетельствовать, что убитый в Москве «царь Дмитрий» — на самом деле «росстрига», самозванец, принявший на себя имя святого и благоверного царевича. С. Ф. Платонов писал, что в этом случае царь Василий играл святыней. Филарет хорошо помог ему в игре. Но и для главных противников Шуйского — тушинских казаков Филарет был своим человеком. В 1608 г. войска тушинцев взяли Ростов, где Филарет был митрополитом. С тех пор он и оказался в тушинском лагере то ли как пленник, то ли как почетный гость. Филарета в Тушине называли даже патриархом. Недаром голос, поданный за Михаила Федоровича казачьим атаманом, был последним решающим голосом в пользу нового царя. Правда, согласие самого юного Михаила было получено не сразу. Особенно противилась мать будущего царя — инокиня Марфа. Ее можно понять: не было в те годы более опасного занятия, чем исполнение обязанностей царя. «Московского государства всяких чинов люди по грехом измалодушествовались,— говорила инокиня Марфа,— дав свои души прежним государям, не прямо служили». Только когда будущему царю и его матери пригрозили, что они будут виновны в «конечном разореньи» страны, они наконец согласились.

Итак, Романовы устроили всех. Таково свойство посредственности. Быть может, для консолидации страны, восстановления общественного согласия страна и нуждалась не в ярких личностях, а в людях, способных спокойно и настойчиво вести консервативную политику. Здоровый консерватизм правительства первых Романовых дал возможность постепенно восстановить экономику, государственную власть, с некоторыми потерями (Смоленск, побережье Финского залива и т. д.) восстановить и государственную территорию. Должно быть, после стольких упущенных возможностей консервативная

реакция была неизбежна. И все же еще одна возможность снова оказалась несбывшейся. Избирая Михаила на престол, собор не сопроводил свой акт уже никаким договором. Власть приобретала самодержавно-легитимный характер.

Впрочем, сохранились неясные сведения о какой-то записи, которую Михаил Федорович дал при вступлении на престол. Не было ли это повторением записи Шуйского? По другим сведениям, это было обязательство править лишь при помощи земских соборов. Действительно, до 1653 г. земские соборы собирались регулярно, были действительно представительными и хоть немного, но ограничивали самодержавную власть.

Издержки успокоения были велики. Наступила стабильная, но чисто традиционная жизнь. Многим из тех, кого взбаламутил вихрь бурных событий, динамизм перемен, частое общение с иностранцами, теперь было душно. Их разочарование выливалось порой в уродливые формы. Так, служивший при Лжедмитрии I князь Иван Андреевич Хворостинин пил без просыпу, не соблюдая постов, держал у себя «латынские» (т. е. католические) иконы и жаловался, что «в Москве людей нет: все люд глупой, жить не с кем. Сеют землю рожью, а живут все ложью». Князя дважды ссылали в монастыри, последнее пребывание в северном Кирилло-Белозерском монастыре несколько охладило его пыл, и он написал вполне ортодоксальную историю Смутного времени. Сколько таких разочарованных, спившихся талантов, вынужденных конформистов нудно тянуло служебную лямку и печально вспоминало бурную молодость! Только их внуки стали гвардейскими офицерами и кораблестроителями, прокурорами и губернаторами... Почти на целый век оказалась отложенной модернизация страны. Упрочилось крепостное право, окончательно зафиксированное в Уложении 1649 г. Только страшные и жестокие бунты — городские восстания, разинские походы напоминали о той высокой цене, которую платит народ за успокоение.

Но если модернизация страны все же началась в конце века, то элементы правового государства, ростки которых зарождались в Смутное время, были забыты надолго.

Е. В. АНИСИМОВ

ПЕТР ПЕРВЫЙ: РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Мы, люди конца XX в., не можем в полной мере оценить взрывной эффект Петровских реформ в России. Люди прошлого, XIX в., воспринимали их острее, глубже. Вот что писал о значении Петра современник Пушкина историк М. Н. Погодин в 1841 г., т. е. спустя почти полтора столетия после великих реформ первой четверти XVIII в.: «В руках (Петра.— *Е. А.*) концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю, которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли мы в будущее».

Созданное в России Петром пережило и поколение Погодина, и следующие поколения. Напомню, что последний рекрутский набор состоялся в 1874 г., т. е. спустя 170 лет после первого (1705). Сенат просуществовал с 1711 по декабрь 1917 г., т. е. 206 лет; синодальное устройство православной церкви оставалось неизменным с 1721 по 1918 г., т. е. в течение 197 лет, система подушной подати была отменена лишь в 1887 г., т. е. 163 года спустя после ее введения в 1724 г.

Иначе говоря, в истории России мы найдем немного сознательно созданных человеком институтов, которые просуществовали бы так долго, оказав столь сильное воздействие на все стороны общественной жизни. Более того, некоторые принципы и стереотипы политического сознания, выработанные или окончательно закрепленные при Петре, живучи до сих пор; подчас в новых словесных одеждах они существуют как традиционные элементы нашего мышления и общественного поведения. Медный всадник еще не раз тяжко скакал по нашим улицам.

Из многих символов Петровской эпохи нужно особо выделить корабль под парусами со шкипером на мостике (помните — у Пушкина:

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинута земля,

Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля).

Думаю, что и сам Петр не возражал бы против этого образа. Корабль — эта вечная его любовь — был для него символом организованной, рассчитанной до дюйма структуры, материальное воплощение человеческой мысли, сложного движения по воле разумного человека. Более того, корабль — это модель идеального общества, лучшая из организаций, придуманных человеком в извечной борьбе со слепой стихией природы.

За символом корабля — целый пласт культуры XVI—XVII вв. Здесь слились многие идеи так называемого «века рационализма» — XVII в. Системой эти идеи стали в творениях знаменитых философов того времени — Бэкона, Гассенди, Спинозы, Локка, Лейбница. Этими идеями был как бы пронизан воздух, которым дышали ученые, писатели, государственные деятели — современники Петра. Новые концепции утверждали, что наука, опытное знание есть вернейшее средство господства человека над силами природы, что государство — чисто человеческое установление, которое разумный человек может изменить по собственному усмотрению, совершенствовать в зависимости от целей, которые он пред собой ставит.

Государство строят, как дом, утверждал Гоббс; как корабль, добавим мы. Идея о человеческой, а не богоданной природе государства порождала представление о том, что государство — это и есть тот идеальный инструмент преобразования общества, воспитания добродетельного подданного, идеальный институт, с помощью которого можно достичь «всеобщего блага» — желанной, но постоянно уходящей, как линия горизонта, цели человечества.

Обществу, только недавно вышедшему из мрака средневековья, казалось, что найден ключ к счастью, стоит только сформулировать законы и с помощью организации — государства — последовательно провести их в жизнь. Не случайно появление и распространение в XVII—XVIII вв. дуализма — учения, при котором богу отводилась роль зачинателя, первотолчка мира, который далее развивается по присущим ему естественным законам. Их нужно только обнаружить, записать и добиться точного и всеобщего исполнения. Отсюда и поразительный оптимизм людей XVII—XVIII вв., наивная вера в неограниченные силы разумного человека, возводящего по чертежам на «разумных» началах свой корабль, дом,

город, государство, общество. Не случайно XVII в.— это время знаменитого Робинзона Крузо, не столько литературного героя, сколько символа «эпохи рационализма», героя, верящего в себя и преодолевающего невзгоды и несчастья силой своих знаний.

Достоин упоминания и известный механицизм мышления людей петровских времен в подходе к обществу, человеку и природе. Выдающиеся успехи точных, естественных наук позволяли трактовать общественную жизнь как процесс, близкий к механическому. Учение великого Декарта о всеобщей математике — единственно достоверной и лишенной мистики отрасли знания — делало свое дело: образ некоей «махины», действующей по точным законам механики, точного часового механизма стал любимым образом государствоведов и политиков, врачей и биологов XVII — начала XVIII в.

Все эти идеи и образы с разной степенью абстракции и упрощения имели широкое хождение в европейском обществе, и вместе с идеями реформ они (а некоторые из них — даже раньше) достигли России, где, видоизменяясь под воздействием российских условий, стали элементами политического сознания. Конечно, будет преувеличением утверждать, что при возведении своей империи Петр заложил в ее основание философские концепции Декарта и Спинозы. Речь идет об определенном и сильном влиянии этих идей в популярной форме на сознание великого реформатора. Не можем мы сбрасывать со счета и личное знакомство царя с Лейбницем, хорошее знание Петром трудов Гроция и Пуфендорфа. Книгу последнего «О должности человека и гражданина» царь приказал перевести на русский язык.

Без учета всех этих обстоятельств трудно дать адекватную оценку самой личности царя-реформатора, его преобразованиям. Совершенно очевидно, что в России в годы царствования Петра произошел резкий экономический скачок. Промышленное строительство Петровской эпохи проходило невиданными темпами: за первую четверть XVIII в. возникло не менее 200 мануфактур вместо тех 15 — 20, которые существовали в конце XVII в. Характернейшая особенность экономического бума начала XVIII в. состояла в определяющей роли самодержавного государства в экономике, его активном и глубоком проникновении во все сферы хозяйственной жизни. Такая роль была обусловлена многими факторами. Господствовавшие в Европе экономические концепции мерканти-

лизма исходили из того, что основой богатства государства, необходимым условием его существования является накопление денег за счет активного баланса торговли, вывоза товаров на чужие рынки и препятствования ввозу иностранных товаров на свой рынок. Уже одно это само по себе предполагало вмешательство государства в сферу экономики. Поощрение одних — «полезных», «нужных» — видов производства, промыслов и товаров влекло за собой ограничение или даже запрещение других — «неполезных» с точки зрения государства.

Петр, мечтавший о могуществе своей державы, не был равнодушен к концепциям меркантилизма. Идея о руководящей роли государства в жизни общества вообще и в экономике в частности (с применением методов принуждения в экономической политике) совпадала с общим направлением идеи «насильственного прогресса» (вспомним один из лозунгов 1917 г.: «Железной рукой загоним человечество к счастью!»), которому следовал Петр.

Но важнее другое — в российских условиях не только и не столько концепции меркантилизма обусловили выбор направления экономической политики, характерной для начала XVIII в. Сильнейшим стимулятором государственного промышленного строительства и в целом вмешательства государства в экономическую сферу стало неудачное начало Северной войны 1700 — 1721 гг. Строительство многочисленных мануфактур, преимущественно оборонного значения, осуществлялось не из абстрактных представлений о развитии экономики или расчетов получить доходы, а было непосредственно и жестко детерминировано необходимостью обеспечить армию и флот оружием, амуницией, боеприпасами, обмундированием. Экстремальная ситуация после поражения под Нарвой в 1700 г. заставила осознать необходимость увеличения и перевооружения армии, определила характер, темпы и специфику промышленного бума, в конечном счете всю экономическую политику петровского самодержавия. В созданной за короткое время государственной промышленности отрабатывались принципы и приемы управления экономикой, характерные для последующих лет и незнакомые России предшествующей поры.

Схожая ситуация возникла и в торговле. Создавая собственную промышленность, государство создавало (точнее — резко усиливало) и собственную торговлю, стремясь получить максимум прибыли с ходовых товаров внутри страны и экспортных товаров при продаже их за границей. Государство захватывало торговлю прими-

тивным, но очень эффективным способом — введением монополии на заготовку и сбыт определенных товаров, причем круг таких товаров постоянно расширялся. Среди них были соль, лен, юфть (кожа), пенька, хлеб, сало, воск и многие другие. Установление государственной монополии вело к волюнтаристскому повышению цен на эти товары внутри страны, а самое главное — к ограничению, регламентации торговой деятельности русских купцов. Следствием стало расстройство, дезорганизация свободного, основанного на рыночной конъюнктуре торгового предпринимательства. В подавляющем ряде случаев введение государственной монополии означало передачу права продажи монополизированного товара конкретному откупщику, который выплачивал в казну сразу большую сумму денег, а затем стремился с лихвой вернуть их за счет потребителя или поставщика сырья, вздувая цены и уничтожая на корню своих возможных конкурентов.

Петровская эпоха осталась в истории русского купечества как подлинное лихолетье. Резкое усиление прямых налогов и различных казенных «служб» — при таможнях, питейных сборах и т. д. — с купцов как наиболее состоятельной части горожан, насильственное сколачивание торговых компаний (формы организации торговли, которая казалась Петру наиболее подходящей в российских условиях) — это только часть средств и способов принуждения, которые Петр в значительных масштабах применил к купечеству, ставя главной целью извлечь как можно больше денег для казны.

В русле подобных мероприятий следует рассматривать и принудительные переселения купцов (причем из числа наиболее состоятельных) в Петербург — неблагоустроенный, в сущности, долгое время прифронтовой город, а также административное регулирование грузопотоков, когда купцам указывалось, в каких портах и какими товарами они могут торговать, а где это делать категорически запрещено.

Исследования Н. И. Павленко и А. И. Аксенова убедительно свидетельствуют, что в первой четверти XVIII в. произошло разорение именно наиболее состоятельной группы русского купечества — «гостинной сотни», после чего имена многих владельцев традиционных торговых фирм исчезли из списка состоятельных людей. Грубое вмешательство государства в сферу торговли привело к разрушению зыбкой основы, на которой в значительной степени держалось благосостояние многих богатых купцов, а именно ссудного и ростовщического капитала.

Не является преувеличением констатация регламента Главного магистрата 1721 г.: «Купеческие и ремесленные тяглые люди во всех городах обретаются не токмо в каком призрении, но паче ото всяких обид, нападков и отягощений несносных едва не все разорены, от чего оных весьма умалилось и уже то есть не без важнаго государственного вреда». Осознание этого факта пришло довольно поздно, когда материальные основы купеческого капитала были существенно подорваны.

Такова была цена, которую заплатили русские предприниматели за победу в Северной войне. Справедливости ради отметим, что стоимость победы горожане поделили с сельским населением. Именно на плечи русского крестьянства пала наибольшая тяжесть войны. Как часто бывало в России, победа стала возможной в значительной мере благодаря сверхусилиям народа. Денежные и натуральные платежи, рекрутчина, тяжелые подводные и постойные повинности дестабилизировали народное хозяйство, привели к обнищанию, бегству сотен тысяч крестьян. Усиление разбоев, вооруженных выступлений, наконец, восстание К. Булавина на Дону стали следствием безмерного податного давления на крестьян.

Примерно с конца 10-х годов XVIII в., когда военная гроза окончательно отодвинулась на запад и в успешном завершении войны никто не сомневался, Петр пошел на существенное изменение торгово-промышленной политики. Осенью 1719 г. была ликвидирована фактически монополия на экспортную торговлю. Претерпела изменения и промышленная политика правительства. Суть изменений состояла в принятии различных мер по поощрению частного промышленного предпринимательства. Начало положила знаменитая «Берг-привилегия» 1719 г., разрешавшая искать полезные ископаемые и строить заводы всем без исключения жителям страны и иностранцам, даже если это было сопряжено с нарушением феодального права на землю, в которой были найдены руды и минералы.

Особое распространение получила практика передачи государственных предприятий (в особенности убыточных для казны) частным владельцам или специально созданным для этого компаниям. Новые владельцы получали от государства многочисленные льготы: беспроцентные ссуды, право беспошлинной продажи товаров и так далее. Существенную помощь предпринимателям оказывал и утвержденный в 1724 г. Таможенный тариф, облегча-

вший вывоз за границу продукции отечественных мануфактур и одновременно затруднявший (с помощью высоких пошлин) ввоз товаров, производившихся на заграничных мануфактурах.

Казалось бы, в конце Северной войны мы имеем дело с коренными переменами в экономической политике самодержавия, наступлением в стране своеобразного нэпа с характерными для него принципами экономической свободы. Но это — иллюзия, которая быстро рассеивается, как только мы обращаемся к фактам.

У нас нет никаких оснований думать, что, изменяя в какой-то мере экономическую политику, Петр намеревался ослабить влияние на экономику господствующей системы власти, т. е. неосознанно способствовал развитию капиталистических форм и приемов производства, получивших широкое распространение в это время в Западной Европе.

Суть происшедшего состояла в смене не принципов, а акцентов промышленно-торговой политики. Давая «послабление» мануфактуристам и купцам, государство Петра не собиралось устраняться из экономики и даже ослаблять свое воздействие на нее. После 1718—1719 гг. мы имеем как бы новую редакцию прежней политики: если раньше воздействие государства на экономику осуществлялось через систему запретов, монополий, пошлин и налогов, т. е. через открытые формы принуждения, то теперь, в условиях, когда требовавшая этого диктата экстремальная военная ситуация миновала, вся сила тяжести была перенесена на создание и деятельность административно-контрольной бюрократической машины, которая с помощью уставов, регламентов, привилегий, отчетов, проверок могла направлять экономическую (да и не только ее!) жизнь страны через тщательно продуманную систему своеобразных шлюзов и каналов в нужном государству направлении. Именно эта работа и была поручена вновь созданным специальным государственным учреждениям.

Здесь важно подчеркнуть, что до конца 10-х годов XVIII в., т. е. до времени перелома в политике, Россия не знала органов управления торговлей и промышленностью. Как раз создание и начало деятельности Берг-, Мануфактур-, Коммерц-коллегий и Главного магистрата составляло суть происшедших перемен. Эти бюрократические учреждения явились институтами государственного регулирования национальной экономики, органами

осуществления торгово-промышленной политики самодержавия на основе меркантилизма.

Важно отметить, что в Швеции, чьи государственные учреждения послужили образцом для государственной реформы, подобные коллегии (как и в других странах) осуществляли политику королевской власти в целом на тех же теоретических основах. Однако условия России существенно отличались от шведских не только масштабами страны, принципиальными различиями политической структуры, необыкновенной интенсивностью промышленного строительства силами государства и на его средства, но прежде всего особенной жесткостью регламентаций, разветвленной системой ограничений, чрезмерной опекой над торгово-промышленной деятельностью подданных.

Внимательно вчитываясь в условия организации или передачи новых предприятий компаниям или частным предпринимателям, мы видим, что налицо формы фактической аренды. Условия этой аренды четко определялись и при необходимости изменялись государством, имевшим право, в случае их неисполнения, конфисковать предприятия. Главной обязанностью владельцев было своевременное выполнение казенных заказов; только излишки сверх того, что теперь называется «госзаказом», предприниматель мог реализовать на рынке. С одной стороны, это, конечно, обеспечивало стабильность доходов мануфактуристов, которые могли быть уверены в том, что казна гарантирует сбыт продукции, но с другой — закрывало перспективы технического и иного совершенствования, резко принижало значение конкуренции как вечного движителя предпринимательства. Многочисленные льготы для части предпринимателей работали в том же направлении, ибо означали насильственную ликвидацию конкурентов.

Активное воздействие государства на экономическую жизнь страны — это лишь один аспект проблемы. Социальные отношения в государстве деформировали черты мануфактур как потенциально капиталистических предприятий. Речь идет прежде всего об особенностях использования рабочей силы.

Во время Северной войны государство и владельцы мануфактур обеспечивали предприятия рабочими руками по-разному: использовалась и вольнонаемная рабочая сила, и так называемые «приписные» крестьяне, жившие, как правило, в окрестностях заводов и отрабатывавшие

на них свои государственные налоги, и преступники, присланные в виде наказания на мануфактуры. Важно при этом отметить, что наиболее квалифицированную постоянную часть рабочих составляли вольнонаемные. Вообще проблемы найма не существовало. Дифференциация сельского населения, наличие в обществе множества нетяглых мелких прослоек, вполне легальные пути выхода из служилого или податного сословия — все это создавало в стране контингент так называемых «вольных и гулящих», из которого и черпалась рабочая сила для первых мануфактур. Примечательно, что среди «вольных и гулящих» было очень много просто беглых (в том числе — помещичьих) крестьян, о возвращении которых фактически никто, кроме самого помещика, не хлопотал. Наоборот, власти сквозь пальцы смотрели на использование труда беглых мануфактуристами и управляющими государственными предприятиями.

Однако в конце 10 — начале 20-х годов произошли важные преобразования социального характера: была резко усилена борьба с побегами крестьян, началось массовое возвращение беглых прежним владельцам, была осуществлена детальная ревизия наличного населения с последующей фиксацией их социального статуса и закреплением навечно к месту записи в налоговый кадастр, наконец, вне закона была объявлена категория «вольных и гулящих», которых приравняли к беглым преступникам.

Резкий поворот в политике правительства тотчас отразился на промышленности. Правительственные органы и сам царь стали получать многочисленные жалобы владельцев частных мануфактур и управляющих казенными заводами на катастрофическое положение, возникшее с вывозом беглых с предприятий и запрещением впредь, под страхом штрафов, принимать их на работу. Под сомнение ставилась возможность поставок продукции в казну. Вот тогда-то и был опубликован закон, имевший самые серьезные последствия для русской экономики. 18 января 1721 г. Петр подписал указ, который разрешал частным мануфактуристам, вне зависимости от их социальной принадлежности, покупать к своим заводам крепостных крестьян, с тем чтобы использовать их на заводских работах. Этот указ знаменовал собой решительный шаг к превращению промышленных предприятий, на которых зарождался капиталистический уклад, в предприятия крепостнические, в разновидность феодальной

собственности — своеобразную вотчинную мануфактуру, на которой рабочие эксплуатировались как на господской пашне.

Важно отметить, что на работных людей, вне зависимости от их реального положения и длительности занятий промышленным трудом, распространялись нормы феодального права, критерии сословного средневекового общества. Ни право тех времен, ни отраженное в нем общественное сознание как бы не учитывало новой социальной реальности — появления мануфактуристов и рабочих. В социальной структуре общества не было места новым группам населения. Труд на мануфактуре не рассматривался жившими в эпоху бурного экономического строительства петровскими законодателями как деятельность, отличная от земледельческого труда. Работа на предприятии воспринималась либо как дополнительная, побочная работа крестьянина или посадского, либо как труд крепостного на вотчинном производстве. Рабочий воспринимался как крепостной крестьянин владельца мануфактуры, а не как закрепощенный рабочий. Новое в экономике воспринималось лишь как разновидность старого. Поощрения мануфактуристов шли по варианту поощрения дворянина — земле- и душевладельца, а не владельца собственности иного происхождения.

Прямым следствием подобных представлений стал указ 28 мая 1723 г., регулировавший порядок приема на работу людей, не принадлежащих владельцу или не «приписанных» к заводу для отработок государственных заказов. Указ не оставлял работным никаких вариантов, кроме двух: пришедший на завод человек — либо крестьянин, получивший от своего помещика паспорт, дающий ему право работать временно («отходник» с паспортом), либо это беглый, «беспашпортный» преступник, подлежащий аресту и немедленному возвращению своему владельцу или той общине, в которой он записан в подушный кадастр.

Этими указами промышленность России была поставлена в такие условия, что она фактически не могла развиваться по иному, чем крепостнический, пути. Доля вольнонаемного, т. е., по сути, капиталистического, труда в промышленности после этих указов стала резко падать. Казенная промышленность стала переходить на эксплуатацию «приписных», образовался институт «рекрут» — пожизненных «промышленных солдат». Практика использования крепостных на частных заводах привела к

тому, что указом 1736 г. даже те рабочие, которые не являлись ничьими крепостными, в том числе и крепостными владельцев мануфактур, стали таковыми под названием «вечноотданных». В итоге целые отрасли промышленности стали использовать почти исключительно труд крепостных. Победа подневольного труда в промышленности определила нараставшее с начала XIX в. экономическое отставание России.

Крепостническая политика в промышленности деформировала и процесс образования русской буржуазии. Получаемые от государства льготы носили феодальный характер. Мануфактуристу было легче и выгодней просить дать к заводам «крестьянишек», чем отдаться на волю свободного рынка рабочих рук. Одновременно покупная рабочая сила приводила к «омертвлению» капиталов, повышению непроизводительных затрат, ибо реально деньги уходили на покупку земли и крепостных крестьян, из которых на заводах можно было использовать не больше половины. В этих условиях и речи не могло идти о расширении и совершенствовании производства. Монополии на производство, преимущественный сбыт каких-то определенных товаров или право скупки сырья — эти и иные льготы, предоставляемые вместе с правом покупки крестьян к заводам, не являлись, по существу, капиталистическими, а были лишь вариантом средневековых «жалованных грамот».

Крепостническая деформация коснулась и сферы общественного сознания. Мануфактуристы — владельцы крепостных не ощущали своего социального своеобразия, у них не возникало корпоративного, сословного сознания. В то время как в развитых странах Западной Европы буржуазия уже громко заявила о своих претензиях к монархам и дворянству, в России шло попятное движение: став душевладельцами, мануфактуристы стремились повысить свой социальный статус путем получения дворянства, жаждали слиться с могущественным привилегированным сословием, разделить его судьбу. Процесс превращения наиболее состоятельных предпринимателей — Строгановых и Демидовых — в аристократов — наиболее яркий из типичных примеров.

Таким образом, отметим два самых важных последствия активного государственного промышленного строительства: создание мощной экономической базы, столь необходимой развивающейся нации, и одновременно существенное торможение имевшихся тенденций развития страны по капиталистическому пути, на который уже встали другие европейские народы.

Естествен вопрос: а была ли альтернатива тому, что свершилось при Петре с экономикой, были ли другие пути и средства подъема экономики, кроме избранных в петровское время?

Думаю, что если мы будем исходить из необходимости для России завоевания берегов Балтийского моря как условия для полноценного развития государства (как ныне, несмотря на астрономическую дороговизну космических программ, очевидна необходимость выхода в космос для последующих поколений), то неизбежно мы придем к выводу, что совершенный Петром промышленный скачок, методы, с помощью которых он создал промышленность, инфраструктуру, необходимую для строительства и вооружения мощной армии и флота,— все это обосновано и обусловлено тем исходным материалом, который был у него под рукой.

Думаю, что анализ внешнеполитических концепций шведской империи и действий ее властителей от Густава-Адольфа до Карла XII не оставляет иллюзий относительно вероятности мирной уступки России выхода к Балтике. Соответственно, многое, что предпринимал Петр, было вызвано необходимостью, в том числе и создание промышленности в предельно сжатые сроки.

Но все же этот конкретный исторический путь не кажется единственно возможным даже для того времени. В истории петровских реформ прослеживается явный перелом к концу Северной войны, когда, отступив от ряда волевых насильственных методов руководства экономикой, Петр проводит новый цикл реформ, призванных закрепить административную систему управления экономикой с характерными для нее чертами регламентаций и запретов.

Указ 1721 г., как и последующие акты, разрешавшие покупать крестьян к заводам или эксплуатировать в различных формах чужих крепостных, имел, как теперь принято говорить, судьбоносное значение. Была ли ему альтернатива? Ею стала бы только отмена крепостного права, ибо запретить преследование беглых крестьян и вывоз их с предприятий, где они укрывались от владельцев, значило нанести крепостному праву, в основе которого лежало право помещика на личность крестьянина, смертельный удар.

Мог ли в принципе Петр отменить крепостное право? Нельзя забывать, что это сделал его старший современник — шведский король Карл XI, который провел в 80-х

годах XVII в. так называемую «редукцию» земель, создал государственные имения, отдававшиеся в аренду,— крестьяне при этом освобождались от крепостного права.

Думаю, что для Петра не существовало никакой альтернативы. Крепостничество утвердилось в России задолго до его рождения. Оно пропитало все поры жизни страны, сознание людей. Нельзя забывать, что крепостное право в России, в отличие от Западной Европы, играло особую, всеобъемлющую роль. Разрушение правовых структур нижнего этажа подорвало бы основу самодержавной власти, которая была вершиной пирамиды холопов всех видов. Таким образом, указатель 1721 г. стоял на развилке, но располагался на главной, столбовой дороге русской истории, в конце которой просматривался указатель 1861 г.

Бесспорно, что из всех преобразований Петра центральное место занимала реформа государственного управления, реорганизация всех его звеньев.

Государственные преобразования начались в конце XVII — начале XVIII в. Подготовка к Северной войне, создание новой армии, строительство флота — все это привело к резкому усилению активности правительственных ведомств, увеличению объема их работы. Старый приказной аппарат, унаследованный Петром от предшественников, не был в состоянии справиться с усложнившимися задачами управления. Поэтому стали создаваться новые приказы, появились канцелярии. В их организации и функционировании было весьма мало нового, ибо первоначально главная цель состояла в том, чтобы обеспечить решение важнейшей проблемы — победы в Северной войне — с помощью той системы учреждений, которая уже реально существовала.

Но уже в первые годы Северной войны стало ясно, что обороты механизма государственного управления, главными элементами которых были приказы и уезды, не поспевали за нараставшей скоростью маховика самодержавной инициативы. Это проявлялось в нехватке для армии и флота денег, провианта, различных припасов. Радикально решить эту проблему Петр надеялся с помощью областной реформы — создания новых административных образований — губерний, объединявших несколько прежних уездов. Основной целью этой реформы было обеспечение армии всем необходимым: устанавли-

валась прямая связь губерний с полками армии, распределенными по губерниям. Связь осуществлялась через специально созданный институт кригскомиссаров.

Областная реформа, отвечая наиболее актуальным потребностям самодержавной власти, явилась в то же время следствием развития бюрократической тенденции, столь характерной уже для предшествующего периода. Именно с помощью усиления бюрократического элемента в управлении Петр намеревался решать все государственные вопросы. Реформа привела не только к сосредоточению финансовых и административных полномочий в руках нескольких губернаторов — представителей центральной власти, но и к созданию на местах разветвленной иерархической сети бюрократических учреждений с большим штатом чиновников. Прежняя система «приказ — уезд» была удвоена: «приказ (или канцелярия) — губерния — провинция — уезд».

Подобная же схема была заложена в идее организации Сената. С одной стороны, функционирование губернского аппарата скоро показало, что необходим координирующий его работу высший орган, облеченный особым доверием царя. С другой стороны, образование Сената как высшего правительственного органа, изначально бюрократического, имело свою предысторию. Коротко говоря, дошедшая до петровских времен система управления с приказами и Боярской думой являлась рудиментом, остатком некогда сильной системы управления сословно-представительной монархии, сложившейся в XVI — начале XVII в. По не выясненным до конца причинам в середине XVII в. главное звено этой системы — земский собор — прекратил существование, как и выборные элементы системы местного управления. Самодержавие, резко усилившееся во второй половине XVII в., явно не нуждалось в институтах представительства и самоуправления, сколь бы ущербными они ни были. В начале XVIII в. фактически прекращаются заседания Боярской думы — традиционного совета высших представителей знати. Функции Боярской думы по управлению центральным и местным аппаратом переходят к так называемой «Консилии министров» — временному совету начальников важнейших правительственных ведомств. Уже в деятельности этого временного органа отчетливо видны все усиливающиеся бюрократические тенденции. Они проявились в установлении режима работы, четком распределении обязанностей и ответственности между отдель-

ными членами консилии, а также во введении разнообразных делопроизводственных бумаг, чего не знала Боярская дума. Именно со стремлением Петра добиться успеха в делах путем усиления бюрократического начала связан и знаменитый указ от 7 октября 1707 г., которым Петр предписывает всем членам совета оставлять под рассмотренным делом подписи, «ибо сим всякого дурость явлена будет».

Создание, устройство и функционирование Сената явилось уже следующим уровнем бюрократизации высшего управления. Постоянный состав сенаторов, элементы коллегиальности, личная присяга, программа работы на длительный период, строгая иерархичность управления, во главе которого был поставлен Сенат, создание канцелярии Сената с большим штатом служащих, контор — специализированных филиалов Сената — все это подтверждало возрастание значения бюрократических принципов, без которых Петр не мыслил ни эффективного управления, ни самого самодержавия как политического режима личной власти.

Необходимо еще раз подчеркнуть аспект, без учета которого трудно понять суть многих явлений в истории России. Это роль государства в жизни общества. Она огромна. Во многом все прогрессивное и реакционное идет сверху. Для России с давних пор стало естественным явление, когда не общественное мнение определяет законодательство, а, наоборот, законодательство сильнейшим образом формирует (и даже деформирует) общественное мнение и общественное сознание. Петр, исходя из концепций рационалистической философии, о чем шла речь выше, и традиционных представлений о роли самодержца в России, придавал огромное значение писаному законодательству, он искренне верил в то, что «правильный» закон, вовремя изданный и последовательно осуществленный в жизни, может сделать почти все, начиная со снабжения народа хлебом и кончая исправлением нравов. Именно поэтому законодательство петровской эпохи отличалось ярко выраженными тенденциями ко всеобъемлющей регламентации, бесцеремонным вмешательством в сферу частной и личной жизни, выполняло функции назойливой «полиции нравов».

Плохое состояние подданных ассоциировалось у Петра с пренебрежением к закону, точное исполнение которого — единственная панацея от трудностей жизни. Сомнений в адекватности закона действительности у него никогда не возникало.

Закон реализовывался лишь через систему бюрократических учреждений. Можно говорить о создании при Петре подлинного культа учреждения, административной инстанции. Ни одна общественная структура — от торговли до церкви, от солдатской казармы до частного дома — не могла существовать без управления, контроля или наблюдения со стороны специально созданных органов общего или специального назначения.

Мысль великого реформатора России была направлена, во-первых, на создание такого совершенного и всеобъемлющего законодательства, которым была бы по возможности охвачена и регламентирована вся жизнь подданных. Во-вторых, Петр мечтал о создании совершенной и точной как часы государственной структуры, через которую бы могло реализовываться законодательство. Идею создания такого аппарата Петр вынашивал давно, но только когда военная угроза стала ослабевать и сомнений в победе над Швецией не оставалось, он решился. Оформление идеи реформы государственного аппарата и ее осуществление относятся к концу 10 — началу 20-х годов XVIII в., когда Петр во многих сферах внутренней политики начинает отходить от принципов голого насилия к регулированию общественных явлений с помощью бюрократической машины. Образцом для задуманной государственной реформы Петр избрал шведское государственное устройство, в основе которого лежал последовательно проводимый принцип камерализма.

Суть этого распространенного в Европе в начале XVIII в. учения такова: введение в систему управления четкого бюрократического начала, при котором структура аппарата создавалась по функциональному принципу, вводилось также разделение властей. Единство иерархической структуры аппарата сочеталось с единством обязанностей, штатов, оплаты труда чиновников. Все это, как и функционирование учреждений, подвергалось строгой регламентации с помощью разнообразных уставов и инструкций. Петр прилагал огромные усилия к налаживаю бесперебойной, эффективной работы созданных учреждений и главное внимание уделял именно разработке и усовершенствованию многочисленных регламентационных документов, которые, по мысли их создателя, должны были обеспечить эффективность работы аппарата.

Петр последовательно стремился к созданию целой иерархии регламентов. Он пошел гораздо дальше евро-

пейских апологетов камерализма в обобщении и систематизации административного права. Обобщив опыт шведской государственности с учетом некоторых специфических сторон русской действительности, он создал не имеющий в тогдашней Европе аналогов своеобразный регламент регламентов — Генеральный регламент 1719—1724 гг., содержавший самые общие принципы работы бюрократического аппарата. Эти общие принципы применительно к отраслям развивались и детализировались в регламентах отдельных учреждений, а работа каждой категории чиновников, численность которых увеличилась в 3—4 раза за время реформ, определялась своей инструкцией. Петр создал образец регламента коллегии, разработав своеобразный образцовый регламент центрального учреждения — Адмиралтейской коллегии. Он включал в себя помимо общих положений регламенты 56 должностей чиновников, начиная с пространного регламента президента коллегии и кончая почти анекдотическим регламентом 46-м «О должности профоса», гласившим: «Должен смотреть, чтоб мимо отхожих мест не испражнялись, и ловить, а если поймает, то бить кошками и велеть вычистить».

Новая система центральных учреждений была реформирована вместе с системой высших органов власти и местного управления. Особенно важной была реформа Сената, занявшего ключевое положение в государственной системе Петра. Сенат сосредоточивал судебные, административные и законосовещательные функции, ведал коллегиями и губерниями. Назначение и утверждение чиновников также составляло его важную прерогативу. Неофициальным главой Сената, состоящего из первейших сановников, был генерал-прокурор, наделенный особыми полномочиями и подчиненный только монарху. Создание должности генерал-прокурора положило основание целому институту прокуратуры, образцом для которого послужил французский административный опыт. Прокуроры разных рангов осуществляли контроль за соблюдением законности и правильностью ведения дел практически во всех центральных и многих местных учреждениях. Пирамида явного государственного надзора, выведенная из-под контроля административных органов, дублировалась пирамидой тайного надзора — фискальского, имевшего подобную прокуратуре разветвленную и иерархическую структуру. Важно заметить, что, стремясь достичь своих целей, Петр освободил фискалов,

профессия которых — донос, от ответственности за ложные обвинения, что расширяло для них возможности злоупотребления властью. С петровских времен в русском народе фискальство стало синонимом гнусного доносительства.

Пристально рассматривая наш корабль — государство, мы, конечно, не можем не заметить, что это военное судно. Для мировоззрения Петра было характерно отношение к государственному учреждению как к воинскому подразделению, к регламенту — как к уставу, а к служащему — как к солдату или офицеру. И дело не в особой воинственности Петра или войнах, ставших привычными для царя, который из 36 лет царствования (1689—1725) провоевал 28 лет.

Дело в другом. Петр был убежден, что армия — наиболее совершенная общественная структура, что она — достойная модель всего общества. Воинские законы, построенные на проверенных опытом сражений принципах, по мнению Петра, с убедительностью показывали преимущество этой военной модели. Воинская дисциплина — это то, с помощью чего можно воспитать в людях порядок, трудолюбие, сознательность, христианскую нравственность. (Вспоминается известная шутка Козьмы Пруткова: «При виде исправной амуниции сколь презренны все конституции».) Простота воинского устава, его очевидная эффективность на поле боя сеяли соблазн распространить военное начало и на гражданское управление, и на общество в целом.

Внедрение военных принципов в гражданскую сферу проявлялось в распространении военного законодательства на систему государственных учреждений, а также в придании законам, определяющим работу учреждений, значения и силы воинских уставов. В 1716 г. основной военный закон — Воинский устав — по прямому указу Петра был принят как основополагающий законодательный акт, обязательный в учреждениях всех уровней. Так как не все нормы военного законодательства были применимы в гражданской сфере, то использовались специально составленные выборки из воинских законов. Распространение воинского права на гражданскую сферу вело к применению в отношении гражданских служащих тех же мер наказания, которым подлежали военные за преступления против присяги. В значительной степени поэтому ни до, ни после Петра в истории России не было издано такого огромного количества указов, обещавших

смертную казнь за преступления по должности. В указе 1723 г. Петр разделил все преступления на две части: государственные и частные. Под государственными имелись в виду все преступления, совершаемые «по должности», причем Петр считал, что преступление чиновника наносит государству даже больший ущерб, чем измена воина на поле боя, ибо это грозит подрывом основ государственности, разорением страны. Именно поэтому чиновников-воров, лихоимцев и мздоимцев предписывалось наказывать особенно сурово. Так, в указе 1711 г. Петр угрожал губернаторам, вовремя не поставившим рекрутов, что «ежели в две недели кто не исправится... то наказаны будут яко изменники и предатели отечества». На эффективности такой борьбы со злоупотреблениями мы остановимся ниже, а теперь отметим, что именно в таком правовом определении обязанностей, долга чиновников отчетливо проявлялась характерная в целом для Петра-реформатора сознательная ориентация на военные образцы, желание придать государственной машине черты грандиозной военно-бюрократической организации, созданной и действующей как единый военный организм.

Выпестованная великим реформатором, регулярная армия во всем разнообразии ее институтов и однообразии принципов с петровских времен заняла выдающееся место в жизни русского общества, став его важнейшим элементом. Не является преувеличением высказанное В. В. Лапиным, специалистом по истории русской армии, утверждение, что в России XVIII—XIX вв. не армия была при государстве, а, наоборот, государство при армии, причем созданная Петром столица Петербург превратилась бы в пустырь, если бы из нее вдруг исчезли все памятники, здания, сооружения, так или иначе связанные с армией, воинским искусством, победами русского оружия. XVIII в. стал «веком дворцовых переворотов» во многом благодаря гипертрофированному значению военного элемента, прежде всего гвардии, в общественной жизни империи. Грубая военная сила гвардии, ее корпоративный дух часто использовались политическими авантюристами для захвата власти.

Создание бюрократической машины, пришедшей на смену системе средневекового управления, в основе которого лежал обычай,— естественный процесс. Бюрократия — необходимый элемент структуры государств нового времени. Однако в условиях российского самодержа-

вия, когда ничем и никем не ограниченная воля монарха — единственный источник права, когда чиновник не ответствен ни перед кем, кроме своего начальника, создание бюрократической машины стало и своеобразной «бюрократической революцией», в ходе которой был запущен вечный двигатель бюрократии. Начиная с петровских времен он начал работать по присущим ему внутренним законам, ради конечной цели упрочения своего положения — мобильно и гибко откликаясь на изменения жизни. Все эти черты созданной петровским режимом бюрократии позволили ей успешно существовать вне зависимости от того, какой властитель сидел на троне — умный, глупый, деловой или бездеятельный. Многие из этих черт и принципов сделали сплоченную касту бюрократов неуязвимой и до сего дня. Достойно примечания, что в первые годы после смерти Петра некоторые государственные деятели с тоской вспоминали «золотые времена» приказов и их знаменитая «московская волокита» представлялась простой, как огурец, по сравнению с чудищем бюрократии, рожденной петровскими государственными реформами.

Петровская государственная реформа, а также преобразование армии, несомненно, привели к достаточно четкому разделению военной и гражданской служб. Но вместе с тем петровские реформы ознаменовались широким распространением практики участия профессиональных военных в государственном управлении. Это выражалось, в частности, в регулярном использовании военных, особенно — гвардейцев, в качестве эмиссаров царя, наделенных для исполнения своего срочного задания чрезвычайными полномочиями, что открывало им дорогу к применению репрессий и насилия в отношении как администрации, так и населения. Такое крупное и сложное мероприятие, как «ревизия» — перепись населения — было осуществлено также силами военных, причем на переписи была занята почти половина офицерского корпуса. К этой практике правительство прибегало не раз и впоследствии.

Осуществление подушной переписи привело к введению нового порядка содержания и размещения войск. Полки были расселены на землях тех крестьян, с «подушного числа» которых взималась подать на нужды этого полка. В итоге воинские части 200-тысячной армии размещались практически в каждом уезде страны (за исключением окраин), причем постойная повинность, ранее

временная, становилась для большинства крестьян постоянной. Претворение в жизнь этой идеи Петра, заимствованной из практики «поселенной» системы Швеции и адаптированной к условиям России, стало тяжелым бременем для народа. Недаром впоследствии наиболее эффективным средством наказания непокорных крестьян было как раз размещение в их домах солдат и, напротив, освобождение от постоя рассматривалось как желаннейшая привилегия, которой за особые заслуги перед государством удостаивались редкие селяне и горожане.

Изданные законы о поселении полков — «Плакат» 1724 г.— должны были регулировать взаимоотношения населения с войсками. Однако они привели к тому, что власть командира полка стала более полной, чем власть местной гражданской администрации. Военное командование не только следило за сбором подушной подати в районе размещения полка, в успехе чего оно было, естественно, заинтересовано, но исполняло функции «земской полиции»: пресекало побеги крестьян, подавляло вооруженной рукой сопротивление народа, а также осуществляло общий полицейский надзор за перемещением населения, согласно введенной тогда же системе паспортов. Это вытекало из той роли, которую придал военному элементу в жизни страны преобразователь России.

В основе военно-бюрократической системы, созданной Петром, лежала четкая иерархичность, соподчиненность всех звеньев. Вершиной этой системы являлся трон, а если прибегнуть к заданному образу — мостик, на котором бессменно стоял царственный шкипер.

Петровская эпоха примечательна окончательным оформлением самодержавия. Ликвидация последних следов сословного представительства, создание свода законов, закреплявших право личности управлять, владеть миллионами на основании своей юридически ничем не ограниченной воли с помощью бюрократической машины,— суть главных процессов, происшедших при Петре.

Личность самодержца, конечно, накладывает особый оттенок на институт самодержавия в каждый период его существования. В этом смысле влияние личности Петра на устройство и оформление режима самодержавного правления оказалось значительным и конструктивным. Он реализовал как потенциально заложенные в этом институте идеи, так и привнес новые, оригинальные или заимствованные из других стран.

Петровская эпоха примечательна попыткой теоретического обоснования власти одного над миллионами. Феофан Прокопович — теоретик самодержавия — развивал концепцию неограниченной власти русского царя, опираясь как на традицию московского царства, так и на теорию западноевропейских государствоведов с их учением о «естественном праве». Произведения Феофана — это эклектическая компиляция из отрывков Священного писания, выписок из трудов новейших философов-теоретиков «договорной» концепции образования государства, ставившая целью убедить русского читателя в праве самодержца повелевать на основе как божественного, так и «естественного» права. Обращение к разуму, характерное для обоснования этого направления мысли, несомненно, новая черта в идеологии русского самодержавия.

Важно отметить, что теоретические посылки разумного устройства не оставались на бумаге. Работа Петра на верфи, стройке, его участие в сражениях, руководство нижестоящими и послушное подчинение им же самим над собой поставленным начальникам — все должно было убедить подданных в преимуществе такого образа жизни. С годами была сформулирована целая концепция «образцовой» службы царя на троне, в которой царствование рассматривалось Петром как служение особого рода. Впервые в русской политической мысли были сформулированы понятия «долг», «обязанность» монарха, были обозначены пределы (точнее — беспредельность) его власти — необходимейшее условие для эффективного исполнения «царской работы». Идеи рационализма, о которых шла речь выше, питавшие эти поступки, во многом владели умом царя. Он жил и работал, исходя из начал «разума», «порядка» — принципов, на которых должно было создаваться государство и строиться жизнь подданных. Восхищаясь демократизмом, работоспособностью, самоотверженностью великого реформатора России, нельзя забывать один принципиальный момент: «служба» царя и служба его подданных существенно различались — для последних это была служба государю, с которой сливалась служба государству. Иначе говоря, своим каждодневным трудом Петр показывал пример служения себе, российскому самодержцу.

Было бы неправильно все излишне упрощать. Служение Отечеству, России — важнейший элемент политической культуры петровского времени. Его питали традиции патриотизма, примеров которого много в допетровской

истории — достаточно вспомнить гражданский подвиг Минина и Пожарского, вставших на защиту «земли». Именно «земская» традиция — одна из важнейших в истории России. Но в предпетровское и особенно петровское время все же основной, определяющей оказалась иная, также идущая из древности тенденция отождествления власти и личности самодержца с государством. Развитие этой тенденции привело к слиянию представлений о государственности, Отечестве — понятию, священному для каждого гражданина и символизирующему независимое национальное существование,— с представлением о носителе государственности — вполне реальном и далеко не безгрешном, смертном человеке, на которого в силу занимаемого им положения распространялись священные понятия и нормы государственности. В новейшей истории наиболее яркое отождествление личности правителя с государством, Родиной и даже народом проявилось в культе личности Сталина («Сталин — воля и ум миллионов»).

Для политической истории России в дальнейшем это, как известно, имело самые печальные последствия, ибо любое выступление против носителя власти, кто бы он ни был — верховный повелитель или мелкий чиновник,— трактовалось однозначно: как выступление против персонифицируемой в его личности государственности России, народа, а значит, могло привести к обвинению в измене, к признанию врагом Отечества, народа. Мысль о тождественной ответственности за оскорбление личности монарха и оскорбление государства прослеживается в Соборном уложении 1649 г., апофеоз же этой идеи наступил при Петре, когда понятие Отечества, не говоря уже о «земле», исчезает из воинской и гражданской присяг, оставляя место лишь самодержцу, в личности которого и была персонифицирована государственность.

Важнейшим элементом политической доктрины Петра была идея патернализма. В рамках этой идеи был сформулирован образ разумного, предвидящего будущее монарха — отца Отечества и народа. В «Правде воли монаршей» сформулирован парадоксальный на первый взгляд, но логичный в системе патернализма вывод о том, что если государь — сын своего отца, то он является «по высочайшей власти своей» своему отцу отец, ибо сын-государь уже этим самым всем своим подданным отец. Важно отметить, что идея патернализма смыкается с идеей «харизматического лидера», выдвинутой Максом

Вебером. Являясь промежуточным между традиционным и демократическим лидером, харизматический лидер — избранник выделяется и служит предметом особого почитания не на основе шкалы традиционных ценностей (характерных для восприятия царя как подобия Бога на земле), а как существо, наделенное исключительными способностями и дарованиями, которые, будучи «недоступны обыкновенному человеку, рассматриваются как исходящие от божества или образцовые, и на их основании данный индивид считается лидером». Он может быть демократичен в своем поведении, пренебрегать материальными интересами, отвергать прошлое и в этом смысле является «специфической революционной силой». Важно отметить, что харизматический авторитет носит сугубо личный характер и титулы «Отец отечества», «Отец нации», «Лидер революции» не передаются как трон по наследству.

Несомненно, Петру, носившему официальный титул «Отца отечества», были присущи многие черты харизматического лидера, ибо его власть (по крайней мере в официальной идеологии) опиралась не столько на божественность происхождения ее, сколько на признание исключительности его качеств, демонстративно-педагогической «образцовости» в исполнении «должности». Простота в личной жизни, демократизм в общении с людьми разных сословий сочетались с откровенным пренебрежением ко многим традиционным формам почитания самодержца, а его постоянная ориентированность на преобразования была несомненным свидетельством революционности, последовательного и глубокого стремления к коренной ломке общественных институтов и стереотипов. Правда, остается открытым вопрос о цели революционной ломки (вспомним недавнюю победу исламского фундаментализма в Иране). В случае с Россией такая ломка привела в конечном счете к закреплению и упрочению крепостнических и производных из системы крепостничества политических структур.

Рассмотрим проявления патернализма в отношении народа. Реформы, труд воспринимались Петром как постоянная школа, учеба. Концепция жизни-учебы являлась составной частью рационалистического восприятия мира, характерного для Петра. Но в школе, в которую он превратил страну, себе он отводил место Учителя, знающего, что нужно его ученикам-подданным. В обстановке бурных перемен, нестабильности, общей неуверенно-

сти (явлении, столь характерном для переломных, экстремальных моментов истории, какими и являются глубокие реформы и революции), когда цели преобразований, кроме самых общих, не были видны и понятны многим и даже встречали открытое, а чаще скрытое сопротивление, в сознании Петра укреплялась идея разумного Учителя и неразумных, часто упорствовавших в своей косности учеников-подданных, которых можно приучить к делу только с помощью насилия, палки.

Мысль о насилии как универсальном и наиболее эффективном способе управления, как известно, не нова в истории России, да и других стран. Но, пожалуй, Петр первым с такой оптимальностью и систематичностью использовал принуждение для достижения блага, как он его понимал, и сформулировал идею «насильственного прогресса». Постоянно проводимая мысль о «педагогике дубинкой» зиждилась на уверенности в том, что он, царь, единственный, кто знает, что необходимо его народу, и, адекватно выражая это несомненное благо в своих указах, требует взамен беспрекословного подчинения. Современник вспоминает, как Петр сказал однажды своим приближенным: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Английская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять... Недоброхоты и злодеи мои и отечеству не могут быть довольны, узда им — закон. Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру». Этот гимн режиму единовластия (а в сущности — завуалированной тирании) подкрепляется и симпатиями Петра к Ивану Грозному, и многочисленными высказываниями царя о том, что путь насилия — единственный, который в условиях России принесет успех. В указе Мануфактур-коллегии в 1723 г. по поводу трудностей в распространении мануфактурного производства в стране Петр писал: «Что мало охотников, и то правда, понеже наш народ, яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех дел не все ль неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел».

Петровское царствование показало, что многочисленные призывы и угрозы не могли заставить людей делать

так, как требовал Петр: точно, быстро, инициативно. Мало кто из сподвижников царя-реформатора чувствовал себя уверенно, когда ему приходилось действовать без указки Петра, на свой страх и риск. Это неизбежно, ибо Петр поставил перед собой невыполнимую задачу. Он, как писал В. О. Ключевский, «надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение, как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времен Петра два века и доселе неразрешимая».

Читая письма своих сподвижников, испытывавших ощущение беспомощности и даже отчаянья, когда они оставались без точных распоряжений, царь имел все основания полагать, что без него все дела встанут. Вместе с этим чувством исключительности Петром, далеким от самолюбования и пустого тщеславия, должно было владеть другое чувство — чувство одиночества, сознания того, что его боятся, но не понимают. Последние годы его жизни, вероятно, и были окрашены этим чувством.

В Петровскую эпоху произошел распад некогда единого сословия «служилых людей». Верхушка служилого сословия — служилые «по отечеству», т. е. по происхождению, превратились в дворян, известных нам по позднейшей эпохе, а низы сословия служилых «по отечеству» (главным образом жившие на юге так называемые «однодворцы»), а также все служилые «по прибору», т. е. по набору, стали государственными крестьянами.

Образование сословия дворян, пользовавшихся впоследствии исключительными правами душе- и землевладения, было следствием не только издавна протекавшего процесса дифференциации служилого сословия, углубления различий между его верхами и низами, но и результатом сознательной деятельности властей. Суть перемен в положении верхней части служилого сословия состояла во введении нового критерия их службы. Вместо принципа происхождения, позволявшего знатным служилым занимать сразу высокое место в обществе, армии и на службе, был введен принцип личной выслуги, условия которой определялись законодательством.

Казалось бы, это было весьма демократичное начинание, открывавшее путь наверх наиболее способным людям, не имевшим за своей спиной поколений знатных предков. И действительно, новый принцип, отраженный в известной Табели о рангах 1722 г., усилил дворянство за счет притока выходцев из других сословий. Но не это было конечной целью преобразования. С помощью принципа личной выслуги, строго оговоренных условий повышения по лестнице чинов Табели о рангах (важнейшим из условий была обязательность прохождения службы с рядового солдата или канцеляриста) Петр стремился превратить довольно аморфную массу служилых «по отечеству» в военно-бюрократический корпус, полностью ему подчиненный и зависимый только от него. Конечно, оформление сословия дворянства следует рассматривать и как образование корпорации, наделенной особыми правами и привилегиями, с корпоративным сознанием, принципами и обычаями. Но вместе с тем Петр стремился как можно теснее связать само понятие «дворянин» с обязательной, постоянной, требующей знаний и практических навыков службой. Только тот дворянин достоин почитания, кто служит, внушал подданным Петр. Он не только внушал, но и действовал: все дворяне определялись в различные учреждения и полки, их дети отдавались в школы, посылались на учебу за границу; царь запрещал жениться тем, кто не хотел учиться, а у тех, кто укрывался от службы, отбирал имения.

В целом политика самодержавия в отношении дворянства была очень жесткой, и бюрократизированное, зарегламентированное дворянство, обязанное учиться, чтобы затем служить, служить и служить, лишь с большой натяжкой можно назвать господствующим классом. Собственность дворян, так же как и служба, регламентировалась законом: в 1714 г., чтобы вынудить дворян думать о службе как главном источнике благосостояния, ввели майорат — запретили продавать и закладывать земельные владения, в том числе родовые. Дворянские владения в любой момент могли быть конфискованы в случае нарушения законов, что и бывало на практике. Трудно представить себе, каким бы было русское дворянство, если бы принципы Петра последовательно осуществлялись после его смерти. Подлинная эмансипация дворянства, развитие его дворянского (в европейском смысле этого слова) корпоративного сознания происходили по мере его «раскрепощения» в 30—60-е годы XVIII в., когда

вначале был отменен майорат, ограничен срок службы, а затем последовал знаменитый манифест 1762 г., название которого говорит само за себя: «О даровании вольности и свободы российскому дворянству». В петровское же время дворяне рассматривались прежде всего как бюрократическое и военное сословие, накрепко привязанное к государственной колеснице.

Если сословие дворян оформилось во многом благодаря сознательной деятельности властей, то сословие государственных крестьян было просто-напросто впрямую организовано как какое-либо учреждение по задуманному царем плану. Суть плана состояла в объединении в одно юридическое и податное сословие разнообразных категорий некрепостного населения России. В число государственных крестьян вошли однодворцы Юга, черносошные крестьяне Севера, ясачные крестьяне — инородцы Поволжья, всего не менее 18% податного населения. Важнейшим, определяющим признаком однодворцев — вчерашних служилых «по отечеству» и «по прибору» — стало признание их тяглыми. Это навсегда закрыло им дорогу в дворянство, хотя часть из них имела крепостных, а землей владело согласно поместному праву. Вообще принадлежность к тяглым сословиям с тех пор означала непривилегированность, и политика Петра в отношении категорий, вошедших в сословие государственных крестьян, была ориентирована на ограничение их прав, сужение их возможностей в реализации тех преимуществ, которыми они располагали как люди, лично свободные от крепостной зависимости.

Существенной была реформа и в отношении жителей городов. Петр решил унифицировать социальную структуру города, перенеся в него западноевропейские институты: магистраты, цеха и гильдии. Эти институты, имевшие глубокие корни в истории развития западноевропейского средневекового города, были привнесены в русскую действительность насильно, административным путем. Не преувеличивая, можно сказать, что ремесленники, купцы, горожане русских городов в одно прекрасное утро проснулись членами гильдий и цехов. Посадское население было поделено на две гильдии: первую гильдию составили «первостатейные», куда вошли верхи посада, богатые купцы, ремесленники, горожане интеллигентных профессий, а во вторую гильдию включили мелких лавочников и ремесленников, которые, кроме того, были объединены в цеха по профессиональному при-

знаку. Все остальные горожане в гильдии не вошли и подлежали поголовной проверке с целью выявления среди них беглых крестьян и возвращения их на прежние места жительства.

Деление на гильдии оказалось чистейшей фикцией, ибо проводившие его военные ревизоры думали прежде всего об увеличении числа плательщиков подушной подати. Поэтому число членов гильдий стало увеличиваться за счет не только разночинцев, но даже нищих и деклассированных элементов. Почти сразу же фискальные цели городской реформы заслонили многие другие. Унификация сословного строя города не привела к установлению прогрессивных форм налогообложения, что в принципе могло бы способствовать активизации торгово-промышленной деятельности в них. Крайне важно, что Петр оставил неизменной прежнюю систему распределения налогов по «животам», когда наиболее состоятельные горожане были вынуждены платить за десятки и сотни своих неимущих сограждан. Этим самым консервировались средневековые социальные структуры и институты, что, в свою очередь, резко тормозило процесс вызревания и развития капиталистических отношений в городах.

Столь же формальной стала и система управления городами, во главе которой Петр поставил Главный магистрат, руководивший подчиненными ему магистратами других городов. Но эти магистраты ни по существу, ни по ряду формальных признаков не имели ничего общего с магистратами западноевропейских городов — действенными органами самоуправления. В сущности, в результате городской реформы был создан чисто бюрократический механизм управления, а представители посада, входившие в состав магистратов, рассматривались как чиновники централизованной системы управления городами, и их должности были даже включены в Табель о рангах. Судопроизводство, сбор налогов и наблюдение за порядком в городе — вот и все основные права, предоставленные магистратам.

Социальные преобразования коснулись и той части населения России, с которой, казалось бы, все было ясно,— крепостных крестьян. Петровская эпоха привела к слиянию в единое сословие крепостных крестьян и холопов. Как известно, холопство — институт, близкий по своим чертам к домашнему рабству, имевший тысячелетнюю историю и развитое право. Общая тенденция развития крепостного права шла в направлении распрост-

ранения на крепостных крестьян многих норм холопьего права, что и являлось общей платформой для их последующего слияния. Этот процесс слияния усилился после Уложения 1649 г., юридически оформившего крепостничество. Но все же к петровскому времени холопы отличались от крепостных тем, что, работая на господина на барской запашке и в его хозяйстве, не были обложены государственными налогами, а, кроме того, значительная часть их — кабальные холопы — имели, согласно традиции, право выхода на свободу по смерти своего господина.

При Петре процесс сближения холопов и крестьян был резко усилен. Вначале были резко сужены возможности выхода холопов на свободу — они должны были, согласно указам, служить в армии.

Окончательный удар холопству был нанесен переписью душ в 1719—1724 гг., причем холопы были вначале переписаны, а затем, согласно указу 1723 г., были навсегда внесены в подушный оклад. Утратив признак бестяглости, холопы стали разновидностью крепостных крестьян и потеряли право на получение свободы.

Тысячелетний институт холопства одним росчерком пера был уничтожен. Его ликвидация имела далеко идущие последствия: заметное усиление барщинных отработок крепостных крестьян России в середине XVIII в., отмеченное в литературе, в немалой степени связано с исчезновением холопства, чья основная функция в системе барского хозяйства состояла именно в работе на барском поле. Теперь, после уничтожения холопства, эта тяжесть полностью легла на плечи крепостных крестьян.

То, что происходило в социальном строе России петровского времени (к описанным сюжетам следует прибавить введение штатов церковнослужителей, в результате чего не попавшие в штаты церковники признавались тяглыми; суровые разборы разночинцев с последующим распределением их в службы, оклады или богадельни; слияние монастырских, церковных и патриарших крестьян), свидетельствует о несомненной унификации сословной структуры общества, сознательно направляемой рукой реформатора, ставившего цель создания так называемого «регулярного государства», которое можно охарактеризовать как самодержавное, военно-бюрократическое и полицейское.

Последнее особенно отчетливо проявилось в создании такого внутреннего режима, при котором действовал ряд

ограничений. Наиболее важных из них можно выделить три: ограничения в передвижении по стране, свободы в выборе занятий и, наконец, ограничения социальных перемещений, перехода из одного «чина» в другой. Все эти ограничения, особенно социальной направленности, были обусловлены традиционными принципами сословной и государственной политики и допетровского времени. В сохранении и упрочении сословных монополий, пресечении попыток представителей низших сословий приобрести привилегии высших власти видели основу правопорядка, справедливости и процветания народа.

Но при этом нужно отметить, что в допетровское время сильно сказывалось влияние обычаев, сословные границы были размыты, пестрота средневекового общества давала его членам, особенно тем, кто не был связан службой, тяглом или крепостью, неизмеримо большие возможности реализации личности, чем регулярность общества Петра.

Именно этим отличалось петровское время от предшествующего. Для законодательства Петра характерна более четкая регламентация прав и обязанностей каждого сословия и соответственно этому — более жесткая система запретов, касающихся вертикального перемещения.

Огромное значение имела в этом процессе податная реформа. Введение подушной подати, которой предшествовала перепись душ мужского пола, означало установление порядка жесткого прикрепления каждого плательщика к тяглу в том месте, где его записали в оклад. Уже это само по себе затрудняло выход из платежной общины для перемены статуса. Чтобы не парализовать хозяйственную жизнь городов, правительство указом от 13 апреля 1722 г. разрешило помещичьим крестьянам с уплатой огромного налога записываться в посад, не прерывая отношений зависимости с помещиком. Закон, разрешая крестьянам торговать, гарантировал помещику власть над крепостным. Тем самым он как бы удлинял цепь, на которую был посажен так называемый «торгующий крестьянин». Подобное же было сделано с крестьянами-отходниками, работавшими на мануфактурах. Социально-экономическое значение подобного «соломонова» решения было очевидно: эксплуатируемый капиталистическим способом на капиталистическом предприятии такой отходник, получив жалованье, превращал его в оброк, который отдавал своему помещику.

Для петровского времени характерно проведение

крупных полицейских акций долговременного характера. Наиболее серьезной из них следует признать размещение в 1724—1725 гг. армейских полков на вечные квартиры в местах, уездах, губерниях, где для них собиралась подушная подать, и связанные с этим полицейские функции армейских командиров.

Другой полицейской акцией, осуществленной при Петре, было введение паспортной системы. Без установленного законом паспорта ни один крестьянин или горожанин не имел права покинуть место жительства. Нарушение паспортного режима (утеря, просрочка паспорта, выход за пределы территории, разрешенной для посещения) автоматически означало превращение человека в преступника, подлежащего аресту и отправке на прежнее место жительства.

Безусловно, всевозможные ограничения были продиктованы не столько особой подозрительностью царя или его особо развитым классовым чувством, сколько своеобразным преломлением в сознании реформатора рационалистических идей, о которых шла речь выше. Развитие этих идей в конкретном приложении к России, по мысли реформатора, требовало усиления разнообразной опеки над обществом, расширения функций государства в жизни всего населения страны, сословий, каждого отдельного человека. Это все придавало государству Петра полицейский характер, если понимать под термином «полиция» не только некую репрессивную организацию, но главным образом организацию многосторонней «регулярной» жизни подданных, начиная с устройства их домов по утвержденному чертежу и кончая тщательным контролем за их нравственностью и даже душевными движениями.

Здесь нет преувеличения или иронии. Петр осуществил, как известно, церковную реформу, выразившуюся в создании коллегиального (синодального) управления русской церковью. Уничтожение патриаршества отражало стремление Петра ликвидировать немыслимую при самодержавии петровского времени «княжескую» систему церковной власти. Объявив себя фактически главой церкви, Петр уничтожил ее автономию. Более того, он широко использовал институты церкви для проведения полицейской политики. Подданные, под страхом крупных штрафов, были обязаны посещать церковь и каяться на исповеди священнику в своих грехах. Священник, также согласно закону, был обязан доносить властям обо

всем противозаконном, ставшем известным на исповеди. Столь грубое вторжение государства в дела церкви и веры самым пагубным образом отразилось на духовном развитии общества и на истории самой церкви. Ведь нельзя забывать, что превращение церкви в бюрократическую контору, стоящую на охране интересов самодержавия, обслуживающую его запросы, означало уничтожение для народа духовной альтернативы режиму и идеям, идущим от государства. Церковь с ее тысячелетними традициями защиты униженных и поверженных государством, церковь, которая «печаловалась» за казнимых, публично осуждала тиранов, стала послушным орудием власти и тем самым во многом потеряла уважение народа, впоследствии так равнодушно смотревшего и на ее гибель под обломками самодержавия, и на разрушение ее храмов.

Таков был экипаж корабля Петра. Теперь наконец зададимся последним вопросом: куда же плывет этот корабль? Каковы же цели его царственного шкипера?

Внешнеполитическая концепция России в ходе Северной войны претерпела существенные изменения. Война четко разделилась Полтавским сражением на два этапа: с 1700 по 1709 г. и с 1709 по 1721 г. На первом этапе, ставшем из-за поражения под Нарвой оборонительным, военная инициатива находилась у Швеции, чьи полки заняли Польшу, Саксонию, вторглись в Россию. Поэтому Петр прежде всего должен был решить проблему сохранения и преобразования армии, накопления оборонительного потенциала страны. Также предпринимались безуспешные попытки оживить парализованный победами Карла XII Северный союз (Дании, Саксонии и России). На первом этапе войны Петр сумел, воспользовавшись отсутствием крупных шведских сил в Восточной Прибалтике, занять крепости Ингрии и основать Петербург и Кронштадт.

Полтавская победа позволила перехватить инициативу, которую Петр развил, укрепив свое положение в Ингрии, Карелии, заняв Лифляндию и Эстляндию, а затем вступил в Германию, где при содействии Дании, Саксонии, отчасти Пруссии и Ганновера было начато наступление на шведские владения в Померании. В течение неполных шести лет союзники вытеснили шведов из всех их заморских владений. В 1716 г. со шведской империей было навсегда покончено. Но в ходе раздела ее владений отчетливо проявились изменившиеся под влиянием блистательных побед на суше и на море претензии России.

Во-первых, Петр отказался от прежних обещаний союзникам ограничиться старыми русскими территориями, отторгнутыми шведами после Смуты начала XVII в.,— Ингрией и Карелией. Занятые силой русского оружия Эстляндия и Лифляндия уже в 1710 г. были включены в состав России. Резко усилившиеся армия и флот стали гарантией этих завоеваний.

Во-вторых, Петр начиная с 1712 г. стал активно вмешиваться в германские дела. Поначалу это было связано с борьбой против шведов в Померании, Голштинии и Мекленбурге, а затем, после изгнания их из Германии, Петр стал поддерживать (в том числе вооруженной рукой) претендовавшего на абсолютистскую власть мекленбургского герцога Карла-Леопольда, вступил в активные переговоры с Голштинией — соседним и враждебным Дании государством. «Мекленбургский», «голштинский», а также «курляндский» вопросы стали источниками повышенной напряженности на заключительной стадии Северной войны и даже после ее окончания, ибо Петр, властно вмешиваясь в германские дела, борясь с чуждыми ему влияниями Англии, Франции и Дании, с 1709 г. повел своеобразное «брачное наступление» в Европе: в 1709 г. племянница Петра Анна Ивановна стала герцогиней Курляндской, а ее сестра Екатерина — герцогиней Мекленбургской, сын Алексей был женат на принцессе Шарлотте-Софии Волфенбюттельской, а старшая дочь Петра стала невестой, а после смерти Петра — женой Голштинского герцога Карла-Фридриха.

Ништадтский мир 1721 г. юридически оформил не только победу России в Северной войне, а также приобретения России в Прибалтике, но и рождение новой империи — связь между празднованием Ништадтского мира и принятием Петром императорского титула прямая. Возросшую военную мощь русское правительство использовало для усиления влияния в районе Балтики. Несомненным успехом русской дипломатии стало заключение союзного договора со Швецией, а активное муссирование «голштинского вопроса» позволяло России влиять как на положение Швеции, чья королевская династия была связана с голштинскими владетелями, так и на Данию, от которой Россия добивалась отмены зундской пошлины при проходе кораблей через проливы. После смерти Петра продолжавшееся усиление притязаний России в Голштинии поставило ее на грань войны с Данией.

Следует отметить, что Петром двигали не только

политические мотивы, стремление добиться влияния в Балтийском регионе, но и экономические интересы. Меркантилистские концепции, которые разделял Петр, требовали активизации торгового баланса, вынуждали добиваться превосходства вывоза над ввозом, расширять рынки сбыта отечественных товаров. Можно говорить о доминанте торговой политики в общей системе внешней политики России после Ништадтского мира.

Следствием уродливого слияния военно-политических и торговых интересов Российской империи стала русско-персидская война 1722—1723 гг., сочетавшаяся с попытками проникновения в Среднюю Азию. Знание конъюнктуры международной торговли убеждало Петра захватить транзитные пути торговли редкостями Индии и Китая. Завоевание южного побережья Каспия мыслилось Петром отнюдь не как временная мера. Русско-персидский мир 1723 г. привел к присоединению значительных территорий Персии к России, строительству там крепостей. Петр вынашивал проекты депортации мусульманского населения из прикаспийских провинций и заселение их православными. Создание плацдарма на Каспии ставило цель подготовки похода на Индию. Своеобразный «индийский синдром», владевший многими завоевателями (ибо нет подлинной империи без богатств Индии), не миновал и Петра. С той же целью была предпринята авантюристская попытка присоединить к империи остров Мадагаскар, для чего готовилась в 1723 г. секретная экспедиция адмирала Д. Вильстера.

Суммируя вышесказанное, отметим, что в ходе петровского царствования произошла серьезная метаморфоза внешней политики: от решения насущных задач национальной политики Россия перешла к постановке и решению типично имперских проблем.

При Петре были заложены основания имперской политики России XVIII—XIX вв., начали формироваться имперские стереотипы.

В. И. МОРЯКОВ

ПОИСК ПУТИ. РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. О ГОСУДАРСТВЕ И ОБЩЕСТВЕ

Вторая половина XVIII в. была сложным и во многом противоречивым периодом русской истории. В начале века в стране утвердился абсолютизм, явившийся высшим этапом эволюции государственной надстройки феодального общества. Россия в XVIII в., благодаря в значительной мере усилиям Петра I, превратилась в мощную европейскую державу, неоспорима была ее военная мощь, расширилась территория. Она стала крупнейшим экспортером металла. В стране развивалась европейская культура.

Во второй половине XVIII в. начал складываться капиталистический уклад, однако он не мог прочно утвердиться — помехой тому стал абсолютистский строй, консервировавший крепостничество. Самодержавие усиливало феодально-крепостническую эксплуатацию крестьянства, расширяло и укрепляло права и привилегии, а следовательно, экономическое и политическое господство дворянства. Абсолютизм, стремившийся сохранить существующий строй, препятствовал прогрессивному развитию страны как в социально-политическом, так и в культурном плане. Это вело, в свою очередь, к обострению социальных противоречий. С одной стороны, рост капиталистических отношений усиливал значение купечества, с другой — самодержавие лишало его рынка свободной рабочей силы, тормозило развитие городов и торговли. Результатом являлось обострение противоречий между купечеством и дворянством. Втягивание последнего в товарно-денежные отношения, укрепление связей помещичьего хозяйства с рынком и зависимости от него заставляли помещика увеличивать повинности крепостных крестьян, что способствовало росту крестьянских волнений и протестов, вылившихся в последней трети XVIII в. в самую мощную в истории России крестьянскую войну под предводительством Е. И. Пугачева. Перед

Россией вплотную вставал вопрос, по какому пути идти дальше: или сохранять незыблемым существующий строй, или каким-то образом, возможно путем реформ, приспособить его к новым развивавшимся отношениям, либо вообще устранить самодержавие и крепостничество.

В полной мере он встал в период правления Екатерины II. Она взошла на престол в результате дворцового переворота 28 июля 1762 г. и правила в течение 34 лет. Эта была высокообразованная, умная, деловая, энергичная, честолюбивая и лицемерная женщина. Екатерина II еще со времен, когда она была Софьей Фредерикой Августой, принцессой заштатного Ангальт-Цербстского княжества в Германии, «одну лишь знала страсть». Ее всю жизнь сжигало властолюбие, и, достигнув власти, она любыми средствами старалась удержать ее. «Ничто ей не может быть досаднее,— писал о страсти императрицы к власти представитель родовой дворянской аристократии князь М. М. Щербатов,— как то, когда, докладывая ей по каким-то делам, в сопротивление воли ея законы поставляют, и тотчас ответ от нее вылетает: разве я не могу, невзирая на законы, сего учинить».

Вступив на престол, Екатерина II объявила себя преемницей Петра I. То, что ее царствование будет самодержавным, она продемонстрировала сразу же. После вступления на престол Екатерина II убедилась, что Правительствующий сенат стал совершенно недееспособен. Перед императрицей встала задача проведения реформы государственных органов, и Сената в первую очередь. В проекте Н. И. Панина, представителя высшей бюрократии, содержалось предложение поставить между самодержавием, которое он считал единственно приемлемой для России формой правления, и Сенатом Совет из шести или восьми императорских советников, через которых должны были проходить все дела, касавшиеся компетенции верховной власти. Панин предлагал также разделить Сенат на департаменты. Императрица отвергла идею Совета, увидев в ней попытку ограничения самодержавной власти, хотя сам-то Панин в Совете видел чисто бюрократический орган, облегчающий деятельность императора. А вот идею разделения Сената на департаменты Екатерина использовала. Она разделила его на шесть департаментов якобы для упорядочения работы Сената. Но тем самым она ослабила его законодательные функции, сделав просто «хранилищем законов». Терпеть рядом с собой орган, имевший прерогативы законодатель-

ной власти, Екатерина II не хотела. Сенат стал административным органом, лишенным законодательных прав. Так уже в начале царствования императрица сосредоточила в своих руках всю законодательную и бóльшую часть распорядительной власти. Ее она осуществляла через генерал-прокурора и собственную канцелярию.

В первые годы своего царствования Екатерина II провела секуляризацию церковных земель, лишив церковь экономического могущества, а миллион монастырских крестьян был передан в ведение коллегии экономии. Доходы, полученные в результате этой акции, наполнили пустую государственную казну. Было ликвидировано гетманство на Украине. В первые годы царствования были укреплены и расширены права и привилегии дворян: право не служить, если они этого не желали, монопольное право на винокурение, владение землей, крепостным трудом. В начале царствования Екатерины крепостное право достигло своего апогея: в 1765 г. помещики получили право ссылать крестьян на каторгу, а в 1767-м — крестьянам было запрещено жаловаться на помещиков.

Как всякий абсолютный монарх, она считала, что благо народа обеспечивается законами, изданными монархом. И в каждый год своего царствования издавала в среднем по 12 законодательных актов в месяц. Наивысший период ее законодательной деятельности пришелся на 1762—1767 гг., до созыва Уложенной комиссии, когда в месяц издавалось по 22 законодательных акта.

Однако Екатерина II, обладавшая цепким умом, понимала, что править открыто самовластно, как Петр, в 60-е годы уже нельзя. Свою продворянскую, крепостническую политику императрица стала проводить в форме «просвещенного абсолютизма», который был характерен для стран со сравнительно медленным развитием капиталистических отношений, где дворянство сохраняло свои политические права и экономические привилегии. Существо политики «просвещенного абсолютизма» заключалось в стремлении законсервировать существующий строй путем укрепления позиций дворянства, усиления его прав и привилегий. Для него характерны либеральная фразеология, социальная демагогия, использование идей просветителей, из которых выхолащивалась их антифеодальная сущность. «Просвещенный абсолютизм» в ряде случаев проводил и мероприятия, объективно способствовавшие развитию капиталистического уклада. Немаловажной, на наш взгляд, чертой политики «просвещенного

абсолютизма» было стремление по возможности ослабить остроту социальных противоречий путем издания законов.

Все вышеназванные черты в той или иной мере проявились в политике Екатерины II с начала царствования до крестьянской войны. Самым ярким актом этого периода явился созыв в 1767 г. Комиссии о сочинении проекта нового уложения. По прошествии пяти лет царствования императрица решилась созвать выборных от различных сословий для выработки общего, удовлетворяющего интересы всех подданных свода законов (нового уложения). Созыву Уложенной комиссии предшествовала подготовка Екатериной II руководства для депутатов, получившего название «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения». Это было обширное произведение философско-юридического содержания, где были рассмотрены наиболее значимые политико-правовые проблемы государственного и общественного устройства, а также важнейшие задачи внутренней политики. «Наказ» носил компилятивный характер, о чем заявляла и сама императрица. «На пользу моей империи,— писала она,— я обобрала президента Монтескье». Действительно, из 507 страниц «Наказа» 408 дословно были заимствованы у Монтескье, Беккариа, Бильфельда, Юсти.

Комиссия была создана и начала работу в июле 1767 г. Количество депутатов с абсолютной точностью не известно. Считается, что реально принимали участие в работе 620 депутатов, из которых 33% составляли дворяне, 36 — депутаты от городов (в их число входили и представители дворянства), 20% — депутаты от сельского населения, исключая крепостных крестьян. Дворянами были представлены депутаты от правительственных учреждений (кроме Синода) и казачества. Всего не менее 45% депутатов были потомственными или личными дворянами, что и определило характер деятельности Комиссии.

Работа Уложенной комиссии продолжалась с перерывами до декабря 1768 г., когда под предлогом войны с Турцией она фактически прекратила деятельность. Дебаты в ней отличались необычайной остротой и продемонстрировали императрице как интересы и чаяния различных слоев населения, так и непримиримые противоречия между ними практически по всем вопросам. Екатерина II увидела, что дворяне незыблемо стоят на страже своих

прав и привилегий. А потому даже попытки регламентации повинностей крепостных крестьян, движение навстречу купцам были чреваты недовольством привилегированного класса, борьба с которым могла окончиться потерей короны. Этого Екатерина II допустить не могла. Создать, таким образом, общий закон, который сгладит социальные противоречия, не удавалось. Да и хотелось ли этого императрице? Думается, что проводить радикальные преобразования вряд ли входило в ее планы. Идеи правовой реформы царицы сводились к идее законодательного регулирования государственной жизни и общественных связей. Вместо обновления правовых норм задачей правовой реформы провозглашено было установление «законной монархии». Реформы Екатерины II предполагали движение только в рамках феодального строя. Поиски в них каких-либо буржуазных тенденций — дело бесперспективное.

Но вопросы, связанные с происхождением и ролью государства, его взаимоотношений с обществом, как и другие, обсуждавшиеся в Уложенной комиссии, вышли за ее стены, став центральными для общественно-политической мысли России. Правительственной точке зрения были противопоставлены, как альтернативный путь развития России, взгляды просветителей, представителей антифеодальной, по сути своей буржуазной идеологии.

Одной из наиболее важных, обсуждавшихся общественной мыслью второй половины XVIII в. проблем была проблема происхождения верховной власти, характер и сущность различных форм правления, в первую очередь монархии. «Она,— как справедливо отметил Б. И. Краснобаев,— была животрепещущей и в житейско-практическом плане, и в теоретическом, так как большинство мыслителей того времени связывали с характером правления, с деятельностью монарха не только особенности современного состояния государства и общества, а и надежды на будущее справедливое общественное устройство».

Выступая против деспотизма, который в произведениях просветителей отождествлялся с абсолютизмом, они показывали, что он несет человеку угнетение, рабство (под ним просветители понимали любое ограничение свободы человека). Будучи гуманистами, считая себя представителями «всего страждущего человечества», просветители во главу угла ставили проблему человека, его статус в обществе, рассматривали факторы, влиявшие на

формирование человека, формы его жизнедеятельности, воспитание.

Официальная идеология утверждала, что человек — творение бога, готовящий себя к «вечной жизни» аскетическим подвигом отрицания существующего земного мира, пассивен и смирен, а потому его судьба, положение в социальном мире предопределены соответствующей «порцией» разума и заранее определенных достоинств. Эти положения позволяли теоретически оправдывать существование сословного строя, сословных прав и привилегий, угнетение человека человеком.

Просветители же в своих трудах, выдвинув идею формирования личности, показали, что человек — существо земное, обладает разумом, духовной и физической силой, стремясь к благосостоянию, преобразует окружающий мир. Люди рождаются в мир равными, у каждого человека есть свои потребности, интересы, удовлетворения которых он ищет в установлении разумных и справедливых форм человеческого общежития. Они, с одной стороны, позволяют людям свободно проявлять свои способности, развиваться, с другой стороны, ограничивают «натуральное» естество человека.

Просветители, выдвинув идеал свободной, самостоятельной, раскованной личности, активно за нее боролись. Выступая в защиту человека, против его угнетения, они опирались на теорию естественного права. Учение о естественном законе, или естественном праве, восходит к Горацию, Спинозе, Гоббсу, Локку, а своими корнями уходит во времена античности. Исходным его пунктом является природа человека. Она — едина и неизменна. В человеке всегда существуют от рождения присущие ему черты характера. Из вечной и неизменной его природы вытекают и «естественные права», которыми обладает человек вечно, независимо от того, какова форма правления и действующие законы. К этим правам просветители относили свободу, равенство между людьми, обладание собственностью. Природное право человека — обеспечение своего счастья, но он не сможет его удовлетворить, если будут нарушены основные и незыблемые «естественные права».

Просветители в объяснении процессов бытия, исторического развития пытались искать и объективные факторы развития человеческого общества, такие, как, например, географическая среда, климат и т. д. И все же решающее значение они отдавали общественным фак-

торам, выделяя из них в первую очередь социальную среду и воспитание. Отстаивая идею формирования личности, в противовес господствующей в официальной идеологии идее предопределенности в социальном мире каждой личности, наделенной определенным количеством разума и заранее известных достоинств, большинство просветителей утверждали, что основой формирования человека все же в первую очередь является социальная среда. Под ней они понимали человеческое общество, конечной целью которого было обеспечение счастья и благоденствия людей, его образовавших. Высший закон общества — благо народа. Только такая социальная среда справедлива, соответствует разуму, а значит, имеет право на существование. Если она не отвечает элементарным требованиям человека, то ее необходимо либо заменить, либо качественно переустроить. Главным и определяющим в социальной среде было, по мнению просветителей, государственное устройство (по их терминологии — форма правления) и законодательство. Поэтому они ставили в центр своего внимания прежде всего вопрос происхождения и источника верховной власти. В XVIII в. к этому сводилась проблема происхождения государства.

Наряду с просветителями названные выше проблемы рассматривали в своих трудах представители консервативного направления с целью идейно обосновать законность самодержавия, его соответствие принципам разума. Представители просветительского и консервативного направлений общественно-политической мысли в России второй половины XVIII в. использовали идеи и положения западноевропейских, в первую очередь французских, просветителей. Это объясняется тем, что в XVIII в., особенно во второй его половине, активно развивались русско-французские культурные связи и в ходе диалога культур французская культура, занимавшая в Европе доминирующее положение, оказывала на русскую определенное влияние.

Живейший интерес в русском обществе вызывала французская «Россика», из которой русские современники стремились почерпнуть новые сведения по ряду вопросов истории России, включенных русским правительством в число запретных тем. Произведения французских просветителей, по словам известного мемуариста сына священника Г. Добрынина, были «явления, отверзающие умственный глаз подобных им человеков и оживотворя-

ющие ощутительно душу мыслящего существа». Представителей консервативной идеологии у французских просветителей привлекали идеи монархии как возможной формы правления и вера в благотворную деятельность «просвещенного монарха», но при этом ими отрицалась, разумеется, свобода для всего народа, она признавалась только для дворянства. Дворянские идеологи также отстаивали принцип незыблемости собственности, но только дворянской, отрицая возможность иметь таковую крестьянам.

Одним из наиболее почитаемых французских просветителей у дворянских идеологов России был Монтескье. В решении вопроса о происхождении государства Монтескье, как и другие просветители Франции, исходил из теории общественного договора Локка, английского мыслителя, идейно обосновавшего компромисс между английской буржуазией и обуржуазившимся дворянством после революции 1688 г.

Вслед за Локком Монтескье считал, что государство образуется посредством договора: «Народ в высшей степени удачно избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти». Причем, по мысли Монтескье, государь должен править на основе твердых законов, обеспечивая благо каждого человека и всего народа в целом, что является высшим законом для правителя. Если же он не обеспечит своим подчиненным счастливую жизнь, «вздумает их угнетать или уничтожать, то повод к повиновению прекращается: их ничто больше не соединяет, ничто не привязывает к нему и они возвращаются к своей естественной свободе... неограниченная власть не может быть законной».

Монтескье выделял три формы правления: деспотию, монархию и республику. Он напрочь отвергал деспотизм, где господствующим принципом, лежащим в основе отношений между людьми, является страх. В деспотических государствах нет законов. Их там заменяют воля и прихоть тиранов. Монтескье подчеркивал, что у подданных при деспотизме нет гарантий ни жизни, ни прав, ни собственности. Тирания разлагает людей, которые становятся коварными, хитрыми, жестокими и быстро приучаются льстить и низкопоклонствовать.

Монархическое правление Монтескье пытался отделить от деспотии. Принцип взаимоотношений в монархии основан на чести, которая заменяет политическую добродетель. «Честь,— писал Монтескье,— приводит

в движение все части политического организма; самым действием своим она связывает их, и каждый, думая преследовать свои личные интересы, по сути дела, стремится к общему благу». В монархии источником всякой политической и гражданской власти является государь, а «власти посредствующие, подчиненные и зависимые образуют природу монархического правления, т. е. такого, где правит одно лицо посредством основных законов». Самой естественной из них была власть дворянства. «Она,— по мнению Монтескье,— некоторым образом содержится в самой сущности монархии, основное правило которой: «Нет монархии, нет и дворянства, нет дворянства, нет и монарха». В монархии, где нет дворянства, монарх становится деспотом». Но и этого было недостаточно для соблюдения законности при монархическом правлении. Необходимы были учреждения, охраняющие законы. К ним Монтескье относит «политические коллегии, которые обнародуют вновь избранные законы и напоминают о существующих, когда про них забывают».

Определяющее значение в формировании нравов и законов имели, по мнению Монтескье, природно-географические условия и климат. Он прямо пишет о том, что «они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату... положению, размерам, образу жизни ее народов...». Положение и размеры страны определяют форму правления, которая может там существовать. Напрочь отрицая деспотизм, Монтескье полагал, что монархия, управлявшаяся по твердым законам, пригодна для стран с большой территорией, а республика, где с наибольшей полнотой обеспечиваются свобода и равноправие народа, возможна только в странах с малой территорией. Его идеалом была конституционная монархия с разделением властей на законодательную, исполнительную и судебную. Именно благодаря этому в Англии была достигнута высокая степень политической свободы и сложился компромисс между буржуазией и дворянством.

Многие положения Монтескье были использованы представителями консервативной идеологии. «Долг наш как христиан и как сограждан,— говорила Екатерина II,— велит иметь доверенность и почтение к установленным для нашего блага правительствам и не поносить их поступками и несправедливыми жалобами». Наиболее четко свои политические принципы императрица изложи-

ла в «Наказе Комиссии о составлении проекта нового уложения». В отличие от Монтескье, Екатерина II не упомянула теорию общественного договора, и тем самым вопрос о причинах происхождения власти остался обойденным. Доминантой «Наказа» стала идея необходимости и данности власти, стоящей над обществом, без которой оно существовать не может. Екатерина II стремилась в «Наказе» показать, что существующий в России порядок закономерен, необходим и единственно возможен. «Государь,— писала она,— есть источник всякие государственные и гражданские власти». В России нет деспотизма, доказывала императрица, потому что он не соответствует «естественному положению» страны. Стремясь доказать необходимость в России самодержавия, она опиралась на положение Монтескье о роли климата и географической среды: здесь необходим «государь самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно со пространством только великого государства». Именно размеры страны, доказывала Екатерина II, предполагают «самодержавную власть в той особе, которая оным правит».

Эта форма власти, по ее мнению, соответствовала общественной необходимости русского народа, так как «всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно». Целью самодержавия императрица объявила обеспечение интересов подданных, их естественных прав. Свое понимание «общего блага» и каждого человека в отдельности Екатерина сформулировала следующим образом: «Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и государя». Если Монтескье предполагал необходимость посредствующих властей, дабы монарх мог осуществлять правление и не предался тирании, то «Северная Семирамида» считала, что истинное благополучие достигается только путем подчинения всех верховной власти. Никто не может ограничить государя, а подданные «обязаны поступать в отправлении своего звания по предписанному тамо порядка образу», и они не смеют «презирать указы государевы, не опасаясь за то никакого наказания».

Таким образом, Екатерина, отвергая республику и деспотию, лучшей формой правления общества считала самодержавную монархию. Самодержавие, утверждала она, обеспечит каждому человеку свободу, равенство,

право собственности только в том случае, если каждый подданный свято исполняет законы и предан верховной власти. Идеи неограниченности самодержавной власти и «всеобщего послушания» подданных Екатерина продолжала особенно настойчиво пропагандировать в обществе после крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Свидетельством этого является литературная деятельность императрицы и «Книга о должностях человека и гражданина».

Удар по престижу «матери отечества», нанесенный просветителями, показавшими, что Екатерина была и осталась самодержавным деспотом, был не слабее удара восставших русских крестьян. Правда, сложнее обстояло дело с французскими просветителями, которым Екатерина сумела внушить представление о себе как о «просвещенной монархине». Они, за исключением Руссо, восхваляли и прославляли «Северную Семирамиду». Но стоило Дидро приехать в Россию, познакомиться ближе с обстановкой в стране, «Наказом» императрицы, неоднократно побеседовать с ней, как его мнение о Екатерине и ее политике резко изменилось. Он высказал его не только в своих замечаниях на «Наказ», который не был широко известен читающей публике, но и в русских разделах третьего издания «Философской и политической истории учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» аббата Рейналя. Здесь явно чувствуется рука Дидро, который побывал в России в 1774 г. При сравнении разделов «Истории обеих Индий», посвященных России, и «Замечаний» Дидро на «Наказ» Екатерины II можно обнаружить текстуальные совпадения многих положений.

«История обеих Индий» в конце XVIII — начале XIX в. была хорошо известна и весьма популярна в передовых кругах России. В № 35 «Санкт-Петербургских ведомостей» было опубликовано письмо Рейналю от господина Рода, губернатора Пенсильвании, с восторженным отзывом о его книге. Эта же газета в № 50 за 1781 г. сообщила, что правительство Людовика XVI осудило книгу Рейналя как «безбожную, богопротивную и возмутительную» и приговорило ее к сожжению. Но «никто не принес на истребление сию книгу, и сочинителю даны способы уехать в Англию». В № 35 за 1776 г. «Московских ведомостей» в числе книг, «взятых в перевод», указывалась «История обеих Индий».

13 ноября 1781 г. «Московские ведомости» поместили объявление, что в Петербурге у купцов «Куртнера, Рин-

бера и компании на сочинения славного аббата Рейналя открыта подписка». Здесь же Рейналю была дана следующая оценка: «Он приобучил народы размышлять о своих дальнейших интересах».

«История обеих Индий» была внимательно прочитана Радищевым и Екатериной II, отзывы которых, естественно, были различны. В конце XVIII в., когда в России были запрещены практически все произведения французских просветителей, имя Рейналя продолжало, хотя и изредка, упоминаться в печати.

Рейналь работал над «Историей обеих Индий» в 50 — 60-е годы XVIII в. Первое издание вышло в 1770 г., второе — в 1774 г., причем оба издания были выпущены анонимно, и только третье издание, 1780 — 1781 гг., было напечатано в Женеве с указанием имени автора. Именно оно и имело самый блистательный успех. В конце XVIII в. на разных языках вышло 70 изданий этого автора. В работе Рейналя с позиций просветительства изложена история колониальных захватов и политика европейских держав в Азии, Африке и Америке. Но не только о колониальных завоеваниях, богатствах, быте коренных народов писал Рейналь. Он приводил многочисленные исторические и другие сведения о странах Европы и Востока: Китае, Японии, Индии, России, об Америке и Африке. В результате читатель получал огромную сумму географических, статистических, политических, этнографических и исторических сведений.

Но не только это привлекало интерес читающей публики к «Истории обеих Индий». Третье, женевское издание отличалось от первых двух тем, что в нем критика феодально-абсолютистского строя была развернута по всем направлениям. В центре ее было выступление против абсолютной монархии, показывалась неправомерность, незаконность ее существования, неизбежность краха абсолютизма, сословного строя, крепостничества, торговли людьми и т. д.

В создании «Истории обеих Индий» приняли участие в той или иной форме Мерсье, Нежон, Гольбах, Делейр, Дидро. Особенно большую роль сыграл Дидро, так охарактеризовавший этот труд: «Книга, которую я люблю и которую ненавидят короли и придворные,— это книга, порождающая Брутов». По свидетельству французского исследователя Ива Бено, Дидро принадлежат в этом труде 400 — 500 страниц, не считая различных добавлений, в основном радикального характера.

Но, провозгласив революционный путь борьбы с деспотизмом как средство уничтожения феодально-абсолютистского строя, Рейналь и Дидро считали, что он невозможен для России, которой в «Истории обеих Индий» посвящены два раздела.

В третьем томе «Истории обеих Индий» читателю сообщаются сведения о территории, населении, доходах, торговле, государственном устройстве России. В десятом томе речь идет о возможностях и трудностях ее социально-политического преобразования. На примере России Дидро и Рейналь стремились показать гибельность для народа и прогресса страны самодержавного деспотизма и крепостничества.

Дидро и Рейналь, выступая с позиций теорий естественного права и общественного договора, положению об абсолютной власти монарха противопоставили принцип народного суверенитета — краеугольного камня учения просветителей о происхождении государства. В России, по их мнению, был нарушен договор между обществом и власть имущими, власть стала наследственной. Правители не соблюдают законов, управляют по собственному произволу. Даже среди подданных, «которых рассматривают в этой империи как свободных», нет никого, «кто имел бы нравственную безопасность личности, нет постоянной собственности имений, свободы, которую они могли бы потерять только в случаях, предусмотренных и определенных законом».

Деспотизм обрекает русских людей на беспросветное и униженное состояние. «Их принужденные взгляды не дерзают подняться к своду небес. Они равно испытывают недостаток просвещения, чтобы узреть свои оковы, и недостаток души, чтобы почувствовать в ней стыд. У их рассудка, угасшего в путах рабства, нет достаточной энергии для понимания необходимых прав бытия своего». Поэтому, по убеждению просветителей, все меры, предпринятые Екатериной II для улучшения просвещения и воспитания, потерпят или уже потерпели крах. Рейналь и Дидро стремились показать, и, надо заметить, сделали это весьма убедительно, что существовавший в России самодержавный строй был главным препятствием на пути прогрессивного развития страны. С Екатерины была сорвана маска поборницы просвещения России.

Просветители Франции в начале 80-х годов уже разуверились в добродетельности и реформаторстве «мудрецов на троне», а Россия и деятельность Екатерины II

еще больше убеждали их в том, что правление «просвещенного деспота» является большим несчастьем для народа. Они полагали, что «просвещенный монарх» практически ничем не отличается от абсолютного монарха, также правит по своему произволу, нарушая общественный договор. «До вас доходят слухи, что самым счастливым правлением было бы правление справедливого, непреклонного, просвещенного деспота. Какое безумие! А не случится так, что воля сего абсолютного господина войдет в противоречие с волей ему подвластных? Тогда, несмотря на всю его справедливость и все его познания, он будет несправедлив, лишая прав своих подданных даже для их же блага». Рейналь и Дидро делали далее исключительный по силе вывод о показном характере «просвещенного абсолютизма» русской императрицы. «Можно не сомневаться,— замечали они,— Екатерина очень хорошо чувствовала, что свобода — единственный источник народного блага. Но разве она действительно отреклась от деспотической власти? Внимательно читая ее инструкции депутатам империи, призванным, по-видимому, улучшить законы, можно ли там распознать что-то большее, нежели стремление изменить наименование, т. е. называться монархиней, вместо самодержицы, а народ именовать подданными вместо рабов? Сколь бы ни были слепы русские, будут ли они все время принимать имя за вещь, и разве этой комедией можно возвысить их характер до той энергии, кою пробудить таким образом намеревались?»

Несколько раньше в своих «Замечаниях» на «Наказ» Екатерины Дидро выразился еще более энергично: «Русская императрица, несомненно, является деспотом». Она читала, и очень внимательно, «Историю обеих Индий» и была, конечно, уязвлена данной ей характеристикой. В письме к барону Гримму от 24 июля 1780 г. Екатерина II замечала, что в этой книге «слишком мало разумного и слишком много неумной дерзости», а в письме от 1—4 апреля 1782 г. она писала о пустых разглагольствованиях Рейналя, что «Рейналь квакает и лжет». Императрица не назвала здесь Дидро, так как, естественно, не знала о его вкладе в создание «Истории обеих Индий». Но он в период пребывания в России своими вопросами, предложениями вызывал у нее по меньшей мере раздражение, которое она скрывала под маской иронии. «Я подолгу и часто,— говорила Екатерина II,— беседовала с Дидро, но более ради любопытства, чем с пользой.

Если б я доверилась ему, мне бы пришлось все уничтожить и перевернуть в моей империи: законодательство, администрацию, политику, финансы; я должна была бы все уничтожить, чтобы заместить это непрактичными теориями». Ну а когда после смерти Дидро его «Замечания» на «Наказ» попали в руки русской императрицы, то она приложила все силы, чтобы скрыть и дискредитировать их, объявив «сущим лепетом, в котором нет ни знания вещей, ни благоразумия, ни предусмотрительности».

К естественно-правовой доктрине энциклопедистов обращался, решая вопрос о происхождении государства, М. М. Щербатов, идеолог дворянской аристократии, критиковавший правление Екатерины II с совершенно иных, чем просветители, позиций. Люди, по мнению Щербатова, дабы избежать несчастий и беспокойств, которые угрожали всем, решили «избрать единаго из себя, коему общую власть препоручили, который бы был согласитель мыслей полезных общества, содеятель всеобщия воли, клонящейся к благу всех и защитник его противу врагов. Уступил каждый ему несколько своих прав, возложив за то на него труд и попечение им остальные сохранить. Се есть начало царей и их должности». Вслед за просветителями он считал, что монархии могут выродиться в тиранию, если монархи отказались от добродетели, которая охраняла их от пороков и злоупотребления властью.

Идеальной формой правления Щербатов считал монархию, где государь занимает престол по избранию или по праву рождения. И в том и в другом случае он должен быть покровителем, защитником, судьей народа. Но что, размышлял Щербатов, сможет обеспечивать соблюдение государем установленных законов или учреждение новых для блага народа? Это, писал он, «совет старейших и мудрейших... более знания имеющих в делах людей его народа, которые должны ему представлять то, что может служить к счастью государств, и отсоветовав колико возможно в вещах предосудительных государству и клонящихся к самовластию». Этот орган не может и не должен ограничивать власти монарха, а лишь обязан способствовать укреплению добродетели государя, его любви к отечеству и законам. Совет, по мнению Щербатова, должен состоять из дворян, причем только родовых вельмож.

Критикуя Екатерину II за деспотическое правление, Щербатов, по сути, выступал за олигархическое государство, которое противопоставлял самовластью императрицы. Главное место в нем должны были занимать дворяне, и здесь идеолог аристократии опирался на названное выше положение Монтескье о дворянстве и монархии. Щербатов не мог представить себе монархию без дворян, а дворян без монархии. Только дворянство вправе обладать всеми привилегиями, участвовать в управлении государством, иметь собственность. Убежденный сторонник сословного строя, он считал равенство химерой. Щербатов отдает должное теории естественного права, говоря, что «мы не можем сомневаться, чтобы все мы не от нашего праотца Адама и потом от Ноя произошли; и потому все суть братия и все суть равно благородны...». Но, заявляя далее, что «совершенной равности между человеком быть не может», объясняет это тем, что «сама природа... располагая порядок общежития человеческого разными дарованиями разных людей снабдила... распределяя единых быть правителями и начальниками, других добрыми исполнителями, а, наконец, третьих слепыми действующими лицами». Дворянство получает от рождения отличное от других воспитание. Просвещение дает им право власти над простыми людьми, с детства они привыкают понимать нужды народные, «владычествовать и управлять равными себе».

Иных взглядов в решении вопроса о происхождении государства придерживались представители течения, которое можно назвать либеральным (А. П. Сумароков, Д. А. Голицын, Н. И. Панин, М. М. Херасков, С. В. Гагарин и другие).

Либерализм второй половины XVIII в., на наш взгляд, заключался в стремлении усовершенствовать монархическое правление путем реорганизации центральных государственных учреждений, смягчить отношения между дворянством и крестьянством, внедрить в массы идею необходимости осознания каждым сословием своего предназначения и места в государстве, что привело бы к прекращению социальных конфликтов. Либерально настроенные дворяне (Н. И. и П. И. Панины, А. А. Безбородко, А. Р. Воронцов и другие) разрабатывали проекты ограничения самодержавной власти в пользу всего дворянства, стремившегося к самоуправлению в губерниях и уездах. Однако их предложения отнюдь не означали попытки установить конституционную монархию. В их

проектах монарх продолжал занимать центральное место и имел полное право принимать все важнейшие решения. Они выступали за сословную монархию, где дворянство было бы более приближено к управлению государством.

М. Т. Белявский и Л. Г. Кислягина справедливо писали, что воззрения либерального дворянства в чем-то смыкались с положениями «умеренных течений в просветительской мысли Запада и России. Но, в отличие от просветителей, либерально настроенное дворянство не ставило задачу коренного переустройства русского общества на разумных началах, стремясь лишь подновить, осовременить существующий строй, очистить его от деспотизма и «азиатчины».

Достаточно полно эта тенденция проявилась в общественно-политических взглядах А. П. Сумарокова, поэта и драматурга, творчество которого было очень популярно в 50—60-е годы XVIII в. Его — противника деспотизма, оголтелого помещичьего произвола и паразитизма дворянства — часто относят к просветителям. На наш взгляд, это неправильно. Да, он — сторонник естественно-правовой доктрины происхождения государства, но его общественно-политические взгляды, в отличие от просветителей, носили узкосословный характер. А. П. Сумароков считал, что «монархическое правление... есть лучшее». Государство образуется путем общественного договора. Идеально, по Сумарокову, то общество, где все люди просвещенны. Они, «посоветовавшись, изберут себе государя, вельмож и начальников, которым они еще больше повиноваться будут, имея здравый рассудок; предпишут они ненарушимые законы, свяжут и себя и вельможей теми законами, которые они сами установили». Народ после этого становится подвластным правителю, который со своими помощниками будет обеспечивать ему «неусыпное попечение» и «благоденствие». Идеал государственного устройства для Сумарокова — монархия, образованная путем договора просвещенного народа с правителем. На этом участие народа в правлении прекращается.

В конечном итоге, в понимании Сумарокова, народ, общество, сыны отечества — дворяне, остальные — рабы отечества. Это деление очень четко проведено им в драматургических произведениях. Сумароков был сторонником сохранения сословного строя, хотя много говорил о естественных правах людей:

Какое барина различье с мужиком?
И тот, и тот земли одушевленный ком,—
И если не ясней ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.

В то же время Сумароков отрицает равенство в обществе. И здесь он смыкается со Щербатовым, полагая, что неравенство людей определяется воспитанием, просвещением. «Итак,— писал Сумароков,— хотя разум и равен у людей, но уже и качества просвещения делают различия между ними».

Подобных взглядов придерживался и известный поэт и драматург М. М. Херасков. Государство, считал он, образуется путем общественного договора, когда люди, избирающие правителей, понимают, что они должны поступиться большей частью своих естественных свобод и подчиниться его воле. Для Хераскова идеальный монарх — философ на троне, добродетельный, мудрый, богобоязненный, кроткий, человеколюбивый. И хотя поэт допускает для подданных возможность выражать правителю свое мнение, он под ними понимает по большей части «людей благородных». Народ без монарха существовать не может — он по природе своей монархичен. В романах «Полидор» и «Кадм и Гармония» Херасков прямо пишет о том, что монархия — высшее благо; общество должно быть подвластно монаршему правлению; оно будет оплакивать даже жестокого правителя. Долг народа терпеть и повиноваться. Таким образом, Сумароков и Херасков, используя естественно-правовую теорию французских просветителей, упор делали на ее первой части (монарха избирает народ) и отбрасывали напрочь идею народного суверенитета — это разительно отличало их от просветителей.

С теми или иными незначительными модификациями эти положения разделялись всеми представителями либерально настроенного дворянства. Они отстаивали идею необходимости для России самодержавной монархии «без примесов тиранства», укрепления сословного строя, прав и привилегий дворянства.

В условиях господства и укрепления самодержавного строя, развития крепостничества вширь и вглубь изображение царя тираном, а народа — той силой, которая может ограничить монарха, становилось у просветителей России средством борьбы с бесправием и жестокостями абсолютизма. Наиболее ярко влияние идей естественно-правовой доктрины буржуазных идеологов Франции про-

явилось в творчестве Н. И. Новикова и Д. И. Фонвизина. Н. И. Новиков очень высоко оценивал роль государства, которое должно заботиться о благе общества. Оно образовано людьми, объединившимися для того, чтобы добыть себе пропитание, защитить «свое владение от лютости медведей и львов». Некоторое время спустя «опыт показал выгоды нечаянного соединения; после опасного своевольства следовала, по счастию, общая тишина, и чрез долговременные опыты почувствовали нужду в установлении законов».

Н. И. Новиков, издатель многих журналов и книг, разделял теорию договорного происхождения власти. В своем произведении «Фортуна велика, да ума мало» он описывает историю избрания правителя Лавида. Плохо образованный, склонный к роскоши и плотским удовольствиям, Лавид был избран правителем всеми жителями острова, на берег которого он был выброшен после кораблекрушения. «Народ,— писал Н. И. Новиков,— подхватывает его на руки, несет с радостным восклицанием во свое жилище, делает его над собою властителем и во всем покоряется его воле». Но ленивый Лавид не торопится править, и тогда люди «с покорностию просят начатия его правления, рассказывают ему о несогласии, происшедшем от вольности между ними, просят его покровительства и справедливого дел решения». Установить, однако, мир и благоденствие общества Лавиду не удалось по причине недостаточного образования, добродетели. Нежелание и неумение думать об общественной пользе и обеспечить ее привело его к тирании. «Впредь,— написал в указе Лавид,— отныне повелеваю не мешаться родителям в дела детей, судьям в дела жен, бедным искать у богатых покровительства и самим собою обид им не делать, в прочем жить всякому по своей воле; почитать меня... меня одного бояться и слушать. Кто сей закон нарушать станет, того лишать жизни, а имение взять на государя». В обществе усиливается хаос, беспорядки, истребление людей. Это произошло потому, писал Н. И. Новиков, что жители острова хотя и увидели свою ошибку в выборе государя, но не смогли порвать с Лавидом, потому что «привыкнувшие к суеверию ожидают впредь своего счастия, и с поспешностью исполняется приказ Лавидов». Только его гибель спасает народ от истребления.

Русский просветитель верил в благотворную деятельность «просвещенного монарха», на страницах своих журналов давал наставления монархам: какими они должны

быть и какими нет, каковы должны быть их обязанности по отношению к подданным, много рассуждал о вреде плохих правителей. Будучи непримиримым противником самовластья, беззакония и тирании, Новиков считал, что наиболее совершенной формой правления, обеспечивающей развитие страны, благо народа, является монархия во главе с «просвещенным монархом». Всей своей деятельностью он показывал, что Екатерина II таковым не является, а самодержавная монархия в России несет людям угнетение и бесправие.

Новиков, в отличие от Сумарокова и Хераскова, не считал, что общество должно слепо повиноваться монарху и суеверно ожидать от него благодеяний. За это он упрекал островитян, выполнявших распоряжения Лавида. Считая первичным общество, просветитель выступал за независимость его мнения от правительства. Именно общественное мнение должно было быть, по его мысли, той силой, которая гарантировала бы обеспечение прав каждого человека. Н. И. Новиков свято верил, что способствовать моральному усовершенствованию людей, воспитанию подлинной нравственности может только просвещение общества, распространение наук и художеств.

Н. И. Новиков ратовал за бессословное государство, где не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, все будут трудиться на благо общества, честно исполнять свои обязанности и платить справедливые налоги. Он был последовательным сторонником естественного равенства людей. В письме Г. В. Козицкому он писал, что человек прежде всего должен заботиться о хлебопашестве, «а дворяне еще и наиболее прочих, потому что они не что иное, как люди, которым государь вверил некоторую часть людей же, во всем им подобных, в их надзирание». Еще сильнее мысль об отсутствии различий между дворянами и крестьянами звучит в рецепте Безрассуду, который «болен мнением, что крестьяне не суть человеки... а что такое крестьяне, о том знает он только по тому, что они его крепостные, его рабы». Н. И. Новиков прописывает ему следующее лекарство: «Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином». Та же мысль выражена в «Письме к другу»:

Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучим, не стыдясь, подобных нам людей.

Новиков, отстаивая равенство людей, утверждал, что ценность человека определяется вовсе не его сословной принадлежностью. Изображая безрассудов и недоумов, змеянов, вертопрахов, «ябедников, обидчиков и грабителей», забывших достоинство и честь, он показывает, что сословное деление общества морально калечит людей. Развращенным дворянам просветитель противопоставляет честных, скромных, трудолюбивых купцов, мещан и конечно же приниженных, угнетенных крестьян.

Если представители консервативного направления, выступая за сословное деление общества, оправдывали его существование неодинаковым уровнем образования различных сословий, то Новиков, мечтая о бессословном государстве всеобщего благоденствия, утверждал, что достичь его можно путем образования всего народа.

Критика Новиковым самодержавия, сословного строя будила общественное мнение, заставляла задумываться людей над пороками России, их причинами, и тем опасна она была для Екатерины II.

Не меньший гнев и раздражение вызывали у императрицы Д. И. Фонвизин и С. Е. Десницкий. Свои взгляды на проблему происхождения власти Д. И. Фонвизин, драматург и государственный деятель, наиболее полно изложил в «Рассуждении о непременных государственных законах» — введении к конституционному проекту, разрабатывавшемуся Н. И. Паниным для наследника русского престола великого князя Павла Петровича (будущий император Павел I), и в «Каллисфене».

Фонвизин, следуя за энциклопедистами, считал, что сначала образуется общество, а потом оно заключает договор с государем. «...Человеческие общества,— писал он,— основаны на взаимных добровольных обязательствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают». Государь же «исправляет всечастно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая ее к почестям» на основе «непреложных законов». Под «непреложными законами» Фонвизин понимал государственные законы, без которых «непрочно ни состояние государства, ни состояние государя». Если же власть, в основе которой должны находиться одобренные нацией законы, заменяется произволом правителя, то прочной связи между ним и нацией быть не может. Злоупотребления в самовластных государствах «восходят до невероятности», там процветают пьянство и подлость, непомерное честолюбие правителей и вельмож, презрение к тру-

ду, честности, люди не заслуживают свое положение, а выслуживают, в почете недостойные люди, мыслящие и благородные преследуются, процветает неправосудие, корыстолюбие, взяточничество, казнокрадство. Самовластное правление обречено на гибель, потому что «при крайнем ожесточении сердец все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, нечувствительно в одну точку соединяются. Вдруг все устремляются расторгнуть узы нестерпимого порабощения. И тогда что есть государство? Колосс, державшийся цепями. Цепи разрываются, колосс упадает и сам собою разрушается».

Но все это скорее предостережение монархам — он, как и почти все русские просветители, выступая с критикой самодержавно-крепостнического строя, никогда прямо не призывал к вооруженной борьбе с деспотизмом. Фонвизин апеллировал к разуму «просвещенного монарха», к его высоким нравственным качествам. Эти черты ума и характера, полагал просветитель, обеспечат монарху почтение и любовь народа, а он, соблюдая законы, обеспечит благо и вольность людей. Следовательно, идеалом Фонвизина была монархия, образованная путем общественного договора, во главе со справедливым, кротким, добродетельным, просвещенным монархом, управляющим на основе незыблемых законов.

Рассуждениям о возможности существования просвещенной монархии без фундаментальных законов Фонвизин противопоставил свою точку зрения в произведении «Каллисфен». Центральная тема его — эволюция политики Александра Македонского от просвещенного правления к тирании. Он, ученик Аристотеля, стремящийся быть просвещенным правителем, просит учителя прислать ему наставника. Каллисфен, прибыв к Александру, старается воздействовать на него, дабы он совершал человеколюбивые поступки. Первое время это ему удается, но он в своей деятельности все больше сталкивается с сопротивлением александровского окружения: Арбас — льстец, Аргион — «вельможа пренизкой души и презнатной породы, имевший зверское сердце и скотский разум», Клитомен — «надменный пышностию и ложным славолюбием». Любимцем Александра был Леонад, который «в самое короткое время умел... овладеть совершенно душою сего монарха. Им самим владели страсти — высокомерие и алчность к обогащению», он никого не любил, добра почти не делал, не терпел «видеть людей

в удовольствии», «при дворе был... силен». Он имел сильное влияние на Александра и сумел оклеветать Каллисфена, который был брошен в темницу и затем казнен. Фонвизин развил в «Каллисфене» мысль, высказанную им в «Рассуждении», о порабощении в самовластных государствах правителя недостойными любимцами. Добродетель и кротость правителя — слабые гаранты его благодетельного правления. Они действуют только тогда, когда рядом с ним есть человек или люди, которые, воздействуя на нравственные качества монарха, способствуют «добродетельному и человеколюбивому» правлению. Но, как правило, историческая реальность убеждала Фонвизина и других просветителей, что в монархиях окружение правителя составляют высокомерные, алчные себялюбцы, и он правит «недобродетельно». Таким образом, Фонвизин оказался в кругу неразрешимых противоречий. И все же боязнь движения непросвещенного народа заставляла его все надежды возлагать на просвещение и «просвещенного монарха», окруженного философами.

В идеальном государстве «просвещенного монарха», где правление осуществляется по фундаментальным законам, должны жить свободные люди, господствовать политическая вольность. Под свободным он понимал человека, который не зависит ни от чьей прихоти, а политическую вольность связывал с правом собственности. Но далее констатации этого факта в решении вопроса о собственности Фонвизин не шел, так же как и в вопросе о равенстве, когда критиковал сословный строй России.

Утверждая свой идеал государственной формы правления, он следовал не только за энциклопедистами, но и за Монтескье. «*Вольность* и *собственность*,— писал Фонвизин,— должны быть устроены сообразно с физическим положением государства и моральным свойством нации».

Иначе рассматривал причины происхождения государства С. Е. Десницкий, профессор Московского университета. В начале 60-х годов он вместе с И. А. Третьяковым был послан в Шотландию, в университет г. Глазго, для завершения своего образования. В этом учебном заведении курс «нравственной философии» читал Адам Смит. Английская политическая мысль оказала значительное влияние на формирование политических взглядов С. Е. Десницкого. Он, как и А. Смит и Д. Миллар, отказывается от теории договорного происхождения власти. Отказ

А. Смита и Д. Миллара от договорной теории, как справедливо заметил П. С. Грацианский, «определялся не только политическими причинами, но и самой логикой развития знания о государстве... фактический материал свидетельствовал об антиисторичности договорной теории». Отказ же С. Е. Десницкого от нее объясняется не только следованием за учителями, но и использованием теории общественного договора представителями консервативного направления общественной мысли России «для морального обоснования существовавшего общественного строя, в том числе крепостнических порядков, которые якобы были обусловлены первоначальным договором», и поэтому «отрицание договорной теории происхождения государства лишало эти порядки нравственной санкции».

По мнению Десницкого, договор лежит лишь в основе образования общества. Первобытные народы «скитались без всяких законов, без правительства, свободны и распутны», но для того чтобы обеспечить себя пропитанием, отбиться от неприятелей, где добровольно, а где по принуждению, «в общежительство сошлись и семейства у себя и селения завели...». После этого, рассуждал далее Десницкий, стали возникать у них законы, права и правительства. Объединившимся народам пришлось поступиться некоторыми своими природными правами, но они продолжали удерживать «при сем теснейшем соединении» и сохранять «свои персональные права и природную вольность». «От сего обстоятельства,— делал вывод Десницкий,— самые первоначальных обществ народных правительства примечаются столько слабыми и неустроенными», что судьи, кроме посредственнической, никакой другой почти силы, ни власти не имеют.

Отрицая теорию общественного договора, Десницкий связывал происхождение государства с изменениями в хозяйственной жизни, возникновением и развитием частной собственности, не относил к государствам «слабые и неустроенные общества». Залогом прочности государства он считал «изрядное законоположение», единство веры и крепкие торговые связи. С. Е. Десницкий, как и все русские просветители, проблему происхождения государства тесно увязывал с проблемами политического устройства России.

В феврале 1768 г. он направил Екатерине II «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», где вы-

сказал свои взгляды на государственное устройство, отличные от идей «Наказа» императрицы. Будучи противником самодержавной власти, он являлся сторонником конституционной монархии. С. Е. Десницкий отмечал, что законодательной власти «в Российской империи, кроме монархов, никто в полном значении не может иметь», но неотлучно при монархе должен быть правительственный сенат, которому «дозволяется... делать указы вновь, старые поправлять, дополнять или уничтожать так, как надобность и изволение монаршее потребует». Но только лишь этим Десницкий не ограничивал деятельность Сената. Он наделял его правом установления налогов, осуществления контроля за расходами, деятельностью административных и судебных учреждений страны, «войну продолжать и заключение трактатов с соседними державами наблюдать, дабы отечеству предосудительными не были». А поскольку, считал Десницкий, «законодательная власть всех прочих высшей поставляется», то необходимо сделать Сенат высшей судебной инстанцией, где «апелляции всех дел, которых в нижних судах не решено, свое конечное решение имели». Сенат должен быть выборным и состоять из 600 или 800 членов, избранных на основе имущественного ценза, а не по сословному принципу. Каждая губерния, провинция, сословие должны иметь «в законодательной власти представителя, заступника и ходатая...». Сенаторы избираются сроком на пять лет, но в совокупности не более чем на три срока. Постольку поскольку в Сенат должны избираться представители всех сословий, «польза отечества советует дозволить иметь всем равномерный свободный голос и заседать всем совокупно в Сенате; дела, какие им монарх заблагорассудит приказать решить, всегда большинством их голосов чтоб решены были в Сенате». Поддерживавший, как и большинство просветителей, теорию разделения властей, С. Е. Десницкий считал, что административная власть должна быть отделена от судебной и ее деятельность должна быть поставлена под контроль суда. В городах власть должна быть предоставлена непосредственно жителям города, «а более еще купцам и художественным людям» (ремесленникам).

В русском просветительстве нашла отражение еще одна интерпретация проблемы происхождения верховной власти. А. Я. Поленов, солдатский сын, окончивший университет г. Страсбурга (Франция), в своей работе «О крепостном состоянии крестьян в России» опирался на

теорию насилия. Правда, он не говорил прямо о верховной власти. Речь шла о происхождении рабского состояния крестьян, что в условиях российской действительности давало возможность показать насильственные пути возникновения самодержавия и крепостничества, подчеркнуть их несоответствие принципам разума.

Поленов, исходя из теории естественного права, отрицал происхождение рабства из общественного договора, так как отказ от личной свободы противоречит «врожденной в человеке к приобретению благополучия склонности и... непреодолеваемому стремлению к вольности». Истинной причиной возникновения «рабского состояния» он считал войны. «Российские прародители» вели постоянные войны, «собрав в них великое множество пленных, которые по принятому издревле обыкновению, будучи приведены в рабское состояние, причислялись к прочей добыче». Кроме этого, считал Поленов, число людей, потерявших вольность, увеличивалось за счет тех, кто, «думая кончить свои бедствия и надеясь сыскать себе защиту, предпочли рабское состояние благородной вольности...». Следовательно, источником рабства Поленов считал не только насилие, но и добровольное соглашение. Но превращение свободных в рабов, по его мнению, давало выгоду не всему обществу, а лишь тем, кто стремился «к удовольствованию роскоши и гордости».

Большой интерес в России вызывали труды Руссо. Почти все его произведения были переведены на русский язык, а некоторые — и по нескольку раз, выходили своеобразные обзоры его сочинений. Русский читатель был хорошо знаком и с антируссоистской литературой. Появление каждой книги Руссо вызывало живейшее обсуждение. Восприятие Руссо в России было неоднородным: у каждой группы, как писал Ю. М. Лотман, был свой Руссо. Екатерина II в беседе с Е. Р. Дашковой называла Руссо «очень опасным автором, манера писать которого увлекает и возбуждает молодые головы». Сдержанно воспринимала уравнительные идеи Руссо часть непривилегированной русской интеллигенции. Работами Руссо интересовались представители просветительской идеологии — Я. П. Козельский, Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков, А. Н. Радищев и другие.

Наиболее ярко влияние идей Руссо проявилось в творчестве Я. П. Козельского и особенно А. Н. Радищева.

В трактовке общественного договора Я. П. Козельский, инженер-капитан, философ и переводчик, следует за Руссо, о чем сам пишет в своих «Философических предложениях». Как и у французского просветителя, у него договор заключается между людьми, входящими в общество. «Благополучие целого народа,— писал Я. П. Козельский,— состоит в том, когда каждый из его членов теряет малую часть своих удовольствий... и уступит одно какое-либо из своих или по малой части из всех желаний обществу, то чрез то они без изъятия все почти во всех своих желаниях будут удовольствованы и потому благополучны». Человек, по мнению Козельского, вступая в общество, теряет естественную свободу, а приобретает «гражданскую вольность и собственность мнения». Вступив в общество, люди избирают правителя, который правит ими на основании законов. Русский просветитель был уверен, что благосостояние общества зависит от его добронравия, трудолюбия, обеспечивается совершенным законодательством. Рассматривая различные формы правления, Козельский повторил схему Монтескье. Он отрицательно относился к деспотизму, а самовластных деспотов характеризовал как людей, «забывших свою должность». Козельский склонялся к республике, где «общая польза есть основание всех человеческих добродетелей и законодательств», но не исключал возможности монархической формы правления при наличии там «созидательных законов». Одним из них было неравенство в собственности, которое определяется достоинством и заслугами. Лучшее состояние, по мнению Козельского, должно принадлежать достойнейшему человеку. Решить этот вопрос, считал он, сложно, но возможно, и делать это надо по совести. Вторым из созидательных законов Козельский называл «установление от монарха новых и уничтожение старых законов по правильным причинам». Умеренные законы служат общей пользе народа, а те, «которые клонятся к пышности, служат к излишнему баловству одной части народа и к притеснению другой».

Как и Руссо, который на основе своей трактовки общественного договора подошел к выводу (хотя и не сделал его) о возможности вооруженного выступления против существующего строя, Козельский признает возможность насильственного выступления народа против своих угнетателей, которые принуждали его к «долговременному терпению». Разумеется, подобное рассуждение

следует расценивать лишь как предупреждение правителю, а не как призыв к восстанию. Просветитель, разделяя договорную теорию Руссо, считал, что главными силами, обеспечивающими общественное благо, были трудолюбие, добронравие людей, которые достигаются хорошим воспитанием, и умеренные справедливые законы, издаваемые и соблюдаемые правителями.

Мы не располагаем сколько-нибудь четкой и подробной характеристикой Радищевым взглядов Руссо, однако высказывания русского мыслителя в письмах к А. Р. Воронцову, в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», в одной из заметок позволяют говорить о том, что А. Н. Радищев был одним из самых внимательных читателей работ французского просветителя и не во всем с ним соглашался. Например, в одном из своих писем к А. Р. Воронцову он писал о том, что «Европа обязана Руссо переворотом», который произошел «в общих началах воспитания». В другом письме Радищев отмечал, что Руссо опасен как автор для молодежи «не своими правилами, как это обычно считают, но тем, что он весьма искусный руководитель в науке чувствительности». По мнению Радищева, это качество достойно уважения, но у Руссо оно идет от тщеславия. Радищев, возражая Руссо, писал, что «человек рожден для общежития», и вслед за этим восклицал: «О Руссо! Куда тебя завлекла чувствительность необъятная?» А в одной из своих заметок Радищев критиковал Руссо за то, что тот считал республиканский строй возможным лишь в странах с малой территорией.

Руссо и вслед за ним Радищев писали, что общественный строй не является данным человеку от природы. Нормы общественного порядка из нее выведены быть не могут, так как ни один человек от природы не может быть властным над себе подобными. Все люди от рождения свободны. Но люди живут в обществе, которое лишает их самых элементарных человеческих прав. Рабство и крепостничество противоречат естественным правам человека, они являются результатом естественного отчуждения одними людьми своих прав и свободы в пользу других, что приводит к порядку, требующему подчиненности. Отстаивая право человека на свободу, они выступали сторонниками гражданского и имущественного равенства, чего не было и не могло быть при абсолютизме.

По мнению Руссо, абсолютистский строй зиждется на силе и узурпации. Власть при абсолютизме основывается на так называемом праве сильного, который превращает свою силу в право, а повиновение ему — в обязанность. Сила, говорил Руссо,— это физическая мощь, и ей приходится повиноваться. В действительности же люди обязаны повиноваться только властям законным.

Такого же мнения придерживался и Радищев. В главе «Новгород» он писал: «Но какое он (Иван IV.— *В. М.*) имел право свирепствовать против них (новгородцев.— *В. М.*), какое он имел право присвоять Новгород?.. Но на что право, когда действует сила? Может ли оно существовать, когда решение запечатляется кровию народов?» Изучение истории России, мировой истории показало Радищеву, что во все времена угнетение утверждалось только силой. Абсолютизм как строй, основанный на насилии и бесправии, не может быть законной властью.

Как мы уже говорили, официальной теории происхождения абсолютистского государства Руссо и Радищев противопоставили теорию договорного происхождения власти. Общественный договор заключается между людьми, образующими общество, и обеспечивает полное соответствие между волей отдельного человека и волей всего народа. Это справедливое соглашение, так как оно полезно для всех и единственной своей целью имеет общее благо. Гарантом прочности такого соглашения является вся сила общества. Теория общественного договора определяет и роль верховной власти в государстве. Высшей властью в государстве является власть народа, отражающая его общую волю. Эта власть никем и ничем не может быть ограничена, только она может основать или разрушить общество, так как тождественна общественному организму. Верховная власть народа неделима и неотчуждаема. «Я утверждаю, следовательно, что суверенитет (власть народа.— *В.М.*), который есть только осуществление общей воли,— писал Руссо,— не может никогда отчуждаться и что суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представляем только самим собой. Передаваться может власть, но никак не воля».

Радищев в «Опыте о законодавстве» говорил об «употреблении» власти теми, кому ее вручает народ, о том, что судить, приносит ли пользу это «употребление» или нет, «может только народ в соборном своем лице». В оде «Вольность» он с гневом писал о правителе, узурпировавшем власть, полученную от народа.

Понимание Руссо и Радищевым верховной власти в государстве как власти народа, утверждение, что эта власть суверенна, неделима и неотчуждаема, позволило им дать юридическое и политическое обоснование полновластия народа — а это шло вразрез с утверждениями идеологов абсолютизма об извечности, незыблемости и законности самодержавной власти.

По мнению Руссо и Радищева, правитель, выражающий волю народа, следит лишь за исполнением законов. Издавать же законы может только народ. Закон — это акт общей воли. В противном случае законы станут орудием их страстей, что приведет к разрыву народа с правителями.

Руссо и Радищев, основываясь на теории общественного договора, народного суверенитета, пришли к выводу о законности революционного метода борьбы с абсолютизмом. В то же время нельзя говорить о полной тождественности взглядов Руссо и Радищева по рассматриваемому вопросу.

Оба мыслителя исходили из позиций необходимости защиты слабых, угнетенных от посягательств эксплуататоров. Различия возникают, когда речь заходит о наиболее действенном инструменте такой защиты. Для Руссо на первом плане стоит защита интересов и имущества конкретного, отдельного человека. Известно, что Руссо идеализировал естественное состояние. Он утверждал, что человеку по природе свойственно уединенное состояние, в котором он помышляет о спокойствии и свободе. Такой человек не имеет пороков. Им движут чувства самосохранения и сострадания, он одинок, ни в ком не нуждается, т. е. не имеет общественного инстинкта. Человек в естественном состоянии не добр и не зол, различия между людьми минимальны, практически нет неравенства. По мнению Руссо, неравенство развивается в ходе развития человеческого ума, его потребностей. Совершенствование разума превращало человеческое существо в злое и делало его способным к общежитию. Естественное состояние заменялось общественным, в котором человек становился рабом, делался слабым, боязливым и приниженным, а его образ жизни, измененный и расслабленный, окончательно подтачивал его силы и мужество.

Естественное состояние и период, лежащий между ним и образованием общества,— наиболее счастливые для людей. По мнению Руссо, это детство и юность

человечества, его золотой век, общественное состояние — это период, соответствующий старческому состоянию индивида. Как старикам нужны костыли, так и людям нужны законы, управление. Таким образом, в известном смысле общественное состояние естественно для человека, но становление общества, как считал Руссо, происходит в результате роковых случайностей или внешних обстоятельств, и если их возможно избегать или замедлять, то человечество может отдалить наступление своей старости. Однако Руссо видел, что возвращение к естественному состоянию, которое он славил, невозможно, следовательно, необходимо принять меры для защиты слабого, приниженного человека, избегать неравенства и поддерживать среднее состояние. Руссо мечтал «о таком строе, в котором собственность была бы очищена» от своих «отрицательных сторон» и упрочена в его, мелкого собственника, интересах, поэтому и предлагал бороться с неравенством путем более или менее решительных уравнительных мер.

Вступая в общество, человек получает гражданскую свободу. Эта свобода должна быть ограничена общей волей, так как частный интерес, воля одного человека стремятся к преимуществам, а общая воля стремится к равенству всех членов общества. Поэтому, чтобы ни один человек не смог добиться удовлетворения своих частных интересов в ущерб другим, люди, вступая в общество, отказываются в его пользу от всех своих прав. Отчуждение всех прав приводит к тому, что для всех создаются равные условия.

Таким образом, сохранение свободы и благосостояния человека возможно лишь при полном подчинении обществу, а оно будет, в свою очередь, гарантом равенства и свободы.

Теория Руссо, противоречивая сама по себе, с одной стороны, давала возможность обосновать законность вооруженного пути борьбы с абсолютизмом, с другой — при определенной интерпретации положение Руссо о подчиненности людей обществу могло использоваться для защиты абсолютизма и доказательства его правомерности.

Радищев, как и Руссо, отстаивал права человека на свободу и равенство, которые являются естественными и даны ему от природы. Как и Руссо, Радищев считал, что в естественном состоянии человек имел право на защиту своей жизни, здоровья, имущества.

В отличие от Руссо Радищев считал, что человек стремится жить в обществе, он социален, так как «силы человеческия, дремавшия, уснувшия паче или поистине мертвыя в единственности, воспрянули в общественном сожитии, укрепилися взаимно, распространилися, возвысилися и, объяв вся не токмо существующая, но и вся возможная, возмечтали и то, что им несоразмерно...». Человек, стремящийся к личному благу, не выступает против других людей, ибо каждый «в особенности своей не инаго чего желал, как чего желали все...». Разумно понятый интерес человека совпадает с интересом общественным, поэтому человек «блажен в общественном союзе, блажен и в своей единственности». Следовательно, считал Радищев, человек рожден для общежития, в нем совершенствуется, действует на его благо.

Для Радищева жизнь человека в обществе, развитие человеческого общества являются не старением, упадком, из которого трудно вернуться в естественное состояние, а движением человека вперед, обогащением его разума, знаний, чувств. Поэтому в центре внимания Радищева находится не только человек, но и общество, которое, в свою очередь, должно обеспечивать благо человека. Заключение общественного договора сохраняет естественную свободу, человек лишь ограничивает ее в пользу общества, получая от него защиту,— он становится гражданином, не переставая быть человеком. Поэтому в свободном обществе, не ущемляющем его права, он стремится к его сохранности и развитию. Вступившие в общество доверяют, как писал Радищев, «власть ее употребителю», который следит за исполнением законов, гарантирующих благосостояние граждан.

Но если оно (общество.— *В. М.*) «восхочет его (гражданина.— *В. М.*) лишить пользы гражданского состояния», выступит против его исконных прав, «тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности благосостояния».

Если правитель узурпирует власть, то общество — верховный его судья, истинный правитель — имеет право выступить против тирана. Из этого Радищев делает вывод о возможности коллективной и индивидуальной защиты. Отсюда борьба с тиранией, право на вооруженное выступление воспринимаются как естественная акция угнетенного народа или человека.

Таким образом, гарантом свободы общества является постоянная готовность людей к вооруженной защите сво-

их прав. Радищев, выступавший с позиций угнетенного русского народа, верил в его силы, в светлое будущее своей страны и был убежден, что освобождения от деспотизма надо ждать не от «великих отчинников», а от народной революции. Эту идею он обосновывал и последовательно проводил в своих произведениях.

Таким образом, в общественно-политической мысли России второй половины XVIII в. были высказаны различные предложения по вопросу дальнейшего пути развития России. Консерваторы твердо стояли на позициях сохранения самодержавия и крепостничества. К ним примыкали либерально настроенные дворяне, предлагавшие, правда, меры смягчения абсолютной власти монарха и приспособления существующего строя к новым развившимся в недрах феодализма капиталистическим отношениям.

Просветители выступали с предложениями, реализация которых должна была, по их мнению, положить конец самодержавию и крепостному праву, создать государство, основанное на действии твердых и непреложных законов, обеспечивающих благоденствие граждан. Но пойти по этому пути Россия не могла. Самодержавие было сильно, опиралось в проведении своей политики на армию и чиновничье-бюрократический аппарат. Дворянство в основной своей массе поддерживало самодержавный строй, видя в нем гаранта обеспечения своих прав и привилегий. Общественное движение против самодержавия в стране отсутствовало. Во второй половине XVIII в. в России, как справедливо заметил Г. В. Плеханов, стали появляться «пока еще только отдельные личности, способные искренно увлечься передовыми освободительными стремлениями своей эпохи и посвятить свои силы их проведению в жизнь».

Поэтому самодержавный строй России продолжал господствовать еще долгие, долгие годы. Следует заметить, что особенностью развития капитализма в России, одной из стран «второго эшелона», было отсутствие достаточно мощных общественных сил, выступавших против самодержавия. Они, как правило, были слабы и разрозненны, а потому модернизация, движение по пути прогресса происходило в России за счет изменения правительственной политики, а не в результате общественной борьбы.

С. В. МИРОНЕНКО

КАК РОССИЯ В НАЧАЛЕ XIX В. ЧУТЬ НЕ СТАЛА КОНСТИТУЦИОННОЙ МОНАРХИЕЙ

XIX в. — особое столетие в истории России. С его началом освященные традициями русской жизни, казавшиеся дотоле незыблемыми основы Российского государства подверглись суровым испытаниям. Неумолимый ход исторического развития постепенно показывал неизбежность разрушения феодально-крепостнической системы. В исходе первой четверти века страна ощутила верные признаки того, что самодержавие в прежнем своем виде уже не соответствует требованиям времени и без изменений вряд ли сможет долго существовать. Впервые и перед верховной властью, и перед обществом реально встал вопрос о правомерности неограниченного самовластия и крепостного права. И что примечательно, встал не как отвлеченная проблема (об этом много рассуждали и раньше), а как насущная потребность русской жизни 10 — 20-х годов XIX в. Шел процесс осознания необходимости и неизбежности коренных преобразований.

Сперва грандиозные реформаторские замыслы М. М. Сперанского, одного из крупнейших государственных деятелей России XIX в., а затем конкретные проекты русской конституции («Уставная грамота Российской империи», созданная под руководством Н. Н. Новосильцева) и освобождения крепостных крестьян (планы решения крестьянского вопроса, принадлежавшие А. А. Аракчееву и Д. А. Гурьеву) доказали, насколько серьезно было озабочено этими проблемами правительство. Возникновение декабризма, создание конституции Н. М. Муравьева и «Русской правды» П. И. Пестеля, наконец, само восстание 14 декабря 1825 г. явились неопровержимым свидетельством того, что в еще большей степени те же проблемы волновали и общество.

Естественно, что самодержавие и передовая часть общества пытались идти к переменам разными путями. Правительство — единственно возможным для него пу-

тем реформ, общество — сначала давлением на правительство, поддержкой, подталкиванием его реформаторских устремлений, потом попыткой насильственного изменения политического строя. За кем осталась победа в этом споре? Сперва власть показала, что она способна, вопреки сопротивлению большинства дворян-помещиков, отменить крепостное право. В ходе реформы 1861 г. крестьяне были освобождены — плохо, непоследовательно, но все же освобождены. Затем, когда эволюционный путь превращения самодержавия в буржуазную монархию не нашел своего логического завершения, общество взяло свое: Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. смела династию Романовых, триста лет занимавшую российский престол.

В первой половине XIX в. Россия была аграрной страной, где господствовало крепостное право и существовала самодержавная форма правления. Подавляющая часть населения находилась в феодальной зависимости от дворян-помещиков или государства и продолжала жить земледельческим трудом. Промышленность была развита сравнительно слабо и группировалась главным образом вокруг Петербурга, Москвы, а также на Урале.

Среди сельского населения выделялись три основные группы: крестьяне помещичьи, государственные и удельные, т. е. принадлежавшие царской фамилии. В наиболее тяжелом, по существу, рабском положении находились помещичьи крестьяне. Они полностью зависели от своих владельцев и были почти совершенно бесправны. Помещик полностью распоряжался личностью крестьянина: он мог продавать или закладывать любого из крепостных, поодиночке или целыми селениями, ему же принадлежала полицейская власть в имении. Слабые попытки ограничить помещичий произвол, имевшие место в течение первой половины XIX в., не привели к практическим результатам. Не удалось добиться даже запрещения продажи крестьян с торгов без земли. В начале века Александр I, вполне осознававший постыдность процветавшего тогда в России неприкрытого торга людьми, издал указ, запрещавший лишь печатать в газетах объявления о таких сделках. С тех пор извещения о продажах крепостных стали стыдливо заменяться предложениями об отдаче крестьян «в услужение». Права же помещиков

на крестьян ничуть не были поколеблены. Более того, в 1822 г. был издан указ, снимавший все существовавшие дотоле ограничения и разрешавший помещикам уже без всяких объяснений ссылать неугодных им крестьян в Сибирь. Крепостничество достигло своего апогея.

Помещичьи крестьяне были обременены тяжелыми повинностями в пользу владельца, главными из которых были барщина или оброк. Наиболее тягостной для крестьян была барщина, т. е. непосредственная работа на землях помещиков. Стремление последних повысить свои доходы привело в 30—50-х годах XIX в. к расширению барской запашки и распространению в земледельческих районах именно барщины.

Существенной чертой российской деревни того времени было общинное устройство. Община (мир) имела определяющее влияние на все стороны сельской жизни: община производила время от времени переделы земли, следила, чтобы за каждым домохозяином было закреплено равное количество земли, отвечала за исправное отправление повинностей и внесение налогов, на общих сходах выбиралась сельская администрация, решались все возникавшие проблемы. Общинное землевладение и землепользование, при котором крестьянин никогда, по существу, не чувствовал себя собственником определенного участка земли, во многом определяло психологию русского крестьянина.

Несравненно в лучших условиях, чем помещичьи, находились крестьяне государственные, составлявшие более половины всех земледельцев в России. Прежде всего они не знали ужасов помещичьей деревни: государственные крестьяне принадлежали к сословию лично свободных людей, хотя и находились в зависимости от громоздкого бюрократического аппарата. В подавляющем большинстве жители государственной деревни, несшие, как и помещичьи крестьяне, феодальные повинности, находились на оброке, платя подушную подать и оброк казне. Существовали, правда, и пережиточные формы отмененной барщины — общественная запашка, некоторые натуральные повинности, иногда обработка полей местных чиновников, но объем их был мизерным. К концу 50-х годов повинности государственных крестьян были значительно меньше, а душевые земельные наделы несколько выше, чем у крестьян помещичьих.

Лучше помещичьих жили и крестьяне удельные. Они состояли на оброке и имели большие наделы. Но

и в удельной деревне начиная с 30—40-х годов XIX в. положение стало ухудшаться — надел уменьшался, а оброк увеличивался. За дополнительную землю удельные крестьяне вынуждены были платить высокую арендную плату.

Хотя крепостничество было еще очень сильно и прочно охватывало своим сковывающим влиянием всю страну, однако ростки нового уже прокладывали себе дорогу — формировался капиталистический уклад. На окраинах, в далекой Сибири, где не было помещичьего землевладения, и на юге ширилось использование наемного труда. В центральных районах увеличивалось производство зерна на рынок, совершенствовалась культура земледелия, возделывались новые технические культуры. Но все-таки новые отношения в сельском хозяйстве вплоть до реформы 1861 г. охватили крайне незначительную часть русской деревни.

Передовые страны Западной Европы, давно сбросившие с себя оковы феодализма, ушли далеко вперед в своем развитии. Они переживали эпоху необычайно быстрого экономического и социального прогресса. Во Франции с конца XVIII в. начался промышленный переворот, в Англии он уже завершался (к концу 20-х годов XIX в. в ней около половины населения было занято в промышленности).

Господствовавшая же в России феодально-крепостническая система не только тормозила развитие сельского хозяйства, но существенно мешала и росту промышленности. Однако, хотя промышленность России в первой половине XIX в. далеко отстала от уровня развитых европейских стран, и в ней чувствовалось наступление нового. В 30—40-е годы в России начинается промышленный переворот, возникает все больше фабрик, вытесняющих прежние мануфактуры. В промышленности постепенно, хотя и очень медленно, растет применение паровых машин. Получает распространение вольнонаемный труд. Правда, подавляющее большинство вольнонаемных рабочих, за исключением разорившихся мещан, были не свободными пролетариями, а крестьянами, отпущенными на заработки.

В целом же в первой половине XIX в. поступательное развитие России по сравнению с предшествующим временем сильно замедлилось. После поражения в Крымской войне 1853—1856 гг. она оказалась под угрозой превращения во второстепенную европейскую державу. Еще

задолго до грозных событий середины века над этим стали задумываться лучшие отечественные умы. «Государство наше не мануфактурное, мы не довольствуемся одними своими изделиями: внутренней торговли у нас нет; будучи земледельческим государством и не сбывая произведений земли нашей, мы совершенно обницали и не можем нести тяжелых повинностей. Если до сих пор уплачивали их, то какими изнурительными средствами!» — с горечью писал декабрист П. Г. Каховский в 1826 г., находясь в заключении в Петропавловской крепости.

В значительной степени отставание России определялось той политической системой, которая существовала в стране. Россия вступила в XIX столетие не только с сохранившимся в неприкосновенности самодержавным строем, но с такой организацией власти, которая уже совершенно очевидно не отвечала требованиям времени. В структуре государственных органов царили смешение и неопределенность функций. Возникавшие в течение длительного времени и без определенного плана государственные учреждения не имели ясно очерченной сферы деятельности и четких пределов своей компетенции. Уже к концу царствования Павла I современникам, причастным к управлению страной, было ясно, что в таком виде государственная машина дальше существовать не может.

Едва вступив на русский престол (1801 г.), Александр I сразу же заменил прежние коллегии министерствами. Реформа оказалась неудачной, и в 1810—1811 гг. принципы, положенные в ее основу, были существенным образом откорректированы. Суть преобразования заключалась в том, что с этого времени министерства становились центральными органами исполнительной власти. Управление страной больше уже не было подчинено исключительно фискальным и полицейским интересам, а все крупные отрасли управления были выделены в самостоятельные министерства.

Каждое министерство получило единообразное устройство. Во главе стояли министр и его товарищ. Аппарат министерства состоял из нескольких департаментов (во главе — директор), которые делились на отделения (во главе — начальник отделения), а они, в свою очередь,— на столы (во главе — столоначальник). Вся организация деятельности министерств строилась по принципу единоначалия. Директора департаментов подчинялись министру, начальники отделений — директо-

рам департаментов, столоначальники — начальникам отделений. Через канцелярию министр поддерживал связи со структурными подразделениями, она же ведала вопросами, разрешение которых подлежало непосредственно компетенции министра.

Министры назначались императором и фактически были ответственны только перед ним. Они, таким образом, получали, по существу, ничем не ограниченную власть в своей отрасли управления. Порочность этого принципа была ясна даже консервативно настроенным современникам. «Перед кем в России будут министры отвечать? — задавался вопросом Ф. Ф. Вигель.— Перед государем, который должен уважать в них свой выбор, которого делают они соучастником своих ошибок и который, не признавшись в оных, не может их удалить? Перед народом, который ничто? Перед потомством, о котором они не думают? Разве только перед своей совестью, когда невзначай есть она в каком-нибудь из них».

В 1810 г. был учрежден Государственный совет, просуществовавший вплоть до Февральской революции 1917 г. По точному смыслу «Образования Государственного совета» он должен был стать высшим законосовещательным органом империи. М. М. Сперанский, в 1808—1810 гг. по инициативе Александра I разработавший обширный план буржуазных по своей сути преобразований политического строя России, готовил Государственному совету иную роль — связующего звена между законодательной, судебной и исполнительной властью, с одной стороны, и монархом — с другой. Однако его планам не суждено было сбыться — в 1810 г., как, впрочем, и позднее: парламент не был создан. Вместо ограничения самодержавия представительным органом — Государственной думой, вместо переустройства всего государственного порядка на буржуазный лад, как замышлял Сперанский, законосовещательные функции были присвоены Государственному совету, назначаемому императором из высших представителей одного сословия — дворянства. Хотя ему и пытались придать некоторые черты органа, ограничивающего самодержавную власть, основы самодержавного политического строя остались непоколебленными. Решение Совета принималось большинством голосов. Оно представлялось царю. Члены Совета, не согласные с общим решением, могли подать особое мнение, которое приобщалось к журналу заседания, но никакого правового значения не имело. В соответствии с этим все законы,

уставы и учреждения должны были издаваться хотя и царским манифестом, но обязательно содержать формулу *«Вняв мнению* Государственного совета». Понятно, насколько ничтожными были ограничения власти самодержца, но и они вскоре были отброшены.

Буквально первые же годы деятельности Государственного совета показали, что самодержавие не в состоянии следовать даже тому порядку, который оно само санкционировало. Принятая общая идея о введении в России законного правопорядка на практике приходила в противоречие с традиционным произволом русского абсолютизма. Любой шаг к введению законного порядка вскоре сопровождался нарушением законов самим императором.

Прежде всего выяснилось, что Александр I вовсе не намерен рассматривать мнение большинства Совета как обязательное для себя решение. Уже в 1811 г. при обсуждении подготовленной Сперанским реформы Сената царь дважды утвердил мнение меньшинства членов Государственного совета. Довольно быстро исчезла из употребления и формула «*Вняв мнению* Государственного совета».

В дальнейшем верховная власть под давлением оппозиции справа стала последовательно уменьшать значение этого органа в жизни страны. Постепенно перестало соблюдаться положение, требующее обязательного предварительного обсуждения закона в Государственном совете. Многие важные законопроекты стали утверждаться царем, минуя Совет, по докладам председателя Комитета министров, председателей различных советов и комитетов. Таким образом, Государственный совет потерял даже статус единственного законосовещательного органа. Министр финансов Е. Ф. Канкрин как-то не без сарказма заметил, что Государственный совет был «совещательным местом, куда государь посылает только то, что самому ему рассудится».

С течением времени сфера компетенции Государственного совета вообще стала терять сколько-нибудь четкие очертания. Шел процесс ослабления его законосовещательных функций и наделения его финансовыми, судебными и административными полномочиями, вовсе не свойственными его первоначальному назначению.

Высшим административным органом страны в первой половине XIX в. был Комитет министров, возникший в 1802 г. Однако тогда его функции не были точно определены, и М. М. Сперанский справедливо указывал

потом, что «сей комитет был ни место, ни особое установление», он был только «образом доклада». Значение Комитета министров как высшего административного органа, а также его организационные основы были окончательно определены только «Учреждением Комитета министров», оглашенным 20 марта 1812 г.

В состав Комитета вошли председатели департаментов Государственного совета, а его председатель стал одновременно председателем Комитета министров. Однако, по существу, Комитет так и не стал органом, объединяющим и направляющим деятельность различных министерств. Он был местом совещания императора с наиболее доверенными высшими чиновниками. Таким образом, сохранялось смешение функций различных государственных учреждений. Нередко в противоречии с задачами Комитета министров, определенными «Учреждением» 1812 г., в нем рассматривались законопроекты. Затем они утверждались Александром I и становились законами, минуя Государственный совет. Наряду с этим Комитет министров постоянно был занят разбором судебных дел. Причем поступление их не регламентировалось никакими установлениями, а полностью зависело от желания отдельных министерств.

Одно из центральных мест в системе государственных учреждений занимал Сенат. Созданный в 1722 г. Петром I как высший административно-судебный орган, Сенат с течением времени значительно изменил свою структуру и функции. В рассматриваемое время это был громоздкий, плохо действующий государственный механизм, лишенный, подобно уже рассмотренным нами высшим учреждениям, строго очерченной сферы деятельности. По указу от 27 января 1805 г. Сенат делился на девять департаментов. Второй — восьмой департаменты формально были высшими апелляционными инстанциями для гражданских и уголовных дел. На деле же они таковыми не являлись: принятые ими решения не были окончательными. В случае разногласий между членами (а для вынесения решения требовалось не менее двух третей голосов) дело поступало на рассмотрение общего собрания членов всех департаментов, а затем передавалось на утверждение императору. С 1813 г. высшей инстанцией по отношению к общим собраниям Сената стал Государственный совет.

Ведущее место занимал в Сенате первый департамент. С одной стороны, он являлся как бы высшей инстанцией,

призванной наблюдать за точным исполнением законов, а с другой — был наделен массой административных функций. Первый департамент ведал обнародованием законов, однако наиболее важной его задачей было проведение сенаторских ревизий, в ходе которых проверялось, как правило, состояние отдельных учреждений или целых губерний. Сенаторские ревизии были важной составной частью внутренней политики самодержавия. Сенат, таким образом, не только следил за исполнением общих государственных законов, но и всесторонне контролировал деятельность всей государственной машины. Зачастую ревизии кончались преданием суду многих чиновников и даже иной раз губернаторов и других представителей бюрократической верхушки.

Через первый департамент Сената проходили дела о наградах и определении чиновников к должности, он руководил рекрутскими наборами и проводил ревизии крепостных душ. Как видим, функции его представляли причудливое смешение административных принципов и далеко выходили за рамки основного предназначения Сената.

Особое положение занимал межевой департамент. Он соединял в себе функции высшей административной и судебной инстанций по делам межевания. Тем самым он одновременно и управлял важнейшей для сельскохозяйственной страны отраслью экономики, и являлся высшим судьей в возникавших спорах.

Во главе Сената стоял генерал-прокурор. С учреждением в 1802 г. министерств должность эту стал занимать министр юстиции. Высшее судебное учреждение империи оказалось подчиненным одному из министерств. Всю первую четверть XIX в. и длительное время впоследствии такое положение оставалось неизменным. Совмещение должности генерал-прокурора и министра юстиции приводило к полному господству последнего в Сенате. В это время, как писал сенатор И. В. Лопухин, «укоренился несчастный обычай большинством голосов соглашаться с предложениями Министерства юстиции или какого-нибудь модного обер-прокурора».

Вся полнота реальной власти на местах принадлежала в первой четверти XIX в. губернаторам. Они, как и подведомственные им губернские учреждения, были непосредственными представителями самодержавной власти в глазах многомиллионного населения Российской империи.

Министерская реформа 1810—1811 гг. поставила губернаторов в двойственное положение. С одной стороны, они назначались непосредственно царем, ежегодно представляли на «высочайшее имя» отчеты о состоянии дел в губернии и, таким образом, подчинялись непосредственно императору. С другой — являлись чиновниками Министерства внутренних дел и тем самым полностью зависели от министра. Губернское же правление — исполнительный орган при губернаторе — осталось подчиненным Сенату. Смешение задач и функций, неясность, кто кому подчинен, вновь и вновь рождали путаницу и приводили к необычайным осложнениям.

И над всем этим уродливым и громоздким бюрократическим зданием возвышалась фигура императора. Он один стоял во главе громадной пирамиды власти. Он издавал законы и самолично следил за их исполнением, он был верховным судьей и мог своевольно распоряжаться финансами страны — словом, делать все, что заблагорассудится, не отдавая никому отчета в своих действиях. Все это, вместе взятое, и было самодержавием.

Смешение функций различных частей государственного аппарата, отсутствие контроля за выполнением правительственных решений, дублирование ответственности правительственных чиновников, очевидный разрыв между издаваемыми законами и их исполнением, произвол и повсеместная коррупция — вот отличительные черты самодержавной власти этого времени. Характерно, что в признании неприкрытого чиновничьего грабежа одной из глубочайших язв тогдашней России сходились представители самых различных общественных направлений. Декабрист А. А. Бестужев, осужденный за участие в восстании 14 декабря, писал: «В казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов — везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал». И как будто эхом этого звучат строки одного из самых консервативных документов эпохи — «Записки о древней и новой России» выдающегося русского историка другой эпохи друга Александра I Н. М. Карамзина. «Везде грабят,— писал Карамзин,— и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит! Доносят плуты — честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяткобратель и взяткодатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей — и дают им чи-

ны, ленты в ожидании, чтобы кто на них подал просьбу. А сии недостойные чиновники в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, какого они условно лишились. В два или три года наживают по нескольку сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни».

Дальновидные проекты Сперанского не получили практического воплощения в жизнь. Ни одна из реформ государственного аппарата, проведенных в этот период, ни в какой степени не задевала основы феодально-абсолютистского строя. Глубокое противоречие между реальным состоянием самодержавия, его политических институтов и ставшей совершенно очевидной самой верховной власти необходимостью серьезных перемен было поэтому основной политической коллизией первой половины XIX в.

Особенно отчетливо это стало проявляться после 1815 г. Победоносное завершение Отечественной войны 1812 г., освобождение народов Европы от наполеоновского ига, завоевание Россией лидирующего положения на мировой арене — словом, все те блестящие достижения, которыми была ознаменована для страны середина 10-х годов, не могли смягчить остроту внутренних противоречий и нерешенных вопросов.

Страна была разорена войной, потребовавшей непосильного напряжения всей экономики и принесшей огромные материальные и людские потери. Серьезный урон, нанесенный крепостному хозяйству, усугубился почти полным расстройством финансов. Россия переживала тяжелый экономический кризис. И хотя, как показали дальнейшие события, феодальный строй был еще достаточно силен и мог справиться с испытаниями без коренной ломки основ, объективные потребности развития заявляли о себе все с большей и большей силой.

Все передовое в стране с надеждой ожидало неминуемых, казалось, перемен. И. Д. Якушкин, рассказав в своих «Записках» о действиях Александра I в освобожденной союзными войсками Франции, которым «мог только радоваться республиканец Лагарп», писал затем: «В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решавшие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо... слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед».

Приведение политического устройства страны в соответствие с «духом времени», вместе с освобождением крестьян, осознанные как неотложные проблемы не только молодой Россией, в офицерских мундирах прошагавшей по дорогам Западной Европы, но и самой верховной властью, поначалу казались вопросами, вполне разрешимыми. О неотложности преобразований заявил в 1815 г. сам Александр I.

Конечно, одной из главных проблем была в то время проблема конституционного ограничения самодержавной власти — идея, которая носилась в воздухе послевоенной Европы. И первые результаты вполне обнадеживали. В 1815 г. была дарована конституция Царству Польскому, вошедшему в состав России после победы над Наполеоном. В том же году была установлена конституционная монархия во Франции, конституционное устройство получили некоторые германские княжества, была подтверждена шведская конституция.

Выступая в начале 1818 г. в Варшаве на открытии первого польского сейма, Александр I показал себя истинным сторонником конституционного устройства. Все, что происходило в Польше, он рассматривал как опыт введения конституции «сверху», как противовес революционному способу осуществления конституционных идей, которые император решительно осудил. Более того, он во всеуслышание заявил о возможности в будущем распространить конституционные порядки на всю Россию.

«Устройство, уже существовавшее в нашем крае,— говорил Александр, обращаясь к членам сейма, а в сущности ко всей стране,— дозволило мне ввести немедленно то, которое я даровал вам, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние надеюсь я с помощью Божией распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные.

Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю и чем оно воспользуется, как начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости». Русское дворянство с изумлением услышало от царя, что правила «законно свободных учреждений» были предметом его «непрестанных помышлений», что он считает их ни более ни менее как «спасительными» и, больше того, надеется распространить их «спасительное действие» на все подвластные

ему народы. Оказывалось, что Александр I «с давних пор приуготовлял» России конституцию. Конечно, для ближайшего окружения императора эти мысли были отнюдь не новы, но, произнесенные гласно не только на всю Россию, но и на весь мир, они приобретали совершенно иное звучание. «Вы призваны,— говорил далее император, обращаясь к полякам,— дать великий пример Европе, устремляющей на вас свои взоры».

Молниеносно разнесшаяся по России речь Александра I вызвала резкое осуждение и сопротивление крепостников. Близкие ко двору сановники были удивлены и даже шокированы. Почти сразу же возникала мысль о реальности обещаний императора — настолько неожиданны и необычны они были. Среди помещиков речь императора была истолкована как свидетельство близящегося освобождения крестьян. Удивительно, как точно уловили крепостники-помещики взаимозависимость и взаимообусловленность процессов социального и политического освобождения. И хотя Александр I, конечно, не говорил в Варшаве ни слова о перспективах крестьянской реформы, но слух именно об этом сейчас же пронесся по России. В составленном в мае 1812 г. «Обозрении духа народного» прямо указывалось, что в народе говорили, будто в августе 1818 г. должен был последовать указ об освобождении крепостных крестьян. Важно отметить, что ни в среде влиятельных помещиков, ни в среде высшей бюрократии и аристократии никто не выразил одобрения замыслам императора, ни в ком он не нашел явной поддержки.

Менее чем год спустя после варшавской речи обещание императора, казалось, стало приобретать реальные очертания — началась работа над проектом русской конституции. Правда, опасения сопротивления со стороны дворянства были настолько велики, что работа велась в строжайшей тайне, и даже не в Петербурге, а в Варшаве — подальше от любопытных глаз. Конституция создавалась под руководством крупного государственного деятеля того времени, будущего председателя Государственного совета и Комитета министров, а тогда «императорского комиссара» при польском правительстве Н. Н. Новосильцева. Н. Н. Новосильцев, человек с острым умом и сильной волей, государственный деятель большого масштаба, был в числе так называемых «молодых друзей» императора еще до вступления Александра I на престол, а потому хорошо представлял себе образ

мыслей державного повелителя. С именем Новосильцева как одного из активных участников Негласного комитета (совещательного органа при императоре в начале его царствования) связаны самые первые конституционные проекты «дней александровых прекрасного начала». Непосредственным автором конституционного проекта был состоявший при Новосильцеве француз П. И. Пешар-Дешан, про которого современники говорили, что он «набил себе руку во Франции на приготовлении и редакции» подобных сочинений.

Как ни старались держать работу над конституцией в тайне, сведения о ней просочились в европейскую печать. 21 ноября 1819 г. в парижской газете Бенжамена Констана «Le Constitutionelle» появилась заметка о близящемся введении конституции в России и на основании письма из Варшавы кратко излагалось ее содержание.

В то время работа над конституцией на самом деле не была завершена и находилась еще в полном разгаре. Конституционный проект был полностью готов, видимо, только летом следующего года. Что же представляла собой русская конституция образца 1820 г.— первая конституция за всю многовековую историю России, получившая название «Уставная грамота Российской империи»? Даже самое общее знакомство с ней убеждает, что, будучи осуществленной, она, без сомнения, оказалась бы одной из самых консервативных конституций своего времени. Достаточно сказать, что в проекте русской конституции основополагающий принцип всех европейских конституций — суверенитет народа, т. е. признание его источником государственной власти, заменен суверенитетом императорской власти. В статье 12 говорилось прямо и недвусмысленно: «Государь есть единственный источник всех властей гражданских, политических, законодательных и военных». Тем не менее это была настоящая конституция. В ней провозглашалось создание принципиально нового для России, буржуазного по своей сути органа — двухпалатного парламента, без рассмотрения и одобрения которого монарх не мог бы издать ни одного закона. Законодательная инициатива принадлежала исключительно императору, он же объявлялся главой исполнительной власти («государь есть верховная глава общего управления империи»). Специальная глава конституционного проекта была посвящена провозглашению гражданских свобод, даруемых гражданам Российской империи. Объявлялась свобода слова, вероисповеданий

(правда, оговаривалось, что православная религия остается господствующей, а политическое и гражданское равноправие предусмотрено только для христиан), равенство всех перед законом, неприкосновенность личности, свобода печати, наконец, особая статья обосновывала право частной собственности. Само собой подразумевалось, хотя об этом нигде не было упомянуто, что крепостные крестьяне не входят в число граждан. Вообще о крепостном праве в проекте не было сказано ни слова. Его авторы как будто не замечали этой не менее важной, чем политические институты, проблемы русской действительности. Существенным новшеством было предусмотренное конституцией федеративное устройство страны, которая делилась на так называемые «наместничества», где также создавались двухпалатные парламенты. Назначаемый царем наместник вместе с парламентом осуществлял всю полноту власти в «наместничестве».

Таким образом, буржуазный характер «Уставной грамоты» 1820 г. несомненен, как, впрочем, и ее ярко выраженный патримониальный характер. Парламент мог отвергнуть предложенный императором закон, но в то же время он был не в силах принять его помимо воли монарха. За императором кроме всей полноты исполнительной власти сохранялось право решать практически все дела в государстве. Право монарха на помилование или на вмешательство в выборы депутатов в парламент на практике означало нарушение торжественно провозглашенного в проекте конституции принципа разделения властей. Несомненно, ограничивая самодержавный произвол, вводя его в определенные законные рамки, проект конституции 1820 г. все же сохранял доминирующее положение самодержца во всех областях государственной жизни.

Итак, конституция была готова. Более того, были уже составлены проекты манифестов, призванные возвестить «любезным и верным подданным» императора о даровании им конституции и об одновременном уничтожении за ненадобностью конституции 1815 г. Царства Польского. Однако ничего подобного не произошло. Ни манифесты, ни сама русская конституция 1820 г. так никогда и не были обнародованы. Что же произошло? Оставим на время этот вопрос без ответа и посмотрим, какие усилия предпринимал в это время Александр I в области крепостного права.

Пристально вглядываясь в действия императора, мы

замечаем, что начиная с 1816 г. он настойчиво пытается добиться дворянской инициативы в решении этого кардинального вопроса русской жизни. Толчком, возбудившим активность императора, была, без сомнения, инициатива эстляндского дворянства, заявившего в самом начале 1816 г. о своей готовности освободить крепостных крестьян.

Прибалтийские губернии (Лифляндская, Курляндская и Эстляндская) коренным образом отличались от всей остальной России. Здесь не существовало крепостного права в его крайних формах. Уровень развития товарно-денежных отношений был значительно выше, чем в Европейской России. Главное же: помещики уже осознали экономическую невыгодность сохранения в неприкосновенности крепостного права. В предшествовавшее десятилетие в Прибалтике крестьяне получили определенные права. Рядом законодательных актов за эстляндскими крестьянами было закреплено право на движимую собственность и передачу по наследству хозяйства, а по закону 1804 г. были четко определены повинности крестьян в зависимости от количества и качества земли. Теперь формально было уничтожено и само крепостное право. 23 мая 1816 г. Александр I утвердил новое положение об эстляндских крестьянах. В соответствии с ним крестьяне получали личную свободу, но лишались права на землю, переходившую в полную собственность помещиков. Из-за запрещения свободного передвижения и выбора рода занятий крестьяне превращались фактически в бесправных арендаторов или батраков. Положение их оставалось крайне тяжелым. В течение нескольких следующих лет крепостное право было уничтожено также в Лифляндии и Курляндии.

При всех очевидных издержках уничтожение крепостного права в Эстляндии открыло собою принципиально новый этап в истории крестьянского вопроса в России. Уложение 1816 г. было первым за несколько столетий русской истории актом, которым самодержавие не углубляло или расширяло крепостное право, а, напротив, уничтожало его действие хотя бы на части территории огромной Российской империи. В 1816 г. самодержавие публично, не на словах, а на деле продемонстрировало свою готовность при определенных условиях пойти на конкретные меры по освобождению крепостных крестьян.

Однако никаких практических результатов в русских

губерниях добиться не удалось. Неудачей закончилась и предпринятая в 1817 г. попытка склонить дворянство двух украинских губерний (Полтавской и Черниговской) к выступлению с просьбой хотя бы обсудить проблему крепостного права.

Все это, правда, пока нисколько не охладило стремления Александра I добиться практических результатов в решении крестьянского вопроса. В 1817—1818 гг. начинается работа над общим планом ликвидации крепостного права в России. О серьезности и фундаментальности намерений Александра I убедительно свидетельствует тот факт, что одним из исполнителей своего замысла он избрал не кого иного, как Алексея Андреевича Аракчеева. Аракчеев в роли автора проекта освобождения крестьян — явление неординарное. Это как-то не вяжется с давно и прочно устоявшимися представлениями о роли и месте этого человека в отечественной истории. Ситуация, когда реализация прогрессивного замысла вверяется деятелю, имя которого для современников и для потомства являлось символом реакции, поистине парадоксальна. Но именно она ясно и недвусмысленно доказывает, что стремление приступить на практике к ликвидации крепостного права было не «заигрыванием с либерализмом», не желанием Александра I понравиться Европе или прослыть там просвещенным монархом, а вполне определенной и целенаправленной государственной политикой. Ведь хорошо известно, что именно Аракчееву Александр I доверял разрабатывать и осуществлять свои самые сокровенные замыслы.

В это время Александр I полностью находился в плену иллюзий, что освободить крестьян можно безо всякого насилия над помещиками — стоит только предложить им выгодные условия (опыт Прибалтики только укреплял его в этой мысли). Он так и не смог до конца понять истинных причин, которые заставляли прибалтийское дворянство добиваться освобождения крепостных крестьян и в то же время толкали их российских собратьев на пассивное, но непоколебимое сопротивление любым эмансипационным шагам правительства, причин, обусловленных разным уровнем социально-экономического и культурного развития собственно русских губерний и Прибалтики. Поэтому в рекомендациях, данных Аракчееву перед началом работы, Александр I настойчиво проводил мысль о недопустимости какого бы то ни было насилия со стороны государства по отноше-

нию к помещикам. Это было его единственным условием — все остальное отдавалось полностью на волю автора.

Опять-таки, как и конституция, проект освобождения крестьян готовился в величайшей тайне. Как долго шла над ним работа — неизвестно, но любопытно, что в феврале 1818 г., незадолго до отъезда Александра I на открытие первого конституционного сейма в Варшаву, проект лежал на столе императора. Оказывается, попытка выработать общие принципы крестьянской реформы непосредственно предшествовала началу работы над конституцией.

Как же думал решить проблему Аракчеев? Для освобождения крестьян от крепостной зависимости он предлагал начать широкую покупку помещичьих имений в казну «по добровольному на то помещиков согласию» и на некоторых «особенных правилах». Продавать государству крестьян и дворовых, как казалось Аракчееву, помещиков должно было заставить естественное стремление избавиться от долгов и вести хозяйство на рациональной основе — либо обрабатывая наемными рабочими оставшуюся у них после продажи крестьян часть земли, либо сдавая ее в аренду крестьянам.

Насколько же реален был этот проект? Приходится признать, что однозначного ответа не существует. Проект был реален, потому что экономический кризис, поразивший страну после Отечественной войны 1812 г., привел к резкому упадку помещичьего хозяйства. Росла задолженность, все большее число помещиков вынуждено было закладывать свои имения, проживая и проматывая проценты по закладным и вновь закладывая имения. Ежегодно за неуплату государственных и частных долгов объявлялись к продаже с публичных торгов десятки тысяч крепостных крестьян. Кстати, с большой долей вероятности можно предположить, что, предлагая выделять на покупку крепостных 5 млн руб. в год, Аракчеев как раз и исходил из количества крепостных, ежегодно объявляемых к продаже за долги. Так что вряд ли в первые годы с этим могли бы возникнуть затруднения.

Но в дальнейшем поток неминуемо должен был иссякнуть, а никаких мер, которые заставили бы помещиков продавать крестьян, проект не предусматривал. Что бы стало делать правительство в этом случае — неизвестно. Но главное даже не в этом. Ведь и в том фантастическом случае, когда все помещики добровольно решились бы

расстаться с крепостными, процесс освобождения растянулся бы не менее чем на две сотни лет. Это неопровержимо доказывает элементарный расчет. Если оценить в среднем по России стоимость одной души в 100 руб. ассигнациями (что на самом деле для того времени не такая уж большая цена), то на 5 млн руб. в год можно выкупить не более 50 тыс. крепостных. Двигаясь такими темпами, правительство не освободило бы всех крепостных и к 2018 г. Совершенно очевидно, что решение крестьянского вопроса в России не могло ожидать такого срока. Наверняка это было ясно и Аракчееву. На что же он рассчитывал, выдвигая свои предложения? На желанные для Александра I постепенность и добровольность реформы крепостной деревни и скорее всего на то, что, раз начавшись, реформа обнаружит выгодные для помещиков стороны. А тогда первоначальные черепашьи темпы могли бы смениться иными. Да и вообще время само внесло бы свои изменения.

Но все наши предположения — только догадки, не более. Ведь одобренный царем проект (тому есть неопровержимые свидетельства) так и остался тайной между Александром I и Аракчеевым. Нам совершенно неизвестны конкретные обстоятельства отклонения проекта. Ясно только одно: не было сделано никаких попыток не то что приступить к его реализации, а даже представить на рассмотрение какого-либо официального органа.

Работа же над проектом освобождения крестьян продолжалась. Только завеса тайны, окружавшая конкретные шаги правительства в направлении к разрешению крестьянского вопроса, становилась все более плотной. В 1818—1819 гг. под руководством министра финансов графа Д. А. Гурьева разрабатывался другой проект освобождения помещичьих крестьян. Для выработки основ крестьянской реформы теперь уже был создан специальный секретный комитет — первый в ряду подобных комитетов, следовавших один за другим во второй четверти XIX в. Окончательный проект так и не был создан, но сохранившиеся материалы показывают, что авторы стремились предложить меры, которые могли бы привести к разрушению общины и созданию в России капиталистического сельского хозяйства фермерского типа. В конце декабря 1819 г. первый набросок плана реформы был готов. Оставалось только получить одобрение императора, и можно было продолжать работу. Но одобрения не последовало, и проект Гурьева так никогда и не был

завершен. Больше мы не знаем ни о каких иных проектах решения крестьянского вопроса, выработанных правительством. Скорее всего их и не было.

Что же произошло? Почему Александр I, казалось так активно и решительно взявшийся за подготовку реформ, вдруг отказался и от конституции, и от планов освобождения крепостных крестьян? Ответ один — осуществлению намеченных реформ помешало мощное и вполне определенное сопротивление подавляющей части дворянства. К преобразованиям стремился очень узкий общественный слой. Движение, на поддержку которого могло рассчитывать правительство, носило явно верхушечный характер. Число членов тайных противоправительственных обществ декабристов, боровшихся за освобождение крестьян и за устранение или ограничение самодержавия, за всю их десятилетнюю историю ограничивается несколькими сотнями. Даже спустя несколько десятилетий, накануне реформы 1861 г., освободившей крестьян от крепостного ига, большинство помещиков было против освобождения. Среди же правящей элиты переменам сочувствовала и к ним стремилась ничтожная по численности группа высших бюрократов, правда возглавляемая царем. Единственное, что могло в этих условиях обеспечить проведение реформ,— насилие правительства над своей собственной социальной опорой. Но именно этого страшился Александр I.

Отказавшись от реформ, самодержавие перешло к реакции, которая началась не с разгромом восстания декабристов в 1825 г., как считают многие, а несколькими годами ранее. Именно Александр I начал реакционный курс, а Николай I (его преемник на троне) лишь продолжил начатое старшим братом. Вместо освобождения крестьян в начале 20-х годов последовал ряд указов, резко ухудшивших положение крестьян, и в их числе указ 1822 г., давший помещикам право беспрепятственно ссылать своих крепостных в Сибирь. Вместо конституции — фактическая передача всей полноты государственной власти в руки всесильного временщика любимца царя А. А. Аракчеева. Вместо развития наук и просвещения — изгнание наиболее прогрессивных и талантливых профессоров из университетов, насаждение обскурантизма и религиозного мракобесия. Наконец, Россия стала играть роль жандарма на международной арене.

А что же передовое общество? Как оно откликнулось на жгучие проблемы, поставленные в повестку дня самим

временем? Какие пути борьбы за осуществление прогрессивных перемен выбрало?

Прежде всего заметим, что в это время становится все заметнее начавшееся в среде дворянства политическое размежевание. Все громче заявляет о себе политическое течение, пусть очень незначительное по своей численности в сравнении с основной массой помещиков-крепостников, но вполне определенное по своей политической направленности,— течение, представители которого начали осознавать, что без уничтожения крепостничества во всех его проявлениях невозможно дальнейшее поступательное развитие страны. Отечественная война 1812 г. оказалась мощным катализатором, резко ускорившим политическую дифференциацию российского дворянства. Крайним проявлением ее стало возникновение декабризма, на знамени которого слились воедино лозунги конституции и освобождения крестьян.

Люди, возвращавшиеся в Петербург после нескольких лет отсутствия, попросту не узнавали столичное общество. Передовая молодежь, особенно гвардейские офицеры, как бы «пробудились к новой жизни, вдохновляясь всем, что было самого благородного и чистого в нравственной и политической атмосфере». Вспоминая то время, декабрист М. А. Фонвизин писал: «В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейской цивилизацией, которая произвела на них тем сильнейшее впечатление, что они могли сравнивать все виденное ими за границею с тем, что им на всяком шагу представлялось на родине: рабство бесправного большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол — все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство». «Возвратясь в Петербург, могли ли наши либералы удовольствоваться пошлою полковую жизнию и скучными мелочными занятиями и подробностями строевой жизни, которые от них требовали строгие начальники, угождая тем врожденной склонности Александра и братьев его к фрунтомании?» — с иронией и горестью спрашивал своих будущих читателей декабрист.

В 1816 г. в Петербурге в среде гвардейских офицеров возникает первое тайное общество будущих декабристов — «Союз спасения». Его основателями были шестеро боевых офицеров, прошедших через все испытания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов.

Старшему из них, С. П. Трубецкому, было в то время 27 лет. Объединившиеся в общество члены (их было немного — всего около 50 человек) выработали свою программу и устав, согласно которым от каждого из участников требовалось бороться за конституционную монархию и освобождение крестьян. Самодержавие нужно было принудить дать стране конституцию. Члены «Союза спасения» поклялись добиться этого при смене императоров на престоле — они решили не присягать новому царю до тех пор, пока он не подпишет предложенную ему конституцию.

В стране возникла, таким образом, на первый взгляд парадоксальная, но если вдуматься, то вполне закономерная для деспотических государств ситуация: сторонники перемен таились друг от друга. Правительство, намекая на возможность коренных реформ, держало в величайшей тайне все свои практические шаги в этом направлении. Передовое дворянство, видя в реальной жизни лишь продолжение прежней политики, вынуждено было создавать тайные общества.

Стремление правительства решать кардинальнейшие проблемы в обстановке строгой секретности приводило к неясному, искаженному представлению общества об истинной позиции власти. Испытывая катастрофический дефицит правдивой информации, общество, и в том числе декабристы, вынуждены были питаться подчас самыми нелепыми слухами и домыслами. Так, под влиянием известий о намерении Александра I присоединить к Царству Польскому западные русские земли среди членов «Союза спасения» осенью 1817 г. в Москве, где тогда находилась гвардия, возникла идея убить императора. Правда, на следующий день мысль о цареубийстве была оставлена — декабристы поняли, что и средств для исполнения замысла слишком мало, да и многие были против действий по принципу «цель оправдывает средства».

Вообще же в жизни тайного общества «московский заговор» (так стали впоследствии называть эти события) стал важным рубежом. Вихрем налетевшая мысль о цареубийстве, отказ от нее, осознание «скудости средств», которыми располагала малочисленная и замкнутая тайная организация,— все толкало к необходимости перестройки основ «Союза спасения», расширению его численного состава, постепенному завоеванию общественного мнения, новой, более развернутой программе.

В начале 1818 г. в Москве возникла следующая декаб-

ристская организация — «Союз благоденствия», насчитывающая в своих рядах уже более 200 членов. Рост тайной организации был вызван более ясным определением программы и изменением тактических установок. Нельзя не увидеть в этом прямой связи с заявлениями Александра I, открыто высказавшего свои конституционные взгляды в марте 1818 г. в Варшаве и ставшего в это время довольно часто осуждать в частных беседах крепостное право, что, конечно, довольно быстро становилось достоянием гласности.

Одной из основных задач «Союза благоденствия» стала борьба за завоевание общественного мнения — силы, которая, по мнению многих декабристов, правила миром. Декабристы хорошо понимали, что любое проявление правительственного либерализма будет встречать мощное сопротивление крепостников. С. П. Трубецкой вспоминал: «Действие общества должно было основываться на том рассуждении, что многие из правительственных лиц и частных людей будут восставать против некоторых намерений императора (как и было то касательно свободы крестьян) и, следовательно, как бы ни был слаб голос тех, которые стали бы их оправдывать, но беспрерывное склонение в обществе разговоров на известный предмет... дает правительству силу привести предположения свои к исполнению». Трубецкому и его товарищам хотелось верить, что Александр I окажется в состоянии выполнить даваемые им обещания. Правда, довольно скоро выяснилась тщетность этих надежд и необходимость нового изменения тактики тайного общества.

Пока же члены «Союза благоденствия» развернули в обществе пропаганду антикрепостнических идей, используя для этого все легальные и нелегальные средства. В столицах и провинции создавались управы тайного общества, в своебразные филиалы «Союза благоденствия» превращались литературные союзы и салоны. Пропаганда велась в масонских ложах, членами которых были многие декабристы.

Члены «Союза благоденствия» должны были охватить своим влиянием самые разнообразные стороны российской жизни того времени. Для этого каждый из них обязан был избрать для своей практической деятельности одну из четырех возможных отраслей: 1) «человеколюбие» (имелось в виду участие в деятельности различных благотворительных обществ, облегчение участи крепост-

ных крестьян — словом, работа везде, «где страдает человечество»), 2) образование, 3) правосудие и 4) общественное хозяйство. Эти положения были зафиксированы в уставе «Союза благоденствия» — «Зеленой книге», названной так по цвету своей обложки. В итоге, когда наконец в стране было бы создано общественное мнение против крепостного права и самодержавия (на это отводилось 10 лет), наступило бы время революции. Завоевание общества, как думали декабристы, помогло бы избежать «ужасов» Великой французской революции и сделать переворот бескровным.

Однако три последующие года деятельности тайного общества показали утопичность подобных представлений. И не в последнюю очередь потому, что в начале 20-х годов правительство, как мы видели, решительно отказывается от своих реформаторских замыслов и переходит во внутренней, да и во внешней политике к открытой реакции. Теперь необходимо было бы не поддерживать либеральные стремления верховной власти, не давить на нее, подталкивая к преобразованиям, а искать новые способы борьбы за осуществление своих идеалов.

Собравшийся весной 1821 г. в Москве съезд «Союза благоденствия» стал одной из самых существенных страниц в истории движения декабристов. Решения, принятые на съезде, предопределили программу, тактику и организационные формы всей последующей борьбы первых русских революционеров. На съезде была утверждена новая организационная структура тайного дворянского революционного общества, зафиксированная в уставе и сохранившаяся вплоть до 1825 г. На смену расплывчатому, аморфному «Союзу благоденствия» пришла хорошо законспирированная и четко сформированная тайная организация. Целью общества объявлялось «приуготовить Россию к представительному правлению». И наконец, на съезде была выработана и принята тактика, направленная на достижение поставленных целей в новых условиях,— тактика военной революции. Утверждались представления о революционном перевороте как высшем выражении суверенных прав всего народа. На отказ верховной власти от реформ тайное общество ответило переходом от тактики просветительской конспирации к тактике прямого революционного действия.

Следующим шагом на пути развития декабристского движения стало возникновение в 1821—1822 гг. Северного и Южного обществ и создание двух основных про-

граммных документов — «Русской правды» П. И. Пестеля и конституции Н. М. Муравьева. Отличительная их черта — органичное соединение двух коренных вопросов: социальное и политическое освобождение понималось дворянскими революционерами как неразрывное целое. «Крепостное право и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся к земле русской, становится свободным»,— гласил § 16 конституции Н. М. Муравьева. Правда, помещичье землевладение сохранялось. Владельцы имений были обязаны только предоставить освобождаемым крестьянам приусадебную землю «под огороды» и по две десятины пахотной земли на двор. Решительный удар наносила конституция и абсолютистскому строю. «Опыт всех народов,— писал Муравьев,— доказал, что власть самодержавия равно гибельна для правителей и для обществ». Россия превращалась в конституционную монархию, где исполнительная власть принадлежала императору, а законодательная передавалась двухпалатному парламенту, Народному вече. Источником всей государственной жизни конституция торжественно провозглашала народ: «Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя». Император был всего лишь «верховным чиновником Российского государства». Правда, он получал огромное жалованье — восемь млн руб. в год и мог на него содержать придворный штат. Характерно, что придворные лишались избирательных прав. Законодательная власть полностью принадлежала выборному Народному вече. Провозглашался ряд основных буржуазных свобод — слова, передвижения, занятий, вероисповедания. Осуществление этих программных положений Муравьев представлял себе как результат революционного изменения существующего строя.

Таким образом, конституция Н. М. Муравьева несла в себе ликвидацию самодержавия и крепостного права. Она отменяла все феодальные сословия, означала крутую и решительную ломку всего феодально-крепостнического аппарата управления. Реализация основных положений конституции открывала широкую дорогу буржуазному развитию страны.

Еще более радикальный и последовательно буржуазный характер носила «Русская правда» П. И. Пестеля. Крепостное право немедленно уничтожалось — освобождение крепостных крестьян объявлялось «святейшей и не-

пременнейшей» обязанностью временного правительства, которое должно было возникнуть в ходе революции,— и все граждане уравнивались в правах. Пестель заявлял, что крепостное право есть «дело постыдное, противное человечеству», «рабство должно быть решительно уничтожено и дворянство должно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми». Дворяне, противящиеся освобождению крестьян, названы в «Русской правде» извергами, и положено «таковых злодеев безызъятно немедленно брать под стражу и подвергать строжайшему наказанию, яко врага отечества и изменника противу права гражданского».

Освобождение крестьян без земли Пестель считал совершенно неприемлемым и, как известно, предполагал решить земельный вопрос путем сочетания принципов общественной и частной собственности. Вся земля в каждой местности делилась на две части, первая находилась в общественной собственности и поступала крестьянам, вторая — в частном владении.

Самым решительным образом уничтожалось самодержавное государственное устройство, которое Пестель называл «разъяренным зловластием». В «Русской правде» запрещалось даже вспоминать о крепостническом и самодержавном прошлом России. Знаменитые слова Пестеля — «народ российский не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства» — не оставляют сомнения в том, что Пестель был сторонником идеи верховной власти народа. Россия должна была стать, по его мысли, республикой с однопалатным парламентом, который в «Русской правде» назван Народным вече. Исполнительная власть вверялась пяти лицам, избираемым Народным вече сроком на пять лет. Во главе России должен был стоять президент, которым становился один из избранной пятерки. Пестель отвергал принцип федеративного устройства, и, по его мысли, Россия становилась единой и неделимой. Политическими правами наделялись все граждане страны «без всякого изъятия». Не предполагались цензы: имущественный, оседлости, образования. Избирать и быть избранным мог каждый, достигший 18 лет. Несомненно, что проект Пестеля, утвержденный в качестве программного документа Южного общества, был самым радикальным из конституционных проектов, созданных дворянскими революционерами.

Для осуществления этих планов коренного преобразования России декабристы на исходе 1825 г. вступили в открытое столкновение с самодержавием. День 14 декабря 1825 г. навсегда вошел в историю России как день восстания декабристов.

Можно ли представить себе русскую историю без каре мятежных полков, выстроившихся на Сенатской площади вокруг памятника Петру I, без выстрела П. Г. Каховского и смертельной раны М. А. Милорадовича, без картечи, знаменовавшей кровавое подавление военного бунта в сердце страны? А главное, без того широкого воздействия, которое оказало первое открытое выступление против самодержавия на все последующее развитие России? Трудно, не правда ли?

Но, как ни странно может показаться на первый взгляд, восстание 14 декабря принадлежит к числу тех исторических событий, у которых шансов не быть было гораздо больше, чем состояться. Если спокойно проанализировать все факты, которые привели к тому, что восстание произошло, то уверенность в его неизбежности будет сильно поколеблена. События 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади были результатом необыкновенного стечения обстоятельств. Случайность и закономерность здесь так тесно переплетены, что разделить их практически невозможно.

В чем суть дела? Сразу нужно предупредить возможное недоумение читателей: автор вовсе не ставит под сомнение закономерность возникновения в России революционного движения. Тайные общества декабристов были рождены объективными противоречиями российской действительности, и их члены преследовали высокие и благородные цели — освободить страну от пут крепостничества и ничем не ограниченного самодержавного произвола. Речь идет о другом — о самой попытке 14 декабря 1825 г. захватить государственную власть путем военного переворота.

Об открытом выступлении, «революции посредством войск» для осуществления заветных целей в тайном обществе помышляли давно. Но к концу 1825 г. его члены не считали себя готовыми к этому. На 1826 г. намечался съезд Северного и Южного обществ, который должен был обсудить разногласия, возникшие между двумя центрами революционного движения, а возможно, и условия совместного выступления. Неготовность декабристов к решительным действиям с полной очевидностью проде-

монстрировали и события ноября 1825 г. Напомним, что внезапная смерть Александра I, последовавшая 19 ноября 1825 г. в Таганроге, была для всех, в том числе и для декабристов, совершенно неожиданной.

Она создала сложную ситуацию. У Александра не было детей, и на престол, согласно принятому в конце XVIII в. закону об императорской фамилии, должен был вступить старший из братьев скончавшегося императора — цесаревич и великий князь Константин Павлович. Поэтому первоначально вся Россия присягнула новому императору Константину. Однако внезапно выяснилось, что Константин царствовать не желает и что еще в 1823 г. были оформлены, но не оглашены документы, передающие русский престол следующему брату — Николаю. На 14 декабря 1825 г. в столице и была назначена новая присяга.

Несмотря на постоянное обсуждение декабристами целесообразности открытого выступления именно в момент смены одного императора другим, первая присяга, принесенная Константину, прошла без всяких осложнений. И если бы не возникла ситуация с новой присягой другому наследнику престола, то представившийся момент остался бы неиспользованным. Одного теоретического замысла для реального революционного выступления было недостаточно. Нужны были особые условия. И такие условия возникли в краткий период междуцарствия — время, прошедшее от первой присяги Константину до новой присяги Николаю (всего 17 дней: от 27 ноября до 13 декабря 1825 г.). Декабристы прекрасно понимали уникальность создавшихся обстоятельств, сознавая, что не воспользоваться ими было бы равносильно отказу от собственных убеждений и целей общества. «Случай удобен,— писал 12 декабря 1825 г. И. И. Пущин товарищам в Москву,— ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов».

Но как вообще могла возникнуть эта странная ситуация? Что привело к династическому кризису, который чуть было не закончился низложением династии Романовых? Почему документы о передаче права на престол от Константина к Николаю не были своевременно оглашены и не обрели, таким образом, силу закона? Для ответа на эти вопросы нужно от конца 1825 г. отступить несколько назад и коснуться весьма деликатного сюжета — намерения самого Александра I отречься от престола.

Мысли о непомерной тяжести бремени государствен-

ной власти, желание избежать уготованной ему самим рождением участи быть российским императором появились у Александра еще в юношеские годы. Об этом он писал самым близким людям: своему наставнику швейцарцу Лагарпу и задушевному другу графу В. П. Кочубею. Намерения отречься от престола не оставляли Александра и после воцарения Павла I. Однако они приобрели уже иное направление. Первый год царствования отца убедил Александра, что его долг сперва осуществить на практике усвоенные им передовые идеи (в их числе и конституционное переустройство страны) и лишь затем сложить с себя бремя царской власти. «Если когда-либо придет и мой черед царствовать,— писал он Лагарпу 27 сентября 1797 г.,— то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться игрушкою в руках каких-либо безумцев». «Нужно будет стараться, само собой разумеется, постепенно,— продолжал Александр,— образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы и я, если Провидение благословит нашу работу, удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества и наслаждаясь им».

Теперь перенесемся на много лет вперед, в годы наивысшего триумфа Александра I — победителя Наполеона, освободителя Европы, неограниченного властителя огромной империи. Несмотря на блистательные успехи и мировую славу, именно в эти годы Александр вновь возвращается к мысли об отречении от престола. Летом — осенью 1819 г. между членами императорской фамилии обсуждался вопрос о возможном отречении Александра I и его последствиях. Об этом вспоминали будущий император Николай I, его жена Александра Федоровна и цесаревич Константин Павлович. Тогда же выяснилось, что Константин категорически отказывается царствовать, и, следовательно, наследником становится следующий брат Александра I — Николай. Вот характерный отрывок из воспоминаний Александры Федоровны. По ее рассказу, Александр говорил тогда: «Брат Константин, который никогда не заботился о престоле, теперь, более чем когда-либо, решил формально от него отказаться и передать свои права брату Николаю и его потомкам. Что же касается меня, то я решил отказаться от своих обязанностей и удалиться от мира».

Как же развивались события дальше? В 1820 г. Константин Павлович официально расторг свой брак с великой княгиней Анной Федоровной, которая еще в 1801 г. покинула Россию и больше не возвращалась. Через несколько месяцев было объявлено, что он вступил в новый брак с польской графиней Иоанной Грудзинской. Не принадлежа ни к одной из царствующих династий, новая жена цесаревича Константина по существующему законодательству не получала никаких привилегий, кроме титула княгини Лович. Вступив в новый брак, Константин Павлович вовсе не утратил своих прав на русский престол, как нередко пишут иные историки. Этого права лишались только его дети, если бы им суждено было появиться на свет.

На протяжении двух лет (1820 и 1821 гг.) вопрос о престолонаследии больше не поднимался. И только в начале 1822 г. к нему вернулись вновь. Живший зимой 1821/22 г. в Петербурге цесаревич Константин Павлович решил добиться окончательного решения вопроса. После нескольких обсуждений, в которых принимала участие вдовствующая императрица Мария Федоровна (мать Александра, Константина, Николая и Михаила), в один из январских дней 1822 г. Александр уступил настойчивым просьбам брата. Решено было, что Константин письменно обратится к императору с просьбой о передаче престола другому наследнику. 14 января 1823 г. Константин прислал брату письмо, в котором писал: «Не чувствуя в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, к которому по рождению моему могу иметь право, осмеливаюсь просить вашего императорского величества передать сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимость положения нашего государства».

Полгода спустя, в августе 1823 г., был составлен манифест, в котором наследником российского престола объявлялся великий князь Николай Павлович. Манифест был составлен московским архиепископом Филаретом, собственноручно исправлен Александром I, переписан и в запечатанных конвертах вместе с двумя упомянутыми выше письмами отправлен на хранение в Государственный совет, Сенат, Синод и в московский Успенский собор, где в ковчеге хранились основные государственные акты Российской империи. Из манифеста следовало, что новый наследник назначался на случай внезапной смерти

императора. Ни на какую возможность отречения самого Александра в нем не было даже и намека. Отметим, что, оставаясь неоглашенным, манифест не имел никакой официальной силы. Это подтвердилось событиями ноября 1825 г.

Итак, дело было сделано, но продолжало сохраняться в абсолютной тайне. Кроме Александра I, Константина и Марии Федоровны, о существовании манифеста, передающего права на престол Николаю, в стране знали только трое: А. А. Аракчеев, А. Н. Голицын (его рукой были переписаны копии документов) и Филарет. Эта-то тайна и стала тем фактором, который спровоцировал восстание 14 декабря 1825 г.

Почему же Александр I не огласил законным порядком подготовленные документы? Мог ли он не понимать, что, оставляя их в тайне, ставит под угрозу основополагающий принцип любой монархии — законность перехода власти от одного самодержца к другому? В это нельзя поверить. Тогда в чем же дело? Рискнем высказать одну гипотезу.

К 1822 г. всякие реальные надежды на возможность конституционного переустройства России у императора, как мы видели, окончательно исчезли. Однако навсегда расстаться с тем, к чему он стремился почти всю свою жизнь, Александр I был не в силах. Именно во время, когда рушились один за одним разрабатывавшиеся планы и приходило понимание недостижимости задуманного, обернувшееся для Александра тяжелым душевным кризисом, уходом в мистицизм, ему приходилось решать вопрос о престолонаследии. Издание манифеста, где наследником без всяких условий назван Николай, означало для императора окончательное признание самому себе, что с мечтами о конституции и одновременным собственным отречением покончено навсегда. Это было для него психологически невозможным. Поэтому, уступая нажиму Константина, Александр подготовил все необходимое для законного оформления перехода престола от одного наследника к другому, но так и не смог решиться придать этому акту официальную силу, оставляя для себя иллюзию возможности иного выбора. В действительности же его уже не было. Нерешительность политики царя вела не только к отказу от коренных реформ, но в конце концов создавала особые условия для бунта гвардии.

Подумать только! Огласи Александр состоявшееся отречение от прав на престол Константина и объяви он

своевременно Николая законным наследником, не было бы двух присяг, не было бы междуцарствия, династического кризиса — словом, не было бы всей той сложной и удивительной ситуации, которая привела к восстанию декабристов.

Но больше того! Проживи Александр еще несколько недель, и восстания также не было бы — большинство заговорщиков было уже известно правительству, и, без всякого сомнения, они быстро были бы арестованы. Напомним читателям широко известные факты.

Уже летом 1825 г. Александр I получил от унтер-офицера 3-го Украинского уланского полка И. В. Шервуда первое известие о широком противоправительственном заговоре на юге. 17 июля 1825 г. Шервуда доставили в Петербург, и в тот же день он был у Александра. Хотя его рассказ не показался императору убедительным, он тем не менее распорядился действовать дальше и получить неопровержимые доказательства существования тайного общества. Осенью 1825 г. Александр получил еще одно свидетельство существования в 1-й и 2-й армиях обширного заговора. 19 октября, уже находясь в Таганроге, за месяц до смерти, император принял генерала И. О. Витта, агенту которого А. К. Бошняку удалось проникнуть в тайное общество. Витт рассказал Александру, «что тайное общество значительно увеличилось», и назвал несколько «деятельнейших» членов: М. Ф. Орлова, В. Л. Давыдова, Н. А. Крюкова, В. Н. Лихарева, Н. М. Муравьева, Н. А. Бестужева, К. Ф. Рылеева. Был назван и П. И. Пестель, которого ранее упоминал Шервуд. 10 ноября 1825 г., за несколько дней до смерти, Александр I приказал начальнику Главного штаба И. И. Дибичу отправить полковника лейб-гвардии казачьего полка С. С. Николаева под видом «закупки лошадей» в Харьков, чтобы там арестовать декабриста Ф. Ф. Вадковского и его сообщников. Когда император был уже мертв, в Таганроге получили донос члена Южного общества, близкого к Пестелю капитана Вятского пехотного полка А. И. Майбороды, в котором было перечислено 46 декабристов, в том числе руководители Северного общества. 5 декабря из Таганрога выехал генерал-адъютант А. И. Чернышев (впоследствии один из самых грубых и ревностных членов Следственного комитета по делу декабристов) с приказом И. И. Дибича арестовать П. И. Пестеля, которого все три доносчика единодушно называли главой тайного общества на юге. Аресты начались.

Итак, в любом случае, продолжилось бы царствование Александра I или на престол вступил бы нормальным путем законный наследник, судьба тайных обществ была бы решена. Но история распорядилась иначе.

Вернемся же теперь к декабристам, узнавшим о новой присяге, назначенной на 14 декабря, и принявшим решение воспользоваться предоставившейся возможностью для политического переворота. План восстания заключался в том, чтобы вывести восставшие войска на Сенатскую площадь и принудить Сенат объявить введение в стране конституционного правления. Декабристы намеревались использовать Сенат, чтобы придать «законную» форму революционному перевороту. Предполагалось захватить Петропавловскую крепость, Зимний дворец, арестовать Николая со всей его семьей. Политическим руководителем восстания был избран князь С. П. Трубецкой, участвовавший в движении с самого его зарождения.

От имени Сената предполагалось огласить на всю страну «Манифест к русскому народу», в котором провозглашались уничтожение самодержавия, ликвидация крепостного права, отмена телесных наказаний, уравнение в правах всех сословий, объявлялось о введении выборности центральных и местных органов власти, суда присяжных, свободы слова, занятий, вероисповеданий, говорилось о сокращении службы с 25 до 15 лет и отмене подушной подати.

Утром 14 декабря на Сенатскую площадь стали один за другим собираться восставшие гвардейские полки. Первым в 11 часов на площадь прибыл лейб-гвардии Московский полк. Полк построился в каре вокруг памятника Петру I. К часу дня к восставшим присоединились Гвардейский морской экипаж, а вслед за ним появились солдаты лейб-гвардии гренадерского полка. Всего на площади собралось около 3 тысяч восставших войск при 30 офицерах.

Однако претворить в жизнь выработанный накануне план до конца не удалось. С. П. Трубецкой на площадь не явился, и восставшие остались фактически без руководства. Сенат оказался пустым — сенаторы, присягнув новому императору ранним утром, уже разъехались, и принимать «Манифест» было некому. Не были захвачены ни Зимний дворец, ни Петропавловская крепость. Постепенно вокруг восставших сжималось кольцо оставшихся вер-

ными правительству войск. Николай I сначала пытался воздействовать на декабристов угрозами. Однако посланный им на площадь петербургский генерал-губернатор М. А. Милорадович был смертельно ранен П. Г. Каховским, окончился неудачей и поход к восставшим петербургского митрополита Серафима. После этого каре восставших было дважды атаковано конной гвардией, но обе атаки были отбиты беглым ружейным огнем. Наконец, около 4 часов, когда уже начало смеркаться, Николай I, опасаясь, что с наступлением темноты к восставшим примкнет «чернь», отдал приказ применить артиллерию. Несколько картечных залпов рассеяли ряды восставших и обратили их в бегство. Восстание было разгромлено, начались аресты.

Двумя неделями позднее, 29 декабря 1825 г., узнав о поражении на Сенатской площади, подняли восстание члены Южного тайного общества. Во главе Черниговского пехотного полка встал С. И. Муравьев-Апостол, так как Пестель и ряд других видных деятелей южан были арестованы. Он намеревался соединиться с другими частями, где сильным влиянием пользовались декабристы, и, объединив силы, двинуться на Петербург. Но и этим планам не суждено было сбыться. 3 января мятежный полк был встречен правительственными войсками и расстрелян картечью. Раненый С. И. Муравьев-Апостол вместе с товарищами был захвачен на поле боя.

Самодержавие жестоко расправилось с декабристами. Суду был предан 121 человек (осуждено 120). Пятеро из них — П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, К. Ф. Рылеев и П. Г. Каховский были казнены, 88 человек суд осудил на различные сроки каторжных работ, 19 — к ссылке на поселение в Сибирь, 9 разжаловал в солдаты. Многие члены тайных обществ были наказаны без суда — по личному распоряжению Николая I. Жестоко расправилось правительство и с солдатами, участвовавшими в восстании. Около двух сотен из них получили по нескольку тысяч ударов шпицрутенами, палками и розгами. 4 тысячи гвардейцев были отправлены на Кавказ в действующую армию.

Восстание декабристов окончилось неудачей, но русское освободительное движение продолжало жить. И хотя вплоть до «Народной воли» ничего подобного тайным обществам декабристов не возникало, но свободная мысль продолжала свое развитие в кружках свободомыслящей молодежи. Под непосредственным влиянием

восстания декабристов два великих русских революционера-демократа А. И. Герцен и Н. П. Огарев дали в 1826 г. на Воробьевых горах в Москве клятву бороться с самодержавием за волю, за освобождение народа. Этой клятве они остались верны до конца жизни. Покинув Россию и поселившись в Англии, Герцен и Огарев стали первыми русскими политическими эмигрантами. В начале 50-х годов они основали в Лондоне Вольную русскую типографию. Издаваемые ими газета «Колокол», журнал «Полярная звезда», различные книги и сборники с жадностью читались в России.

Примечательно, что именно Герцен был первым, кто в русском общественном движении воспринял идеи утопического социализма, получившего в 30—40-е годы XIX в. довольно широкое распространение в странах Западной Европы. Опираясь на существование в России крестьянской общины, полагая, что она уже сама по себе есть зачаток социализма, он создал теорию русского общинного социализма, дав тем самым мощный толчок развитию социалистической мысли в России.

Особое место в общественном и освободительном движении тех лет занимает кружок петрашевцев, получивший название по имени его руководителя — М. В. Буташевича-Петрашевского. Именно здесь социалистические идеи Ш. Фурье получили наибольшее распространение. Недаром сам Петрашевский называл себя «старейшим пропагатором социализма». Петрашевский и участники его кружка (в том числе и великий русский писатель Ф. М. Достоевский) были арестованы, приговорены к расстрелу, но затем помилованы и сосланы на каторгу в Сибирь.

Николай I, вступивший на престол под гром пушек на Сенатской площади, не внес ничего принципиально нового в правительственную политику. Он лишь углубил и расширил реакционный курс последних лет царствования Александра I. Взойдя на престол, Николай первым делом принялся за реорганизацию тайной полиции. Было создано печально знаменитое III отделение собственной его императорского величества канцелярии, прославившееся слежкой за литераторами, расправой с инакомыслящими, вообще гонением на все передовое и прогрессивное. С тридцатью годами правления Николая I неразрывно связана бюрократизация всех сторон государственной и общественной жизни страны. Государственный аппарат приобрел огромные размеры и влияние, подавляя собой все живое и новое, что еще время от времени пыталось

пробиться наружу. Усиление мощи государственной власти, стремление к политической централизации и жестокой регламентации ясно выразилось в милитаризации государственного строя. В жизни страны все большее значение приобретали военные. В это время заметно понизилось значение Государственного совета и сената, зато в решении дел резко возросла роль самого императора и его личной канцелярии. Недаром правление Николая I иногда называют «апогеем самодержавия». Ни о каких реформах политического строя не было уже и речи. Мысль о конституционном ограничении самодержавной власти возрождается в правительстве только в начале 80-х годов. (Известно, что Александр II был убит народовольцами накануне подписания так называемой «конституции Лорис-Меликова».)

Зато много внимания уделяло правительство крестьянскому вопросу. Начальник III отделения А. Х. Бенкендорф, которому, без сомнения, было хорошо известно истинное положение в стране, в одном из отчетов царю писал о крепостном праве как «пороховом погребе» под самодержавием. Однако никаких существенных реформ, несмотря на то что проблема освобождения крестьян на протяжении 30—40-х годов последовательно обсуждалась не менее чем в десяти секретных комитетах, в николаевское царствование не последовало. Правда, Николай I вынужден был несколько смягчить наиболее жестокие проявления крепостничества. В 1828 г. было ограничено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь по своему усмотрению. С 1833 г. запрещалось продавать крестьян с публичного торга с раздроблением семей. В 1847 г. крестьяне получили право выкупа на свободу при продаже имений с публичных торгов (позднее, правда, это право фактически было отменено). В 1842 г. был издан указ об «обязанных крестьянах», по которому помещики могли освобождать крестьян, оставляя за собой всю землю и передавая бывшим крепостным лишь ее часть в пользование за определенные повинности. Практически результаты указа были ничтожны. Помещики еще раз доказали, что добровольно они крестьян не освободят. Проведенная в 1837—1841 гг. реформа государственной деревни хотя и несколько улучшила положение казенных крестьян, но коренным образом его не изменила.

В начале 30-х годов появляется на свет идеологическое обоснование реакционной политики самодержавия — теория «официальной народности». Министром народного

просвещения С. С. Уваровым была выдвинута знаменитая триада, призванная выразить вековые основы русской жизни: «православие, самодержавие, народность». Самодержавие объявлялось гарантом нерушимости русского государства, обеспечившим и продолжающим обеспечивать величие и мощь России. Догматическое православие провозглашалось основой духовной жизни народа, причем особо подчеркивалась подчиненность церкви светской власти. Под «народностью» понималось отсутствие в русском обществе основы для социальных конфликтов, заявлялось о «единении» царя с народом. Неотъемлемую черту этой идеологической доктрины составлял квасной патриотизм, призванный способствовать максимальному искажению реальной действительности. Апофеозом его служат известные слова шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа относительно прошлого и будущего России: «Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего — оно выше всего, что только может представить себе самое пылкое воображение».

Особенно усиливается реакция в последнее семилетие царствования Николая I (недаром оно получило название «мрачного»). Испуганный революционными событиями 1848—1849 гг. на Западе, Николай I, начинает гонения на печать и просвещение. Резко сокращается прием студентов в университеты, невыносимым делается гнет цензуры, старающейся не пропустить на страницы книг и журналов западной «заразы». Об этом времени выразительно писал великий русский историк С. М. Соловьев, современник описываемых событий: «Фрунтовики воссели на всех правительственных местах, и с ними воцарилось невежество, произвол, грабительство, всевозможные беспорядки. Смотр стал целью общественной и государственной жизни. Все делалось напоказ, для того, чтобы державный приехал, взглянул и сказал: «Хорошо! Все в порядке!» Отсюда все потянулось напоказ, во внешность, и внутреннее развитие остановилось».

Но вот парадокс, давно замеченный исследователями. Именно в годы николаевского правления, наиболее темное и беспросветное время XIX в., зарождается и набирает силу великая русская литература. Вспоминая это время, мы видим великие фигуры Пушкина и Гоголя. На самые мрачные годы конца 40-х годов приходится начало творчества Достоевского.

Отказ от решения назревших проблем приводил все

к большему и большему застою. Крепостничество уродовало страну, превращало в бессловесных рабов ее жителей. Техническая и экономическая отсталость России от передовых стран Западной Европы становилась все более заметной. «Сверху блеск, внизу гниль»,— проницательно писал о тогдашней России будущий министр Александра II П. А. Валуев. Все это с необыкновенной ясностью продемонстрировало поражение России в Крымской войне.

Экспансионистские устремления России на Ближнем Востоке, стремление подчинить своему диктату слабеющую на глазах Турцию и полностью овладеть проливами Босфор и Дарданеллы, соединяющими Черное и Средиземное моря, подогреваемое религиозными мотивами, подтолкнули Россию к развязыванию в 1853 г. войны с Турцией. На первом этапе удача была на стороне русских войск. Когда же в войну против России вступили Англия и Франция, преследующие также захватнические цели, положение резко изменилось. Высадившийся осенью 1854 г. в Крыму экспедиционный корпус союзников нанес русской армии ряд чувствительных ударов, и после падения летом 1855 г. главной военно-морской базы на Черном море — Севастополя — поражение России стало свершившимся фактом. В марте 1856 г. в Париже был подписан унизительный для России мирный трактат. По нему Россия лишалась права иметь черноморский флот и строить крепости по берегам Черного моря, она теряла южную часть Бессарабии и влияние на судьбы дунайских княжеств и Сербии.

Поражение в Крымской войне, вызванное им изменение во внутренней жизни страны, общественный подъем, наступивший после смерти Николая I, указывали на необходимость перемен в России. Самодержавие, ставшее в начале 20-х годов на пути прогресса, силой самих обстоятельств вынуждено было начать преобразования. Буржуазные реформы становятся в исходе 50-х годов XIX в. неизбежностью.

Итак, попытки самодержавия провести коренные реформы еще в 20-е годы окончились неудачей. Отчего же? Почему сильная, неограниченная авторитарная власть, опиравшаяся на мощную бюрократическую машину, не смогла осуществить то, в необходимости и жизненной важности чего она была убеждена? Да потому, что для этого она должна была перестать быть самой собой.

На протяжении многих десятилетий верховной вла-

стью владела иллюзия, будто в самодержавном государстве нет ничего легче, чем проведение любых реформ в приказном порядке, «сверху». Еще в Негласном комитете П. А. Строганов убеждал Александра I, что в отличие от конституционных государств, где каждый подобный шаг должен стать предметом парламентского обсуждения, которое неизвестно еще к чему приведет, самодержец свободен в своих действиях. Лишь долгий печальный опыт привел верховную власть к трудновоспринимаемой ею мысли, что привычный, тайный, бюрократический способ решения назревших проблем не может дать желаемого результата. Лучшим доказательством этого является та удивительная метаморфоза, которую пережил вопрос о крестьянской реформе в конце 50-х годов, когда из Секретного комитета 1857 г. он был передан на рассмотрение губернских комитетов. В Секретном комитете были собраны лучшие из высших бюрократов, какими располагала в то время государственная власть, но как бледны и неконструктивны были все их предложения! Однако стоило только разрешить публичное обсуждение крестьянского вопроса, как оказалось, что передовая мысль не погибла в задавленной николаевским режимом стране. Несмотря на то что большинство помещиков противилось реформе, возможность высказаться меньшинству дала обнадеживающие результаты. И хотя в зазвучавших голосах было немало консервативного, непродуманного, а реформа далеко не оправдала надежд передовой части общества, но все это были уже проблемы иного плана, трудности нового пути.

Болезненно, долго и трудно приходило к самодержавию понимание, что без привлечения общества, без того, чтобы поделиться с ним хоть малой частью своей власти, преобразовать страну невозможно. Именно этот барьер политических представлений не могли преодолеть ни Александр I, ни его преемники.

Александр I хорошо понимал, что России необходима конституция, необходимо освобождение крестьян, пытался этого достичь, но потерпел неудачу. К тому же стремились декабристы. Но самодержец, испытывавший острый дефицит в мыслящих людях, и подумать не мог об опоре на этих передовых политических деятелей. Вместо того чтобы идти к общей цели вместе, верховная власть жестоко расправилась с лучшей частью российского общества.

Л. Г. ЗАХАРОВА

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ (Самодержавие и реформы 1861—1874 гг.)

Отмена крепостного права в России в 1861 г. и последовавшие за ней реформы (земская и городская, т. е. местного самоуправления, судебная, военная, народного просвещения, цензуры и др.) — крупнейшее событие, «перелом», «поворотный пункт» отечественной истории. Таковы оценки, в которых сходятся сами законодатели, их современники, исследователи, классики русской литературы и основоположники марксизма-ленинизма. Эти реформы дали не только новый отсчет истории России, свергшей 300-летнее крепостное иго, но они также определили путь ее исторического развития, сущность аграрного вопроса, уже в начале XX в. чреватого революционной развязкой. Эти реформы «сверху» во многом определили революции «снизу» 1905 и 1917 гг.

Интерес к истории реформ, называемых в дореволюционной историографии «великими», а в советской — «буржуазными», никогда не исчезал, но на определенных витках пройденного с тех пор страной пути он приобретал особенную остроту и общественно-политическую актуальность. И совсем не случайно наше время пробудило живое и пристальное внимание к эпохе реформ прошлого века. Историки, философы, экономисты, публицисты, писатели, современные государственные деятели пишут или высказываются об этих реформах — не только в нашей стране, но и за ее пределами. В мае 1989 г. в США в Филадельфии в Пенсильванском университете состоялась советско-американская конференция историков «Великие реформы в России 1861—1874 гг.», а спустя год, в мае 1990, в Вашингтоне в Институте Кеннана — «Реформы в России и СССР 1861—1990», объединившая специалистов разных стран — историков, политологов, журналистов.

Послушаем двух современников эпохи кануна реформ. Князь Д. А. Оболенский, служивший в Морском министерстве («министерстве прогресса») под началом великого князя Константина Николаевича, брата Александра II, свой человек в «верхах», вместе с тем подружившийся с вернувшимися из ссылки декабристами Е. П. Оболенским и И. И. Пущиным, оставил в своем дневнике характерные записи. 16 октября 1856 г.: «Вообще есть сила, на которую я начинаю возлагать большие надежды,— это сила вещей, она неоспоримо начинает действовать... Люди начинают свободно дышать, уже это большой шаг к выздоровлению. Хотя дико еще кажется многим это отсутствие постоянного гнета, хотя еще правительство не составило плана и не определило образ действия в новом направлении, но... всеобщее окоченение начинает пропадать, и как в отдельных лицах, так и в обществе начинает проявляться некоторое сознание». 30 декабря, подводя итог истекшего 1856 г.: «Он, однако, ярко отличается от предшествовавших годов, как перед наступлением весны бывают дни хотя еще холодные, но с весенним запахом, предшественником наступающей оттепели. Свободно дышала Россия в этом году».

В 1860 г., в самый канун отмены крепостного права, Лев Толстой в романе «Декабристы» обобщит свои впечатления о той оттепели: «Как тот француз, который говорил, что тот не жил вовсе, кто не жил в Великую французскую революцию, так и я смею сказать, что, кто не жил в пятьдесят шестом году в России, тот не знает, что такое жизнь». Оба одинаково видели рубеж, отделявший в 1856 г. Россию казарменно-палочного режима от грядущей — новой, пробуждающейся к общественной жизни и самосознанию. Интересна и возникшая у Толстого ассоциация с европейской революционной историей.

Так чем же знаменателен 1856 г.?

Александр II вступил на престол в феврале 1855 г.: 18-го — манифест о восшествии, в день смерти Николая I; 19-го — присяга Государственного совета новому императору и его наследнику. Смена царствований, не в пример 1825 г., прошла мирно. Однако со смертью Николая I совпал и обнажился кризис просуществовавшей 30 лет военно-полицейской системы, созданной в противовес декабризму, прогрессу.

Первый мощный удар николаевской системе был нанесен извне. Поражение в Крымской войне (1853—1856 гг.) показало действительное состояние крепостнической Рос-

сии. Она не только вышла из войны побежденной, но и оказалась в международной изоляции. Реакционный Священный союз России, Пруссии и Австрии, созданный в завершение эпохи наполеоновских войн, фактически распался. Николаевский внешнеполитический курс оказался несостоятельным.

Забота о престиже страны в европейском общественном мнении, идущая вразрез с амбициозной идеологией официальной народности, проявилась с первых же шагов правительства Александра II, еще до постановки крестьянского вопроса. В середине 1855 г. создается заграничное издание — газета «Le Nord» в Бельгии. Цель ее, по словам министра внутренних дел С. С. Ланского, «ознакомить Европу с действительным положением России», «стремиться к уничтожению неосновательных, ложных понятий о нашем отечестве». И тут же последовал циркуляр начальникам губерний с указанием поддержать распространение «столь полезного издания», организовать подписку на него дворян и чиновников губернских и уездных учреждений. Пройдет немного времени, и новому самодержцу и его правительству станет ясно, что выход может быть найден только в радикальном пересмотре всей политики. В ряду стимулов, толкавших к изменению курса, соображения престижа были могучим двигателем.

И не случайно, что первая заявка правительства на предстоящие реформы, хотя и очень размытая, неопределенная, прозвучала в манифесте 19 марта 1856 г., огласившем бесславные для России условия Парижского мира: «Да утверждается и совершенствуется ее, России, внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных». Через несколько дней, отвечая на распространившиеся среди дворянства слухи и страхи по поводу именно этих слов манифеста, Александр II произнес известную речь перед предводителями дворянства в Москве 30 марта 1856 г., в которой сказал об освобождении крестьян: «Гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу».

Недовольство охватило все слои общества, вызвав к жизни поток обличительных рукописных записок и проектов реформ, «подземной литературы». Как будто вся

мыслящая Россия взялась за перо. Запрет, наложенный Николаем I на печатное слово, доведенный в 1848—1855 гг. до «цензурного террора», был сметен страстной, неудержимой потребностью общества выговориться. Возвращавшийся в это время из ссылки М. Е. Салтыков-Щедрин, попав в Москву, а затем в Петербург (на службу в Министерство внутренних дел), был поражен свободой, с которой заговорили все обо всем и везде: простой люд и чиновный, интеллигенция и начальство, на улицах, в домах, в кабаках и салонах. «Севастополь ударил по застоявшимся умам» (В. О. Ключевский), и после мертвенного оцепенения слово превратилось в общественную силу.

Гласность возникла стихийно, снизу. Правительство шло в хвосте событий, отказавшись от чрезвычайных цензурных запретов, но в дальнейшем взяло гласность на вооружение. Чутко уловив потребность родины в правдивом слове после длительного молчания и фальши, А. И. Герцен начал издавать «Полярную звезду» (1855 г.), «Голоса из России» (1856 г.), наконец, «Колокол» (1857 г.), известные всей читающей России — от царя и высших государственных сановников до провинциального дворянства и духовенства самых отдаленных уездов и, конечно, студенчества. И в самой России «как грибы после дождя» (по выражению Толстого, вернувшегося из Севастополя) стали выходить издания, олицетворявшие собой оттепель.

Гласность — это еще одно слово-символ неповторимого 1856 г. Гласность обличала, но пафос ее был в созидании, она несла заряд оптимизма и светлых надежд, побуждала правительство и общество к действиям, вытесняла страх, пропитавший николаевскую систему. Раскрепощение духовных сил общества предшествовало реформам и явилось их предпосылкой.

Действовал и мощный экономический стимул. Осознание того, что вольнонаемный труд выгоднее крепостного, что крепостничество, как было известно правительству и раньше, тормозит развитие земледелия и товарного производства хлеба, побуждало к отмене крепостного права. Интересны впечатления на этот счет личного секретаря великого князя Константина Николаевича — А. В. Головнина, который по его поручению отправился летом 1860 г. в поездку по России «собрать для его высочества как члена Главного комитета по крестьянскому делу местные сведения и замечания по

этому предмету». В своих записках «для немногих» Головнин пишет: «Более всего поражает в настоящее время в средних и южных губерниях России истощение их и медленность всякого развития народного благосостояния. Доказательством тому служит, что между двумя последними ревизиями население почти не увеличилось, что в городах и селах весьма мало видно новых построек, а часто встречаются каменные дома... которые теперь стоят пустыми и разрушаются. По общему отзыву жителей, в последние тридцать лет уменьшилось значительно число скота и даже домашней птицы, и все предметы крайне вздорожали, особенно в последние годы... Все сие становится весьма понятным, естественным, если вспомнить, что в последние 40 лет извлекался из помянутых губерний возможно больший доход и брались усиленные рекруты и между тем ничего на эти губернии не издерживалось... Самая плодородная почва истощается при таком хозяйстве».

Головнин призывал обратить внимание на Центральную Россию. Правительство «только тогда будет сильно на окраинах империи и влиятельно за границей, когда средняя Россия, настоящее ядро государства, будет богата и спокойна». При всей основательности этих суждений подобные кризисные явления не характеризовали конкретно именно данный момент, относясь в целом ко всему периоду царствования Николая I. К тому же экономика России не разваливалась и 1856 г. был урожайным, страна вывозила хлеб. Но симптом несостоятельности всей системы хозяйствования грозно заявил о себе в сфере, особенно чувствительной для правительства,— в финансах.

Уже к январю 1857 г. правящим верхам, Александру II открылось истинное, крайне тяжелое, угрожающее положение финансов. За время войны, с 1853 по 1856 г., дефицит бюджета по обыкновенным расходам возрос почти в семь раз (с 9 млн руб. серебром почти до 61 млн), а общая сумма дефицита — в шесть раз (с 52 млн до 307 млн руб.). Более чем на 50% уменьшилась золотая обеспеченность бумажных денег. Среди статей дохода вырос удельный вес винных откупов — с $^1/_3$ в 1845 г. до 43% в 1853—1856 гг. Известный экономист Л. В. Тенгоборский в записке на имя царя пришел к заключению: «Необходимо принять неотложно самые решительные меры к сокращению расходов... ибо в противном случае государственное банкротство неминуемо». Угроза финансового

кризиса стимулировала «верхи» к поискам и преобразованиям и особенно волновала Александра II, который делился своей тревогой с братом, великим князем Константином Николаевичем, тоже видевшим катастрофическое положение финансов.

«Прежняя система отжила свой век» — таков был приговор одного из ее идеологов, М. П. Погодина, произнесенный им через три месяца после смерти Николая I.

В силу особенностей российской действительности, недостаточной развитости классовых отношений движение вперед было возможно лишь при импульсах со стороны самодержавной власти. Вера в ее способность содействовать процессу обновления и освобождения, свойственная накануне отмены крепостного права почти всем прогрессивным направлениям общественной мысли (на какое-то время даже Герцену; таких, как Чернышевский, было немного), являлось своеобразным отражением этой реальности.

Александр II стал императором, будучи вполне сложившимся человеком. Еще наследником он принимал участие в государственных делах, в работе секретных комитетов по крестьянскому делу. Он не был ни либералом, ни фанатиком реакции, до воцарения не имел своей программы, не выработал определенной политической системы. Однако, вступив на престол в момент кризиса старой системы, пробуждения общественного мнения, требовавшего реформ, он сумел это осознать и начал искать новые решения и новых людей.

На первых порах, особенно в 1856 г., новизна внутренней политики выразилась в снятии множества запретов: последовали отмена стеснений, введенных в университетах после 1848 г., уничтожение военных поселений, генерал-губернаторств в Харькове и Витебске, разрешение свободной выдачи заграничных паспортов (выезд увеличился в четыре с лишним раза с 1856 по 1859 г.— с 6 тыс. до 26 тыс. человек), ослабление цензурного гнета, предоставление возможности «упрочить торговые наши связи с иностранными государствами и заимствовать оттуда сделанные в последнее время в Европе усовершенствования в науке», сокращение армии, прощение недоимок и освобождение на три года податных сословий от рекрутских наборов и др. Что особенно важно, к коронации в августе 1856 г. была объявлена амнистия политическим заключенным — оставшимся в живых декабристам (о

смягчении их участи Александр просил отца еще в 1837 г., увидев их в Сибири), петрашевцам, участникам польского восстания 1831 г.; 9 тыс. человек освобождались от административно-полицейского надзора.

О восприятии этих первых мер царствования Александра II европейским обществом сообщил известному государственному деятелю, будущему военному министру Д. А. Милютину Головнин, сопровождавший великого князя Константина Николаевича в его заграничном путешествии осенью 1858 г.: «Я виделся в Париже с некоторыми из моих прошлогодних знакомых французов, выбирая тех, кто поумнее... Они поражены многими мерами, которые у нас приняты... Они чрезвычайно хвалят это и предсказывают России в будущем необыкновенное развитие. Видно, что в настоящее время именно это внутреннее развитие дает ей вес в делах европейской политики». Милютин, посетив Петербург после годичного отсутствия, 22 октября 1857 г. писал на Кавказ своему начальнику князю А. И. Барятинскому: «Здесь вообще нашел я поразительное явление: стремление к преобразованиям, к изобретению чего-то нового обуяло всех и каждого; хотят, чтобы все прежнее ломали тут же, прежде чем обдумано новое».

В своих действиях Александр II в первую очередь опирался на бюрократию. Последовали перемещения, отставки, новые назначения из среды той же бюрократии, которая срослась с прежней системой и оставалась в большинстве своем верна ей. Но без ведома царя Ланской, в молодости причастный к первым декабристским организациям и недавно назначенный министром внутренних дел, во время коронации вел переговоры с предводителями дворянства ряда губерний, пытаясь инспирировать в высшем сословии инициативу к освобождению крестьян — подачу адреса на имя царя. Переговоры натолкнулись на молчаливое сопротивление дворянства. Один только виленский генерал-губернатор В. И. Назимов, личный друг Александра II еще в пору его молодости, откликнулся на предложение Ланского и обещал склонить дворянство своих губерний к выступлению с нужной правительству инициативой. Он сдержит слово, и через год именно с северо-западных губерний начнется подготовка крестьянской реформы. Большинство же дворянства и бюрократии не хотело уничтожения крепостного права и коренных перемен. Однако если поставить на этом точку, то реформы Александра II будут необъяснимы.

В царствование Николая I численность бюрократии возросла, военно-полицейские функции ее укрепились, ее роль в государстве усилилась за счет ослабления поместного дворянства с его заложенными и перезаложенными имениями и оппозиционных сил, подавленных расправой над декабристами. Вместе с тем в среде бюрократии сначала в 30-е, особенно же в 40-е годы стал складываться слой прогрессивно мыслящих, интеллигентных людей, объединенных сходством взглядов, программ предстоящих преобразований и методов ее исполнения — так называемая либеральная бюрократия. Очагами ее формирования были министерства (в разные годы лидерство в этом процессе принадлежало разным ведомствам). Либеральная бюрократия не была отгорожена от общественных сил страны, она формировалась в содружестве с либеральными общественными деятелями, литераторами, учеными. Связь поддерживалась через личные контакты, общение в кружках, великосветских салонах и непосредственно в совместной государственной службе. В среде бюрократии в разное время служили Ю. Ф. Самарин, К. Д. Кавелин, В. И. Даль, М. Е. Салтыков-Щедрин, П. И. Мельников (Печерский), Н. А. Серно-Соловьевич и многие другие.

В середине 40-х годов это содружество укрепилось и нашло выход, в частности, в создании в 1845 г. Русского географического общества под председательством великого князя Константина Николаевича, который поддерживал либеральную бюрократию. Общество это состояло при Министерстве внутренних дел, в котором с особенной энергией проявлялась как активность либеральной бюрократии, так и реформаторская деятельность в целом. Из этого Министерства вышел и лидер либеральной бюрократии Н. А. Милютин (брат Д. А. Милютина). В 1856 г., когда наступила «оттепель», он был уже готов к решению основного из насущных вопросов — крестьянского. Свои взгляды Милютин изложил в записке об освобождении крестьян в Карловке (Полтавская губерния), имении тетки Александра II великой княгини Елены Павловны. Его записка в дальнейшем послужила как бы моделью реформы 1861 г. Важно то, что в самом аппарате власти имелись люди новой формации со своей программой; они объединились и были готовы при благоприятных условиях взять дело преобразований в свои руки.

Среди дворян тоже были сторонники либеральных

преобразований, хотя они и составляли явное меньшинство. Они имели много общего по программным вопросам с либеральной бюрократией, однако между ними были и расхождения. Либеральное дворянство более непосредственно отражало свои классовые интересы, чем это делала либеральная бюрократия, для которой «государственная необходимость» была на первом плане.

Продолжало развиваться общественное движение. Формулировались программные требования либерального лагеря. Шла консолидация революционно-демократических сил вокруг «Современника», на всю Россию (и Европу тоже) звучало свободное слово А. И. Герцена — «Колокол».

Роль крестьянских движений в подготовке отмены крепостного права советская литература по традиции, восходящей к 30-м годам, нередко преувеличивает. Преодолевая этот перегиб, не следует впадать и в другую крайность. Призыв правительства в конце Крымской войны к созданию морского и сухопутного народных ополчений вызвал в крестьянстве надежду на освобождение и повлек за собой грозное для власти перемещение масс крепостного населения: в июне 1856 г., через несколько месяцев после окончания войны, подогреваемые слухами об освобождении крестьян, 12 тыс. крепостных направились в Крым. Не меньшую тревогу вызывало общее для крестьянства, напряженно ожидавшего свободы, «трезвенное движение», начавшееся в 1858 г. И хотя не было непосредственной угрозы восстания, память о пугачевщине, об участии крестьянства в европейских революциях многократно усиливала страх «верхов». Такое настроение отразилось в афоризме Погодина: «Мирабо для нас не страшен, а Стенька Разин — лишь кликни клич».

Подготовка реформы началась вполне традиционно — открытием в январе 1857 г. в Зимнем дворце очередного Секретного комитета. Но в условиях «оттепели» старая традиция дала вдруг неожиданный эффект. Уже на втором заседании государственные мужи николаевской эпохи решили, что правительству следует издать для всеобщего сведения указ по крестьянскому вопросу, отпечатать его, оформить в рамочку под стекло и разослать во все губернии, уезды, отдаленные уголки империи, чтобы «успокоить взволнованные умы». За эту меру выска-

зался даже шеф жандармов. Указ не состоялся, но эпизод этот показывает, как неожиданно врывалась жизнь в «святая святых» правительственного механизма. Потребовалось еще 10 месяцев, чтобы секретность была снята и с самого комитета, и с крестьянского вопроса.

Опыт конца 20—30-х годов XIX в. показал, что преобразованиями сначала в удельной деревне (принадлежавших императорской фамилии около 2 млн крестьян, реформы Л. А. Перовского), затем в государственной (20 млн крестьян, реформа П. Д. Киселева) не разрешился этот страшный для монархии вопрос. Центр его тяжести находился в помещичьей деревне (22 млн крепостных, 110 тыс. дворян-душевладельцев). Учитывая это, с нее и начали в 1857 г.

Реформирование помещичьей деревни в первой половине XIX в. включало, не считая указов о вольных хлебопашцах и об обязанных крестьянах, еще два варианта локального характера: освобождение крестьян без земли в трех прибалтийских (остзейских) губерниях и введение в трех юго-западных губерниях инвентарей — правительственной регламентации наделов и повинностей при сохранении крепостного права. На начальной стадии подготовки реформы это учитывалось.

Когда в октябре 1857 г. Назимов привез обещанный еще во время коронации адрес дворянства северо-западных губерний на имя Александра II, царь потребовал срочно подготовить ответный рескрипт. Он и был одобрен Секретным комитетом 20 ноября 1857 г. Со стороны столичных дворян инициативы так и не последовало. Тем не менее, воспользовавшись их прежними ходатайствами (и не о том предмете), правительство все-таки приписало эту инициативу им, и 5 декабря 1857 г. был издан рескрипт на имя петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева. Это указывало на неизбежность распространения реформы на другие губернии.

Сразу же после подписания Александром II рескрипта Назимову текст его был набран типографским способом и на рассвете срочно, поездом отправлен для рассылки всем начальникам губерний и губернским предводителям дворянства. Как свидетельствует Мельников-Печерский, Ланской боялся, что наутро члены Секретного комитета могут одуматься и отказаться от этой меры. Так оно и случилось, но рескрипты были уже в пути. Через неделю рескрипт Назимову был опубликован в «Le Nord», а еще спустя месяц оба первых рескрипта (Назимову

и Игнатьеву) — в «Журнале Министерства внутренних дел». Всем газетам и журналам разрешалось их перепечатать.

Они не отличались радикальностью, в них еще не говорилось об «освобождении крестьян», а только об «улучшении быта», хотя из сопутствующих рескриптам документов ясно, что этим выражением обозначалась отмена личной зависимости крестьян. Еще более неопределенной, противоречивой была постановка в рескриптах главного вопроса — земельного. За помещиками сохранялась собственность на землю, крестьянам предоставлялись права выкупа только усадьбы и пользования наделом. Но каковы условия этого пользования, как надолго сохраняется надел и в каких размерах, и, главное, какова конечная цель — «вечное» пользование аналогично инвентарям юго-западных губерний или обезземеливание по остзейскому типу,— эти вопросы оставались открытыми.

Рескрипты были «высочайшими», т. е. обязательными для исполнения. Дворянство получало право создать на местах губернские комитеты и на основании рескриптов разработать проекты реформы для данной губернии: допускалось, что каждая из них будет иметь свой проект и свой закон, и вводиться они будут постепенно, с запада на восток.

Потрясенные гласностью крестьянского дела и конкретностью приступа к реформе, дворяне в массе не откликались на меры правительства, побуждавшего их к действиям. Только нижегородское дворянство, где губернаторствовал А. Н. Муравьев, в прошлом участник первых декабристских организаций, связанный с либеральной бюрократией из Министерства внутренних дел, прислало «всеподданнейший» адрес с просьбой дать рескрипт, который последовал незамедлительно. Московские дворяне молчали, несмотря на нажим правительства, конфиденциальные письма, циркуляры. Противостояние продолжалось два месяца и сломлено было, не без труда, 16 января 1858 г.

После этого один за другим начали поступать адреса местного дворянства и принимались ответные рескрипты, создавались губернские дворянские комитеты. Видимость «инициативы» дворянства соблюдалась. В 1858 — начале 1859 г. открылись 46 губернских комитетов в Европейской России. В выборах этих комитетов и составлении адресов на имя Александра II участвовало около

44 тыс. дворян — владельцев крепостных (40% общего их числа). Так стал создаваться механизм реформы. Чтобы контролировать деятельность дворянства, явившегося по зову верховной власти на арену государственной деятельности, были назначены в каждый губернский комитет по два «члена от правительства».

Секретный комитет с опозданием на три месяца после фактического рассекречивания был переименован в Главный комитет. И хотя состав его оставался прежним, условия деятельности, темпы и методы работы изменились. Мертвящий, канцелярский стиль засекреченного учреждения был отчасти нарушен (но пока еще не уничтожен — для этого нужны были другие люди). Главный комитет по крестьянскому делу оказался связанным с борьбой, развернувшейся на местах в среде дворянства из-за определения предела уступки крестьянам. В состав дворянских комитетов вошли амнистированные декабристы и петрашевцы, славянофилы и западники, либералы и реакционеры. Образование фракций в губернских комитетах («меньшинство» и «большинство») выявило в дворянстве помимо сторонников и противников отмены крепостного права носителей различных представлений о путях развития страны, о вариантах реформы. Главный комитет оказался втянутым в водоворот событий, на которые обязан был реагировать. В Петербург летели телеграммы, ехали гонцы от «большинств» и «меньшинств» дворянских комитетов, кого-то надо было поддержать, кого-то одернуть; поступали запросы по поводу туманных программных положений рескриптов.

Одновременно на местах, не дожидаясь инструкций, вводили публичность заседаний губернских комитетов, во время которых происходили бурные сцены с нецензурной бранью, потасовками; у лидеров группировок появились телохранители. Ю. Ф. Самарин носил при себе оружие. Между комитетами стали налаживаться связи. Учились обсуждать и решать государственные вопросы, учились приемам политической борьбы, начаткам конституционности. Декабрист И. И. Пущин, вернувшийся из Сибири, в 1858 г. послал лидеру тверского либерального дворянства А. М. Унковскому конституцию Никиты Муравьева, принятую Северным обществом, для использования ее губернским комитетом. 5 ноября 1858 г. А. П. Елагина писала Г. С. Батенькову, поселившемуся в Калуге: «Что-то у Вас в Калуге происходит? В Твери стенографируют и литографируют каждое заседание комитета,

это очень эффектно, и выходит гласность, чего все желают. Нельзя ли то же учинить в Калуге: ну-ка, господин декабрист, учи парламентским штукам».

Гласность облекалась в неожиданные для правительства формы, давала непредвиденные последствия. Пресса набирала силу, подчас забывая о рамках, поставленных рескриптом, цензура не успевала ориентироваться в событиях. Но правительство бдительно следило за ситуацией в стране. После рескриптов, с декабря 1857 г. до отмены крепостного права в феврале 1861 г., министр внутренних дел еженедельно докладывал Александру II о настроениях дворянства и крестьян, о слухах и толках на местах, о деятельности губернских комитетов и всех случаях крестьянских волнений. Доклады, содержащие наиболее важную информацию, поступали в Главный комитет. Традиционные отчеты III отделения собственной его императорского величества канцелярии были уже недостаточны. Сводки министра, составленные на основе донесений начальников губерний, поначалу не внушали тревог.

Опасность возникла внезапно и с неожиданной стороны. В конце апреля 1858 г. в Эстляндии, где крепостное право было отменено 40 лет назад, начались крестьянские выступления, длившиеся более трех месяцев; они стали массовыми и перешли в вооруженную борьбу. Первые сигналы о происходящем поступили именно в тот период, когда в столице приступил к занятиям губернский комитет и началась подготовка реформы. Из Петербурга на помощь эстляндской администрации были направлены военные силы, но Александр II захотел выяснить причину протеста и послал доверенное лицо. Генерал-майор свиты Н. В. Исаков пришел к заключению, что все дело в освобождении крестьян без земли и что крестьянство нуждается в подлинном, а не мнимом «улучшении быта», и, конечно, с землей. Выступление эстляндских крестьян было подавлено, но оно вызвало в «верхах» замешательство, пошатнув авторитет «остзейского образца», лишив его сторонников уверенности и силы. Этому способствовал и «Колокол», который осуждал приверженцев «остзейской системы».

Правительственная политика колебалась между «реаками» (реакционерами) и «прогрессистами» (либеральной бюрократией). Весной 1858 г. Главный комитет склоняется к безземельному освобождению крестьян и одновременно к проекту повсеместного введения военного управ-

ления в форме генерал-губернаторств. Именно в это время журнал «Современник» подвергается гонениям: изымается из продажи и запрещается апрельская книжка со статьей К. Д. Кавелина, в которой конечная цель реформы формулировалась как выкуп крестьянами полевой земли в собственность. Кавелин попадает в опалу, лишается места наставника наследника престола и отстраняется от явного участия в подготовке крестьянской реформы. Вместе с тем по цензурному ведомству 15 и 22 апреля рассылается циркуляр, запрещающий обсуждение крестьянского вопроса в печати.

Царь предпринял попытку освободить удельных крестьян без земли, но из этого ничего не получилось: только ничтожное число «облагодетельствованных» воспользовались такой свободой, в массе же удельное крестьянство не приняло этого указа. Эти две бреши в «остзейском опыте» (волнения в Эстляндии и неприятие безземельного освобождения удельными крестьянами), видимо, развенчали «остзейский вариант» в глазах Александра II и ослабили позиции его сторонников в правительстве и Главном комитете.

В официальной правительственной политике начинает пробиваться и завоевывать признание новое направление: конечная цель реформы — превращение бывших крепостных в собственников своих наделов, уничтожение вотчинной власти помещиков и приобщение крестьянства к гражданской жизни и правам. Этот поворот в правительственной политике, происшедший в октябре — ноябре 1858 г., связан с деятельностью члена Главного комитета генерал-адъютанта Я. И. Ростовцева, которому Александр II полностью доверял. За полгода стремительных сдвигов в общественно-политической ситуации Ростовцев, многое продумав и прочувствовав, отказался от варианта безземельного освобождения крестьян и фактически признал либеральные идеи и цели реформы, которые еще в апреле 1858 г. правительство запрещало и преследовало.

Ростовцев как начальник военно-учебных заведений принадлежал к военной бюрократии. В молодости он был близок с руководителями Северного общества декабристов, однако вступить в их организацию отказался. Накануне восстания, 12 декабря, не скрывая своего намерения от друзей, он сообщил Николаю I о готовившемся выступлении, а 14 декабря участвовал в подавлении восстания декабристов, был ранен и получил повышение

в чине и награду. Возвращение декабристов из Сибири в конце 1856 г. напомнило современникам о прошлом Ростовцева. «Колокол» в 1858 г. много писал о его неприглядной роли в 1825 г., о реакционности его позиции в крестьянском вопросе, что действительно было характерно для Ростовцева в 1857 — первой половине 1858 г. Однако летом 1858 г. он круто изменил свою позицию и, как отмечали современники, «из реакционера сделался ревностным прогрессистом и эмансипатором», сблизился с либеральными деятелями, став убежденным сторонником освобождения крестьян с землей за выкуп.

В этой метаморфозе Ростовцева существенную роль, по-видимому, сыграли мотивы сугубо личного характера — стремление освободиться от тяжелых обвинений и реабилитировать себя перед собственными сыновьями и вернувшимися из ссылки декабристами, в прошлом друзьями Ростовцева. Он переписывался с одним из них — Е. П. Оболенским, спрашивая советов и наставлений по крестьянскому вопросу; многие из этих писем прочел Александр II. Особенно потрясла Ростовцева предсмертная просьба младшего сына (лето 1858 г.) «помочь делу освобождения крестьян» и снять тем самым тяжкие обвинения с их фамилии, запятнанной участием в подавлении восстания декабристов.

Свои взгляды на цели крестьянской реформы Ростовцев изложил в четырех письмах царю в августе — сентябре 1858 г. Александр II повелел их обсудить Главному комитету. На состоявшихся бурных заседаниях столкнулись две принципиальные позиции: либо сохранить всю земельную собственность в руках помещиков и развивать после отмены крепостного права крупное помещичье хозяйство, либо отдать полевую землю крестьянам в собственность за выкуп, и тогда будут сосуществовать в пореформенной деревне два типа хозяйства: крупное помещичье и мелкое крестьянское. Сначала Ланскому удалось провести ходатайство либеральной фракции Тверского губернского комитета о распространении выкупа, кроме усадебных, и на полевые земли крестьян; затем под нажимом Александра II, согласившегося с Ростовцевым, была принята новая по сравнению с рескриптами правительственная программа крестьянской реформы, утвержденная монархом 4 декабря 1858 г.: выкуп крестьянских наделов и образование класса крестьян-собственников. Большинство членов Главного комитета было явно против, но царь пресек дебаты и объявил вопрос решенным.

Принятие новой программы, которую правительство, однако, не решилось опубликовать, усилило позиции либеральной бюрократии. Ростовцев не был знатоком крестьянского вопроса, не имел проекта реформы и дальше самых общих формулировок ее целей пойти не мог. Только либеральная бюрократия во главе с Н. А. Милютиным, олицетворявшая творческий потенциал самодержавной системы, создала к этому времени в содружестве с общественными деятелями и учеными новую модель реформы. Это был упоминавшийся выше проект освобождения крестьян в Карловке. Отказ Александра II одобрить предварительный план этого проекта (октябрь 1856 г.) не остановил Милютина. Работа продолжалась два года с участием попавшего в опалу Кавелина, и к концу 1858 г. проект был готов, обсужден в Главном комитете и подписан царем 1 февраля 1859 г. Новая идея начала воплощаться в жизнь. Теперь либеральной бюрократии предстояло самое трудное — внести локальную модель в общее законодательство. Это требовало завоевания новых позиций в «верхах».

Пока в правительстве утрясали программу реформы, губернские комитеты начали посылать свои проекты в Главный комитет. Поскольку фракции «большинства» и «меньшинства» составляли отдельные проекты, ожидалось поступление не 46, а почти вдвое большего числа губернских проектов. Дело осложнялось и тем, что комитеты работали, все еще руководствуясь рескриптами, а правительство уже приняло новую программу 4 декабря 1858 г., параллельно отказавшись от идеи отдельного законодательства для каждой губернии. Требовалось подняться над этой грудой разрозненного материала, создать общий закон, рассчитанный на реализацию по всей Европейской России. Такая работа была непосильна Главному комитету. Для ее выполнения нужны были новые люди и идеи.

Главный комитет принял поэтому предложение Ланского и Ростовцева, и Александр II 17 февраля 1859 г. санкционировал создание специальной комиссии — с единственным условием, чтобы в ней председательствовал Ростовцев. Ее скромное название — Редакционные комиссии — вполне соответствовало представлению членов Главного комитета, что создается как бы его подкомиссия, и это на первых порах совпадало с мнением Александра II, который сообщил в письме брату Кон-

стантину Николаевичу за границу, что создана «второстепенная комиссия». Между тем вскоре к Редакционным комиссиям было приковано общественное внимание всей России и Европы. По словам французского историка А. Леруа-Болье, первого исследователя деятельности Редакционных комиссий, «никогда, быть может, в Европе ни одна законодательная комиссия не имела перед собой столь нелегкое дело». Современник и активный член Комиссий известный ученый-путешественник П. П. Семенов-Тян-Шанский характеризовал их как учреждение «доселе небывалое в России», независимое и самостоятельное. Н. П. Огарев видел в нем «великий шаг к благу России. Уже спервоначала, глядя на подписи в журналах Комиссий, сердце радуется, что встречаешь имена людей бескорыстных и образованных, а не встречаешь, как в Главном комитете, имена людей бездарных и неблагонамеренных в крестьянском вопросе».

Комплектование Редакционных комиссий шло целенаправленно: создавался «рабочий орган» по принципу общности идейно-политических убеждений большинства его членов. Н. А. Милютин, присоединяя к официальному приглашению Самарина в Комиссии свое личное, 9 марта 1859 г. писал: «Вы видите, что избираются люди, искренно преданные делу. Могу Вас вполне удостоверить, что основания для работ широки и разумны». Ростовцев как председатель имел широкие полномочия в подборе сотрудников, ему помогали Милютин, Семенов, а также великий князь Константин Николаевич советами в письмах из-за границы. Действия Ростовцева корректировались только Александром II: Главный комитет и Государственный совет никаких прав в этом вопросе не имели.

В Редакционные комиссии вошли 17 представителей министерств и ведомств и 21 член-эксперт из местных помещиков или специалистов (ученых, публицистов) по крестьянскому вопросу, приглашенных Ростовцевым от имени царя,— всего вместе с председателем 39 человек. Это были дворяне, большинство — помещики, в том числе крупные. В Комиссиях рядом сидели люди знатных фамилий и вовсе не титулованные, малоимущие, высшие сановники и мелкие чиновники. Но в абсолютном большинстве это были люди высокообразованные. 12 членов Редакционных комиссий уже работали совместно в Русском географическом обществе и успели сплотиться. В большинстве это были люди одного поколения (кстати,

и с Александром II также), многие из них являлись видными или даже выдающимися государственными и общественными деятелями (Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский, П. П. Семенов-Тян-Шанский, Н. Х. Бунге, М. Х. Рейтерн, А. П. Заблоцкий-Десятовский).

Первый председатель Редакционных комиссий Ростовцев (скончался в феврале 1860 г., одной из причин смерти явилось колоссальное нервное напряжение) по-разному оценивался современниками. Один из выдающихся либеральных деятелей реформ, Д. А. Милютин, служивший в молодости под начальством Ростовцева, писал: «При всех его недостатках и слабых сторонах, все-таки это был человек выдающийся из общего уровня большинства наших государственных людей», и если бы смерть не прервала его полезной деятельности, то результаты крестьянской реформы «были бы полнее», он смотрел бы на «Положение 19 февраля» «как на свое детище, он не дал бы вырвать его из своих рук и не допустил бы, чтобы введение его в действие было вверено людям противоположного, враждебного лагеря».

Лидером Редакционных комиссий, по общему признанию, был Н. А. Милютин. Это был человек целеустремленный, темпераментный, самоотверженный. А. Ф. Кони писал о нем: «Вот человек весь из цельного куска»; Н. А. Некрасов посвятил ему стихотворение «Кузнец-Гражданин»; И. С. Тургенев произнес над его могилой в 1872 г. проникновенную речь о его заслугах перед Россией; в Европе в начале 60-х годов имя его было очень популярно. Недруги и просто враги, которых у Милютина было много среди дворян и бюрократии, называли его «красным», да и Александр II испытывал к нему чувства неприязни и недоверия и только под давлением обстоятельств согласился на назначение его «временно исполняющим должность» товарища министра внутренних дел (одновременно с открытием Редакционных комиссий). Фактически политика Министерства внутренних дел направлялась им, и Ланской допускал это сознательно. Проработав в Министерстве более 20 лет, Милютин сформировался как государственный деятель не в затхлой атмосфере канцелярий, не в тиши ведомственных кабинетов, а в тесной сопряженности с научной, общественной и литературной жизнью столицы. Это был тип новой формации: либеральный бюрократ — деятель реформ.

Нетрадиционность нового учреждения заключалась в первую очередь в том, что большинство его членов

состояло из либеральных деятелей. Конечно, в Комиссиях были представлены и крепостники, но они оказались в меньшинстве. П. А. Валуев, яростный оппонент Комиссий, имел все основания сказать: «Они были составлены так, что никто не мог противиться системе большинства». Все вопросы решались в них большинством голосов, члены Комиссий, несогласные с мнением большинства, имели право выразить особое мнение (которое, однако, не печаталось в общих журналах, чтобы не выносить разногласия «на публику»), но подчинялись большинству. Факт создания либерального большинства в Комиссиях приобретал особое значение ввиду общей расстановки сил в губернских комитетах и в дворянстве в целом, в среде бюрократии и чиновничества, в высших и центральных органах власти и в местном управлении, где либералы составляли меньшинство. Одной из серьезных забот Редакционных комиссий стала поэтому поддержка либеральных меньшинств губернских комитетов.

В системе высших органов власти Редакционные комиссии заняли особое место, подчиняясь через своего председателя непосредственно царю и представляя, по выражению одного из членов, «как бы отдельное в государстве временное учреждение». Александр II считал Редакционные комиссии «органами правительства».

Гласность как метод политики самодержавия, ее новый инструмент приобрела в деятельности Редакционных комиссий огромное значение. В считанные дни после их заседаний журналы (т. е. протоколы) Комиссий печатались в трех тысячах экземпляров и рассылались высшим сановникам, губернскому начальству, предводителям дворянства и разным знатным и чиновным лицам, но попадали и не по назначению, например к Герцену и Чернышевскому. И все же эта гласность не была еще проявлением норм буржуазного правопорядка. Либеральное большинство Редакционных комиссий ограничивало принцип гласности, публичности в отношении к заявлениям оппозиции, консервативной и реакционной.

Не в открытой политической борьбе, не в классовых битвах решались судьбы крестьянства и страны. Новое, нетрадиционное учреждение функционировало в системе крепостнической монархии и не было свободно от традиций феодальной государственности и политической культуры. Труды Комиссий должны были подготовить «все умы». Гласность сознательно использовалась лидерами комиссий для укрепления либеральных сил, для

распространения и утверждения своей программы реформы, для того, чтобы исключить возможность ее пересмотра, попятного движения правительства.

Милютин говорил своим соратникам по Комиссии, когда возникали внутренние трения: «Сейчас не время для разногласий. Хорошо, если успеем бросить семя». И действительно, они спешили что было сил. Темпы работ Редакционных комиссий поразительны: 409 заседаний в течение одного года и семи месяцев. (Главный комитет за год работы в 1858 г. имел всего 28 заседаний, а Секретный комитет в 1857 г.— 11.) Для членов Редакционных комиссий была характерна высокая личная ответственность. Они понимали свою причастность к определению дальнейших судеб страны. Их имена были известны современникам, их подписи стояли в опубликованных журналах Комиссий.

Большим новшеством в деятельности Редакционных комиссий была научная обоснованность их трудов. Собиралась статистика поземельной собственности, тогда же изданная в шести томах; экономическими расчетами занимались ученые и практики; была создана библиотека по крестьянскому вопросу в России и Европе, располагавшая всеми появлявшимися новыми статьями. По просьбе Ростовцева и с разрешения Александра II Редакционные комиссии получали от шефа жандармов «Колокол», чтобы знать, «невзирая на личности», что о них пишут, и использовать разумную критику в интересах дела.

Редакционные комиссии были введены в самодержавную государственную систему на время, в критическую полосу ее существования; по своему составу и методам они были ей чужды. Это выразилось даже в таком маленьком, но характерном факте. Редакционные комиссии не были допущены в помещения, предназначенные для правительственных учреждений. Они заседали в зале первого кадетского корпуса (бывший Меншиковский дворец), на квартирах и дачах Ростовцева и председателей отделений, и не в форменной одежде, а за чашкой чая или бокалом шампанского по случаю какого-либо торжества, например дня рождения, летом — в палатках, сооруженных крестьянами, узнавшими о характере работ Комиссий. Отношения между членами Комиссий установились демократичные, атмосфера заседаний была непринужденной — и при этом шел напряженный, вдохновенный творческий труд.

Чужеродность Редакционных комиссий существующему государственному строю выразилась в их закрытии сразу же после составления и кодификации ими проектов крестьянской реформы (октябрь 1860 г.), закрытии, неожиданном для самих их членов, собравшихся на очередное заседание, причем иногородним было велено немедленно покинуть Петербург, что, однако, не было выполнено. Учреждений, подобных Редакционным комиссиям, никогда больше в царской России не созывалось.

В концепции либерального большинства Редакционных комиссий крестьянская реформа — это переворот, заключенный в единый законодательный акт; начальная стадия — освобождение помещичьих крестьян от личной зависимости, конечная — превращение их (всех) в мелких собственников-хозяев при сохранении значительной части дворянского землевладения. Мыслилось достигнуть этой цели мирным путем, минуя революционные потрясения, характерные для стран Западной и Центральной Европы, в чем и усматривалась особенность реформы и будущего аграрного развития России. В опыте европейских стран положительным признавался тот результат, к которому пришла Франция,— создание «дробной поземельной собственности», и тот путь законодательных мер в Пруссии и Австрии, который состоял в выкупе крестьянами земли в собственность при сохранении помещичьего землевладения. Но при этом ставилась задача избежать издержек прусского варианта — «сосредоточения поземельной собственности в тесном кругу малочисленных владельцев и значительных фермеров» и развития батрачества.

Конкретно это означало сооружение здания реформы на основе «существующего факта»: сохранение в собственности дворян земель, находящихся под барской запашкой; сохранение за крестьянами сначала в пользовании (за повинности), а потом в собственности (за выкуп) дореформенного надела; исчисление повинностей от их дореформенных размеров, с некоторым понижением, с облегчением для крестьян; исчисление величины выкупа от принятой повинности; участие государства в процессе выкупной операции в качестве кредитора. Выкуп — центральная позиция реформы. Он не был обязателен для помещиков. Александр II говорил: «Пока хоть один дворянин будет против выкупа крестьянских наделов, я обязательного выкупа не допущу». Вынужденные считаться с этим непреодолимым препятствием, Редакционные ко-

миссии создали внутренний механизм реформы, который обеспечивал непрерывность и неукоснительность ее движения. Вечность пользования и неизменность повинности буквально толкали помещика к признанию выкупа — единственной развязки туго затянутого государством узла. Враги Редакционной комиссии не без основания считали, что обязательный для помещиков выкуп заменен «вынудительным».

Для крестьян тоже фактически не оставалось выбора. Ставя целью избежать пролетаризации (как в Европе), сознавая вместе с тем, что экономические условия освобождения крестьян тяжелы и помещики будут стремиться всячески потеснить их, составители проектов внесли в закон статью, запрещавшую крестьянам отказываться от надела в течение девяти лет (при реализации закона этот срок затянулся). Той же цели в значительной степени служило и сохранение общины в роли землевладельца. Система выкупа ложилась на крестьян тяжелым бременем. Размер выкупа и сам по себе был велик, но, возвращая полученную от государства ссуду в течение 46 лет (выкупным платежам положила конец революция 1905—1907 гг.), крестьянин расплачивался втридорога. Механизм разорительного для крестьян «вынудительного» выкупа сработал безотказно: к 1881 г. 85% крестьян перешло на выкуп, а оставшиеся 15% правительство заставило прибегнуть к обязательному выкупу, что и предвидел Милютин.

Более последовательным и решительным было изменение правового положения крестьянства. Уничтожение личной зависимости и утрата помещиками вотчинной власти приобщали многомиллионное крестьянство к гражданской жизни, хотя оно и оставалось податным сословием. Вводилось крестьянское общественное самоуправление: волостное общество и сельское общество (на основе общины) с выборными от крестьян должностными лицами, со сходами. Поставленное под контроль местной администрации, выполнявшее фискальные функции, оно вместе с тем защищало интересы крестьян от помещиков, вчерашних крепостников, и явилось основой для участия крестьян в других реформах — в земстве, суде присяжных. Предполагалось, что со временем выход из общины будет облегчен, круговая порука отменена и община постепенно утратит свою власть над личностью крестьянина; сословность уступит место всесословности, неизбежное малоземелье части крестьян будет облегчено прирезкой из казенных земель.

Инициативная роль монархии, т. е. функция инициаторов в прогрессивных преобразованиях, была символом веры либеральной бюрократии, своеобразной заменой конституции. И это делало программу либеральной бюрократии приемлемой для монархии. Инициативная роль монархии являлась гарантией успеха преобразований, связанных с отменой крепостного права. В этом заключалось наиболее уязвимое звено политической концепции либеральной бюрократии, так как самодержавная власть оставалась по-прежнему неограниченной. Но уязвимость этой позиции либеральной бюрократии заключалась и в другом — в связанном с ним представлением о возможности установить гражданское равенство крестьян с другими сословиями без подлинной свободы для «облагодетельствованных». Отсюда — запрет отказа от земли, обязательность круговой поруки, затруднительность выхода из общины, сохранение телесных наказаний.

Такой вариант аграрного развития был разработан в основных звеньях большинством Редакционных комиссий за полгода, к осени 1859 г. Ожидая обсуждения своей программы депутатами губернских дворянских комитетов, Ростовцев писал: «Россия стоит на пороге новой жизни. В течение еще немногих дней будет окончательно кинут жребий: останется ли правительство верно историческому ходу народной мысли, пойдет ли оно рука об руку с образованнейшей частью среднего дворянства, сдержит ли оно громко заявленные крестьянскому сословию обещания свои... или оно, в угоду отжившим и недозрелым мечтаниям олигархическим, навеки внедрит в Россию семена пролетариата и неразлучно связанных с ним революционных движений».

Программа Редакционных комиссий подверглась критике с разных сторон, но одинаково нетерпимой. Свой протест выразили прибывшие в Петербург депутаты губернских комитетов все без исключения — либералы, консерваторы, реакционеры. Одни были против выкупа полевой земли крестьянами, их самоуправления и уничтожения вотчинной власти помещиков; другие — за выкуп, при условии отрезки половины надела и в это же время за широкие реформы местного управления, суда, системы просвещения и цензуры и т. д. Но все одинаково энергично напали на присвоенную государственной властью роль арбитра в делах сословий, усиливавшую ее воздействие на социально-экономическую сферу. Этот

протест они выражали в личных устных объяснениях с Комиссиями, куда их вызывали поодиночке (вместе им собраться не разрешили: Александр II боялся конституционных поползновений, а либеральная бюрократия опасалась за свою программу).

Не довольствуясь этим, дворянские депутаты подали свои коллективные письменные отзывы в Комиссии и — через Ростовцева — всеподданнейшие адреса царю. Одни усмотрели в трудах Комиссий «коммунистические начала», защиту интересов крестьянства в ущерб помещикам, другие в пику Комиссиям намекали на необходимость конституции, причем объявились сторонники и дворянско-аристократической олигархической конституционности, и либерально-буржуазной, возлагавшие надежды на широкие преобразования во всех областях. Все это депутаты губернских комитетов делали разрозненно, неорганизованно, верноподданнически. Опрокинуть труды Комиссий им не удалось, получилась только некоторая корректировка в интересах помещиков. За робкие конституционные заявления фрондеры подверглись административным наказаниям: представители олигархии — более умеренным, либерализма — вплоть до ссылки. Именно об этом времени Головнин писал Д. А. Милютину 7 декабря 1859 г.: «Мы видим борьбу представителей старого поколения, прежних администраторов, и поколения нового, их будущих преемников. Первые слишком упорно отстаивают прежний порядок и недоброжелательствуют всему новому, вторые, может быть, слишком горячо требуют скорых перемен».

После закрытия Редакционных комиссий кодифицированные проекты крестьянской реформы были переданы на обсуждение сначала в Главный комитет по крестьянскому делу, затем в Государственный совет (октябрь 1860— февраль 1861 г.), где они подверглись натиску со стороны реакционных сил. Новый, нетрадиционный механизм, призванный подготовить проект перестройки социально-экономической структуры общества, выполнив свою функцию, был изъят из государственной системы самодержавия как чужеродный. Прекратилась публикация материалов, сошла на нет гласность в подготовке реформы. На этой стадии в Главном комитете возник даже контрпроект, но благодаря усилиям великого князя Константина Николаевича, назначенного именно в это время председателем комитета, большинством в один голос проекты Комиссии прошли. В Государственном

совете они встретили оппозицию большинства, но Александр II не принял ее в расчет, согласившись с меньшинством.

Проекты Редакционных комиссий в целом не были пересмотрены: для этого просто не оставалось возможности. Даже шеф жандармов В. А. Долгоруков, который прежде, в 1857 г., всячески тормозил реформу, теперь торопил правительство, предупреждая, что дальнейшее промедление невозможно, так как «терпению при ожидании есть предел».

Силы торможения, не остановив реформу, все-таки существенно повлияли на решение земельного вопроса. На разных стадиях обсуждения, сначала дворянскими депутатами, затем в Главном комитете и в Государственном совете, размеры земельных наделов были урезаны (так что надельный фонд уменьшился на 20%), повинности же повышены, отчего возросла стоимость выкупа каждой десятины и соответственно выкупного платежа. Выкупная операция всей тяжестью легла на крестьянство, но оказалась выгодной для государства. Разорение значительной части крестьянства, чего так силились избежать составители проектов, сделалось неизбежным, основная цель реформы — превращение крестьян в мелких собственников и самостоятельных хозяев — отдалилась. И без того обремененный феодальными нормами и пережитками, проект с этими поправками вышел еще более противоречивым, половинчатым, тяжелым, особенно для крестьянства, но в некоторой степени и для дворянства.

Зато монархия вышла из кризиса обновленной и усиленной. 18 февраля 1861 г. последний раз собрался Государственный совет для подписания журналов, а на следующий день, в шестую годовщину своего восшествия на престол, Александр II подписал «Положение 19 февраля». Крестьянская реформа была принята. Крепостное право пало. Переворот в социально-экономических отношениях был предрешен. Такой исторический акт повлек за собой множество преобразований в различных сферах жизни.

С упразднением вотчинной власти дворянства не мог остаться прежним строй местного управления. Еще в 1857 г. в Министерстве внутренних дел исподволь началась работа над проектом земской реформы, возложенная на нового чиновника особых поручений М. Е. Салтыкова-Щедрина. Комиссия Н. А. Милютина, созданная при Министерстве, разработала основные положения земской реформы, принятой, однако, только в 1864 г. Эта

комиссия была тесно связана с Редакционными комиссиями, и учреждались они одновременно. Земская реформа вводила начала всесословного, выборного представительства в масштабах уезда и губернии. И хотя дворянство играло в земстве ведущую роль, а в губернских земствах являлось и абсолютно подавляющим большинством, тем не менее крестьянство впервые получило место во всесословных учреждениях. Компетенция земства была ограничена местными хозяйственными заботами (о медицине, статистике, ветеринарии, начальном образовании); делами общегосударственного масштаба оно, в отличие от губернских дворянских комитетов в пору подготовки крестьянской реформы, не занималось, не имело оно и реальной исполнительной власти.

Земская реформа вызвала к жизни аналогичные преобразования в городском самоуправлении (1870 г.), тоже подготовленные в Министерстве внутренних дел. По этому закону в 509 городах России вводились новые всесословные органы городского самоуправления — городские думы, избираемые на четыре года, которые из своей среды выбирали действующие исполнительные органы — городские управы. Право избирать и быть избранным в городскую думу имели обладатели определенного имущественного ценза, плательщики городских налогов, не исключая и мелких налогоплательщиков. Рабочие, служащие, интеллигенция, не уплачивающие городские налоги, исключались из числа избирателей. Городская дума подчинялась непосредственно Сенату, а не местной администрации, однако губернатор следил за законностью ее постановлений. Компетенция органов городского самоуправления, как и земского, была ограничена рамками хозяйственных вопросов, здравоохранения, народного образования.

В связи в отменой крепостного права, приобщением к гражданской жизни крестьянства, составляющего подавляющую массу населения, находится и судебная реформа. «Судебные уставы 20 ноября 1864 г.» были разработаны прогрессивными юристами в соответствии с тогдашними достижениями науки и судебной практики передовых стран Европы. В их числе — С. И. Зарудный, Д. А. Ровинский, Н. А. Буцковский. Россия получила новый суд: бессословный, гласный, состязательный, с адвокатурой, с выборностью мирового суда, с несменяемостью судей коронных, независимый от администрации, с общими для всех сословий судебными учреждени-

ями: окружным судом и судебной палатой. Венцом судебной реформы, ее наивысшим достижением был суд присяжных, который враги преобразований тогда же окрестили «судом улицы». Суд присяжных выносил вердикт о виновности или невиновности. Состав его был выборным из различных слоев населения с небольшим имущественным цензом либо без ценза, как, например, для крестьян, но только для определенной категории — должностных лиц, избранных крестьянским самоуправлением. По 20 губерниям (без столицы) в 1883 г. в числе присяжных было: дворян и чиновников —14,9%, купцов —9,4, мещан —18,3, крестьян —57%. «Судебные уставы» были самой последовательной и радикальной из реформ 60-х годов XIX в. в России. Они не только создали новый, буржуазный суд, но установлением норм правового порядка в сфере юридической в определенной степени ограничивали самодержавную монархию.

Были приняты и другие реформы: народного просвещения во всех его звеньях, цензуры, военные, финансов (сюда можно отнести очень важную акцизную реформу 1863 г., заменившую винные откупа), статистики, государственного контроля (т. е. учета и публикации расходов и доходов) и др. Только высшие органы государственной власти, центральная администрация, власть монарха и всесилие бюрократии остались вне процесса перестройки. Во всех этих реформах стремление сохранить самодержавие восторжествовало, что и отличало официальную политику от курса либеральной бюрократии. Возобладала «идея откупного торга» (выражение Валуева), т. е. уступок ради самосохранения власти. И в этом заключалась угроза самим реформам.

Судьбы многих реформаторов оказались безотрадны. Н. А. Милютин и его начальник по Министерству внутренних дел С. С. Ланской неожиданно для себя получили отставку в середине апреля 1861 г., через полтора месяца после манифеста об отмене крепостного права. Ланской вскоре умер. Здоровье Милютина, по свидетельству его жены, было подорвано внезапностью этой отставки в момент предельного напряжения сил и, казалось, удачно завершенного основного дела его жизни. В лице Милютина и Ланского либеральная бюрократия не просто отстранялась от власти — реализация крестьянской реформы передавалась в руки ее противников в «верхах». Ми-

нистром внутренних дел Александр II назначил П. А. Валуева, автора контрпроекта по трудам Редакционных комиссий.

Милютин, получив оплаченный годичный отпуск для «поправления здоровья», отправился с семьей в Европу. Его друзья и высокопоставленные покровители (великая княгиня Елена Павловна, великий князь Константин Николаевич, А. В. Головнин и другие) прилагали усилия, чтобы вернуть его к государственным делам. Перед отъездом за границу Милютина тревожил в первую очередь вопрос о гарантиях необратимости начатых реформ. 2 и 4 мая 1861 г. в прощальных посланиях Самарину и Черкасскому он писал: «Истинная борьба теперь не здесь, а на местах. От души желаю, чтобы либеральная часть дворянства и люди, преданные делу, не уклонялись от нее, и тогда все придворные и канцелярские ухищрения будут так же бессильны, как была бессильна до сих пор оппозиция чиновных помещиков». В апреле 1863 г. Милютин пишет из Рима брату, военному министру: «Нет большего несчастья для России, как выпустить инициативу из рук правительства». По его убеждению, последнему необходимо опереться на организованные в «партию середины» общественные силы. Однако ставка либеральной бюрократии на инициативную роль монархии и на либеральное дворянство оказалась ненадежной. Монархия, по инерции еще продолжавшая реформы в разных сферах государственной жизни, стала утрачивать политическую инициативу; либеральные течения, подвергшись притеснениям и гонениям, ослабли, крайние же, реакционное и революционное, напротив, набирали силу. Не стремление к либеральным преобразованиям, а восстание в Польше 1863 г. вынудило Александра II вернуть Милютина из затянувшегося заграничного отпуска, чтобы еще раз воспользоваться его способностями в критических для царизма обстоятельствах.

Милютин принял предложение. Взяв с собой Ю. Ф. Самарина, В. А. Черкасского, В. А. Арцимовича, Я. А. Соловьева, он отправился в Польшу. Здесь он и провел в 1864 г. аграрную реформу, реализовал свои заветные планы. Земля, находившаяся к началу восстания в пользовании крестьян, по закону стала их собственностью. Крестьянский вопрос в Польше решился более радикально и последовательно, чем в России. Это и было последним государственным делом Милютина. Его мечты о финансовых преобразованиях, по его мнению, наи-

важнейших после отмены крепостного права, так и не осуществились. А с 1866 г., после инсульта, он был обречен на бездеятельное существование.

Оказались отстраненными от активной государственной и общественной жизни и другие деятели реформы: Кавелин покинул кафедру Петербургского университета; получил отставку в 1866 г. либеральный министр народного просвещения Головнин; еще в 1862 г. пострадали тверские либералы во главе с Унковским, на время оказавшись в Петропавловской крепости; реакция выжила самого либерального в среде местной администрации калужского губернатора Арцимовича; подверглись гонениям либеральные мировые посредники, набранные еще Милютиным и Ланским; министр финансов в 1861—1878 гг. М. Х. Рейтерн сразу после окончания русско-турецкой войны вышел в отставку. Н. Х. Бунге продолжил преподавание в университете в Киеве, а став министром финансов в первой половине 80-х годов, завершил крестьянскую реформу обязательным выкупом и прекращением временнообязанных отношений; Семенов-Тян-Шанский с головой ушел в свои научные занятия, создав основы отечественной статистики.

Наиболее трагично кончил свою жизнь «Царь-освободитель». 4 апреля 1866 г. состоялось первое покушение на его жизнь. За выстрелом Д. И. Каракозова последовали другие, особенно в конце 70-х годов, когда террористическая деятельность выступила у народников на первый план. Цели достигла бомба, брошенная И. И. Гриневицким.

Утром 1 марта 1881 г., за несколько часов до своей трагической гибели, Александр II назначил на 4 марта заседание Совета министров для обсуждения правительственного сообщения о созыве в Петербурге временных подготовительных комиссий (наподобие Редакционных комиссий 1858—1860 гг.) и общей комиссии с совещательным участием представителей земства и самоуправления наиболее значительных городов. После упорного 20-летнего отрицания всякой идеи общероссийского представительства царь, казалось, готов был принять проект конституции своего министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова. Несмотря на ограниченность этого проекта, он являлся логическим, хотя и робким, завершением принятых в связи с отменой крепостного права реформ. С убийством Александра II линия правительственной политики, сущность которой заключалась в либеральных

преобразованиях, оборвалась. То, чего так опасался Милютин еще в начале 60-х годов — утрата монархией инициативной роли в преобразованиях,— стало очевидным. 8 марта 1881 г. собрался Совет министров во главе с Александром III, который окончательно похоронил всякие конституционные замыслы. Провозглашенный вскоре манифест о незыблемости самодержавия предопределил поворот к контрреформам. Лорис-Меликов, военный министр Д. А. Милютин — один из немногих еще остававшихся в правительстве представителей либеральной бюрократии, а также великий князь Константин Николаевич вышли в отставку и покинули Петербург, министр финансов А. А. Абаза лишился поста. Деятели реформ сошли со сцены.

Судьба реформ не тождественна, однако, судьбе законодателей. Отмена крепостного права стала рубежом в истории России. Крепостничество как система общественных отношений перестало существовать, хотя многие его черты и пережитки сохранились до 1917 г. Характеризуя пореформенную деревню, Л. Н. Толстой устами Константина Левина в «Анне Карениной» говорит: «... у нас теперь, когда все это переворотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России». По поводу этих слов Ленин замечает: «Трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов». Он считал важнейшим вопросом, «как уложится в России этот строй, буржуазный строй».

В аграрном строе пореформенной России, в соответствии с концепцией реформы 1861 г., развивались два типа хозяйства: крупное помещичье и мелкое крестьянское,— и то и другое, но особенно крестьянское, в крайне тяжелых условиях, при сохранении множества феодальных пережитков. Земельный вопрос требовал радикального, глубокого, подлинно революционного решения. Две последовавшие буржуазные революции оказались в этом отношении несостоятельными. Крестьянскую реформу 1861 г. Ленин сравнивал с европейскими буржуазными революциями именно в смысле выявления общности направления развития. Но при этом половинчатость реформы с годами обнаруживалась все сильнее; закреплению пережитков способствовали контрреформы. Главным препятствием на пути буржуазного развития страны оказалось именно самодержавие.

Государственность и политическая культура самодер-

жавной монархии в России обнаружили устойчивость и живучесть. Даже в условиях общественного подъема и впервые наступившей гласности после поражения в Крымской войне и краха николаевской системы, в самый разгар подготовки отмены крепостного права и других реформ царизм проявлял свою неограниченную власть. Одновременно с рассекречиванием Секретного комитета и превращением его в Главный комитет по крестьянскому делу, одновременно с открытием губернских дворянских комитетов и публичностью их заседаний был создан Совет министров под председательством Александра II. Этот орган воплощал не идею коллегиального, единого правительства, а усиление неограниченной власти самодержца. В течение нескольких лет Совет министров не имел своего статуса, созывался каждый раз по личному распоряжению царя и не вел даже своего делопроизводства. Заседания его часто прерывались на полуслове, если царствующему председателю становилось скучно, неинтересно или утомительно. Именно это учреждение, а не Редакционные комиссии 1859—1860 гг. с их большинством, сплотившимся вокруг либеральной программы отмены крепостного права, гласностью, публикацией трудов выражало характерную для России феодальную государственность.

8 марта 1881 г. этот Совет министров «похоронил» конституцию Лорис-Меликова и на этом фактически прекратил свое существование. А 29 апреля 1881 г. был обнародован написанный К. П. Победоносцевым при участии М. Н. Каткова манифест «О незыблемости самодержавия». Еще через несколько месяцев, 14 августа 1881 г., было утверждено «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия». По этому закону любая местность могла быть объявлена на чрезвычайном положении, а каждый ее житель подвергнут аресту, сослан без суда на пять лет, предан военному суду. Местная администрация получала право закрывать учебные заведения, торговые и промышленные предприятия, приостанавливать деятельность земств и городских дум, закрывать органы печати. Изданное как «временное», сроком на три года, это «Положение» возобновлялось по истечении каждого трехлетия и действовало вплоть до 1917 г.

Контрреформы 80— начала 90-х годов оказались еще одной преградой наметившейся модернизации государственного строя России. Самодержавие, феодальные госу-

дарственность и политическая культура получили мощное законодательное подкрепление. Пора гласности и широкого участия общественных сил в обсуждении (а частично и в решении) государственных вопросов миновала. «Незыблемое самодержавие» оставалось зоной, запретной для критики. Впрочем, гласность в период реформ не была проявлением буржуазного правопорядка, она вынужденно допускалась или даже использовалась самодержавием, но была чужда традиционной политической культуре и государственности царской России. Достаточно вспомнить официальную правительственную политику в период подготовки отмены крепостного права, когда в апреле 1858 г. прессе запретили обсуждение крестьянского вопроса, когда, приняв новую программу 4 декабря 1858 г., не огласили ее, когда Александр II писал великому князю Константину Николаевичу в феврале 1859 г. за границу о «необузданности нашей безрассудной литературы, которой давно надо было положить узду». И это одновременно с учреждением Редакционных комиссий, с публикацией и рассылкой их материалов. О более позднем времени говорить не приходится. «Самодержавие,— писал в 1920 г. В. Г. Короленко А. В. Луначарскому,—...истощив все творческие силы в крестьянской реформе и еще нескольких, за ней последовавших... перешло к слепой реакции и много лет подавляло органический рост страны».

Нет ничего удивительного, что судьба реформ оказалась драматичной. Сами по себе половинчатые и непоследовательные, они тут же по принятии были вырваны из рук составителей и переданы для реализации их врагам. Концепция реформ, разработанная либеральной бюрократией, оказалась под ударом с первых лет их проведения в жизнь, механизм гарантий был уязвим и слаб, тогда как традиционная феодальная государственность сильна. Реформа 1861 г., отменив крепостное право, не решила земельного вопроса, а завязала новый гордиев узел, который не разрубили даже две буржуазные революции.

Это не противоречит тому факту, что отмена крепостного права и другие реформы явились в истории России рубежом, переворотом «сверху». 19 февраля 1861 г. по случаю подписания Александром II манифеста и всех «Положений» крестьянской реформы великий князь Константин Николаевич с искренним пафосом записал в дневнике: «С сегодняшнего дня, стало быть, начинается

новая история, новая эпоха России. Дай Бог, чтоб это было к вящему ее величию». Эта цель была достигнута. Угроза потерять роль великой державы была преодолена. Авторитет России и государственной власти, мирно свергнувшей крепостное право, поднялся высоко не только в Европе, но еще в большей степени в Америке, во всем мире. Россия пошла по пути капиталистического развития. Но путь этот был тяжек и разорителен для народа, чреват бедствиями и потрясениями для всей нации.

Вряд ли сейчас, в конце XX в., признавая те реформы «удачными», уместно с тоской оглядываться на них. История не повторяется, да и опыт реформ, проведенных самодержавием, вряд ли может вселять оптимизм. Но знать их историю важно и своевременно. Ведь связь времен непрерывна, и наше настоящее в этом смысле есть не что иное, как выражение прошлого. История отмены крепостного права и связанных с ней реформ в некотором роде поучительна и сегодня. Это особенно относится к их подготовке, сочетавшей гласность, высокий профессионализм и опору на науку и сознание законодателями личной ответственности перед современниками, потомками, историей. Создание специального, нетрадиционного для государственной системы самодержавия органа обеспечило победу либеральной программы, несмотря на преобладание консервативных и реакционных сил.

Но поучительны и уроки отрицательные: слабость гарантий, не обеспечивших развитие реформ, не воспрепятствовавших попятному движению, контрреформам; неорганизованность общественных сил, позволившая бюрократии старой формации и самодержавию на время укрепить свои позиции благодаря проведенным реформам и в итоге подчинить реформы целям самосохранения политической системы, а не действительным нуждам страны. Только активное участие общественных сил в радикальных преобразованиях и подлинная демократия могут быть основой исторического оптимизма.

К. Ф. ШАЦИЛЛО

НИКОЛАЙ II: РЕФОРМЫ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ

20 октября 1894 г. в Ливадийском дворце от нефрита почек умер Александр III, и его старший сын из наследника превратился в императора Николая II. Российские подданные вздохнули с облегчением и надеждами: в самодержавном строе еще А. С. Хомяковым была обнаружена шутливая закономерность. «В России хорошие и дурные правители,— писал он,— чередуются через одного: Петр III плохой, Екатерина II хорошая, Павел I плохой, Александр I хороший, Николай I плохой, этот (Александр II.— *К. Ш.*) будет хорошим!» Далее все шло действительно по заведенному порядку: Александр II оказался «хорошим» и давал реформы, а Александр III — «плохим» и проводил политику контрреформ. Казалось, наступала очередь «хорошего» царя.

Открытая Хомяковым ироническая закономерность легко объяснима: к концу XIX в. самодержавный режим уже лет сто испытывал внутренний кризис и, подобно маятнику, качался то влево, то вправо. «В России было традицией,— писал тонкий и умный наблюдатель В. А. Маклаков,— что перемена политики совпадала со сменой ее самодержца; от Николая II ждали не конституции, ждали только прекращения реакции, возобновления линии шестидесятых годов, возвращения к либеральной программе».

Традиция маятника оказалась нарушенной. За плохим царем последовал еще худший. Царя-«миротворца» (Александра III прозвали так потому, что за все его царствование страна не знала войны) сменил царь, получивший после ходынских «празднеств» по случаю коронации эпитет «кровавый».

В своих прозвищах народ редко ошибается. Подтвердилось оно и в этот раз. За 23 года царствования Николая II Россия была ввергнута им в две войны и три революции, ибо Октябрьская революция логически выте-

кала из всего бесславного царствования последнего российского самодержца. Ни одно царствование не принесло России столько крови и слез. Кем же он был, этот последний «хозяин земли Русской», как он сам определил свою профессию при всеобщей переписи в 1897 г.?

В архиве хранятся 50 объемистых тетрадей поденных записей Николая II, которые он вел с немецкой педантичностью в течение 36 лет: с 1 января 1882 г. (в мае этого года ему исполнилось 14 лет) до 30 июня 1918 г., почти не пропустив ни одного дня. Из этих коротких записок, не предназначавшихся для чужого глаза, перед нами четко вырисовывается отличный семьянин, очень любящий свою жену и пятерых детей. На этом перечень положительных качеств и заканчивается. А дальше идут сплошные минусы: царь недалек, упрям, ему явно не хватает политического кругозора, он ленив и непредприимчив, его ничто не интересует, кроме затхлого круга узких эгоистических интересов: дневные обеды и вечерние чаи, занавески в жилых комнатах дворца и ковры в его официальных залах, охота и прогулки, ежедневная сводка погоды... А над всем этим встает вежливая, невозмутимая фигура с пустыми, холодными глазами. Николая II не волнует ничто. Отец, к которому он испытывал сыновнее почтение, медленно умирает, а 26-летний сын охи и ахи в дневниках перемежает рассказами о том, как он с подобными же лоботрясами-родичами перебрасывается каштанами и еловыми шишками. В день смерти отца он искренне скорбит: «Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни!» Но уже через день его не тревожат ни проблемы жизни и смерти, не заботит и тяжесть порфиры и шапки Мономаха, свалившихся на его плечи и голову. Он занят совсем другим. В первый и последний раз Николай II упоминает в дневнике о «брожении умов». Может быть, он размышляет о самодержавии, о конституционной монархии, о необходимых стране реформах? О нет! Его волнует совсем другое: «Происходило брожение умов по вопросу о том, где устроить мою свадьбу. Мама, некоторые другие и я находим, что всего лучше сделать ее здесь, спокойно, пока еще дорогой папа под крышей дома (!), а все дяди против этого и говорят, что мне следует жениться в Питере после похорон. Это мне кажется совершенно неудобным. Днем ходили (с невестой.— *К. Ш.*) к морю — прибой был громадный. Погода потеплела и стояла ясная». Можно ли найти в истории подобный пример эмоциональной тупо-

сти? «Дорогой папа», едва остыв, лежит на первом этаже, а любящий сын и мысли не допускает о том, что свадьбу можно отложить хотя бы на полгодика, и готов пировать над трупом отца этажом выше. Стоит ли удивляться, что эта эмоциональная недоразвитость в отношении людей близких трансформируется в жестокость, когда речь заходит о безликих и неведомых подданных «помазанника божьего», в безразличие к пропасти, в которую опускалась под его «руководством» держава Российская? Ни военные поражения в русско-японской и мировой войнах, ни кровавые судороги революции, ни даже потеря трона не вывели Николая Александровича из безразлично-равнодушного, фаталистического прозябания. И, лишившись трона, он до последних дней регистрировал в дневнике состояние погоды на дворе и мелкие семейные происшествия.

Молодой царь был отнюдь не властолюбив. 31 декабря 1894 г. он подводит итог первым месяцам царствования: «Читал до $7^1/_2$, когда пошли к молебну. Тяжело было стоять в церкви при мысли о той страшной перемене, которая случилась в этом году. Но, уповая на бога, я без страха смотрю на наступающий год, потому что *для меня худшее случилось, именно то, что я так боялся всю жизнь. Вместе с таким непоправимым горем* (курсив мой.— *К. Ш.*) господь наградил меня также и счастьем, о каком я не мог даже мечтать, дав мне Аликс» (жену, бывшую принцессу гессен-дармштадтскую Алису Викторию Елену Луизу Беатрису, принявшую после перехода в православие имя Александры Федоровны).

Итак, самодержавного царствования он «боялся всю жизнь», это — «непоправимое горе», месяц, проведенный в конституционной Англии, он считает «месяцем райского блаженного жития». Казалось бы, чего проще — облегчи свои муки и страдания, передай власть министрам, ответственным перед выборным представительством, и веди, как английский король, «райское блаженное житие». Но не тут-то было! Сказалось воспитание, проходившее под руководством К. П. Победоносцева, человека реакционных взглядов, уверенность, что он, «помазанник божий», «хозяин земли Русской», не имеет права менять самодержавный строй, во-первых, потому, что он полностью соответствует духу, традициям и интересам русского народа (отмены его хотят только интеллигенты и «инородцы»), а во-вторых, потому, что самодержавие — чисто семейное дело Романовых, в которое

никто не имеет права «совать нос», и цель всей его жизни — передать полученный от отца девственно чистый самодержавный строй своему наследнику.

Вот таков был человек, возбудивший у либеральной общественности надежды на то, что период мрачной реакции царствования его отца может быть сменен возвратом к «славным деяниям» деда. В адрес нового императора посыпалась куча земских петиций и адресов. Позже, за границей, князь Д. И. Шаховской под псевдонимом С. Мирный издал целую брошюру «Адреса земств 1894—1895 гг.». Просьбы эти были крайне умеренны и не шли далее намечавшегося еще при Александре II «увенчания здания» (т. е. включения в один из высших органов империи выборных представителей из земств), хотя бы некоторого ограничения произвола чиновной бюрократии и предоставления минимальных политических свобод.

Все с нетерпением ждали, что́ на эти адреса ответит новый император. Повод для первого публичного выступления представился скоро. 17 января 1895 г. к подъезду Зимнего дворца подъезжали дорогие кареты, тянулись вереницы лиц в мундирах и парадной одежде: по случаю бракосочетания государя был объявлен торжественный прием депутаций от дворянства, земств, городов и казачьих войск. Большой зал был полон. Сквозь почтительно расступившихся депутатов прошел невзрачный гвардейский полковник, сел на трон, положил на колени фуражку и, опустив в нее серые глаза, стал что-то невнятно говорить. Лишь позже все узнали, что на дне фуражки лежала коротенькая речь, написанная его учителем, обскурантом и мракобесом К. П. Победоносцевым, которую и зачитывал Николай II. «Мне известно,— скороговоркой бормотал царь,— что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают,— и тут Николай попытался добавить металла в голосе,— что я... буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

Иллюзии были разрушены, а те, кто еще питал их, окончательно разуверились во время коронации в Москве, закончившейся печально знаменитой Ходынкой, когда в погоне за копеечными царскими «дарами» толпа затоптала до смерти 1389 человек, 1300 получили тяжелые

увечья, а царь как ни в чем не бывало продолжал свои торжества. Бедой для монархии и колоссальной мировой империи стало то, что он был бессердечный, недалекий человек, слабовольный и, как это часто бывает у таких людей, крайне упрямый.

Вот такой-то император оказался на российском престоле. Если принять во внимание, что за предыдущие десятилетия накопилась куча неразрешенных проблем, которые могли быть на время «положены под сукно», но решать которые рано или поздно все равно пришлось бы одним из двух известных истории способов — постепенными, но неуклонно проводимыми реформами «сверху» или революцией «снизу», то можно себе представить, в какой сложнейшей ситуации оказалась страна на рубеже XIX—XX вв.

К этому времени в России уже 75 лет развивалось революционное движение, которое в середине 90-х годов вступило в свой третий, пролетарский этап. Созданный В. И. Лениным «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» впервые в истории России соединил рабочее движение с марксизмом, пропагандой которого уже более 10 лет занималась плехановская группа «Освобождение труда». В 1898 г. на I съезде РСДРП вместо разрозненных социал-демократических кружков впервые было объявлено о создании общероссийской партии. Однако дальше объявления дело не пошло: вскоре Центральный Комитет РСДРП был арестован (члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» к этому времени уже находились в ссылке), и партия фактически организована не была. За ее создание взялся В. И. Ленин. Он начал вместе с другими социал-демократами выпуск нелегальной общероссийской газеты «Искра», первый номер которой вышел за границей в Штутгарте в самый канун XX в., в декабре 1900 г. Вокруг «Искры» объединились группы единомышленников, которые и создали на II съезде в 1903 г. Российскую социал-демократическую рабочую партию.

В начале XX в. образовалась и вторая общероссийская партия — партия социалистов-революционеров, объявивших себя продолжателями традиций народовольцев. Для террористической борьбы при партии эсеров была создана Боевая организация, которой руководили сначала Гершуни, а потом Б. Савинков и Е. Азеф, служивший «по совместительству» агентом охранки.

Обе партии развернули революционную борьбу под лозунгом «Долой самодержавие!», обе выступали за революционный слом царизма и построение в России социалистического общества, хотя принципиально различались в понимании того, как вести революционную борьбу, как построить социализм, да и сам этот социализм понимали совершенно по-разному.

Кроме двух политических сил — правительственного лагеря, стремившегося сохранить в неприкосновенности самодержавный строй, и революционного, выступавшего за его насильственный слом, в стране существовал и третий лагерь — либеральный. В него входили люди, которые высказывались за введение в стране политических свобод и представительного органа при царе: совещательного или законодательного — единства у либералов по этому поводу не было. Все либералы выступали и против революции, и против произвола неограниченной самодержавной бюрократии. Правое либеральное крыло во главе с председателем Московской губернской земской управы Д. Н. Шиповым выдвигало лозунг: «Народу — мнение, царю — власть!» Для «определения народного мнения», как полагали его представители, нужен был минимум политических свобод, а для «доведения» его до сведения царя-самодержца — законосовещательное учреждение, которое мыслилось как «увенчание здания» земской реформы, введенной в России 1 января 1864 г. Земства-то и должны были выбрать своих представителей с правом совещательного голоса в Государственный совет или какой-либо иной правительственный орган. Лишь единицы земских либералов выступали за конституционную монархию, т. е. за законодательный выборный орган, и последовательное введение политических свобод в России, и никто не выдвигал каких-либо социально-экономических реформ.

Либералы были сторонниками эволюционного развития России, выступали за последовательное проведение реформ и легальные методы борьбы. Однако, отчаявшись добиться от самодержавия уступок, русские либералы на рубеже XIX—XX вв. перешли к более активным действиям. В ответ на речь Николая II в январе 1895 г. либералы выпустили за границей несколько нелегальных изданий. В одном из них, написанном для земцев легальным марксистом П. Б. Струве, царю заявлялось: «Вы первый начали борьбу, а мы будем продолжать ее!» В 1899 г. земцы создали нелегальный кружок «Беседа»,

имевший целью «пробуждение общественной деятельности, общественного мнения, столь в России слабого и искусственно подавленного, чтобы оно было более авторитетным для Петербурга... Общий лозунг — сочувствие земству».

Однако более последовательные земцы-либералы решили для активизации своих действий организовать за границей издание нелегального журнала, редактировать который пригласили все того же П. Б. Струве. Первый номер этого журнала вышел летом 1902 г. в том же Штутгарте, в том же издательстве, что и «Искра», и получил название «Освобождение». Вскоре в журнале решающую роль стали играть не финансировавшие его земцы, а либерально-демократическая интеллигенция, для которой участие в революционной борьбе социал-демократов или социалистов-революционеров было невозможно, во-первых, потому, что они выступали за мирные, а не революционные методы борьбы, а во-вторых, потому, что они считали возможным осуществление в ближайшем будущем для России не социализма, а лишь «очищенного» от пережитков феодализма буржуазного «европейского» общества.

Первое пятилетие царствования Николая II складывалось для него весьма благополучно. В стране продолжался быстрый экономический подъем, связанный с именем крупнейшего политика последних десятилетий самодержавной России Сергея Юльевича Витте (1849—1915), занимавшего в это время пост министра финансов. После окончания Новороссийского (Одесского) университета в 1870 г. он отказался от чиновничьей карьеры, от подготовки к профессорскому званию и решил заняться новым, но чрезвычайно перспективным в денежном отношении делом — стал рядовым служащим в частных железнодорожных обществах, развивавшихся в это время в России со стремительной быстротой и приносивших сказочные барыши.

Не порывая связи с именитыми родственниками и влиятельной чиновно-бюрократической средой, Витте устанавливает тесные контакты с безродными воротилами финансового мира, но и сам сознательно стремится познать все тайны буржуазного бизнеса: как простой клерк сидит в станционных кассах, изучает обязанности помощника и начальника станции, контролера, ревизора

движения, знакомится с особенностями грузовых и пассажирских потоков. Полученные знания не только обогащают его профессионально (через 13 лет службы он издает книгу «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», высоко оцененную специалистами), но вырабатывают в нем психологию хваткого бизнесмена, знающего силу денег и поклоняющегося ей, с презрением относящегося к разоряющимся помещикам, не «вписывающимся» в буржуазную Россию и требующим от самодержца — «первого помещика России» — всяческих льгот и подачек. Случай помог ему перейти на государственную службу. Александр III был невольным свидетелем спора на Киевском вокзале министра путей сообщения с Витте, который к этому времени был уже управляющим частных Юго-Западных железных дорог. Министр требовал, чтобы тяжелый царский поезд тащили сразу два паровоза, так как царь «любит быструю езду». Но Витте не зря изучал железнодорожное дело. Он заявил министру, что не станет выполнять его требование, так как железнодорожные пути не выдержат большой скорости тяжелого состава. На возражение министра, что на других дорогах так царский поезд возят и ничего не происходит, резковатый Витте грубо ответил: «Знаете, ваше высокопревосходительство, пускай делают другие, как хотят, а я государю голову ломать не хочу, потому что кончится это тем, что вы таким образом государю голову сломаете».

Стоявший невдалеке Александр III слышал этот возбужденный спор и что-то недовольно бурчал себе под нос. Но через два месяца на другой железной дороге с более покладистым управляющим произошло именно то, о чем предупреждал С. Ю. Витте. В 1890 г. у станции Борки произошла катастрофа: под тяжестью поезда рельсы разошлись и вагоны полетели под откос. Царская семья осталась в живых чудом. Тогда-то и вспомнил Александр III о грубоватом Витте, вызвал его в Петербург и предложил пост директора департамента железнодорожных дел в министерстве финансов. К великому удивлению царя, Витте поблагодарил, но отказался, заявив, что как управляющий частной железной дороги он получает куда больше и не хочет терять в зарплате. Царю пришлось значительно увеличить чиновничье «жалованье», и лишь тогда Витте согласился. Так началась его государственная служба, на которой он добился самых высоких постов: последовательно был министром путей

сообщения, министром финансов, председателем кабинета министров, успешно провел очень тяжелые портсмутские мирные переговоры, завершившие японскую войну, а закончил свою активную политическую деятельность первым председателем объединенного Совета министров, созданного по царскому манифесту 17 октября 1905 г. Впрочем, на этом посту Витте пробыл всего лишь полгода и был затем отправлен Николаем II в «почетную ссылку» — в Государственный совет, половина мест в котором являлась синекурой для высших бюрократов, «вышедших в тираж».

На всех этих постах деятельность С. Ю. Витте определяли два мотива: во-первых, стремление любым способом сохранить в руках власть, для чего он мог рядиться то в тогу либерального бюрократа, то ярого ревнителя основ самодержавия. Вместе с тем Витте не был только бездумным карьеристом, которых столько кормилось в царских министерствах. Он вполне сознательно и целеустремленно проводил политику, направленную на то, чтобы всемерно способствовать развитию капитализма в стране и произвести ее буржуазную трансформацию, ибо в этом, и только в этом Витте видел путь модернизации полуфеодальной России во «всесословную монархию», в государство с более современной политической и прежде всего экономической структурой.

Политика индустриализации была не нова для самодержавия и проводилась уже предшественниками Витте, министрами финансов И. Х. Бунге, И. А. Вышнеградским. Но если они, в частности Бунге, полагали необходимым капиталистическое развитие промышленности сочетать с проведением минимума политических реформ, то Витте в 90-е годы выступал прежде всего за экономическое вмешательство в хозяйственную жизнь страны, для чего считал необходимым использовать всю полноту имевшейся в его руках власти. Жизненный опыт убеждал его в том, что в России родилась новая сила — капитализм, и дворянство может сохранить себя, лишь только приспособившись к его развитию, поставив капитализм себе на службу. «Создание своей собственной промышленности — это и есть коренная, не только экономическая, но и политическая задача»,— считал он. Осуществление этой задачи не только усилит государство экономически, пополнит его бюджет, но и сделает независимым от других, более развитых стран, даст силы провести некоторые из назревших социальных реформ.

Чтобы ускорить процесс индустриализации, Витте осуществил ряд кардинальных мер. Преодолевая сопротивление помещиков, провел денежную реформу: в России было введено золотое денежное обращение. Теперь иностранные капиталисты, вкладывавшие деньги в российскую индустрию, могли вывозить из страны не кредитные бумажки, а полноценные золотые рубли, что резко увеличило приток иностранных капиталов, вкладывавшихся в развитие промышленности. (Зато помещики, экспортировавшие хлеб, лишались возможности менять иностранную валюту на дешевые бумажные рубли, что «обедняло» их и вызывало негодование.) Витте ввел монополию на продажу водки, доход от чего стал главнейшей статьей в бюджете царизма. Всю мощь государственного банка он стремился использовать для кредитования промышленного развития страны и спасения частных предприятий, попавших в трудное финансовое положение.

По убеждению Витте, именно индустриализация должна была без социальных катаклизмов привести к эволюционной замене власти разорявшихся помещиков-феодалов («благородных нищих», как он их презрительно называл) сильной «социальной общесословной монархией», в которой политическая власть принадлежала бы крупной буржуазии и тем помещикам, которые смогли перевести свое хозяйство на буржуазные рельсы.

Вместе с тем он ясно понимал и необходимость проведения минимума куцых «рабочих реформ» (введения фабрично-заводской инспекции с целью регулирования некоторых конфликтов между хозяевами фабрик и рабочими, хотя бы частичного сокращения прежде неограниченного рабочего дня), изменения социально-политического положения основной массы населения России — крестьянства. Витте выступал за превращение крестьянина «из полуперсоны» в «персону», т. е. за отмену феодальных пережитков, таких, как специальный суд для них, телесные наказания, применявшиеся в XX в. уже только к крестьянам, слом средневековой крестьянской общины, технологически не совместимой с нормальным ведением сельского хозяйства, некоторые изменения местного крестьянского самоуправления и т. д. Одновременно Витте выступал и за иную внешнюю политику царизма, резко критикуя подготовку проводившейся с благословения Николая II дальневосточной авантюры и настаивая на мирном экономическом проникновении в Маньчжурию,

Корею и Китай, не понимая того, что и такое «мирное» проникновение приведет рано или поздно к открытым империалистическим столкновениям на Дальнем Востоке.

Витте был убежденный прагматик, нередко в карьерных целях или по иным причинам на 180° менявший свой политический курс. В значительной мере это было результатом и опытом его неординарной личной жизни, изобиловавшей резкими взлетами и крутыми падениями, за которыми иногда следовал новый взлет.

В начале XX в. у Витте было немало политических оппонентов и в правительстве, и в обществе, и в прессе, критиковавших его то с либеральных, то с крайне правых продворянских позиций. Главным из таких крайне правых противников Витте стал окрещенный им «бессовестным полицейским» министр внутренних дел В. К. фон Плеве (1846—1904). Это был совсем другой, но тоже традиционный для России тип бюрократа, убежденного в том, что управлять страной можно только при помощи армии «твердых» чиновников, без рассуждения и колебания проводящих в жизнь те «предначертания», которые даны им «вышесидящими» начальниками. Характерна биография этого архиреакционного зубра. Он родился в смешанной польско-немецкой семье (отчего и имел приставку «фон»), рано осиротел и воспитывался у польских родственников, имевших отношение к восстанию 1863 г. «Благодарный» воспитанник донес на своих воспитателей царским властям, как только к этому представилась возможность. За свою сравнительно короткую жизнь он успел переменить три религии: был лютеранином, католиком и, наконец, стал ярым православным. Соответственно выстраивались и карьерные вехи: с 1881 г.— директор департамента полиции, затем — товарищ министра внутренних дел, министр, статс-секретарь Финляндии, с апреля 1902 г.— министр внутренних дел и шеф жандармов. 15 августа 1904 г. бомба эсера-боевика Е. Сазонова оборвала жизнь царского сатрапа, твердо убежденного, что революционное движение в России — всего-навсего результат неудовлетворительной работы Министерства внутренних дел.

Основные столкновения Витте с Плеве произошли по двум вопросам. В начале XX в. царизм организовал целый ряд совещаний по сельскому хозяйству, и среди них — «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», в котором четко проявились две

альтернативы, связанные с именами С. Ю. Витте и В. К. Плеве. Первый считал, что «сельскохозяйственный вопрос», затрагивавший и разорявшихся помещиков и вечно полуголодных обезземеленных крестьян, вполне может быть решен на основе личной инициативы и капиталистической предприимчивости самих предпринимателей — «сельских хозяев». Витте решительно возражал против сохранения общинного землевладения, выступая за частную собственность на землю, за то, чтобы крестьянин чувствовал себя ее хозяином. Все должны быть «равноправными» собственниками: крестьянин — клочка земли в несколько десятин, помещик — колоссальных латифундий в сотни, тысячи, а то и миллионы гектаров. Витте предлагал также активизировать деятельность Крестьянского банка, расширить его ссудную деятельность для всех желающих и способствовать переселению крестьян на неосвоенные земли. Как видим, предложения Витте, сделанные еще накануне первой российской революции, предвосхищали указ, изданный в ее разгар в ноябре 1906 г. и получивший название «столыпинской реформы».

Вторая альтернатива самодержавию была предложена Плеве и отражала интересы крайне правых помещичьих кругов, цеплявшихся за отжившие полукрепостнические методы эксплуатации крестьянства.

По мнению Плеве, крестьянская община должна была быть обязательно сохранена, вся экономическая политика повернута на прямую поддержку государственными средствами и методами разорявшейся дворянской верхушки. Все это делалось с одной конечной целью — ослабить борьбу крестьян с помещиками, защитить интересы последних. Этому же должна была способствовать и переселенческая политика, целью которой было: не лишая помещичьи хозяйства дешевых рабочих рук, избыток их направить в те районы страны, где были излишки земли, и тем ослабить земельный голод в центре страны. И хотя Плеве поддержало меньшинство членов совещания, курс, предложенный Витте, не был одобрен царем: для этого нужно было такое мощное воздействие на всю общественную жизнь страны, как крестьянская революция 1905—1907 гг.

Различные альтернативы предлагали Витте и Плеве и во внешней политике. Если первый был сторонником «мирного» экономического проникновения в Маньчжурию, Корею и Китай, то Плеве стоял во главе наиболее

12 Заказ № 1715

реакционной и авантюристической группы покровительствуемых Николаем II придворных (так называемой «безобразовской группы» — по имени ее главы статс-секретаря А. М. Безобразова), настаивавших на ведении агрессивной дальневосточной политики. Военному министру А. Н. Куропаткину, человеку нерешительному и осторожному, сетовавшему на недостаточную готовность армии к войне, Плеве заявил: «Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, *нам нужна маленькая победоносная война».*

А внутреннее положение России было действительно взрывоопасным. В самом начале XX в. в стране сложилась революционная ситуация — сюда переместился центр мирового революционного движения. «Для марксиста,— писал В. И. Ленин,— не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главные признака: 1) невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»* к самостоятельному историческому выступлению». Если эти объективные условия, независимые от воли отдельных групп лиц, партий и даже классов, соединяются с субъективным фактором — со способностью «революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные,* чтобы сломить (или надломить) старое правительство», то революционная ситуация может перерасти в революцию.

Именно эти условия были налицо в России в начале XX в. Кризис «верхов» проявился не только в бесконечных и бесплодных совещаниях «Об оскудении центра России», «О нуждах сельскохозяйственной промышленности» и т. п., но и в активизации либералов, среди

которых были не только интеллигенты-демократы, но и лица с самыми громкими аристократическими титулами и фамилиями: князья Шаховские и Долгоруковы, графы Шереметевы и Бобринские, бароны Гейдены и Будберги. Они не только финансировали издание нелегального органа, но и создали нелегальные организации: «Союз земцев-конституционалистов» и «Союз освобождения» (январь 1904 г.), в который вошла в основном демократическая интеллигенция, включившая в его программу как последовательные политические требования, так и социально-экономические «в интересах трудящихся масс», без чего демократическая интеллигенция не мыслила своей борьбы за политические свободы.

Резко проявилось и нежелание «низов» жить по-старому. В значительной мере это определялось низким жизненным уровнем, а зачастую и просто бедственным материальным положением трудящихся масс в России. «Если... под голодом разуметь недоедание, не такое, от которого тотчас умирают люди, а такое, при котором люди живут, но живут плохо, преждевременно умирая, уродуясь, не плодясь и вырождаясь, то такой голод уже двадцать лет существует для большинства нечерноземного центра»,— считал в 90-х годах великий знаток жизни русской деревни Лев Толстой.

Немногим лучше было положение рабочего класса. Анализируя бюджет московских рабочих в конце XIX в., один из санитарных врачей писал: «...за уплатою за все необходимое для проживания в Москве у одиноких чернорабочих от месячного заработка (в среднем 14 руб.— *К. Ш.)* остается 1 рубль или даже получается дефицит; у специальных (специалистов со средней зарплатой в 29 руб.— *К. Ш.)* остается 10—15 руб. У семейных чернорабочих в большинстве случаев расход в значительной степени превышает доход, а потому приходится работать сверхурочно (1—3 руб.) и прибегать к закладам и займам. У семейных специальных рабочих расход покрывается доходом или остается очень незначительная сумма, если не бывает вычетов». Характерно, что это писалось в 90-е годы, в годы промышленного подъема, а в начале XX в. Россия вступила в затяжной экономический кризис, и, как всегда в такие периоды, положение рабочих резко ухудшилось. Естественным был и итог этого ухудшения — рост рабочего движения.

В феврале 1901 г. в Петербурге, Москве, Харькове студенты выступили с протестом против отдачи своих

киевских товарищей в солдаты в наказание за участие в студенческом движении. Студентов поддержали рабочие.

В 1902 г. размах рабочего движения увеличился: в Петербурге, Москве, Киеве, Батуме, Нижнем Новгороде, Сормове, Одессе, Саратове, Баку, Вильне происходят первомайские демонстрации и стачки.

Следующий, 1903 год начался с рабочих волнений на Урале. Здесь серия забастовок окончилась печально знаменитой «златоустовской бойней». 13 марта по приказу губернатора Богдановича солдаты открыли пальбу по рабочим, собравшимся перед домом горного начальника и требовавшим освободить арестованных накануне уполномоченных, выбранных ими для переговоров с заводской администрацией. В результате этого преступления властей было убито 69 и ранено 250 человек, в том числе женщины и дети. Лето того же года приносит царизму новые потрясения. 1 июля 1903 г. объявляют забастовку рабочие двух механических мастерских Баку. Обстановка в стране была уже настолько накалена, что через три дня эта забастовка становится общегородской — бросают работу 40 тыс. бакинцев. Губернатор признается, что стачка эта «по единодушию и сплочению составляет небывалый пример в истории однородных с нею фактов».

Трехнедельная стачка бакинцев стала искрой, от которой полыхнул пожар, охвативший весь Юг России. Бастовали рабочие Одессы, Тифлиса, Киева, Николаева, Елисаветграда, Екатеринослава, Керчи, Феодосии, Ростова-на-Дону, Харькова, Донбасса. Всего в этих стачках участвовало около 200 тыс. человек, выдвинувших не только экономические, но и политические требования.

Резко возросшая политическая активность пролетариата впервые в истории России совпала с ростом крестьянского движения. В 1900—1904 гг. в стране произошло 670 крестьянских выступлений, охвативших большинство губерний Европейской России (42 из 45). От пассивного сопротивления (отказ от выплаты податей, исполнения различных повинностей) крестьяне все чаще переходили к активным методам борьбы — запашке помещичьей земли, порубке барского леса, поджогу имений. Все чаще в борьбе с бунтовавшими крестьянами местные власти вынуждены были прибегать к помощи войск: в 1900 г. солдат вызывали шесть раз, в 1901 г.— в два раза больше, а только за первую половину 1902 г.— 17 раз! В апреле — марте 1902 г. крестьяне

156 сел разгромили 56 экономий в Полтавской и 24 экономии в Харьковской губерниях. Скот, зерно, сельскохозяйственный инвентарь помещиков поделили между собой. Подобные выступления произошли также в Киевской, Пензенской, Орловской, Саратовской, Новгородской губерниях, на Кубани и на Кавказе. Крестьянское движение достигло невиданного ранее размаха, что дало возможность В. И. Ленину в листовке «К деревенской бедноте» писать о «крестьянском восстании».

В самом начале 1904 г. началась русско-японская война за захват чужих земель на Дальнем Востоке. «Все войны популярны в день их объявления»,— говорил немецкий канцлер О. Бисмарк. Но столь же неизбежно популярность их падает, особенно вслед за поражениями, а война эта, вдохновленная самыми реакционными кругами царской камарильи, несла одно поражение за другим. Общественное негодование росло и достигло к осени 1904 г. необычайного накала.

Самодержавие было азиатски дико и считало возможным в XX в. обходиться без политических партий, без свобод, без независимой прессы и парламента. Единственное, что оно полагало возможным в условиях обострения политического кризиса в стране,— проводить традиционную политику «попечения о народных нуждах». Кроме многочисленных Особых совещаний, в которых седые бюрократические зубры годами пытались решить нерешаемую задачу — как создать условия для социально-экономического прогресса в стране, не изменив ничего в ее политическом строе, решено было прибегнуть и к «экстраординарным» мерам: в день рождения «незабвенного родителя», 26 февраля 1903 г., Николай II подписал манифест. Готовился он почти целый год при участии таких столпов самодержавия, как В. К. Плеве и редактор журнала «Гражданин», близкий и к Александру III, и к Николаю II, крайний реакционер князь В. П. Мещерский. Что же провозглашалось в этом документе, который свидетельствовал об уровне понимания правящими кругами степени социально-политической напряженности в стране и мерах, которыми они собирались решать назревшие проблемы? Характерным было одно — все глаголы в манифесте стояли в будущем времени. В нем объявлялось о необходимости соблюдения властями «заветов веротерпимости, начертанных в основных законах

империи Российской», о предстоящем пересмотре законов, «касающихся сельского состояния», и об участии в этом пересмотре лиц, «пользующихся доверием общества», об облегчении для отдельных крестьян условий выхода из общины, об отмене изжившей себя круговой поруки. Последнее и было единственной реальной мерой почти годового труда вдохновителей самодержавия. Воистину гора родила мышь!

Но главный смысл манифеста был, конечно, не в этой уступке, смехотворной с точки зрения задач, вставших перед страной. Главная цель опубликования манифеста была в другом: она заключалась в резкой критике «смуты» (т. е. революции), которая мешает правительству в его «работе по улучшению народного благосостояния» и в осуждении «увлечения началами, чуждыми русской жизни» (т. е. либерализма). Николай II вновь подтвердил свой обет «свято блюсти вековые устои державы Российской». Манифест не встретил поддержки в каких-либо широких социальных слоях русского общества; он подчеркнул изоляцию самодержавия даже от некоторых его сторонников. Так, правый либерал «неославянофильского» толка, сторонник «нравственных начал самодержавия» Д. Н. Шипов назвал содержание и дух этого манифеста «неуместным, даже кощунственным». Что же было говорить о других, более радикально настроенных людях? К концу 1904 г., по словам нового министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского (заменившего убитого эсерами Плеве), «Россия превратилась в бочку пороха» и была доведена «до вулканического состояния».

К довольно радикальным действиям перешли представители того нового либерализма, который состоял в подавляющей части из демократической интеллигенции и был объединен в нелегальной организации «Союз освобождения». На страницах журнала «Освобождение» часть либералов во главе с П. Н. Милюковым стала высказываться за поражение царизма в русско-японской войне, считая, что военные неудачи, как в Крымской войне, ослабят царизм и заставят его без революционного движения масс перейти к долгожданным реформам. Мало того, в конце сентября — начале октября 1904 г. в Париже состоялось впервые в истории освободительного движения России нелегальное совещание революционных и оппозиционных (либеральных) партий Российской империи. Приглашение принять в ней участие было послано 18 организациям, но приехали представители лишь 8 (в

том числе и «Союза освобождения»). Совещание это проходило нелегко: каждый боялся сойти со своих программных позиций, но то, что за одним столом оказались представители и левых либералов, и различных революционных партий, свидетельствовало о том, что кипение страстей в котле Российской империи приближается к критической точке. На совещании каждая из партий, не отказываясь от своей программы, решила активизировать деятельность в ее рамках, о чем и было заявлено в совместных итоговых документах, подписанных всеми участниками и опубликованных в заграничной прессе.

Дальнейший ход событий показал, что даже осторожные земские либералы (один из них — князь П. Д. Долгоруков — принял участие в парижском совещании как освобожденец, а патриарх земского движения И. И. Петрункевич хотя и не был участником этого совещания, но жил все эти дни в Париже и полностью был в курсе его работы) резко активизировали свои действия. 6—9 ноября 1904 г. состоялся сначала разрешенный Николаем II, а потом официально отмененный общеземский съезд. Министр внутренних дел князь Святополк-Мирский, сам называвший себя «земским человеком», разрешил земцам собраться не на официальное, а на «частное» заседание на частной квартире. Суть от этого не изменилась. На съезд явились председатели почти всех губернских земских управ (32 из 34) и еще около 70 руководящих земских деятелей. В четырехдневных спорах земцы приняли решение из 11 пунктов, в которых единодушно заявляли о ненормальности «существующего... государственного управления», необходимости введения в стране политических свобод, независимого от правительственной власти суда, амнистии политическим заключенным, расширения местного самоуправления и создания при правительстве выборного представительного органа.

Однако единодушие земцев нарушилось, когда зашел вопрос о характере этого представительства. Меньшинство в 38 человек предложило придать ему только законосовещательный характер, а большинство (60 человек) считало необходимым создать законодательный орган. Характерно, что земцы надеялись получить удовлетворение своих просьб только от царя, для чего постановили передать ему принятые ими решения через министра внутренних дел.

Освобожденцы пошли еще дальше. На своем неле-

гальном втором съезде в Петербурге 20—22 октября 1904 г. они одобрили сделанный С. Н. Прокоповичем доклад, который «подробно развивал идеи самочинного осуществления свобод и отличался полной определенностью намеченного плана действий». Решено было, в частности, в день 40-летия принятия судебной реформы (20 ноября 1864 г.) начать проведение в стране серии банкетов. На них предлагали собираться людям однородных профессий (адвокатам, журналистам, врачам, профессуре и т. д.) и требовать введения в стране конституции с законодательным собранием, политическими свободами и всеми другими атрибутами правового государства. Эти требования должны были подписываться участниками банкетов и публиковаться не только в заграничном «Освобождении», но и в двух легальных газетах, создание которых было организовано в первой половине ноября 1904 г. В ходе банкетной кампании началась организация профессионально-политических союзов по профессиям, объединившихся уже в 1905 г. в «Союз союзов», который сыграл в дальнейшем весьма заметную роль в борьбе с самодержавием.

План проведения банкетной кампании освобожденцам удалось осуществить весьма успешно. По сведениям департамента полиции, в 34 городах России прошло более 120 банкетов, в которых приняло участие около 50 тыс. человек. Резолюции, принятые во время «банкетной кампании», разнохарактерны. В одних — нерешительно и с почтением к «власть имущим» просилось хоть какое-нибудь изменение самодержавно-бюрократических порядков, в других — в весьма энергичных выражениях клеймилось самодержавие и требовалось введение конституции, политических свобод и даже некоторых экономических реформ. Освобожденцы полагали, что ясно выраженное общественное мнение заставит пойти самодержавие на уступки. Однако планы их провалились. Николай II, как уже говорилось, был не в состоянии понять ни остроты социально-экономического и политического кризиса, охватившего страну, ни осознать необходимость перемен и обновления давно обветшавшей абсолютистской системы, ни тем более предложить какой-либо иной путь развития страны, кроме одного: укрепления и усиления «завещанного предками самодержавия», которое, по его глубокому убеждению, не только полностью соответствовало требованиям и чаяниям русского народа, но и всецело поддерживалось им.

Ближайшие дни показали, как близорукий самодержец буквально «вгонял» страну в революцию, оставляя для всех последовательных борцов за свободу, демократию и социально-экономическое развитие России только один путь — путь бескомпромиссной революционной борьбы.

Понимая грозность сложившейся в стране ситуации, Святополк-Мирский решил добиться от Николая II хоть какой-либо определенности в отношении его к предлагаемым реформам. 21 ноября 1904 г. он послал письмо с просьбой об отставке, а на следующий день на аудиенции у Николая II заявил ему: «Если не сделать либеральные реформы и не удовлетворить вполне естественных желаний всех, то перемены будут и уже в виде революции». Развивая далее свои мысли, он продолжал: «Разве у нас законность существует? Что-нибудь не понравится министру — он бежит к вам и выхватывает высочайшее повеление, не заботясь, хорошо это или дурно, а просто потому, что ему так нравится. А Москва теперь вне закона (в Москве генерал-губернатором был дядя царя, крайний реакционер великий князь Сергей Александрович.— *К. Ш.*), для Москвы теперь исключительные законы пишутся, она вне империи. Кроме того, должна быть уверенность у каждого человека, что его какой-нибудь губернатор не может взять и сослать в Пермь или Сибирь». Когда Мирский заявил, что уже со вступления царя на престол все жаждут либеральных перемен, Николай II ответил: «Отчего могли думать, что я буду либералом? Я терпеть не могу этого слова». Заявив, что «перемены хотят только интеллигенты, а народ этого не хочет», царь отставку своего министра все же не принял.

Однако Мирский продолжал гнуть свою линию. 24 ноября 1904 г. он подписал объемистый «Всеподданнейший доклад о необходимости реформ государственных и земских учреждений и законодательства». В чем же состояла суть предложений Мирского? На первое место он поставил укрепление законности, которая сплошь и рядом нарушается как действиями общественных учреждений, так и администрацией. Надо преобразовать Сенат так, чтобы все «изъятия» из закона проводились только по его санкции, а не по воле отдельных бюрократов. Надо создать объединенный кабинет министров, координирующий их деятельность, создать мелкую земскую единицу, изменить правовое положение крестьян, и в частности сломать общину, в результате которой

у крестьян «отсутствует привычка точно различать свое и чужое» и «единственное, что он твердо помнит, это то, что отцы и деды некогда пахали землю, которой владеет ныне соседский помещик». Мирский предлагал расширить права старообрядцев и евреев, смягчить законы о печати, ослабить «законы о предупреждении и пресечении преступлений» (административные высылки, обыски, увольнения со службы и т. д.). Но главная идея его доклада сводилась к предложению ввести в состав Государственного совета и его департаментов выборных от 34 земских губерний, представляющих «коренную Русь». От остальных местностей представители должны быть определены по указанию царя. Мирский выражал надежду, что предложенные им меры внесут успокоение в стране, удовлетворят «ожидающее общество» и укрепят власть самодержавного царя. По сути, Мирский высказался в поддержку решений меньшинства земского съезда.

2 декабря 1904 г. Мирский вручил Николаю II решение земского съезда и свою записку, суть которой состояла именно во «введении в состав государственного строя выборных представителей от общественных учреждений», т. е. то «увенчание здания», которого земцы просили уже не один десяток лет и которое, как об этом уже говорилось, еще за 40 лет до этого некоторые министры предлагали сделать Александру II. На вопрос царя, для чего это делается и что из этого получится, Святополк-Мирский ответил: «Для успокоения общественного мнения, но что из этого выйдет, не знаю, может быть, через 20 лет конституция». Тогда же по просьбе министра царь утвердил состав Особого совещания для обсуждения «Проекта указа о различных вольностях, в том числе о привлечении в Государственный совет выборных». Двуличие Николая II в отношении проекта своего министра обнаружилось с первых же шагов. На вопрос Святополка, приглашать ли в совещание К. П. Победоносцева, царь ответил: «Не стоит, он будет говорить все то же, что мы знаем»,— и тут же, отпустив Мирского, написал Победоносцеву: «Приезжайте, поможете разобраться в хаосе».

Имевшие большие связи в верхах земцы чувствовали наличие там разных течений. Князь Г. Е. Львов еще до вручения Святополк-Мирским Николаю II решения земского съезда передал этот документ матери царя, Марии Федоровне. Она вполне сочувствовала выдвинутым в нем требованиям, о чем и заявила сыну. Когда Николай II стал спорить, мать объявила, что уезжает в Данию

и «пусть Вам без меня сворачивают голову». По тем же сведениям, молодая царица (Александра Федоровна) без конца хныкала и приговаривала: «Je perdrai mon mari» («Я потеряю моего мужа»).

Первое заседание Особого совещания состоялось 4 декабря. Хранящийся в архиве проект указа (на нем стоит знак прочтения царем) содержит особый § 3, который гласит: «Для целесообразной постановки законодательных мер и ближайшего согласования их с требованиями жизни установить способы привлечения местных общественных учреждений и выбранных ими из своей среды лиц к участию в разработке законодательных предначертаний наших до рассмотрения их Государственным советом». Вокруг параграфа о привлечении земских представителей к законодательной работе и развернулась полемика. На совещании присутствовали поседевшие бюрократические зубры, и тем знаменательнее, что в подавляющем своем большинстве они высказались «в смысле удовлетворения желаний умеренного и благоразумного общества». «Мне пришлось говорить первому,— вспоминал С. Ю. Витте.— Я высказал свое решительное мнение, что вести прежнюю политику реакции совершенно невозможно, что это приведет нас к гибели. Меня поддержали: граф Сольский, Фриш, Алексей Сергеевич Ермолов, Николай Валерианович Муравьев и Владимир Николаевич Коковцов», заявивший, в частности, что проводимая реакционная внутренняя политика ведет к потере доверия в заграничных финансовых кругах, а это может вызвать полный крах всей финансовой системы, испытывающей крайнее напряжение из-за неудачно идущей войны. Против введения в Государственный совет выборных представителей от земства выступил один К. П. Победоносцев, как всегда долго и нудно говоривший о том, что «самодержавие имеет не только политическое значение, но и религиозный характер, и государь не вправе ограничивать свою миссию, возложенную божественным промыслом».

Николай II не возражал против мнения большинства сановников о необходимости допустить выборных от земства в Государственный совет. По словам С. Ю. Витте, это «окрылило дух присутствующих; все, по-видимому, были взволнованы мыслью о новом направлении государственного строительства и государственной жизни». Волнение сановников достигло такой степени эмоционального накала, что двое из министров от умиления... расплакались! Однако молчание царя не означало, что он

согласился со своими министрами. Николай потребовал созвать второе заседание для рассмотрения того же вопроса. Оно состоялось 7 декабря. «Когда через несколько дней члены комиссии собрались в Царскосельском дворце на второе заседание,— писал хорошо информированный директор департамента полиции А. А. Лопухин,— они неожиданно увидели, что их состав пополнен. Для участия в этом заседании прибыли великие князья Владимир, Алексей, Сергей, для того приехавший из Москвы, Александр Михайлович и Михаил Александрович. Было очевидно, что они приглашены вследствие сказавшейся в первом заседании недостаточности для провала проекта Мирского сил одного Победоносцева». Но и на втором совещании, несмотря на возражения Сергея Александровича и Муравьева, была принята редакция указа, предложенная Мирским. Высоко оценивая в своих «Воспоминаниях» указ как средство, которое якобы могло «значительно способствовать к успокоению революционного настроения, разлитого во всех слоях общества», Витте явно лукавил. При встрече в начале декабря с предводителем дворянства Московской губернии князем П. Н. Трубецким между ними произошел такой разговор: «Ну а ваше мнение какое?» — спросил о проекте указа князь. Витте пропустил воздух сквозь зубы и сказал: «В прошлом году цена была бы миллион, а теперь — рубль». Опытный бюрократ чувствовал, что нарастание событий перехлестывает готовность самодержавия идти на уступки даже «благонамеренной» части общества.

14 декабря жена Святополк-Мирского записала в дневнике: «Сегодня появился указ. Мне хотелось плакать, когда я читала. Когда подумаешь, чем это могло быть, досадно до боли. Но что же можно с таким человеком сделать? Всех своих министров в дураках оставил, потихоньку от них меняет то, что сообща решили». Указ Сенату, который, по определению В. И. Ленина, был прямой пощечиной либералам, настаивая на «непременном сохранении незыблемости основных законов империи» (т. е. сохранении самодержавия в его нетронутом виде), обещал «неусыпно заботиться о потребностях страны» и, в частности, отменить сословные ограничения крестьян, обеспечив им дарованное еще Александром II положение «полноправных свободных обывателей». По сути дела, за малым исключением весь указ сводился к обещаниям... прекратить произвол бюрократии в стра-

не и строго соблюдать старые или издать уже ранее обещанные законы!

Таков был ответ Николая II на предложение общеземского съезда 6—9 ноября 1904 г. и освобожденцев. А чтобы усилить свой «высочайший окрик», рядом с указом 12 декабря в тех же номерах газет было помещено «правительственное сообщение». В нем резко критиковались участники «шумных сборищ» и «скопищ». Эти лица, «ослепленные обманчивыми призраками тех благ, которые они ожидают от коренного изменения веками освященных устоев русской государственной жизни», действуют во вред России. Они выражают мнение, «чуждое русскому народу, верному исконным основам существующего государственного строя». Впредь эти лица обязывались «не касаться тех вопросов, на обсуждение которых они не имеют законного полномочия». Тем же, кто не посчитается с предупреждением правительства, грозило привлечение к ответственности «на основании действующих законов». Это была уже не пощечина, а просто пинок жандармского сапога. Даже либерал В. А. Маклаков, очень высоко оценивший указ, правительственное сообщение назвал «изумительным по бестактности». У самодержавия не хватило разума и политического опыта, чтобы хоть немного «подыграть» либералам и попытаться расширить свою социальную опору, сузившуюся для него к началу XX в. до опасных размеров.

В стране, по сути, оставалась возможной только одна альтернатива самодержавию — та, которая не строилась на его «высочайшем» благоразумии и мудрости, которая состояла в насильственном сокрушении самодержавия и создании на его месте республиканского правления. Эту альтернативу выдвигали революционные партии, давно уже провозгласившие лозунг «Долой самодержавие!» и самоотверженно боровшиеся за его осуществление. Однако народ не сразу взялся за оружие. Для этого нужен был такой суровый урок политграмоты, как Кровавое воскресенье 9 января 1905 г.

Еще в самом начале XX в. начальник московской охранки С. В. Зубатов, понимая, что против идей нельзя бороться только одними штыками, убедил своего шефа Плеве в необходимости попытаться внедрить в рабочее движение идеи «полицейского социализма», т. е. при помощи своих сотрудников создать «рабочие организации», выступающие якобы за интересы «рабочего люда». План этот с треском провалился, слишком уж очевидна была

связь зубатовцев с полицией. Тогда в начале 1904 г. решили создать под эгидой попа Георгия Гапона, казненного через несколько лет революционерами, новые рабочие организации. Определенная часть рабочих Петербурга пошла за ним. В ходе банкетной кампании, начатой освобожденцами, у гапоновцев окрепла существовавшая и ранее идея подать царю петицию со своими жалобами и просьбами. Во всех гапоновских обществах Петербурга шло оживленное и горячее обсуждение этой петиции. «Надо и рабочим присоединиться к общему голосу всех сословий России,— считал гапоновец рабочий М. Н. Варышев,— и хотя бы тоже в форме резолюции, но таким способом, чтобы правительству нельзя было «замолчать» эту резолюцию». Обсудив на жарком совещании 28 ноября 1904 г. в квартире Гапона этот вопрос, все его участники (члены гапоновского штаба всех 11 гапоновских отделов) сошлись на одной мысли: «Если рабочим подавать свой голос, то чтобы услышало его не одно правительство, а вся Россия... Умирать — так устроить с музыкой». Пролетариат, в отличие от либералов, адресовал свою петицию не только царю и его министрам, но и всей России, и готов был за свои требования идти на смерть. «Конституционное оживление в обществе», по словам В. И. Ленина, помогло расширению рабочего движения. «Напомним,— писал он спустя много лет после 1905 г.,— что земская кампания и петиции либералов 1904 года были предтечей такой своеобразной и чисто пролетарской «петиции», как 9-е января».

Но если банкетную кампанию либералов самодержавие могло просто игнорировать и не замечать, то заранее объявленную многотысячную уличную демонстрацию рабочих не заметить было нельзя. К ней надо было готовиться, и готовиться по-особенному. 4 января 1905 г. Мирский вновь пришел к царю и в который уже раз попросился в отставку, мотивируя ее тем, что его советы не принимаются во внимание, хотя страна стоит накануне социальных катаклизмов и требуется немедленное принятие каких-то решений. Бездумный «самодержец всея Великия, Белыя и Малыя», не мудрствуя, ответил, что «нужно запретить собираться и говорить». Ошарашенный Мирский возразил: «Как же запретить людям собираться и говорить, тогда нужно всех запереть, объявить осадное положение», на что царь невозмутимо ответил: «Ну что же, может быть, и придется объявить». 6 января 1905 г. Николай II выезжает из столицы, от греха подаль-

ше, в Царское Село, а со следующего дня на перекрестки петербургских улиц, лучами сходящихся к Адмиралтейству, у мостов и рабочих застав по специальной диспозиции выводят войска и 9 января устраивают петербургским рабочим кровавую бойню. За что? Ведь они шли к батюшке-царю с его портретами и иконами, с пением псалмов и «Боже, царя храни». Впереди некоторых колонн шли священники, а перед священниками — полицейские, останавливавшие экипажи и пропускавшие вперед «крестный ход». Николай II ответил на этот вопрос в своем дневнике с предельной откровенностью: «В Петербурге произошли серьезные беспорядки *вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца* (курсив мой.— *К. Ш.)*. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых». Итак, несколько тысяч убитых и раненых только за то, что они хотели дойти до Зимнего дворца! Вот какую альтернативу выбрало самодержавие! Недаром командующий гвардией и войсками Петербургского военного округа дядя царя великий князь Владимир Александрович давно уже настаивал на своем рецепте спасения «больной» России: «Лучшее лекарство от народных бедствий — это повесить сотню бунтовщиков».

Но народ произведенным кровопролитием запугать не удалось. Уже во второй половине дня в Петербурге в разных районах города началось строительство баррикад. Даже главная улица столицы у Казанского собора оказалась перегороженной стащенными отовсюду скамейками. «У нас нет царя!» — заявили еще недавно мирные демонстранты. Первая народная революция началась. В ходе ее решалась судьба двух альтернатив: быть России самодержавной или республиканской.

В Петербурге началась всеобщая забастовка. Свидетельством того, что кризис носил общеимперский, а не локальный характер, стало то, что столица не осталась одинокой. Выступление ее рабочего класса поддержал пролетариат почти всех крупнейших промышленных центров страны, а также и многонациональное крестьянство России. За один январь в стране бастовало около полумиллиона человек. (По официальным неполным данным — 444 тыс.) В январе — феврале 1905 г. власти зарегистрировали 126 крестьянских выступлений. Даже такой заскорузлый и замшелый режим, как самодержавие, был вынужден как-то реагировать на все происходившее в стране. Поскольку одни традиционные меры «тащить

и не пущать» не срабатывали, приходилось начинать маневрировать — революция заставляла!

Царь пошел на уступки, но пошел под давлением силы, неискренне и непоследовательно. 18 февраля 1905 г. страна узнала сразу о трех взаимоисключающих документах. Утром с амвонов всех церквей огласили царский манифест, в котором Николай II грозил решительным искоренением крамолы, призывал к борьбе с внутренним врагом, помышляющим «разрушить государственный строй и вместо него учредить новое управление страной на началах, отечеству нашему не свойственных».

Днем был опубликован указ Сенату противоположного содержания: частным лицам и организациям разрешалось подавать в Совет министров на имя царя предложения об «усовершенствовании государственного благоустройства». Стремление к реформам рассматривалось уже не как смута и «покушение на устои», как провозглашалось в манифесте, а объявлялось «похвальным радением» «об общей пользе и нуждах государственных».

Вечером в тот же день в Царском Селе собрались министры и некоторые члены Государственного совета. Обстановка была гнетущей, сановники говорили о беспорядках и всеобщем недовольстве, о необходимости хоть каких-либо уступок «благомыслящей части общества». «Можно подумать, что вы боитесь революции»,— мрачно буркнул царь. «Государь,— со вздохом ответил новый министр внутренних дел А. Г. Булыгин,— революция уже началась». Он предложил Николаю II подписать заранее подготовленный чиновниками рескрипт (официальное обращение) на имя министра внутренних дел о созыве Особого совещания для выработки условий создания при царе законосовещательного органа из «достойнейших, доверием народа облеченных», избранных от населения людей для предварительной разработки законодательных предложений при «непременном сохранении незыблемости основных законов империи», т. е. самодержавия. На этот раз под давлением революции царь внял просьбам министров и подписал рескрипт, который был ему явно не по душе. Решено было создать законосовещательную, «булыгинскую», как назвали ее впоследствии, думу. «Дай бог,— записал в дневнике царь,— чтобы эта важная мера принесла России пользу и преуспеяние».

Но с историей нельзя играть в прятки. Чтобы избежать социальных катаклизмов, реформы должны проводиться вовремя и последовательно. Действия же самодер-

жавия были запоздалы и противоречивы: указ, манифест и рескрипт во многом противоречили друг другу. Чувствуя, что старые вожжи управления страной вырываются из рук, Николай II метался от одной меры к другой, в душе веря только в силу нагайки и штыка.

Все эти микроскопические уступки конечно же не могли удовлетворить широкие массы народа хотя бы потому, что избирательного права в булыгинскую думу они были лишены. Революция ширилась, захватывая все новые регионы и новые слои народа. Заколебались даже вооруженные силы царизма, о чем, может быть, ярче всего свидетельствовало восстание на броненосце «Потемкин». В ходе революции народ открыл антитезу старой власти — Советы рабочих депутатов. К осени 1905 г. революционное движение вступило в новый этап. Октябрь и декабрь 1905 г. знаменуют высшую точку восходящей линии российской революции. Всеобщая октябрьская политическая стачка охватила 120 городов России. Чисто рабочее средство борьбы — забастовку — стали применять и непролетарские социальные слои: бастовали чиновники и врачи, студенты и гимназисты, мелкие лавочники и аптекари. За первые недели октября 1,5 млн стачечников почти 3 тыс. крупных и мелких промышленных, горных и железнодорожных предприятий поддержало около 500 тыс. представителей демократических слоев города, а в деревне за один октябрь произошло 219 крестьянских выступлений.

Царское правительство растерялось. Первоначальная реакция его была традиционной. Всероссийский диктатор «генерал-майор свиты его величества» Д. Ф. Трепов в октябрьские дни стал действовать соответственно тому, чему он был хорошо обучен и что он только и умел делать,— стрелять. 14 октября появился его знаменитый приказ: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть!»

Дальнейший ход событий насмерть перепугал Николая II и его двор, где царили в эти дни, по свидетельству хорошо информированного С. Ю. Витте, «сплетение трусости, слепоты, коварства и глупости». Отнюдь не случайно в разгар октябрьской стачки царь 11 октября делает дневниковую запись: «Посетили лодку (подводную.— *К. Ш.)* «Ерш», которая уже пятый месяц (с восстания «Потемкина».— *К. Ш.)* торчит против наших окон». Через девять дней он принимает командиров двух немецких миноносцев. Еще через три дня — командиров двух дру-

гих. Как видим, были приняты конкретные меры для того, чтобы царь с семьей в случае необходимости мог выехать из России. Не хватило небольшого напора народа, чтобы «самодержец всея Руси» удрал за границу к своим кузенам — германскому императору Вильгельму II или английскому королю Эдуарду VII. Жаль, что этого все же не произошло. Так было бы лучше и для него, и для его детей, а главное — для России.

Но сил у народа для такого счастливого исхода чуть-чуть не хватило. Наступило то равновесие, которое В. И. Ленин охарактеризовал такими словами: «Самодержавие уже не в силах открыто выступить против революции. Революция еще не в силах нанести решительного удара врагу. Это колебание почти уравновешенных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессий к уступкам...»

Репрессии не помогали. Надо было переходить к уступкам. Царь начал бесконечные совещания со своими советниками. Самый опытный из них, С. Ю. Витте, предложил на выбор два средства: «1) Облечь неограниченной диктаторской властью доверенное лицо, дабы энергично и бесповоротно в самом корне подавить всякий признак проявления какого-либо противодействия правительству — хотя бы ценою массового пролития крови...» или «2) Перейти на почву уступок общественному мнению и предначертать будущему кабинету указания вступить на путь конституционный».

Николаю II был по душе, конечно, первый вариант. Возник вопрос: кого же назначить диктатором? Д. Ф. Трепов «диктаторствовал» уже с 11 января 1905 г. и надежд не оправдал. Выбор пал на дядю царя, великого князя Николая Николаевича. «Сказать, чтобы он был умалишенный,— нельзя, чтобы он был ненормальный в обыкновенном смысле этого слова,— тоже нельзя, но сказать, чтобы он был здрав в уме,— тоже нельзя; он был тронут...» — такую убийственную характеристику дал кандидату в диктаторы отлично знавший его С. Ю. Витте.

Однако даже у этого «тронутого» человека все же хватило здравого смысла в условиях всероссийской стачки отказаться от сделанного ему предложения. «...Великий князь вынимает из кармана револьвер,— вспоминал министр двора барон В. Б. Фредерикс,— и говорит: ты видишь этот револьвер, вот я сейчас пойду к государю и буду умолять его подписать манифест и программу

графа Витте; или он подпишет, или я у него же пущу себе пулю в лоб из этого револьвера...» Царю ничего другого не оставалось, как действовать в соответствии со вторым вариантом, предложенным Витте.

Что же он рекомендовал? Доклад его был ярким примером византийского лукавства. Почти каждое утверждение в нем сопровождалось оговорками, целью которых было оставить лазейку для произвола и всесилия чиновной бюрократии. Не все современники поняли это сразу, но ход последующих событий подтвердил, что дело обстояло именно так. Витте предлагал, чтобы в России была введена законодательная дума, однако правительство должно было по-прежнему быть ответственным только перед царем, назначаться и смещаться только им. Дума могла сколько угодно создавать «законы» (тем более что они утверждались Государственным советом, а затем и царем), а реальная власть оставалась по-прежнему у самодержавия.

Надо провозгласить политические свободы, но осуществлять их в усеченном виде, ибо «сразу подготовить страну со 135-миллионным разнородным населением и обширнейшей администрацией, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка не по силам никакому правительству». Поэтому Витте предлагал не уничтожение различных чрезвычайных мер управления страной (в виде военно-полевых судов, прозванных в народе «скорострельными», или карательных экспедиций, свирепствовавших в России), а всего-навсего платоническое «стремление к устранению исключительных законоположений», не полное прекращение репрессий и тем более не амнистию всех политических заключенных, а лишь «устранение репрессивных мер против действий, *явно не угрожающих* (курсив мой.— *К. Ш.)* обществу и государству...».

В довершение всего хитрый Витте советовал не издавать манифест от имени царя, а опубликовать этот документ за подписью председателя впервые создаваемого в России объединенного Совета министров, которым он должен был быть назначен (до этого каждый министр подчинялся непосредственно царю). Этим Витте хотел убить сразу двух зайцев: во-первых, поднять свой авторитет как главы будущего Совета министров и, во-вторых (пожалуй, это было самым главным), не связывать рук царю его обещаниями и дать возможность после «успокоения» страны своей «верховной» властью отме-

нить любую из мер, объявленных правительством, но не утвержденных царем.

Однако подозрительный и близорукий Николай II увидел в этом предложении только «первого зайца». Он 17 октября 1905 г. опубликовал от своего имени этот документ в виде манифеста, которому явно не сочувствовал, надеясь, как всегда он поступал в таких случаях, изменить в будущем свое царское слово столько раз, сколько ему этого захочется. «Да,— писал царь своему любимцу Д. Ф. Трепову,— России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное». Сколько раз в последующем и он, и его министры утверждали, что «в России, слава богу, нет конституции», и сосчитать невозможно. Однако в октябре 1905 г. царь считал, что «дает» конституцию, хотя ни ее, ни обещанных свобод соблюдать и не думал. Узнав, что на другой день после подписания манифеста, 18 октября 1905 г., полиция и войска по-прежнему расстреливают демонстрации в разных местах Петербурга, Николай II наложил на этом докладе резолюцию, в которой требовал объявить его «горячую благодарность войскам» за их «беззаветно верную службу при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах. То же самое чинам полиции и жандармского корпуса».

Опубликование манифеста 17 октября 1905 г. сопровождалось провоцированием выступлений реакционных элементов, черни, вдохновляемых царской администрацией. Более чем по сотне городов 36 губерний России прокатилась мутная волна черносотенных погромов. В течение первого месяца «конституционных свобод» от рук черносотенцев пало более 4 тыс. человек и до 10 тыс. было искалечено. Николай II открыто поощрял погромщиков, оберегая их от суда и любых форм преследования. «Объединяйтесь, истинно русские люди!», «Искренне благодарю вас!», «Буду миловать преданных!», «Вы — моя опора и надежда!» — подобные резолюции, наложенные Николаем II на сообщениях о погромах и погромщиках, публиковались в прессе, и их знала вся страна. По признанию самого главы правительства С. Ю. Витте, правящим кругам России пришлось прибегнуть к помощи «героев вонючего рынка», «хулиганов самого низкого разряда», преследующих в «громадном большинстве случаев

цели эгоистические, самые низкие, желудочные и карманные. Это типы лабазников и убийц из-за угла». Так, и только так понимал Николай II введение «конституционных порядков» в стране! Большего отсутствия элементарной политической дальновидности трудно себе представить.

Свирепствовало и официальное правительство, возглавляемое С. Ю. Витте. Царь доволен председателем Совета министров, но втайне мечтает о его скорейшей смене, так как уж слишком превосходит его Витте в уме, дальновидности и твердости характера.

Серия вооруженных восстаний в декабре 1905 г., прокатившихся по стране, заставила царизм придерживаться того нелепого политического строя — «конституционного самодержавия»,— который сложился после провозглашения манифеста 17 октября. В стране стали образовываться легальные политические партии, принявшие участие в выборной борьбе в I Государственную думу. Победа на выборах осталась за леволиберальной конституционно-демократической партией (кадетами), которая вместе с примыкавшими к ней группировками получила большинство мест в российском «парламенте». Либералы решили, что для обеспечения России нормального конституционного развития осталось совсем немного. «Власть исполнительная да подчинится власти законодательной!» — заявил в I Государственной думе один из лидеров кадетской партии, В. Д. Набоков. Вот теперь-то и обнаружилась хитрость предусмотрительного Витте: правительство назначалось царем, зависело только от него, министры не ставили Думу ни в грош и демонстративно подчеркивали это. Разногласия Думы и правительства обнаружились резче всего в аграрном вопросе — одном из главных для России того времени.

Каждый из трех лагерей, боровшихся в то время на общественно-политической сцене страны, имел свой рецепт разрешения этой проблемы. Представители революционного лагеря были уверены, что это можно сделать только насильственным уничтожением помещичьего землевладения, хотя о том, как поступить с землей впоследствии, имели разное мнение: большевики считали необходимым провести национализацию земли, т. е. передать ее в собственность будущей республики, меньшевики настаивали на муниципализации, в результате которой будущий собственник земли — муниципалитеты (органы местного самоуправления) — передавал бы ее в арендное

пользование крестьянам, а эсеры и близкие к ним трудовики предлагали установить и дать мужику так называемую «трудовую норму», т. е. ту норму, которую может обработать крестьянин своим трудом без привлечения наемной рабочей силы.

Кадеты выдвинули другую программу, которую надеялись осуществить реформистским путем, без резких социальных катаклизмов. Они предлагали принудительно выкупить по «справедливой» (не рыночной) цене те помещичьи земли, которые сдавались в аренду, и вместе с государственными, монастырскими и другими землями продать их в рассрочку через банк крестьянам.

В ходе революции в ноябре 1906 г. правительство выдвинуло и провело свою программу, суть которой сводилась, в отличие от всех других программ, к безусловному сохранению помещичьего землевладения. В основных чертах программа эта повторяла «триаду», еще накануне революции 1905—1907 гг. выдвигавшуюся в совещаниях С. Ю. Витте: слом крестьянской общины, переселение на свободные земли в Сибири, на Алтае и т. д. «излишков» крестьянского населения и создание специального банка, который финансировал бы эти мероприятия. Это была ставка на «сильного» мужика, социальную опору «конституционного самодержавия», поскольку прежняя уверенность царизма, что таковой могут быть все остальные слои крестьянства, в ходе революции не оправдалась.

Невольно возникает вопрос: какая из трех предложенных альтернатив могла быть реально осуществлена? Ответ один — любая из трех! Все зависело от того, как сложатся конкретные исторические обстоятельства, за какой из программ будет стоять сила, способная добиться претворения в жизнь именно ее.

Принятая в ходе первой революции реформа получила название «столыпинской», хотя практически она почти ничего не добавляла к тому проекту, который отстаивал в специальных совещаниях еще до начала революции 1905—1907 гг. С. Ю. Витте и которая за несколько лет до ноября 1906 г. была признана «несвоевременной».

Кто же был этот молодой и энергичный политический деятель, с именем которого связывается аграрная реформа? П. А. Столыпин происходил из старой дворянской фамилии, давшей России немало славных имен. Род Столыпиных был связан с М. Ю. Лермонтовым, лицейским другом А. С. Пушкина дипломатом и канцлером А. М.

Горчаковым. Отец Столыпина, позже — дворцовый комендант Кремля — был другом Л. Н. Толстого и вместе с ним участвовал в обороне Севастополя, жена была правнучкой А. В. Суворова. Да и сам Петр Аркадьевич обладал рядом личных достоинств. Вопреки дворянской традиции он не начал службу гвардейским офицером, не окончил престижный лицей правоведения, а поступил на естественный факультет Петербургского университета, где учился очень прилежно и проявил столь недюжинные способности, что на экзамене профессор Д. И. Менделеев, восхищенный блестящим ответом, вступил с ним в научный диспут и предложил остаться для подготовки к профессорскому званию. Но планы Петра Аркадьевича были иными. Дворянство Ковенской губернии, в которой Столыпины владели крупным имением, выбрало его своим уездным, а затем и губернским предводителем. Вскоре не без протекции родни он перешел на службу в Министерство внутренних дел, стал гродненским, потом саратовским губернатором. На этом посту он проявил не только твердость и решительность в борьбе с революцией, но и бесспорное личное мужество. В феврале 1905 г. губернатор Столыпин приехал вместе с казаками усмирять восставших крестьян одной из деревень. Вот как описывает владелец этой деревни все виденное им: «Когда он (Столыпин.— *К. Ш.)* стал им грозить, они (крестьяне.— *К. Ш.)* тоже отвечали угрозами по отношению к полиции и казакам. Тогда он один вышел к ним и сказал: «Убейте меня!» Тогда они кинулись на колени».

Самый молодой, 44-летний губернатор России в 1906 г. становится министром внутренних дел, а затем и председателем Совета министров, на посту которого провозглашает в Думе: «Вам (левым.— *К. Ш.)* нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия», а затем определяет и путь, которым он придет к «великой России»: «Сначала — успокоение, а потом — реформы».

Правящие круги, и прежде всего Николай II, считали Столыпина тем сильным человеком, который сможет «успокоить» страну. Столыпин энергично взялся за борьбу с революцией. На взрыв эсерами его дачи на Аптекарском острове он ответил введением военно-полевых судов, действовавших по «укороченной» программе и отправлявших на виселицу по малейшему подозрению в причастности к террору. Появились специальные «столыпинские вагоны», перевозившие в Сибирь арестантов, и «столыпинские галстуки»: ими стали называть намыленные ве-

ревки, в которых корчились повешенные. Не брезговал министр внутренних дел и провокациями: чтобы разогнать II Думу и издать новый избирательный закон, он прибег к помощи охранки, агенты которой сфабриковали документы о якобы готовящемся социал-демократической фракцией Думы военном перевороте.

Новая, III Дума могла провести как самые реакционные законы правоцентристским большинством, так и некоторые совершенно необходимые, но весьма умеренные реформы большинством левоцентристским. Однако лавировать Столыпину не дали. Как только он установил в стране кладбищенское «успокоение» и стал настаивать на реализации второй половины своей формулы, ему указали на дверь. Как политический деятель он умер. Еще до физической смерти от пули провокатора Богрова, смертельно ранившего Столыпина 1 сентября 1911 г., Николай II, не терпевший около себя людей с независимым характером, уже решил сместить его с поста председателя Совета министров. Теперь русского самодержца стали окружать или выутюженные чиновники вроде сменившего Столыпина на посту премьера В. Н. Коковцова, или полнейшие бездарности.

После установленного Столыпиным кратковременного «покоя» с 1910 г. в стране начался (сначала медленный) новый революционный подъем. В ответ на Ленский расстрел (202 убитых и 170 раненых мужчин, женщин и детей) рабочий класс ответил необычайно резким взрывом политической активности. Если в январе 1905 г., по официальным данным фабричной инспекции, произошло 1250 политических стачек с 233 411 участниками, то в апреле 1912 г. была проведена 591 политическая стачка с 231 459 забастовщиками.

В 1913 г. только 1 мая и только в Петербурге в однодневной стачке участвовали 250 тыс. рабочих. Страна явно шла к новой революции.

О приближении ее свидетельствовал и усилившийся кризис верхов. Не только кадеты, но даже октябристы, в годы реакции безоговорочно поддерживавшие политику Столыпина, заговорили другим тоном. «Иссякло государственное творчество,— высказался осенью 1913 г. на конференции А. И. Гучков.— Глубокий паралич сковал правительственную власть... Никогда авторитет правительственной власти не падал так низко». К чему же приведет власть, упорно не желающая считаться с требованиями времени? Ответ лидера октябристов был пророчес-

ким: «К неизбежной тяжелой катастрофе. На таком прогнозе сходятся все, люди самых противоположных политических верований, самых разнообразных общественных групп сходятся с редким, небывалым единодушием».

Как видим, дилемма: революция или реформы — опять встала перед российским обществом. Однако Гучков был далеко не прав, когда считал, что на «этом прогнозе сходятся все». «Власть имущие» думали иначе. Как только окончательно была задушена первая революция и упакованные было в октябре 1905 г. чемоданы открыты, страх прошел и появилась твердая уверенность, что и новый штурм революции можно будет отразить и даже более того — вернуться к прежним милым сердцу порядкам, существовавшим до ненавистного манифеста от 17 октября 1905 г. В ответ на запрос в Думе о Ленском расстреле министр внутренних дел Макаров цинично ответил: «Так было и так будет впредь!» Вскоре началось наступление правительства на оппозиционную прессу и законные права IV Думы. «Новое правительство (во главе его встал известный реакционер И. Л. Горемыкин.— *К. Ш.)* перешло в прямое наступление на законодательные права Думы, и наша роль,— вспоминал позже лидер кадетов П. Н. Милюков,— отчасти уже вместе с октябристами, заключалась здесь в защите этих прав».

В середине октября 1914 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков предложил Совету министров испросить у царя разрешения ввести чрезвычайное положение в столице и распустить Государственную думу. По его предложению Николаю II, находившемуся в это время в Ливадии, были посланы на подпись два указа о введении этих мер. Даты объявления указов должны были быть испрошены у царя по телефону.

Царь не только с радостью подписал указы, но и разразился редким в его жизни длинным и восторженным письмом. Знаменательно, что царь одобрил эти меры почти день в день с манифестом 17 октября 1905 г. Посылая подписанные указы 18 октября 1913 г., Николай писал Н. Маклакову: «Получив Ваше письмо... я был приятно поражен его содержанием. С такими мыслями, которые Вы желаете высказать в Государственной думе, я вполне согласен — это именно то, что им давно следовало слышать от имени моего правительства... Если же, паче чаяния, как Вы пишете, поднимется буря и боевое настроение перекинется за стены Таврического дворца, тогда нужно будет привести предлагаемые Вами меры

в исполнение — роспуск Думы и объявление Питера и Москвы на положении чрезвычайной охраны...»

Однако правительство оказалось разумнее своего государя и не поддержало план Маклакова. Все до удивления напоминало канун 1905—1907 гг.: тот же близорукий, не желающий идти ни на какие уступки самодержец, негодующая либеральная общественность и гроздья гнева, копившиеся в народных массах и готовые выплеснуться в вулканическом извержении. Но было и одно весьма существенное отличие: теперь даже самые отсталые рабочие не собирались идти к Зимнему дворцу просить «батюшку-царя» о свободах и улучшении их экономического положения. За семь предвоенных месяцев 1914 г., по неполным данным фабричной инспекции, в стране бастовало около 1,5 млн человек. Характеризуя сложившуюся в 1914 г. в стране обстановку, даже черносотенец В. М. Пуришкевич, отнюдь не склонный переоценивать размах революционного движения и недооценивать силу самодержавного строя, вынужден был заявить с трибуны Думы, что события напоминают «преддверие... 1905 года» и что «правительственная власть бессильна».

Но 1 августа 1914 г. грянула мировая война. Стучавшаяся в дверь революция остановилась у порога. В августе число забастовок сократилось по сравнению с предыдущим месяцем в 40, а количество стачечников — более чем в 13 раз. Все фракции в Думе, захлебываясь от патриотического восторга, призывали к гражданскому миру. Исключение составили только социал-демократы. Они утверждали, что не может быть единения с властью, «когда рабочие организации разгромлены, когда тюрьмы переполнены борцами за свободу и счастье народа и когда мы только что пережили расстрел петербургских рабочих войсками и полицией. Не может быть единения с властью и тех многочисленных народностей России, которые подвергаются национальным преследованиям и живут в атмосфере насилия и угнетения».

Однако гражданский мир, к которому призывали все партии, кроме большевиков, продержался недолго. Кратковременное наступление царских войск в Восточной Пруссии и Галиции было отбито противником, а в мае 1915 г. немецкие войска прорвали русский фронт и покатились на восток. Неизбежное во всякой войне ухудшение экономического положения широких народных масс вывело на улицу голодных с требованиями улучшить их материальное положение. Ответ царизма был традици-

онен: в Костроме, разгоняя забастовщиков, войска открыли огонь, убили 12 человек и ранили 45. В августе в Иваново-Вознесенске офицеры вновь скомандовали: «Пли!» Итог — уже 30 убитых и умерших от ран и 53 раненых. Прокатившиеся по стране забастовки протеста против этих расстрелов царизма вызвали массовые репрессии. Только в одну ночь на 30 августа 1915 г. на одном Путиловском заводе было арестовано 30 человек, среди них 23 большевика (в том числе 5 членов ЦК РСДРП), 6 эсеров и 1 меньшевик.

Требуя реформ, заволновалась и либеральная общественность. В августе 1915 г., стремясь подменить «революцию резолюцией», буржуазно-помещичьи фракции IV Думы и Государственного совета создали Прогрессивный блок, который имел целью «заставить страну молчать, пока говорит Дума». Дайте хоть какие-нибудь реформы — требовали члены блока. «Нельзя же в самом деле требовать от страны бесконечных жертв и в то же время ни на грош с ней не считаться,— утверждал один из создателей блока, В. В. Шульгин.— Можно не считаться, когда побеждаешь: победителей не судят. Но побежденных судят... За поражения надо платить. Чем? Той валютой, которая принимается в уплату. Надо расплачиваться уступкой власти... *хотя бы кажущейся, хотя бы временной»* (курсив мой.— *К. Ш.)*.

Но время для проведения реформ уже было безнадежно упущено. Оставалось одно испытанное средство — репрессии. В ответ на образование Прогрессивного блока сессия Государственной думы была досрочно, 3 сентября 1915 г., распущена.

А что же творилось в эти дни в ближайшем окружении российского самодержца? Даже «верхи» империи, до великих князей включительно, осуждали придворную камарилью, которую В. И. Ленин назвал шайкой «с чудовищным Распутиным во главе». Этот проходимец приобрел колоссальное влияние на царицу, возомнившую, что божественное провидение послало спасение монархии в лице Гришки Распутина. «Я всецело верю в мудрость нашего Друга (так, с большой буквы, называла в письмах к мужу царица Распутина.— *К. Ш.)*, ниспосланную ему богом, чтобы советовать ему то, что нужно тебе и нашей стране»,— пишет Николаю II Александра Федоровна 4 сентября 1916 г. «Слушай его — он желает тебе лишь добра, а Бог дал ему больше представления, мудрости и проницательности, чем *всем* военным вместе»,— вновь требует она через три дня.

Чем безнадежнее становилось положение самодержавия, чем глубже пропасть между ним и страною, тем более крутые меры предлагает главная советчица царя. «Россия любит кнут!» — утверждает она в середине декабря 1916 г. «Мое солнышко, согни их в бараний рог!» «Пичужка моя, не давай никому из них пощады!» И мечтательно добавляет в разных письмах: «Как бы я хотела, чтобы Родзянко (председатель IV Думы.— *К. Ш.)* повесили,— ужасный человек и такой нахал» (17 сентября 1916 г.). «Я бы сослала Львова (председателя созданного в годы войны земско-городского союза, работавшего на «оборону страны».— *К. Ш.)* в Сибирь... отняла бы чин у Самарина (председателя Святейшего Синода, врага Г. Распутина.— *К. Ш.)*... Милюкова (лидера партии кадетов.— *К. Ш.)*, Гучкова (руководителя партии октябристов.— *К. Ш.)* и Поливанова (бывшего военного министра.— *К. Ш.)* тоже в Сибирь...» «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом — сокруши их всех» (14 сентября 1916 г.). Вот какой предлагается арсенал управления великой державой.

Но чем далее отстранялись реформы и чем скорее приближалась революция, тем меры эти были все менее эффективны, а к концу 1916 г. перестали действовать совсем. В это время, по сведениям ставки, с фронта дезертировало более 200 тыс. солдат, а общее число дезертиров в стране, по подсчетам председателя Думы М. В. Родзянко, составляло 1,5 млн человек. Но дело было не только в нежелании народа воевать. Хуже для царизма было то, что вооруженный народ — армия — превратился в потенциальную угрозу политическому строю, существовавшему в России. Хорошо знавший положение дел в армии командующий Юго-Западным фронтом генерал А. А. Брусилов вспоминал: «К февралю 1917 г. вся армия — на одном фронте больше, на другом — меньше — была подготовлена к революции». Вот почему на вопрос Николая II, даст ли командующий Северным фронтом приказ стрелять в рабочих Питера, если они выйдут на улицы, генерал ответил решительным «нет!». «Почему?» — спросил удивленный царь, не привыкший слышать подобное. «Потому что солдаты откажутся стрелять»,— заявил командующий, лучше знавший настроение армии. Без особой натяжки он мог бы сказать и откровеннее: потому что солдаты присоединятся к рабочим.

Дни самодержавия были сочтены. В течение десятиле-

тий отрицая реформы, оно оставило только второй из возможных путей исторического прогресса — путь революции. Теперь все зависело лишь от одного: когда выйдет на улицу рабочий класс, над организацией борьбы которого трудились революционные партии, разнившиеся по своим программам и тактике, но единые в лозунге: «Долой самодержавие! Да здравствует революция!» Не оставаясь никогда «на нуле», рабочее движение в годы войны развивалось волнообразно, причем каждая из последующих волн была грознее и выше предыдущей. В августе 1916 г., по официальным данным (они учитывали не все отрасли народного хозяйства), произошло 107 забастовок с 53 тыс. участников; в октябре — 202 со 187 тыс., в январе 1917 г.— уже 400 с 270 тыс. До 20 февраля 1917 г. всего лишь по 18 губерниям (из 50) насчитали 158 стачек с 203 тыс. забастовщиков. Две трети из них выдвинули политические требования: «Долой войну! Долой самодержавие!»

Уже с конца 1916 г. Россия напоминала вулкан накануне извержения. Почти все — от политических деятелей разных направлений до официальных властей,— кто с надеждой, кто со страхом, ждали начала революции, но, когда это случится, никто не знал.

С 14 февраля в Петрограде забастовки сменялись демонстрациями, демонстрации — митингами. «Стихийные взрывы при нарастании революции неизбежны»,— считал В. И. Ленин. Именно таким стихийным взрывом и стал Международный женский день, отмечавшийся в России 23 февраля (по старому стилю). 128 тыс. рабочих и работниц вышли на демонстрацию. «Хлеба!», «Долой войну!», «Верните наших мужей!» — было написано на красных полотнищах. На следующий день бастовало уже 214 тыс. рабочих 224 заводов и фабрик. «Долой царя!», «Долой войну!» — вот преобладающие лозунги в этот день. 25 февраля забастовка стала всеобщей. В ней приняло участие 305 тыс. рабочих. В этот же день произошли первые случаи братания войск с восставшим народом и переход на его сторону отдельных воинских частей. 27 февраля забастовка переросла в вооруженное восстание. 385 тыс. забастовщиков, соединившись с солдатами Петроградского гарнизона, захватили Арсенал и Главное артиллерийское управление, вооружились, освободили из тюрем заключенных, овладели практически всем городом. К концу дня командующий гарнизоном столицы генерал Хабалов заперся в здании Адмиралтейства. Но

уже к утру 1 марта и последние защитники самодержавия «испарились». «Войска постепенно так и разошлись...— признавался позднее Хабалов.— Просто разошлись постепенно, оставив орудия».

Столица России не осталась без поддержки страны. Революционное движение распространялось от Петрограда, как волны: быстро, грозно и неудержимо. Все попытки залить кровью восставших улицы и площади городов России оказались безуспешными: железнодорожники остановили паровозы, солдаты обернули оружие против опостылевшей самодержавной власти.

2 марта 1917 г. начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев передал своему шефу — царю, назначившему летом 1915 г. самого себя главнокомандующим,— телеграммы всех командующих фронтами. Они советовали самодержцу «во имя спасения родины» отречься от престола. Николай II отрекся. Бывший царь написал отречение карандашом на клочке бумаги. «Отрекся — словно сдал эскадрон!» — писал А. А. Блок. «И этот жалкий призрак царя даже акта своего отречения не сумел по-человечески подписать чернилами, а просто карандашом, как иные пишут записку или список грязного белья. Какие презренные люди! И они управляли судьбами великой империи, великого народа в течение долгих, долгих лет»,— писал московский городской голова Вишняков.

В действительности Николай II, как всегда, вел, как он сам считал, «тонкую» и «хитрую» политику с целью обмануть всех и вся. Его главная советчица в своих письмах простодушно вскрыла эту неуклюжую попытку обмануть ход событий. Тебя, писала она в день отречения, будут вынуждать подписать «какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-нибудь ужас в этом роде». «Если тебя принудят к уступкам, то ты *ни в коем случае* не обязан их исполнять, потому что они будут добыты недостойным способом». А затем она вновь добавляет: подписывай все, что угодно, любую бумажку, это совсем не страшно, ибо «такое обещание не будет иметь никакой силы, когда власть *снова будет в твоих руках».*

До последнего дня царствования Николай II играл в прятки с историей.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА:

ЛЮДИ, ИДЕИ, РЕШЕНИЯ

Заведующая редакцией *Л. С. Макарова*
Редактор *Т. Б. Рябикова*
Младший редактор *Т. А. Ходакова*
Художник *А. Л. Чириков*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Е. Ю. Куликова*

ИБ № 9088

Сдано в набор 28.02.91. Подписано в печать 28.06.91. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 21,27. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 1715. Цена 4 руб.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА: люди, идеи, решения